

ЭТНОГРАФИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XVIII–XX вв. И СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Материалы региональной научно-практической конференции
(г. Куйбышев, 10 декабря 2019 г.)

Новосибирск 2022

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
Куйбышевский филиал НГПУ
МУЗЕЙНЫЙ КОМПЛЕКС г. КУЙБЫШЕВА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

**ЭТНОГРАФИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XVIII–XX вв.
И СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ**

**Материалы региональной научно-практической конференции
(г. Куйбышев, 10 декабря 2019 г.)**

УДК 39+94
ББК 63.51
Э916

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор:

И. Н. Шульгина

Научные редакторы:

д-р ист. наук, проф. *О. Н. Катионов*,

канд. ист. наук *А. А. Бурматов*,

канд. филол. наук *Е. А. Завершинская*

Члены редколлегии:

И. Н. Гайер, О. В. Карагодина, В. Н. Максимцов

Э916 **Этнография** Западной Сибири XVIII–XX вв. и современные этнокультурные процессы : материалы региональной научно-практической конференции (г. Куйбышев, 10 декабря 2019 г.). – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2022. – 373 с. – Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-00104-741-4

В сборник включены статьи, подготовленные по итогам региональной научно-практической конференции «Этнография Западной Сибири XVIII–XX вв. и современные этнокультурные процессы» ее участниками. В работе конференции приняли участие историки, археологи, этнографы, специалисты музейного, архивного и библиотечного дела, краеведы и преподаватели

Издание адресовано специалистам-исследователям в области истории и этнографии, преподавателям гуманитарных факультетов вузов, музейным специалистам и всем интересующимся проблемами в области основных научных направлений конференции.

УДК 39+94
ББК 63.51

ISBN 978-5-00104-741-4

© Оформление ФГБОУ ВО «НГПУ»

РЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНО – ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭТНОГРАФИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XVIII–XX ВВ. И СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ»

В 2022 г. город Куйбышев Новосибирской области (в прошлом уездный город Каинск Тобольского наместничества, позднее Томской губернии) отмечает 300-летие. Юбилейный год будет наполнен яркими культурными событиями и мероприятиями, проектами в сфере благоустройства, градостроительства и социальной сферы. Эта дата имеет весомое значение не только для нашего города, но и рассматривается как событие регионального уровня в виду того, что это история возникновения и развития одного из русских поселений в эпоху присоединения и хозяйственного освоения территории от Урала до Тихого океана.

В рамках работы по подготовке юбилея Куйбышева (Каинска) Музейный комплекс г. Куйбышева Новосибирской области в союзе с Институтом истории, гуманитарного и социального образования ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» и Куйбышевским филиалом ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» провел 10 декабря 2019 г. региональную научно-практическую конференцию «Этнография Западной Сибири XVIII – XX вв. и современные этнокультурные процессы». Проведение данной конференции является еще и реализацией одного из положений резолюции, принятой по итогам первой конференции «Каинск (Куйбышев): исторический опыт социально-экономического и культурного развития» (5–6 декабря 1997г.), а именно – организации Куйбышевским краеведческим музеем (ныне муниципальное казенное учреждение культуры города Куйбышева Куйбышевского района Новосибирской области «Музейный комплекс») совместно с научно-исследовательскими учреждениями и учебными заведениями высшего образования региона научно-практического мероприятия, посвященного тематическим вопросам истории города Каинска – Куйбышева и региона.

В ходе работы конференции специалистами были рассмотрены вопросы региональной (Западной Сибири) этнографии, археологии, истории и краеведения. Исследование данной тематики – реальная необходимость, позволяющая на новом уровне оценить многие существующие сегодня явления общественной жизни.

Участники конференции особо отметили, что применяемый в исследованиях и реализуемый на практике комплексный подход к изучению и освоению традиционной народной культуры, консолидация представителей разных научных направлений со специалистами-практиками и образовательными учреждениями различного уровня обеспечивают полноценное и адекватное представление о самобытной народной культуре населения Западной Сибири, в т.ч. Куйбышевского района Новосибирской области и уделяют особое внимание раскрытию воспитательного и образовательного потенциала традиционной народной культуры региона как наиболее перспективного направления с точки зрения социальной эффективности. Краеведение выполняет важную роль в формировании патриотизма, воспитании подрастающего поколения, пропаганде достижений современной науки и позволяет исследовать причины современных явлений и событий, объективно оценить исторические корни современных процессов. Научная значимость конференции заключается в использовании ее материалов в практической деятельности музеев, библиотек и др. учреждений по восстановлению традиций народной культуры и архивных материалов по фольклору и этнографии, что способствует последовательному и системному раскрытию культурного потенциала региона.

В сборник включены статьи, подготовленные по итогам региональной научно-практической конференции «Этнография Западной Сибири XVIII – XX вв. и современные этнокультурные процессы» ее участниками. В работе конференции приняли участие историки, археологи, этнографы, специалисты музейного, архивного и библиотечного дела, краеведы и преподаватели из гг. Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Омск, Барнаул, Кемерово, Тобольск, Тюмень, Пенза, Рузаевка Республики Мордовия, городов и населенных пунктов Новосибирской области: г. Куйбышев, г. Барабинск, г. Купино, Чаны, Венгерово, Сузун, Бергуль, Болотное, Чулым.

Издание адресовано специалистам-исследователям в области истории и этнографии, преподавателям гуманитарных факультетов вузов, музейным специалистам и всем интересующимся проблемами в области основных научных направлений конференции.

От Оргкомитета конференции – *И. Н. Гайер*,
начальник научно-просветительного отдела музея

ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XVIII–XX ВВ.

УДК 94 (47).083

Шиловский М.В.

доктор исторических наук, профессор

ФГБУН Институт истории СО РАН

ФГБОУ ВПО Новосибирский государственный университет

(г. Новосибирск, Россия)

КОНФЛИКТЫ МЕЖДУ СТАРОЖИЛАМИ И НОВОСЕЛАМИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. Интенсивное переселение в Сибирь и землеустройство в рассматриваемое время способствовали эскалации противостояния между старожилами и переселенцами. Споры и конфликты между ними сопровождались жалобами и насильственными действиями. Новоселы, не сумевшие причислиться к крестьянским обществам и адаптироваться в них, пополнили группу сельских пролетариев, принявших активное участие в социальном катаклизме 1919 – 1920 гг. Районы массового размещения переселенцев стали центрами политической нестабильности в течение первых двух десятилетий XX в., в том числе партизанско-повстанческого движения 1918–1920 гг.

Ключевые слова: старожилы, переселенцы, конфликт, противостояние, надел, сельское общество.

Массовый наплыв мигрантов после разрешения переселения на земли Кабинета в 1865 г. и принятия «Правил о переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли» 1889 г. привел к возникновению конфликтов их со старожилами. Л. М. Горюшкин квалифицировал эти столкновения как проявление второй социальной войны против кулачества¹. По его мнению, «с притоком переселенцев растет чересполосица крестьянских наделов и дальнотемелье, усиливается неравномерность в обеспечении земель у крестьян различных категорий и социальных групп. В 1917 г. в целом по Сибири на мужскую душу приходилось земли: у казаков – 18 дес., старожилов – около 11 дес. и переселенцев –

¹ Горюшкин Л. И. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX. Новосибирск: «Наука», 1967, с. 333.

6,7 дес.»². Но в целом из 1809 зафиксированных крестьянских протестных акций с июня 1907 по июль 1914 гг. на долю столкновений переселенцев и старожилов пришлось всего 78 случаев (4 %) ³. Другое дело, что в самой населенной Томской губ. «группу сельских пролетариев составляли разорившиеся старожилы, неприписанные переселенцы и недавно прибывшие, ссыльнопоселенцы»⁴.

Взаимоотношения между мигрантами и старожилами по мере увеличения численности первых и обустройства в земельных наделах селений постепенно обострялись. В подтверждение привожу приговор сельского схода села Чистюньского Бийского округа от 5 июня 1893 г., на котором собравшиеся «имели суждение относительно проживающих у нас причисленных Российских переселенцев, прибывших из разных Европейских губерний назад тому более десяти лет окоренившихся домашней живностью, первоначально занимающихся в основном количестве хлебопашеством, скотским выпасом и дроворубством в наших дачах наравне с нами; но так как переселенцы эти живут у нас весьма разорно, не платят добровольно в пользу общества денежную накладку, а хлебопахотные земли нашей дачи положительно издерживают: так как в будущем нам пахать земель и совсем не будет. Вследствие чего мы единогласно постановили приговором этим покорнейше просить Высшее Начальство о выдворении из нашего общества не причислившихся переселенцев на свободные, уже обмежованные участки, чтобы они оставили самовольно занятые ими наши земли. В том и подписуемся: Общественники села Чистюньского в числе 75 человек»⁵.

В аналогичной ситуации оказалась группа переселенцев, самовольно поселившаяся в 1893 г. на землях, «принадлежащих наделу деревни Гоноховой Касмалинской волости [Барнаульский округ]. Первоначально не было обращено внимания на возникновение целого поселка в 200 с лишком дворов в означенном месте, – отмечал местный чиновник, – переселенцы успели обзавестись домами, хозяйствами, посевами, и только после того, как начали возникать между ними и соседними старожилами земельные споры, сопровождаемые различными угрозами и насилиями» их насильственно со сносом построек переселили в другое место в 10 верстах от места первоначального поселения⁶. В Тар-

² Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск: «Наука», 1976, с. 305.

³ Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири . 1907-1914 гг. Хроника и историография. Новосибирск: Наука, 1986, с. 205.

⁴ Горюшкин Л. М. Аграрные отношения..., с. 192.

⁵ ГААК, ф. 3, оп. 1, д. 889, л. 61.

⁶ ГААК, ф. 4, оп. 1, д. 2305, л. 3–4.

ском уезде «старожилы силой пытались согнать переселенцев с выделенных им участков, так как последние служили старожилам заимками». В Карташевской волости волостной старшина вызвал новоселов в волостное правление и продержал их там сутки. За это время старожилы разрушили их землянки, «вынудив таким образом перейти на другой участок»⁷.

Прежде всего, как отмечают барнаульские историки, «массовый приток в Алтайский округ переселенцев, имевший место в период Столыпинской реформы, породил многочисленные споры и конфликты, связанные с распределением земли, как на переселенческих участках, так и в старожильческих селениях, принявших большое количество переселенцев»⁸.

Именно переселенцы, не сумевшие причислиться к местному крестьянскому обществу и адаптироваться в нем, пополнили группу сельских пролетариев, принявших активное участие в социальном катаклизме 1917-1919 гг. К тому же, несмотря на скромные масштабы противостояния, они трансформировались в затяжные метастазы, сопровождавшиеся вооруженным противостоянием и убийствами. Типичным в этом отношении являются события в д. Сартаково Федосовской волости Барнаульского уезда в 12 верстах от ст. Коченево, продолжавшиеся с 1910 по 1916 г. и приведшие к двойному убийству⁹.

Тем не менее, взаимоотношения мигрантов, старожилов и аборигенов региона в период упомянутого выше катаклизма не привлекали внимания исследователей. Поведение и социальный выбор местных жителей объяснялись воздействием на примере уральской деревни комплексом факторов¹⁰, но анализируемое мной противостояние (конфликт) не упоминался. Его опосредованно признал П. А. Бажов, утверждая, что бесхлебные (не обеспечивающие собственных потребностей в зерне) и малоземельные волости поддерживали коммунистов, а многоземельные и товаропроизводящие становились очагами антиколчаковского и антикоммунистического противодействия¹¹.

⁷ Новоселова А. А. Группы русских Омского Прииртышья (Последняя треть XVIII – конец XX в.) // Русские в Омском Прииртышье (XVIII-XX века): Историко-этнографические очерки. Омск: ООО «Издатель-Полиграфист», 2002, с. 45, с. 29–51.

⁸ Разгон В. Н., Храмков А. А., Пожарская К. А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010, 278 с., с. 179.

⁹ Шиловский М. В., Кириллов А. К., Караваева А. Г. Не на жизнь, а на смерть: сартаковский спор о праве на причисление как образец внутрикрестьянского конфликта столыпинской поры // Вестник Томского гос. ун-та. 2016. № 406. С. 169–181.

¹⁰ Скипина И. В. Человек в условиях гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2003, с. 46–54.

¹¹ Бажов П. А. Бойцы первого призыва. Свердловск, 1934, с. 6–23.

Однако лидеры белого движения фиксировали фактор противостояния как важную причину восстаний в колчаковском тылу. Военный министр омского правительства генерал А. П. Будберг 17 мая 1919 г. записал в дневнике: «Главными заправилками всех восстаний являются новоселы, преимущественно столыпинские аграрники, плохо устроившиеся в Сибири и мечтающие о том, как бы пограбить богатое старожильское население Сибири, достаток которого разжигает их большевистские аппетиты»¹². Г. К. Гинс констатировал: «Для Сибири расслоение крестьян на «старожилов», к которым обычно относятся переселенцы, устроившиеся лет 10-15 тому назад, и «новоселов», еще не пустивших корней в сибирскую землю, почти равносильно классовому делению. Первые – бары, маленькие помещики, фермеры, живущие нередко в каменных домах с крашенными полами. Вторые – пролетариат, часто безземельный, частью безлошадный, ютящийся в землянках, пробивающийся батрачеством». Причем, на примере Тарского уезда, восстания начинали новоселы, а затем к ним присоединялись и другие¹³. Анонимный знакомый главы колчаковского Совета министров П. В. Вологодского, на вопрос чего же хотят крестьяне Славгородского уезда, заявил 30 сентября 1919 г., что «земельный вопрос больше всего служит предметом недоразумений в деревенском населении. Старожильское население против захвата земель новыми пришельцами за землей, а эти последние рвут землю в каждой деревне. Особенного тяготения к советской власти нет, но хотят своей власти, крестьянской, в особенности все настроены против засилья военщины и против правительственных агентов на местах»¹⁴. «В переселенческой степной зоне Алтая впоследствии находился и один из главных очагов антикоммунистических крестьянских восстаний, – утверждают барнаульские историки, – направленных против политики военного коммунизма»¹⁵.

Районы массового размещения переселенцев в начале XX в., как я отмечал в одной из публикаций¹⁶, стали центрами политической нестабильности в течение первых двух десятилетий XX в., в том числе и партизанско-

¹² Будберг А. П. Дневник белогвардейца. Новосибирск: Зап. – Сиб. кн. изд-во, 1991, с. 254.

¹³ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918-1920. М.: Айрис-пресс, 2008, с. 27–28, 466.

¹⁴ Вологодский П. В. Во власти и в изгнании. Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918-1925 гг.). Рязань, 2006, с. 197–198.

¹⁵ Разгон В. Н., Храмов А. А., Пожарская К. А. Указ.соч., с. 217.

¹⁶ Шиловский М. В. Специфика политического участия сибирского крестьянства в социальных катаклизмах начала XX в. // Социокультурное развитие Сибири XVII-XXвв. Новосибирск: НГУ, 1998, с. 66–67.

повстанческого движения в 1918–1921 гг. И то, что воспринималось как проявление второй социальной войны, на самом деле было связано с размежеванием сельского мира и по этому признаку. Газета минусинских партизан «Соха и молот» призывает осенью 1919 г. освободиться «от ига казачества и кулака», алтайские партизаны начинают частичный передел земли, передавая малоземельным угодья арендаторов и сторонников белых, в ряде советско-партизанских районов кулацко-старожильческие хозяйства подвергаются «ущемлению» (бесплатно использовался их инвентарь, безвозмездно изымался хлеб и скот, «на них накладывались довольно тяжелые контрибуции и реквизиции, подати и налоги»). Кроме того, здесь устанавливались невысокие твердые цены на продовольствие¹⁷.

Среди руководителей партизан четко выделяется группа переселенцев-фронтовиков Е. М. Мамонтов, И. П. Новоселов, В. П. Шевелев-Лубков, А. В. Толоконников, В. О. Гусев и др. Согласно подсчетам А. П. Шекшеева из 89 руководителей партизанского движения в Енисейской губ. – 43 являлись крестьянами, из них 24 переселенцами, 5 бывшими ссыльными. 29 чел. воевали на фронтах Первой мировой войны (3 офицера, 16 унтер-офицеров)¹⁸. Типична в этом отношении биография А. В. Толоконникова 1886 г. рождения, уроженца с. Подкопки Самарской губ. Семья переселилась на Алтай в с. Волчиху, где он в 1906 г. женился на сибирячке. В 1907–1911 гг. проходил срочную службу в лейб-гвардии Семеновском полку. В 1914 г. был мобилизован, участвовал в боевых действиях, получил ранение. В 1917 г. в Барнауле избирается в полковой совет 27-го Сибирского запасного стрелкового полка. В 1918 г. в районе Волчихи участвовал в организации партизанского отряда, «был членом главного штаба в роли заместителя комиссара по ликвидации колчаковских банд»¹⁹.

Неприятные отношения переселенцев и старожилов сохранились и в советский период. В. Н. Разгон заметил по этому поводу: «Принадлежность бывших военных противников к одному локальному сельскому сообществу придавало этой враждебности личностный характер и являлась фактором, способствующим эскалации репрессий за счет «инициативы снизу». Эта враждебность, судя по следственным и реабилитационным материалам, подогревались

¹⁷ Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917-1920 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003, с. 362–363.

¹⁸ Шекшеев А. П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2006, с. 288.

¹⁹ Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии. 1917–1922: Хрестоматия. Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2001, с. 303–305.

постоянными ссорами и столкновениями на почве личностного неприятия, порожденного противостоянием в годы Гражданской войны, а также конфликтами, связанными с насаждением в деревне колхозного строя. О глубине этих противоречий, во многом усиливавшихся из персонализированной, личностной окраски, свидетельствует то обстоятельство, что некоторые из бывших партизан, выступивших в качестве авторов заявлений в НКВД и свидетелей по рассматриваемому делу, не отказались от своих показаний о враждебности репрессированных к мероприятиям советской власти, и их вредительской деятельности в колхозах даже в период реабилитационного расследования, проводившегося в 1961 г. ...»²⁰

Библиографический список

1. Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX). Новосибирск: «Наука», 1967. 412 с.
2. Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск: «Наука», 1976. 343 с.
3. Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири. 1907–1914 гг. Хроника и историография. Новосибирск: Наука, 1986. 316 с.
4. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 3. Оп. 1. Д. 889.
5. Государственный архив Алтайского края. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2305.
6. Новоселова А. А. Группы русских Омского Прииртышья (последняя треть XVIII – конец XX в.) // Русские в Омском Прииртышье (XVIII–XX вв.): Историко-этнографические очерки. Омск: ООО «Издатель-Полиграфист», 2002. С. 29–51.
7. Разгон В. Н., Храмов А. А., Пожарская К. А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. 278 с.
8. Шиловский М. В., Кириллов А. К., Караваева А. Г. Не на жизнь, а на смерть: сартаковский спор о праве на причисление как образец внутрикрестьянского конфликта столыпинской поры // Вестник Томского гос. ун-та. 2016. № 406. С. 169–181.
9. Скипина И. В. Человек в условиях гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2003. С. 46–54.
10. Бажов П. А. Бойцы первого призыва. Свердловск, 1934. С. 6–23.
11. Бударг П. А. Дневник белогвардейца // Дневник белогвардейца. Новосибирск: Зап. – Сиб. кн. изд-во, 1991. С. 163–322.
12. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент в русской истории. 1918–1920. М.: Айрис-пресс, 2008. 466 с.

²⁰ Разгон В. Н. Политическое противостояние и военные конфликты периода Гражданской войны и военного коммунизма как источник репрессий периода Большого террора: региональный аспект (на материалах следственных дел УНКВД по Алтайскому краю) // Уроки Октября и практики советской системы 1920–1950-е годы. Материалы X-й Международ. науч. конф. М.: Полит.энцикл.; Президентский центр Б. М. Ельцина, 2018, с. 753–754.

13. Вологодский П. В. Во власти и в изгнании. Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925). Рязань, 2006. 619 с.
14. Шиловский М. В. Специфика политического участия сибирского крестьянства в социальных катаклизмах начала XX в. // Социокультурное развитие Сибири XVII–XX вв. Новосибирск: НГУ, 1998. С. 61–72.
15. Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 428 с.
16. Шекшеев А. П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2006. 592 с.
17. Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии. 1917–1922: Хрестоматия. Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2002. С. 303–305.
18. Разгон В. Н. Политическое противостояние и военные конфликты периода Гражданской войны и военного коммунизма как источник репрессий периода Большого террора: региональный аспект (на материалах следственных дел УНКВД по Алтайскому краю) // Уроки Октября и практики советской системы 1920–1950-е годы. Материалы X-й Международ. науч. конф. М.: Полит. энцикл.; Президентский центр Б. М. Ельцина, 2018. С. 743–754.

УДК 947 947(541)

Катионов О.Н.

доктор исторических наук, профессор,

директор ИИГСО ФГБОУ ВО

«Новосибирский государственный педагогический университет»

(г. Новосибирск, Россия)

НАСЕЛЕНИЕ МОСКОВСКО-СИБИРСКОГО ТРАКТА В XVIII – XIX ВВ.

Аннотация. Статья составлена на основе материалов монографии автора по заявке Куйбышевского краеведческого музея. В статье показана динамика формирования населенных пунктов на Сибирском тракте, изменение численности и доли его населения в общем составе жителей Сибири.

Ключевые слова: Московско-Сибирский тракт, население трактовых и притрактовых населенных пунктов.

Трактовая структура находится в поле зрения исследователей Сибири. Анализируется локальная история путей сообщения Омского Прииртышья [1]. Исследователи характеризуют прилегающие к Сибирскому тракту Алтай [2]. Создаются справочные материалы по тракту, включающие его направления в Европейской России [3]. В условиях цифровизации стали обращать внимание на картографическое отражение тракта в исследованиях. Относительно значе-

ния транссибирского сухого пути как источника трудовых ресурсов в последние годы опубликовано крайне мало материалов. В частности, статья Г. С. Хорхордина акцентирует внимание на роли путей сообщения в Томском уезде при формировании поселенческой сети [4].

Московско-Сибирский тракт оказывал решающее влияние на заселение и хозяйственное освоение прилегающих территорий. В свою очередь, рост народонаселения способствовал развитию путей сообщения, обеспечивая функционирование тракта. Изучение численности и демографической структуры населения дает возможность определить следующее: удельный вес трактового и притрактового населения в составе жителей исследуемых районов; темпы его роста: размеры населенных пунктов; плотность населения; людность двора. Численность и доля населения городов, находившихся на тракте в разное время, тоже является предметом нашего исследования.

Изучение данных вопросов позволит рассмотреть проблему трудовых ресурсов на тракте в XVIII–XIX вв.

Когда мы говорим о трактовом населении, то имеем в виду только людей, живших непосредственно на тракте. К притрактовому населению в зависимости от масштабов сопоставимых территорий относились жители волостей либо округов, через которые проходил тракт. В состав притрактовых волостей мы относим села, расположенные на тракте и вне его, а в состав притрактовых округов – волости, которые находились на тракте и которые не лежали на нем. Суть такого варьирования заключается в том, что официально притрактовая зона нигде и никогда не была утверждена, поэтому мы используем данные статистики, сгруппированные по административным единицам. Таким же образом к внутратковому населению причисляем жителей тех округов, которые непосредственно к тракту не прилегали.

Учет населения по административному признаку не противоречит выявлению реальных социальных отношений. Известно, что в пределах административных единиц складывались территориальные общности, где заданные «сверху» функции не исчерпывали всего многообразия социальных контактов. Так, притрактовое (а не только непосредственно трактовое) население вовлекалось в специфические общественные связи по регулированию извозных подрядов, распределению дорожных и подводных повинностей, кооперации в сфере торговли, промыслов, земледелия, по приему и усвоению информации, передаче трудовых и бытовых традиций и т. п. Влияние тракта снижалось по мере удаления от него.

Регулярное движение грузов, пассажиров, почты создавало благоприятные условия для использования рабочих рук, поэтому места близ тракта привлекали жителей Сибири. Население Сибири издавна концентрировалось вокруг почтовых и коммерческих путей сообщения. Интересное наблюдение записал М.М. Сперанский: «Крестьяне на Барабе большею частью поселены при Чичерине, около 1763 г., из людей помещичьих вместо рекрут... Это есть сокращение России, особливо из Холмогор, Перми, Вологды, Устюга. Рост и опрятность в жизни большей частью произошли от архангелогородцев, первых здешних промышленников» [5].

История русского населения Сибири в XVIII в. была связана с дальнейшим хозяйственным освоением региона. Наиболее характерная особенность этого периода – распространение русского земледельческого хозяйства в более южные районы. Интенсивности передвижения населения в южные районы старой земледельческой полосы особенно способствовали обстоятельства военного (укрепление южных границ строительством оборонительных линий) и экономического (изменение направления главных трактов) свойства. Основная масса перевозок стала направляться по Екатеринбургскому тракту, а Верхотурье и Тобольск все более оставались в стороне от главных торговых сибирских путей. В Тюменском уезде в XVIII в. заселялись южные тракты (Туринский, Екатеринбургский, Исетский, Ялуторовский), тогда как на тракте Тюмень – Тобольск в конце 1770-х – начале 1780-х гг. не возникло ни одной новой деревни. После постройки Омской крепости (1716 г.) и укреплений по Иртышу наряду с Тобольским уездом оказался в стороне и Тарский уезд. На протяжении XVIII в. южнее старой западносибирской сельскохозяйственной полосы сложилась новая полоса – уезды Курганский, Ялуторовский, Ишимский и Омский – ставшая наиболее заселенной частью Западной Сибири. Население здесь формировалось в результате вольной колонизации и переселений, когда инициатива со стороны крестьян сочеталась с определенной организационной работой со стороны властей, считает В.А. Александров, ссылаясь на М.М. Громыко [6].

В связи с заселением Барабы в 1784 г. из Тарского выделился и был образован самостоятельный Каинский уезд. В это время в новом уезде было 4 церковных прихода, 3 села, 85 русских деревень и 87 татарских селений. Все население составляло 9999 мужчин и 8454 женщины. К 1790 г. в уезде числилось уже 10720 мужчин и 8949 женщин, из них 4647 крестьян, 10270 посельщиков, 39 церковнослужителей, 88 отставных солдат и казаков, 7 ямщиков, остальные – ясачные татары [7]. Таким образом, абсолютное большинство населения уезда составляли трактовые поселенцы.

По данным 3–5-й ревизий (1762–1795 гг.) Московский тракт пересекал (с учетом населения уездов старой земледельческой полосы: Тобольского, Верхотурского, Туринского, Тюменского, Тарского) территории, где проживала в 1762 г. 146 971 душа мужского пола, или 78,26% всего мужского населения Западной Сибири. С 1763 г. тракт фактически оставил в стороне Верхотурский и Туринский уезды. В 1782 г. уже без учета этих округов тракт пересекал уезды с 152 459 жителями – мужчинами, что составляло 59,9% от всего мужского населения Западной Сибири, в 1795 г. в самой полосе тракта проживало 182 943 души мужского пола, или 55,81% [8]. При этом подсчете мы учитывали две ветви тракта: дорогу торгующих людей от Тюмени через уезды Ялуторовский, Ишимский и Омский, частично Каинский и почтовую – от Тюмени через Тобольск и Тару, забирая и Каинский. В Восточной Сибири, по материалам 3–4-й переписей, уезды, пересекавшиеся трактом, насчитывали населения (без Якутии): в 1762 г. – 64069 душ, или 77,54%, в 1782 г. – 87431 душу, или 80,07% мужского пола [9].

В 1808 г. вдоль тракта жило 35,6%, а в 1817 г. – 38,4% всего населения Сибири [10]. Эти сведения подтверждаются данными статистических подсчетов Ю. А. Гагемейстера и А. Р. Ивонина. Мы выделили из имеющихся у них материалов уезды, через которые проходил тракт и подсчитали долю населения в них от общего числа жителей Западной и Восточной Сибири. Так, по данным Ю. А. Гагемейстера, в 1823–1824 гг. вдоль тракта в округах четырех губерний: Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской, проживало 65,78% всех жителей; в 1851 г. – 59,02% [11].

По данным А.Р. Ивонина Сибирский тракт пересекал наиболее заселенные уезды (округа) Западной Сибири. Рост населения (как абсолютный, так и относительный) после 1818 г. связан здесь с миграциями в южные округа Тобольской губернии: Ялуторовский, Ишимский и Омский. Если же учитывать уезды прежние – Тобольский и Тарский, то в 1790 г. вокруг тракта размещалось 74,12%, а в 1818 г. – 77,88% всего населения Тобольской губернии [12].

Конечно, доля трактового населения могла меняться в зависимости от размеров сопоставимого региона.

К 1801 г. в Среднем Приобье властям удалось сконцентрировать в трактовых населенных пунктах значительную часть населения. Так, из семи пунктов Иткульской волости Томской округи только в деревнях вне тракта: Ярковской и Каяцкой насчитывалось мужчин менее 50 чел. В остальных же на тракте их было от 153 чел. (д. Чулымская), 172 чел. (д. Овчинниковой), 178 чел. (д. Сехтинской) до 306 чел. (д. Крутые Лога), даже более чем в самом волост-

ном селе Иткульском (257 чел.). Если сравнивать с вне трактовыми волостями, то в Николаевской волости из 31 населенного места только в трех мужское население превышало 100 чел. Сложнее было в населенных пунктах восточнее Томска, где еще не завершился процесс наполнения трактовых населенных пунктов. Здесь мы встречаем волостное село Колыонское с 261 мужчиной и деревни Медведчикову с 8 мужчинами, Ишимскую 46, Великосельскую – 32 и Красноярскую – с 20 мужчинам. В Семилужинской волости также только три пункта на тракте имели более 100 мужчин: с. Семилужное 126, д. Халдеева – 118 и д. Турунтаева – 150. В остальных было от 2 до 27 мужчин. Например, в трактовой д. Тюменевой – 9 душ, в Протопоповой – 27 душ, в с. Тутальском – 3 души мужского пола. В других трактовых селениях восточнее Томска только в Подъельнишной было 96 чел., в остальных не дотягивало до 100 чел. мужского пола: в Берикульской – 75 чел., в Почитанской – 95, в Песчаной – 67, в Великосельской – 15, в Мазаловой – 37, в Воронцовой – 6, в Черепановой – 37, в с. Спасояйском – 19, в Мангазеевой – 14 чел. [13]. Это свидетельствовало о незавершенности процесса заселения и укрупнения трактовых пунктов па восток от Томска.

В городах, лежавших на тракте, было сосредоточено в четырех губерниях 70 831 чел., или 79,72% от всего городского населения, в 1835 г. – 72 514 чел. (56,85%), в 1851 г. – 84 905 чел. (55,33%). Уменьшение доли городского трактового населения связано с тем, что при подсчете за 1835 и 1851 гг. мы исключили Тобольск и Тару, население которых по вышеназванным годам составляло 35,92 и 32,45% соответственно [14], хотя эти города к тому времени окончательно не были выключены из системы влияния Сибирского тракта, потому что через них проходило ссыльное и почтовое движение, а население было активно связано с торговлей, промыслами и извозом. В 20-х годах XIX в. из девяти наиболее крупных городов Енисейской и Иркутской губерний, насчитывавших 28 790 жителей, самыми крупными были Иркутск (11 122 чел.) и Енисейск (5362 чел.), затем: Красноярск (3141 чел.), Ачинск (2094 чел.), Верхнеудинск (2597 чел.), Нерчинск (2398 чел.), Якутск (1137 чел.), Киренск (610 чел.) и Нижнеудинск (329 чел.). Енисейск, Киренск и Якутск не располагались непосредственно на тракте, хотя Якутск был на одном из его ответвлений. В 1860 г. в городах Иркутской губернии проживало 27 144 чел., в том числе в трактовых (Иркутске – 19 869 и Нижнеудинске – 4689 чел.) 90,47% всего городского населения. В Енисейской губернии в 1820-х годах из 26 201 городского жителя в Красноярске проживало 9997 чел., в Ачинске – 3197 чел., Канске – 2231 чел., т. е. в трактовых городах всего насчитывалось 15 425 чел., или 58,87% город-

ского населения. В городах Забайкальской области в начале 1850-х годов проживал 10 591 чел., в том числе в трактовых (Чите – 659 чел., Верхнеудинске – 3746, Нерчинске – 4993 и Селенгинске – 716 чел.) – 10 114 чел., или 95,49 % всех забайкальских горожан (без учета Кяхты) [15].

Во второй половине XIX в. основная масса населения Сибири располагалась в районах с наиболее благоприятными условиями для земледелия и скотоводства, а также промысловой деятельности. По-прежнему население Сибири группировалось по почтовым и коммерческим путям сообщения.

Московско-Сибирский тракт стал тем ареалом, где концентрировалась значительная часть жителей региона. На протяжении второй половины XIX в. в Западной Сибири наблюдался незначительный рост трактового населения.

К 1897 г. абсолютное увеличение населения на Московско-Сибирском тракте, по сравнению с 1868–1869 гг., составило 3697 чел. или 10,4%.

Таким образом, за 28 лет среднее число жителей селений увеличилось всего на 18 чел. Ежегодный прирост населения в трактовых селах составил 0,37 %, а это очень низкий показатель, значительно уступающий показателям среднегодового прироста населения Западной Сибири: с 1863 по 1885 гг. – 1,7%, с 1883 по 1897 гг. – 2,83% [16], т. е., на тракте ежегодный прирост населения был в 5 раз ниже первого показателя и в 7,5 раза – второго. Это объясняется тем, что переселенцы на тракте уже не оседали. Материалы Первой Всероссийской переписи 1897 г. не содержат данные о числе переселенцев и вновь образованных поселках на Московском тракте.

Трактовые крестьяне (их общества) не давали переселенцам приемных приговоров, так как в Тобольской губернии в старых освоенных районах при сложившейся системе земледелия наблюдалось уже напряжение в землепользовании. На одну душу мужского пола в Ялуторовском округе заседалось в волостях Московского тракта 1,79 десятины, во вне трактовых – 1,76 десятины, а в Енисейской губернии в трактовых волостях по 2,03 десятины, во вне трактовых – 3,17 десятины, в Иркутской губернии соответственно 2,07 и 1,98 десятины. Таким образом, в губерниях Восточной Сибири на одну душу мужского пола было больше земли, чем в Западной Сибири, и не ощущалось такой остроты при устройстве ссыльных и переселенцев, как в трактовых районах Тобольской и Томской губерний, где плотность населения была выше и наблюдалось относительное малоземелье.

В Тобольской губернии старожилы еще в 60–70-х годов XIX в. стали переходить от захватных форм землепользования к уравнильно-душевым переделам [17], поэтому попытки приселиться к старожилам терпели неудачу, и пе-

реселенцы вынуждены были уходить в малообжитые районы. К тому же роль тракта в Западной Сибири к 90-м годам XIX в. снизилась (Строительство Транссиба в 90-е годы XIX в.).

В Томской губернии в 1858 г. насчитывалось 2399 поселков с населением в 654 900 душ обоего пола, в среднем по 44 двора и 273 чел. на каждый населенный пункт [18]. На Московском тракте число населенных пунктов превышало общегубернские показатели более чем в 2,6 раза по количеству дворов и в 2,5 раза – по числу жителей.

В Томской губернии больше половины населения почтовых трактов размещалось на Московско-Сибирском тракте. Среднее число жителей в одном селении Сибирского тракта намного превышало таковое на трактах, которые проходили по плодородным округам Алтая – Барнаульскому и Бийскому. В Томской губернии население еще активнее концентрировалось вдоль Московско-Сибирского тракта: в Мариинском округе почти $\frac{1}{3}$, а в Каинском более $\frac{1}{4}$ всех жителей размещалось на Московском тракте, в Томском округе – более $\frac{1}{5}$ всех жителей (но с прилегающими к Сибирскому трактам) [19]. К 1897 г. число населенных пунктов на Московско-Сибирском тракте осталось прежним. Однако, за период с 1858 г., т. е. около 40 лет, средний размер трактовых пунктов возрос приблизительно на 200 чел.

Итак, за 38 лет население 72 пунктов увеличилось на 10 646 чел., т. е. на 21,8%. Это объясняется и переселением, оседанием части новоселов по Московскому тракту, и естественным приростом старожильского населения. А. А. Кауфман, обследовав четыре волости Томского и Мариинского округов – Семилуженскую, Ишимскую, Почитанскую и Баимскую, находившиеся на Московском тракте, пришел к выводу, что из 20 трактовых сел этих волостей только д. Ключевая в Баимской волости состояла из новоселов-переселенцев, а с. Подломское Семилуженской волости, д. Теплая Речка Почитанской волости и с. Суслово Баимской волости были смешанными, т. е. состояли из старожилов и переселенцев, остальные же 16 трактовых селений остались чисто старожильскими. Всего в четырех волостях образовались 31 село и деревня новоселов, и только эта деревня располагалась на тракте [20].

Ежегодный прирост составил на тракте за 38 лет 0,54%, что тоже являлось ниже среднегодового прироста за 1863–1885 гг. в три раза, а за 1885–1897 гг. – в пять раз. Объяснение низких темпов прироста населения в Западной Сибири дает В. И. Пронин, ссылаясь на документы современников. Он видит причины этого в социально-экономических условиях, в частности, в тяжелом экономическом положении сибирской деревни, которую потрясали неурожайные

годы (1864, 1870, 1874, 1884, 1888, 1896), приводившие к низкой рождаемости и высокой смертности [21]. Кроме того, Московско-Сибирский тракт был уже давно заселен и избыточное население могло перемещаться в более благоприятные для земледелия местности.

В Енисейской губернии на тракте рост населения происходил интенсивнее, чем в Западной Сибири:

С 1859 по 1890 гг. население Московско-Сибирского тракта в Енисейской губернии возросло на 2716 чел., или на 10,7%. К 1897 г. рост, по сравнению с 1859 г., составил 11 193 чел., или 44,1%. По отношению к 1890 г., т. е. за 7 лет, население на тракте увеличилось на 8477 чел., или на 30,2%. Ежегодный прирост с 1859 по 1897 гг. составил 1,15%, в том числе по 1890 г. – 0,35%, что существенно меньше ежегодного прироста населения в Восточной Сибири в целом, так как с 1890 по 1897 гг. ежегодный прирост на тракте составил 4,3%, а по Восточной Сибири – 2,3% [22].

Объяснить такое резкое возрастание населения на Московском тракте можно увеличением переселений в 90-е годы XIX в. в Енисейскую губернию. В это время идет освоение притрактных районов. Старожильческое население даже в 1913 г., после нескольких лет действий столыпинских землеустроительных партий, не чинило препятствий переселенцам, если его землепользование не страдало [23]. Естественно, что в XIX в. положение переселенцев и новоселов в Енисейской губернии на Московско-Сибирском тракте было гораздо благоприятнее, чем в Тобольской и Томской губерниях. К тому же тракт в это время не потерял еще своей значимости, привлек на период строительства железной дороги значительное число рабочих, так как в некоторых местах совпадал с ее направлением.

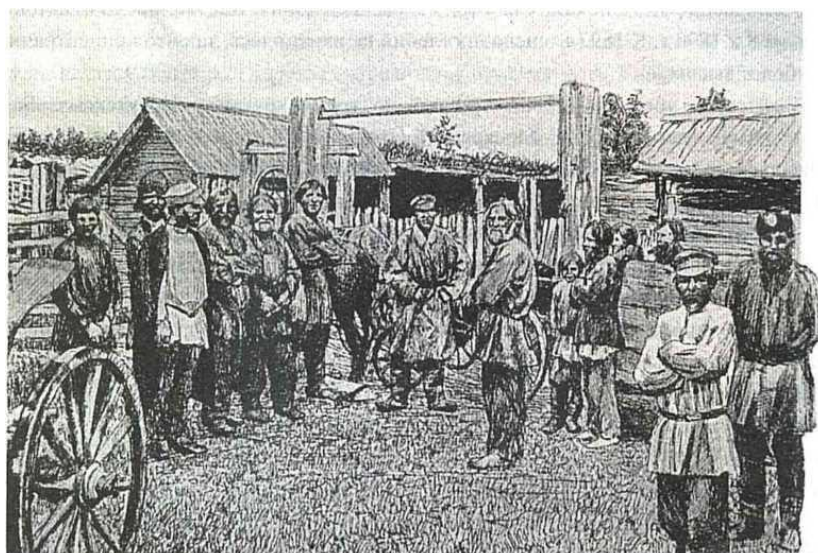
Средний размер населенных пунктов увеличился здесь с 685 жителей в 1858 г. до 856 чел. в 1897 г. Уменьшение этого показателя в 1890 г. было связано с тем, что число пунктов возросло с 37 до 45, т. е. на 8 к 1890 г. К 1897 г. число поселений не изменилось, так что концентрация населения в них стала более высокой.

В Иркутской губернии в 1887–1888 гг. по трем округам – Иркутскому, Балаганскому и Нижнеудинскому, где проходил Московский тракт, в 53 поселениях (учитываются также села Кругобайкальского и Ангарского трактов как продолжения Сибирского) насчитывалось 8529 хозяйств, по всем трактам трех округов – 12 375 хозяйств, а в целом по трем округам – 30 288 хозяйств. Таким образом, на Московском тракте концентрировалось 28,2% всех хозяйств трех

округов, а с прилегающими трактами, Ангарским и Якутским – 40,8% от всех крестьянских хозяйств.

На одно селение Московско-Сибирского тракта в среднем приходилось 160 хозяйств. Это самый высокий показатель по всем четырем губерниям: Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской.

Притяжение трактов, особенно Московско-Сибирского, для новоселов, ссыльных и крестьян других селений в Иркутской губернии объясняется возможностью заработать средства на обзаведение хозяйством. Многие ссыльные из ремесленников или кустарей находили применение своим способностям. Да и прокормиться на тракте было легче, так как спрос на рабочие руки был выше и постояннее. Кроме того, процесс освоения притрактовой полосы в то время еще не завершился.

Тип русского населения Томской губернии

(Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. – СПб., 1907. – Т. 16.
Западная Сибирь. – С. 235)

В Иркутской губернии концентрация населения в трактовых селах была выше, чем на трактах Западной Сибири и Енисейской губернии, средняя численность на одно селение по Московско-Сибирскому тракту превышала среднюю численность в вышеуказанных губерниях и по числу хозяйств, и по числу жителей. В 1897 г. на Московско-Сибирском тракте в Иркутской губернии от границ Енисейской губернии до г. Иркутска располагалось 41 селение с 43 643 жителями [24], т. е. на один населенный пункт в среднем приходилось по 1064 жителя.

В 1902 г. в Иркутской губернии было 2842 населенных пункта со средним числом жителей 181 чел. [25]. Таким образом, средний размер трактового насе-

ленного пункта Иркутской губернии превышал средний губернский показатель примерно в шесть раз. В Сибири в целом на один населенный пункт в 1897 г. приходилось 253 чел., а в Европейской России – 158 чел. Стало быть, во всех четырех губерниях, и особенно на Московско-Сибирском тракте, населенные места были крупнее, чем в Европейской России [26]. Еще Ю.А. Гагемейстер отмечал, что «самые обширные селения в Сибири расположены по Большой Московской дороге, по которой извозом и сбытом припасов зарабатывается ежегодно несколько миллионов рублей» [27].

На Московско-Сибирском тракте в пределах четырех губерний от границ Пермской губернии до г. Иркутска находилось 218 населенных пунктов с населением в 174 832 чел. Всего же на тракте с его продолжением – Кругобайкальским и Амурским трактами в пределах Смоленской волости Иркутской губернии – в 1897 г., по нашим подсчетам, было 177 738 жителей, или 36% от всего населения трактовых волостей. Во всех волостях, пересекаемых трактом, в четырех губерниях размещалось 26,5% от всего населения трактовых округов, что, в свою очередь, составляло 45,5% всего сельского населения четырех губерний:

В Восточной Сибири Московско-Сибирский тракт пролегал по наиболее населенным местам. Так, в Енисейской губернии он проходил через семь волостей округов Ачинского, Красноярского и Каинского, где проживало 32,6% населения, число хозяйств составляло здесь 33,5%. В Иркутской губернии Московско-Сибирский тракт проходил через три округа. Он пересекал 11 волостей с населением в 68 тыс. чел., что составляло 43% населения округов. В этих волостях группировалось 44,8% хозяйств.

Особо обратим внимание на тот факт, что в Тобольской губернии в округах, пересекаемых Сибирским трактом, проживало более половины всего сельского населения губернии – 55,2%, в Енисейской губернии – 52,4%, а в Иркутской губернии – 73,3%. Только около трети составляло население трактовых округов Томской губернии (29%) от всего сельского населения. Это объясняется прежде всего тем, что механическое движение населения в губернии осуществлялось за счет переселений в южные округа – Барнаульский и Бийский. С 80-х годов XIX в. большая часть переселенцев в Сибирь шла в Томскую губернию. С 1885 по 1899 гг. в южные округа водворилось около 645 тыс. чел., что составило 60% крестьян, выселившихся в это время за Урал [28]. Естественно, что это снизило удельный вес населения округов Московского тракта в Томской губернии.

Особенно велика доля трактового населения в Иркутской губернии – 73% всех жителей. По этой же губернии самый высокий показатель концентрации населения в селах трактовых волостей, который увеличивается с запада на восток, отражая процесс хозяйственного освоения территорий.

Старый Московско-Сибирский тракт в Каинском уезде Томской губернии.

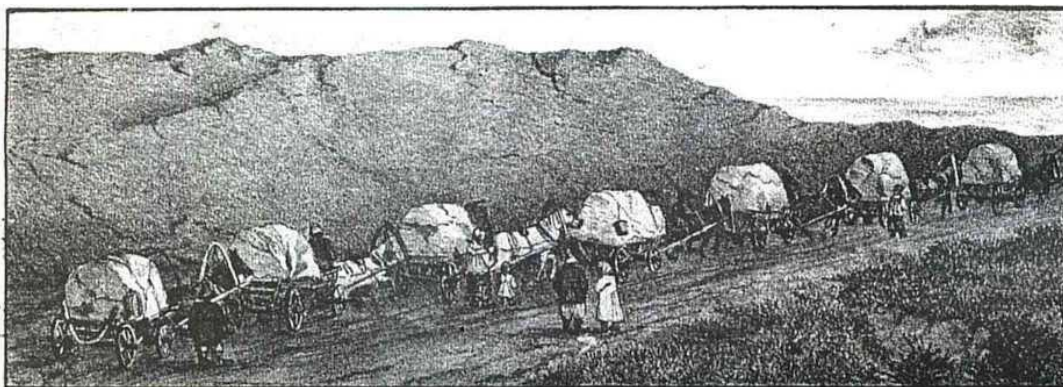
Почтовая открытка 1903 г. из коллекции Музейного комплекса

г. Куйбышева Новосибирской области

Если в Тобольской губернии в селах концентрировалось 24,2% населения трактовых волостей, то в Томской – 32,1%, в Енисейской – 43,3%, а в Иркутской – 54,3%, т. е. мы видим увеличение населения от губернии к губернии примерно на 10%. Хотя в абсолютных цифрах по численности трактового населения на первом месте были села Томской губернии, затем Иркутской, Енисейской и Тобольской.

В Сибири население размещалось неравномерно, сосредоточиваясь в основном в земледельческом районе, который тянулся узкой полосой вдоль Московского тракта, сильно расширявшейся в пределах Алтая и Минусинского округа.

В 1897 г. в Томской губернии на Московско-Сибирском тракте из 72 населенных пунктов было 26 селений, имевших свыше 1000 жителей, т. е. 36% трактовых сел. В 23 пунктах проживало свыше 500 жителей, в остальных 23 – менее 500 чел. Таким образом, численность крупных населенных пунктов на Сибирском тракте за 39 лет выросла на 100% – с 13 до 26. Эти пункты составили 72% от всех селений трактовых волостей, имевших свыше 1000 жителей [29].

Движение переселенцев из Томска в Восточную Сибирь.

Худ. П. Кошаров

(Художественно-этнографические рисунки Сибири. – Томск, 1890)

Важной демографической характеристикой является показатель плотности населения:

Плотность населения трактовых округов была выше, чем в целом по губерниям, с небольшим исключением в Томской губернии, где два трактовых округа из трех уступали губернскому показателю. Это и закономерно, так как Алтайские округа были южнее и благоприятнее по почвенноклиматическим условиям. В Тобольской губернии по плотности трактовые округа уступали лишь более южному Курганскому округу, где плотность составляла 12,3 чел. на квадратную версту, а Тарский (2,13), Тобольский (0,93), Туринский (0,98) и другие резко уступали трактовым округам.

В Енисейской губернии только южный Минусинский (2,29) округ, наиболее благоприятный в сельскохозяйственном отношении, по плотности занимал второе место, вдвое уступая Красноярскому и едва превышая Ачинский.

В Иркутской же губернии трактовые округа были самыми населенными и по плотности превосходили северные. В волостях, ближайших к Московскому тракту, плотность населения в 1897 г. составляла несколько десятков человек на одну квадратную версту, в более отдаленных местах падала до 5–10 и даже до 1–2 чел. [30].

Таким образом, Московско-Сибирский тракт в течение XVII–XIX вв. группировал вокруг себя значительную часть населения Сибири, на нем располагались наиболее крупные населенные пункты. На тракте было своеобразным соотношение мужского и женского населения и самая высокая плотность жителей. Здесь сосредоточивалась весьма значительная масса трудовых ресурсов Сибири.

Концентрация населения вокруг тракта по удельному весу населения трактовых сел в соответствующих волостях, волостей – в округах, округов – в губерниях доказывает важную связующую роль транспортной системы в социально-экономическом развитии края. Тракт являлся зоной первоначального освоения региона. Вначале сюда осуществлялся приток населения, затем по мере освоения территории и уплотнения экономической структуры происходил отток в прилегающие районы. Все возникавшие деревни по тракту при принудительном их устройстве были не менее 20–25 дворов, тогда как при вольнонародной колонизации XVII – первой половины XVIII вв. были и деревни – однодворки и насчитывавшие небольшое количество дворов, в том числе и на тракте, особенно в зоне старого заселения. На тракте в середине и второй половине XVIII в. тоже были заимки, выполнявшие функции почтовых станков, но чаще всего они быстро пополнялись поселщиками и в короткий срок становились деревнями и селами.

Таким образом, во второй половине XIX в. в Западной Сибири в связи с освоенностью региона наблюдался медленный прирост притрактового населения, в Восточной, наоборот, происходит концентрация жителей прежде всего вокруг тракта, где была и самая высокая плотность населения.

Библиографический список

1. Матвеев А. В. История путей сообщения Омского Прииртышья (средневековое – новое время): монография / отв. ред.: С. С. Тихонов, Н. А. Томилов. Омск: Издательский дом «Наука», 2014. 268 с.
2. Подрезов М. В. История Чуйского тракта: автореф. дисс... канд. ист. наук. Томск: Изд. ТГУ, 2018. 24 с.
3. Рыженко Л. И. Великий Сибирский тракт: справочник / Л. И. Рыженко. – Омск-Тюкалинск: Ассоциация "Сибирский тракт", 2020. 288 с.
4. Хорохордин Г. С. Развитие сухопутной транспортной системы сельской поселенческой сети Томского округа-уезда во второй половине XIX – первой четверти XX в. // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2021. № 6 (122). С. 56–61.
5. Сперанский М. М. Дневник, веденный во время переездов по Сибири // В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872 гг. СПб., 1872. С. 29.
6. Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965. С. 18, 28, 29, 31, 33, 34, 35.
7. Миненко Н. А. По старому Московскому тракту. Новосибирск, 1986. С. 54–55.
8. Подсчитано по: Русские старожилы Сибири (историко-антропологический очерк). М., 1973. С. 42. – Табл. 4.
9. Там же. – С. 47. – Табл. 5.

10. Григорьев А.Д. Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров // Известия Института исследования Сибири. – Томск, 1921. № 6. С. 82.
11. Подсчитано по: Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по Высочайшему Его Императорского Величества велению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. СПб., 1854. Т. 2. Табл. IV.
12. Ивонин А.Р. Западносибирский город последней четверти XVIII в. – 60-х годов XIX в. (Опыт историко-демографического исследования). – Барнаул, 2000. С. 207. Прил. 1.
13. Резун Д. Я. О населении Западной Сибири на рубеже XVIII–XIX вв. // Населенные пункты Сибири: опыт исторического развития (XII – начало XX вв.). Новосибирск, 1992. С. 44–46.
14. Подсчитано по: Гагемейстер Ю. А. Указ. соч. Т. 2. Табл. VIII.
15. Кожухов Ю. В. Русские крестьяне Восточной Сибири первой половине XIX в. Л., 1967. С. 60, 72.
16. Пронин В. И. Население Сибири за 50 лет (1863–1913 гг.) // История СССР. 1981. № 4. С. 58.
17. См.: Складов Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. С. 274–275, 293.
18. Зверинский В. Списки населенных мест Российской империи. СПб., 1868: Томская губерния. С. 61.
19. Там же. С. 67.
20. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1892. Вып. 14. С. 35.
21. Пронин В. И. Указ. соч. С. 64.
22. Пронин В. И. Указ. соч. С. 58.
23. Складов Л. Ф. Указ. соч. С. 275.
24. РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 693. Л. 21–100, 102–213, 219–229; Д. 703–704. Л. 28–43 об., 155–207; Д. 699, Л. 15–62, 64–81, 93–149.
25. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Вып. 75: Иркутская губерния. С. IV.
26. Там же. Тобольская губерния. СПб., 1905. С. X.
27. Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири... СПб., 1854. Ч. 2. С. III.
28. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. ... Вып. 79. С. IV.
29. РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 2477, 2483, 2486.
30. Пронин В.И. Указ. соч. С. 54.

Гончаров Ю. М.

доктор исторических наук, профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте РФ, Алтайский филиал

(г. Барнаул, Алтайский край, Россия)

СЕМЬЯ ПОЛЯКОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Аннотация: Статья посвящена демографическим и социальным аспектам бытования польской семьи в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Цель – рассмотреть особенности развития семьи поляков в регионе интенсивной колонизации. Рассмотрены соотношение полов в польской диаспоре, национальные различия средней людности семей, межнациональные браки, национально-конфессиональные особенности внутренней структуры семей.

Ключевые слова: Сибирь, этнография, поляки, семья, XIX в.

Несмотря на значительное число работ, посвященных истории поляков Сибири, далеко не все аспекты сибирско-польской истории затрагивались исследователями. В частности, практически нет работ, посвященных польской семье. В литературе отмечалось, что существует значительная этнорегиональная дифференциация большинства относящихся к семье параметров: возраста вступления в брак, количества брачных и внебрачных детей, частоты разводимости, размера, структуры и поколенного состава семейных союзов.

Для изучения семейно-брачных отношений большой интерес представляет соотношение полов среди различных национальностей (см. таблицу 1). Из таблицы видно, что половой состав национальных групп, проживавших в городах региона, значительно отличался. Наиболее гармоничное соотношение полов было у русских (980–984 женщины на 1000 мужчин) и у евреев (984–1004). Это создавало предпосылки для преобладания национально однородных браков. В то же время в других национальных группах отмечалось значительное преобладание мужчин, удельный вес которых мог достигать до 2/3. Так, например, среди украинцев на 1000 мужчин приходилось женщин: в Тобольской губ. – 505, в Томской – 513, среди поляков, соответственно: 749 и 571, среди немцев – 531 и 712, среди татар – 581 и 805. Это приводило к тому, что для многих мужчин этих национальностей создать семью со своей соплеменницей было сложно.

В целом по Сибири эта диспропорция была еще больше. По подсчетам В.А. Скубневского, в 1897 г. из проживавших в Сибири 24505 чел., назвавших родным языком польский, 17099 (69,8%) составляли мужчины и только 7406 (30,2%) – женщины. При этом самый низкий процент женщин в составе польского населения оказался в Якутии – 16%, в Забайкалье и Иркутской губ. – немногим более 25%, в Енисейской губ. – 26,1%, Томской – 34%, Тобольской – 36% [1, с. 75]. Нетрудно заметить, что чем дальше на восток, тем ниже была доля женщин.

Диспропорции полового состава польской общины во многом были обусловлены ссылкой. При этом, в отличие от евреев, которые в сибирскую ссылку следовали со своими семьями [2, с. 39], лишь немногие из ссыльных поляков прибывали с женами и детьми. Так, например, из 316 поляков, находившихся в 1860-х гг. в ссылке на Алтае, только 13 чел. прибыли с семьями [3, с. 181].

Таблица 1

Соотношение полов по национальностям в городах Западной Сибири, 1897 г.

Национальность	Тобольская губ.					Томская губ.				
	мужчины		женщины		жен. на 1000 муж.	мужчины		женщины		жен. на 1000 муж.
	абс.	%	абс.	%		абс.	%	абс.	%	
Русские	396 17	50,4	38924	49,6	984	58440	50,5	5718 5	49,5	980
Украинцы	829	62,1	505	37,9	610	547	66,1	280	33,9	513
Поляки	118 7	61,3	749	38,7	631	1033	62,2	632	37,8	571
Немцы	226	65,3	120	34,7	531	319	58,4	227	41,6	712
Евреи	959	50,4	944	49,6	984	2472	49,9	2477	50,1	1004
Татары	992	63,1	581	36,9	585	1286	55,4	1035	44,6	805

Источники: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 78, Тобольская губерния, СПб., 1905; Т. 79. С. 76–77; Томская губ., СПб., 1904. С. X.

Тем не менее, трудности жизни в суровом крае, особенно значительные для ссыльных, заставляли искать опору, прежде всего, в членах семей и родственниках, так как семейная кооперация помогала выживанию. Так, например, в феврале 1865 г. Тит Францевич Ковальский, водворенный в д. Старый Тартас Усть-Тартасской вол., собственноручно писал, что после выздоровления и выписки из Вознесенского этапного лазарета, его должны были отослать в г. Томск. Он просил разрешения остаться в Усть-Тартасской волости для окончательного водворения, поскольку «...сверх ожидания встретил... водворенного в здешней

волости сродного брата, живя с которым... будет легче переносить все противности и препятствия, встречаемые на каждом шагу при сегодняшнем положении на чужбине» [4, р. 36].

Национальные различия средней людности городских семей позволяют рассмотреть переписные листы переписи 1897 г. по Тобольской губ. Проанализировав 500 переписных листов по городу Тобольску, получаем следующие данные: наибольшая средняя людность отмечена в еврейских семьях – 6,8 чел. (95 чел., 14 семей), затем следуют татары – 5,5 чел. (61 чел., 11 семей), поляки – 4,5 чел. (107 чел., 24 семьи), русские – 3,9 чел. (1740 чел., 444 семьи), немцы – 3,5 чел. (14 чел., 4 семьи) и эстонцы – 3,5 чел. в среднем на семью (7 чел., 2 семьи) [5].

Поскольку семейные отношения имеют значительные вариации в зависимости от национального состава, это неминуемо должно отражаться на национально-конфессиональных особенностях внутренней структуры семей. Отмеченный в литературе процесс сглаживания структурно-количественных характеристик семей различных национально-конфессиональных групп, безусловно, был связан с характерной для города стандартизацией и унификацией быта, образа жизни, отмечавшейся исследователями отечественного города.

Метрические книги католического костела Тобольска позволяют рассмотреть возрастные характеристики браков католиков, подавляющее большинство которых было поляками. По записям о бракосочетавшихся 1876–1890 гг. (100 записей), средний возраст женихов в первом браке составлял 31,3 года (минимальный – 20, максимальный – 53), во втором – 43,2 года (минимальный – 25, максимальный – 66). Средний возраст невест был в первом браке 20,1 лет (минимальный – 14, максимальный – 40), во втором браке – 34,3 года (минимальный – 21, максимальный – 49) [6].

Записи рубежа веков – 1898–1901 гг. (всего рассмотрено 102 записи), – дают следующие показатели: средний возраст жениха в первом браке – 29,1 года (минимум – 18, максимум – 56), во втором браке – 46,0 лет (минимум – 24, максимум – 65). Для невест средний возраст первого брака составлял 22,5 года (минимум – 16, максимум – 52), второго – 38,0 лет (минимум – 30, максимум – 57) [7].

Данные метрических книг Тобольского костела показывают, что среди поляков, проживавших в Сибири, сословные различия возраста вступления в брак были незначительными. Так, во второй половине 1870-х – 1880-х гг. средний возраст женихов составлял: среди мещан – 34,4 года, дворян – 33,8 лет, солдат – 31,0 год [6]. На рубеже столетий (1898–1901 гг.) этот показатель был у дворян – 27,7, солдат – 28,3, разночинцев – 30,5, мещан – 32,3, крестьян – 32,4 [7].

Сведения метрических книг католического костела Тобольска показывают, что среди поляков в 1876–1890 гг. повторных браков у мужчин было 23%, женщин – 13%. В 1898–1901 гг. доля таких браков была ниже: у мужчин – 12,7%, женщин – 10,8% [6; 7].

На основании этого же источника получаются следующие данные о разности в возрасте супругов в семьях поляков. В 1878 – 1890 гг. в первых браках мужчины были в среднем на 9,9 лет старше своих жен (размах вариаций – от 5 лет в пользу жены до 28 в пользу мужа), во вторых – на 17,3 года (размах вариаций от 0 до 37 лет в пользу мужчины) [6]. К рубежу XIX–XX вв. разница в возрасте супругов в польских семьях уменьшилась. По записям 1898 – 1901 гг. в первых браках она составляла в среднем 5,6 лет (от 10 лет в пользу женщины до 25 в пользу мужчины), а во вторых браках – 12,8 лет (от 4 до 38 лет в пользу мужчины) [7].

Более высокая разница в возрасте вступления в брак среди поляков объясняется преобладанием мужчин среди польского населения Сибири, что создавало трудности при создании семьи и откладывало его на более позднее время. В 1876 – 1890 гг. равных браков (с разницей в возрасте 3 года и менее) среди поляков, заключивших брак в костеле Тобольска, было всего 10% [6]. В то же время доля неравных браков (с разницей между супругами в 10 лет и более) была очень большой – 57%. К рубежу веков эти диспропорции несколько выровнялись. Среди браков, заключенных в 1898–1901 гг., равные браки составляли 33,3%, неравные – 29,4% [7].

Можно отметить, что дворяне-католики (поляки) в большей степени создавали сословно однородные браки, чем православные (русские) дворяне и чиновники. В 1876–1890 гг. из вступивших в брак дворян католиков 79,3% женились на дворянках же. В 1898–1901 гг. этот показатель составил 54,5% [6; 7]. Данное обстоятельство объясняется тем, что среди православных дворян и чиновников потомственных дворян было очень мало, и низшая, самая многочисленная группа чиновников не имела даже личного дворянства. В то же время среди польского дворянства в Сибири подавляющее большинство были потомственными дворянами, предпочитавшими жениться на дворянках. В целом же односословные браки среди поляков на рубеже веков составляли 44,7% [6; 7].

Важен вопрос о межнациональных браках. Однако оценить распространенность таких браков в Сибири достаточно сложно в силу скудных сведений источников. В частности, при венчании православных с христианами других конфессий в метрических книгах православных церквей далеко не всегда отмечался этот факт. В соответствии с законодательством, заключению смешанных

христианских браков между католиками и православными, православная церковь не препятствовала, однако для этого требовалось получить от римско-католического духовенства подтверждение о внебрачном состоянии и правоспособности желающих вступить в брак [8, с. 51–52].

Устранение ряда формальностей облегчило вступление в смешанные браки православных и католиков. Вместе с тем, для последних это означало ослабление связей с католическим сообществом. Римско-католическое духовенство утрачивало возможность участия в их дальнейшей судьбе, влияния на католиков, вступающих в брак с православными. Это отстранение католической церкви от создаваемых смешанных семей усиливалось еще и тем, что дети, рожденные в подобных браках, по законодательству должны были воспитываться в православной вере.

Статистик Е.В. Клячкин, по материалам метрических книг, исследовал национальную гомогенность браков, заключенных в Омске в 1916 г. Опираясь на его данные, мы можем вывести коэффициенты национальной гомогенности брака, которые составляли: для евреев 1,0, татар – 1,0, русских – 0,96, немцев – 0,80, поляков – 0,36 (т.е. только чуть больше трети браков поляков были национально-однородными) [9, с. 35].

Коэффициенты, равные единице, для евреев и татар означают, что представители этих национальностей практически не вступали в смешанные браки, что определялось, конечно же, религиозными причинами. Например, о сибирских татарах современник писал: «От русских живут обособленно, с ними не смешиваются и в браки не вступают, как другие инородцы Сибири» [10, с. 26].

Низкий уровень национальной гомогенности браков среди поляков обусловлен значительным преобладанием мужчин среди польской диаспоры в Сибири. Многие современники отмечали, что поляки в силу этого часто женились на православных женщинах и «осибирячивались». Например, политический ссыльный С. Анисимов, отбывавший ссылку в Ялуторовске, в своих мемуарах упоминал о многих таких фактах: «Другой поляк... хотя и утратил все связи с Польшей, но тоже гордился, что он поляк, несмотря на то, что имел жену сибирячку и взрослых детей, не умеющих говорить по-польски» [11, с. 39].

С.В. Максимов в своей книге «Сибирь и каторга» (СПб., 1900) писал о «доказанной опытом силе влияния брачных союзов на обрусение поляков в Сибири». Он говорил, что поляки: «сначала пленившись сходством родного языка с русским, забывают родную речь, потом, увлекшись девицею-сибирячкою, женятся и под влиянием среды и обаятельной жены отстают от

обычая; в итоге сын поляка уже человек православной веры и коренной сибиряк, а сам отец на склоне дней человек национально-обезличенный» [12, с. 338].

Для поляков вопрос о смешанных браках был достаточно острым. Часть поляков – проповедники «чистоты польской национальности» придавали этому вопросу весьма большое значение. При этом польское национальное начало рассматривалось как тождественное воспитанию в духе истинного католицизма. Создание семьи, в которой одна сторона исповедует православие, с точки зрения патриотов разрушало «польский дух», способствовало быстрому обрушению.

Очевидно, что такое отрицательное отношение к бракам поляков с сибиряками дополнительно подкреплялось и самой насильственной русификационной политикой, проводившейся в отношении поляков царским правительством.

Однако факты красноречиво свидетельствуют и о прямо противоположной тенденции. Случаи вступления в брак с сибирячками польских ссыльных 1860-х гг. исчисляются сотнями. Среди поляков, женившихся в Сибири на представительницах местного населения, были выходцы из различных сословий.

Некоторые польские ссыльные, ставшие видными деятелями науки и культуры в Сибири, нашли себе верных спутниц жизни среди местных уроженок. Так, например, Б.С. Шостакович упоминает выдающегося геолога Яна Черского, неразлучной спутницей и помощницей которого в научных экспедициях стала сибирячка Мавра Павловна. На сибирячке был женат известный ученый-археолог, польский ссыльный Миколай Витковский [13, с. 93].

Спокойнее всего к данной проблеме относились крестьяне: «Конечно, повстанцы из крестьян охотно устраивались на земле, заводили свое хозяйство, и теперь, через 40 лет их нельзя было отличить от сибирских старожилов: они имели такие же дома, хозяйство, скот, женились на сибирячках и обращались в крепких зажиточных «чалдонов» [11, с. 31].

В целом, несмотря на русификаторскую политику в сфере заключения браков между ссыльными поляками и сибирячками, и несмотря также на пропаганду сторонников националистических взглядов, сама жизнь в Сибири указывала естественное решение этого вопроса.

Конечно, смешанные браки ставили много проблем перед супругами в силу значительных национально-конфессиональных особенностей брачного поведения. В частности, много различий было в демографических параметрах семей разных национальностей, в прокреативном поведении, внутрисемейных отношениях.

Один из современников приводил слова старого поляка, прожившего долгие годы в Сибири, женатого на сибирячке, имеющего детей: «Мы живем здесь, у меня русская жена и дети чалдоны, а я здесь чужой; здесь и земля не наша и ебо не наше!» [11, с. 43].

Многочисленные примеры смешанных браков поляков в пореформенной Сибири говорят об интенсивности этнокультурных взаимодействий. По свидетельствам современников, в возникавших таким образом семьях обнаруживалось в большинстве случаев соединение элементов духовной культуры различных народов Российского государства. При этом религиозные моменты обычно отступали на второй план. У детей в подобных семьях воспитывалось уважительное отношение к прошлому своих родителей, к своему происхождению, вырабатывалась национальная и конфессиональная толерантность.

Таким образом, история польской семьи в дореволюционной Сибири является важной исследовательской проблемой и требует дальнейшего изучения. В частности, необходимо обратить внимание на такие аспекты, как брачное законодательство, демографические параметры семьи, проблема межнациональных браков, внутрисемейные отношения.

Библиографический список

1. Skubniewski W. A. Polacy na Syberii w świetle materiałóspisu powszechnego z 1897 r. // Wrocławskie Studia Wschodnie. 1999. № 3. S. 75–76.
2. Гончаров Ю. М. Очерки истории еврейских общин Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Барнаул: АЗБУКА, 2013. 174 с.
3. Никулина И. Н. К вопросу о пребывании польских политических ссыльных на Алтае в 60-е гг. XIX в. // Актуальные вопросы истории Сибири: III научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. Барнаул, 2002. С. 180–181.
4. Gonczarow J. M. Polska rodzina na Syberii w połowie XIX i na początku XX wieku // Zesłaniec. № 29. 2007. S. 33–48.
5. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. – Оп. 2. – ДД. 1–38.
6. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. – Оп. 30. – Д. 35.
7. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. – Оп. 30. – Д. 54.
8. Гончаров Ю. М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 384 с.
9. Клячкин В. Е. Естественное движение населения г. Омска по параллельным данным за 1913, 1916, 1923–26 гг. Омск, 1928. 50 с.
10. Швецов С. П. Сибирь, кто в ней живет и как живет. СПб., 1909. 64 с.
11. Анисимов С. Исторический город Ялуторовск. М., 1930. 68 с.
12. Максимов С. В. Сибирь и каторга. СПб.: Издание В. И. Губинского, 1900. 487 с.
13. Шостакович Б. С. История поляков в Сибири (XVII–XIX века). Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1995. 165 с.

Зверев В. А.

доктор исторических наук, профессор ИИГСО

*ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»
(г. Новосибирск, Россия)*

САНИТАРНО-ГИГИЕНИЧЕСКИЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ ВОСТОЧНОЙ БАРАБЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.

Аннотация. В статье характеризуется история изучения в 1920-е гг. государственными органами Сибири с участием медицинских работников санитарно-гигиенического состояния сельских поселенческих комплексов. Публикуется отчет о проведенном в 1927 г. массовом обследовании населенных пунктов Каргатского и Индерского районов Новосибирского округа. В отчете приведены данные, характеризующие в целом неудовлетворительное санитарное состояние здешних жилищ, бань и колодцев, санитарно-гигиенической культуры населения.

Ключевые слова: Новосибирский округ, Бараба, 1920-е гг., массовое санитарно-гигиеническое обследование, поселенческий комплекс, сельское жилище, деревенская баня, водоснабжение населения.

В истории русского населения Западной Сибири в последнее время благодаря трудам П. Е. Бардиной, В. А. Липинской, А. Ю. Майничевой, Л. А. Скрыбиной, О. Н. Шелегиной, Т. К. Щегловой и других ученых значительно продвинулось вперед исследование сельских поселенческих комплексов, крестьянских усадеб и жилищ. В то же время остаются слабоизученными некоторые важные аспекты этой темы. Среди них – санитарно-гигиеническое состояние жилищных и поселенческих комплексов, которое непосредственно влияет на демографическую сферу общественной жизни (конкретно – на заболеваемость и смертность населения), будучи отражением жизнесохранительной культуры народа. Автор данной публикации В.А. Зверев издал серию статей по этой проблеме, ввел в научный оборот комплекс материалов массовых обследований, проведенных в 1920-е гг. медицинскими и земельными органами сибирских губерний, а затем администрации Сибирского края.

Обследования охватили в 1924–1929 гг. большинство субрегионов Сибири, в том числе интересующий нас в данной монографии Барабинский округ и граничащие с ним округа – Новосибирский, Омский, Славгородский, Томский и др. Они проводились путем сочетания методов анкетирования и выборочного осмотра жилищ и поселений на местах силами экспедиционных отрядов, возглавляемых санитарными врачами и инженерами. Обобщенные матери-

алы обследований частично опубликованы в виде обзорных брошюр и статей в «Сибирском медицинском журнале» за 1926–1930 гг. Часть полученных материалов хранится в центральных и региональных архивах, она нуждается в дальнейшем выявлении, обработке и публикации.

Здесь публикуется основная часть отчета, подготовленного по результатам осмотра в 1927 г. санитарного состояния селений и жилищ в восточно-барабинской части Новосибирского округа – в Каргатском и Индерском районах. Система водоснабжения здесь была обследована в 1926 г. Южная часть данной местности до 1917 г. входила в состав Барнаульского уезда Алтайского горного округа. Автор отчета – руководитель обследования, заведующий санитарно-эпидемиологическим подотделом Новосибирского окружного отдела здравоохранения, профессиональный врач М. Л. Айзин. При публикации нами исправлены немногие имеющиеся в оригинале явные ошибки и опечатки, путем пересчета уточнен ряд количественных показателей.

**Санитарное состояние населенных пунктов и сельских жилищ
Барабинской зоны [Новосибирского округа]
по данным выборочного обследования**

[г. Новосибирск]

[1927г.]

С целью изучения современного санитарного состояния населенных пунктов и жилищ санитарная организация [Новосибирского окружного отдела здравоохранения] приступила к плановому обследованию, и приводимый ниже очерк является разработанным на материале, собранном за 1927 год.

Санитарным обследованием населенных пунктов был охвачен главным образом Каргатский район, который с 1893 года стал местом широко проводимого переселенческого вселения. Из обследованных 34 населенных пунктов, что составляет 24,1 % всех селений района, обследовано 3 старожильческих селения, 27 созданных в порядке переселения в годы с 1893 по 1908 и 4 организованных уже в порядке планового переселения в годы послевоенного времени, с 1918 по 1921. Главным контингентом переселившихся являются крестьяне центральной части России – Тамбовской, Воронежской, Смоленской и Калужской губерний, а также Западного края – Минской, Ковенской и Гродненской губерний, т. е. население наиболее обезземеленное в прошлом, а, следовательно, и экономически слабое, которое в места нового вселения перенесло свою культуру, санитарно-гигиенические навыки и быт. Основными занятиями населения являются земледелие и скотоводство. Отхожий промысел неразвит, подсобными в редких случаях являются рыболовство и охота.

Населенные пункты разбросаны частью вдоль реки Каргат – 11 пунктов, остальные 23 стоят на «колодцах». Выбор места для населенного пункта был предоставлен во всех почти без исключения случаях ходакам, от вкуса и привычек которых в дальнейшем зависела организация поселка. Главным образом этим и объясняется исключительно неудовлетворительный выбор в санитарном отношении мест для заселения; так, 26 селений расположены вблизи болот, площадь которых в среднем 1/2–2 кв. версты, на солонцах. Такое расположение уже вело к тому, что создавались весьма неблагоприятные как санитарные, так и климатические условия: высокая влажность, частые туманы, как следствие этого – высокое стояние почвенных вод. Отсутствие доброкачественной воды ввиду солончаковости почвы [является] и благоприятным условием для развития заболеваемости, главным образом малярии, которая в этих условиях становится социальным бедствием. Селения, расположенные вдоль рек, представляются вытянутыми в одну – две улицы... остальные представляют большую фантазию рисунка в общем плане. Все селения, за исключением расположенных по реке, вытянуты направлением с запада на восток, что в условиях постоянных западных и юго-западных ветров создает, особенно зимой, тяжелые условия для жителей, дома которых почти целиком заносятся снегом.

Отбросы сельской жизни, которые в большинстве своем представляют навоз от животных, представляя высокоценный удобрительный материал, совершенно почти не используются для этих целей, а наоборот, служат постоянным источником загрязнения населенного пункта.

В обследованных селениях только в 7-ми отведены специальные свалочные места, в остальных же селениях, т. е. в 80 %, свалок не имеется, и навоз или вывозится на улицу селения, или же годами копится на дворе усадьбы, а в расположенных на реке в 100 % вывозится на берег... летом, зимой на лед; и река используется в качестве удобного и дешевого транспортера, когда в весеннюю пору полый водой и льдом [навоз] уносится, загрязняя последнюю на всем ее протяжении.

В селениях, где скотоводчество является преобладающим занятием в сельском хозяйстве, из года в год навоз накапливается на дворах усадьбы, образует целые горы, на вершине которых возвышается скотный двор, служащий приютом для скота и местом оправления естественных потребностей населения. С наступлением весны, когда под влиянием теплых лучей солнца образуются весело журчащие ручейки, последние несут навозную жижицу, смешанную с человеческими экскрементами, на двор усадьбы, загрязняя почву жилища и, главным образом, источники водоснабжения – колодцы, которые обычно

располагаются посреди усадьбы, недостаточно защищены от попадания сточных вод. И в весеннюю пору население испытывает тяжкие страдания от недостатка воды, которая к тому же становится совершенно непригодной к употреблению.

Другой фактор, характеризующий благоустройство населенных пунктов, отражающий в достаточной степени гигиенические навыки населения – это банно-прачечное дело.

Бани – это обычно небольшой сруб размером $3,5 \times 3$ м, [они] очень низкие – [высотой] в среднем – 1 метр 60 сантиметров. Устроенные по-черному, темные, грязные, редко с плотным деревянным полом. Обогревателем в бане служит «каменка» – печь весьма примитивного устройства, основание которой устроено из кирпича, а иногда – битой глины; дымохода нет, для выхода дыма устроена дыра в стене, или же двери открываются во время топки; вода греется в чугунах.

В селениях, расположенных на реке, бани устраиваются преимущественно на берегу последней. Это практически выгодно: близко вода и близок удобный путь для удаления грязных вод. В остальных селениях бани расположены в задку усадьбы. В селениях первого порядка бань больше – в среднем одна баня на 4–5 дворов, в остальных – [на] 10–15. Бани, [устроенные] по-белому, составляют 2 % общего числа бань. Моется население в среднем 3–4 раза в месяц, мыло употребляется редко, его заменяет щелок. В поселке Калужском население моется в среднем один раз в месяц и совершенно не употребляет мыло. Помимо своего прямого назначения, баня одновременно служит местом стирки белья (53 %). Полосканье [постиранного белья] производится на реке или же вблизи колодцев.

Промышленные предприятия, главным образом маслодельные заводы, благодаря примитивному устройству, а иногда полному отсутствию сооружений для сточных вод, служат источником загрязнения почвы.

Что касается наиболее важного вопроса, имеющего первостепенное значение в деле санитарного состояния в селении и его благоустройства, удовлетворения элементарных жизненных удобств, а также потребностей, вытекающих из экономики сельского хозяйства, – вопроса о водоснабжении, то и здесь дело обстоит не лучше.

Лучшим источником водоснабжения является грунтовая вода – колодцы; в этом отношении из обследуемых селений [пользуются] исключительно колодезной водой 20 селений, или 59 %. Колодезной и речной – 12, или 35 %. Колодезной и озерной – 2 селения, или 6 %.

Принимая во внимание большую заболоченность почв вблизи населенных пунктов, солончаковость почвы, высокое стояние почвенных вод, особо важное значение приобретает глубина колодцев. Из обследованных 127 колодцев [оказались] с глубиной от 3 до 4 м 113 колодцев, или 89 %, с глубиной от 5 до 7 м – 14, или 11 %.

Таким образом, видно, что население пользуется в подавляющем большинстве «верховодкой», т. е. водой в санитарном отношении весьма недоброкачественной, загрязненной и по своему химическому составу далеко не удовлетворительной: содержание хлора колеблется от 200 до 380 мл на литр, жесткость [составляет] 25–40 (немецкой жесткости). Вода рек в летнее время для личного употребления не идет и лишь только зимой используется для этой цели лед, который население растаивает.

Материалом для устройства колодцев служат: береза в 100 случаях, или 78,7 %, плетень ивовый – в 27 случаях, или 21,3 %. Таким образом, и здесь мы видим далеко не удовлетворительное устройство, когда уже одно наличие плетня в качестве сруба красноречиво свидетельствует о проникновении поверхностных вод в колодцы.

Признаки загрязнения колодцев обнаружены в 87 [случаях], или 68,5 %. Стирка и полоскание белья у колодцев производится в 73 [случаях], или 57,5 %. Водопой [скота практикуется] в 109 [случаях], или 85,8 %.

Из общего числа 127 колодцев общественных насчитывается 9, или 7 %, из которых 2 пришли в полную негодность. Вода, годная для питья, [содержится] в 32 колодцах... Таким образом, только 25,2 % общего числа колодцев дают, при весьма скромных требованиях сельского жителя, воду, годную для питья.

Приведенные данные в достаточной степени характеризуют тяжелое положение сельского населения как в части источников водоснабжения, так и в водопользовании, и в первую очередь должны приковать внимание как самого населения, так и общественных организаций, в том числе и санитарных. В деле улучшения этого вопроса необходимо использовать максимальную общественную самодеятельность путем постройки общественных колодцев, удовлетворяющих санитарно-техническим требованиям, предоставления долгосрочного кредита, отпуска специальных средств в сметном порядке по райбюджетам санпросвета.

В новых поселках, созданных в порядке планового переселения с 1918 по 1921 год, повторяются старые ошибки в деле благоустройства, и проводимому в настоящее время переселению, рассчитанному на десятилетия, необходимо из

прошлых ошибок сделать соответствующий вывод при практическом осуществлении этого вопроса. <...>

Теперь остается рассмотреть несколько подробнее важнейшую часть благоустройства – это крестьянское жилище. Санитарное обследование жилищ было произведено в 5 селениях – наиболее характерных, в районе, обслуживаемом санитарным врачом.

Обычным материалом для постройки деревенской избы служит дерево – береза, и только там, где население совершенно лишено последнего (главным образом Индерский район), на строительство идет верхний растительный слой почвы – «дерно». Из обследованных нами 516 жилищ пластовых [изготовленных из дерна] изб – 44, или 8,5 %, причем последние преимущественно встречаются в поселке Калужском Индерского района, образовавшемся в 1921 году в порядке планового переселения из крестьян Калужской губернии, Козельского уезда. Из всех 53 жилищ пластовых [здесь насчитывается] 39, или 73,6%.

Типичными жилыми постройками являются 4-стенки, или однокомнатные избы, [а также] 5-стенки 2-комнатные, реже встречаются 6-стенные дома и в единичных случаях – крестовые, владельцами которых является наиболее зажиточный элемент деревни. Так, в обследованных нами селениях встречаются:

Общее число жилищ	4-стенных		5-стенных		6-стенных		Крестовых	
	абс. число	% от- нош.	абс. число	% от- нош.	абс. число	% от- нош.	абс. число	% от- нош.
516	208	40,3	267	51,7	35	6,8	6	1,2

Архитектура домов весьма проста и [не]затейлива. Дома строятся без фундамента, вместо него под нижнее звено подкладываются толстые прокладки, или сруб устанавливается на утопленных по углам столбах.

Законопачивание щелей в стенах производится мхом; верхний слой почвы из болота способен быстро загнить, [поэтому] последний оконпачке не подвергается, а слегка затыкается в пазы, пока еще сруб недостаточно осел, а затем, если вся хата не обмазывается, пазы тщательно проходят толстым слоем (смесь солонца с навозом) внутри и снаружи.

Крыши обыкновенно устраиваются из [наи]более доступного и дешевого материала – соломы или дерна, причем в селениях со скотоводческим уклоном в сельском хозяйстве встречаются [крыши] преимущественно пластовые (солома идет на корм животным), [а там, где занимаются в основном] землепашеством – соломенные. Деревянные и железные крыши встречаются редко.

Так, из общего числа [516 жилищ] имеют крыши:

Пластовые		Соломенные		Берестяные		Железные		Деревянные		Огнестойкие	
абс. число	% от-нош.	абс. число	% от-нош.	абс. число	% от-нош.	абс. число	% от-нош.	абс. число	% от-нош.	абс. число	% от-нош.
377	73,1	108	20,9	15	2,9	8	1,5	5	1,0	3	0,6

Таким образом, наиболее частым материалом для крыш используется весьма дешевый и быстро приходящий в негодность – дерн, за ним следует солома и далее береста, встречающаяся исключительно в старожильческом селе Каргане; 73 % крыш протекает.

В устройстве полов преобладающим материалом является дерево, преимущественно береза. Полы недостаточно плотно пригнаны, образуют широкие щели, которые в обиходе сельского жителя используются для сметания в них сора, крашенные полы встречаются только в старожильческом селе Каргане; во всех селениях полы одинарные. Так, с деревянными полами 450 жилищ, или 87,2 %, с земляными – 66, или 12,8 %. В поселке Калужском из 53 домов земляные полы встречаются в 51, или 96,2 %.

Благодаря тому, что растительный верхний слой под жилым помещением не убирается, через пол попадают всякие отбросы и вода, все это вызывает быстрое загнивание низших венцов, и запах гнили постоянно проникает в избу, портя и без того тяжелый воздух.

Санитарные значения и качества земляных полов общеизвестны – это самая благоприятная почва для развития всяких микробов, в том числе и болезнетворных, источник постоянной сырости, а если добавить к этому, что из 516 обслед[ованных] жилищ телята, ягнята, маленькие поросята, а иногда и отелившаяся корова помещаются в 378 избах, или 75 % всех жилищ, нетрудно будет представить ту санитарно-гигиеническую обстановку, в которой сельскому жителю приходится проводить почти половину своей жизни, а хрупкому организму ребенка – первые годы своей жизни.

Кроме того, наличие сырости в жилищах с земляными полами и деревянных с сырым подпольем благоприятствует, при всех прочих условиях, развитию насекомых, особенно блох в осеннюю пору. Иногда обилие насекомых достигает такого количества, что для непривычного человека пребывание в таком жилье становится совершенно невозможным. Так, во время обследования поселка Калужского в сентябре м[еся]це с[его] г[ода] я вынужден был ночевать на открытом воздухе, чтобы не быть заеденным блохами. По заявлению хозяев, насекомые – блохи, клопы, вши платяные – встречаются в 460 домах, или 89 %

всех обследованных жилищ. Показатель, достаточно характеризующий как санитарную обстановку сельского жителя, так и его гигиенический навык.

Из дальнейшего устройства в сельском жилище – отопительные приборы, печи. Обыкновенно каждая изба имеет русскую печь, которая с давних пор пользуется большой любовью и, быть может, вполне заслуженным вниманием. Ничто в сельском жилище не выполняет так много обязанностей и различных назначений, как русская печь: она обогревает жилище, в ней варят пищу, пекут хлеба, греют воду, сушат зимнюю одежду, а иногда это единственное теплое место, где обогреваются обитатели и спят маленькие дети.

В соответствии с возложенными на нее обязанностями она занимает довольно внушительное место в жилище. Так, в среднем размеры ее равны: длина – 1,8–2 метра, ширина – 1,5–1,6 метра, высота от пола – 1,3–1,5 метра, соответственно с этим объем печей колеблется от 3,5... до 4,8 куб. метров; последние в малых избах 4-стенных занимают до 25 % всего объема жилища.

Печи устраиваются или сплошь из кирпича, или глинобитные, причем основание их несколько ниже пола, деревянное. Голландские печи встречаются в избах 5-стенных, довольно часто... из 267 пятистенков в 110, или в 41 %.

Размеры изб 4-стенных колеблются от 15 до 20 куб. мет[ров], в 5-стенных [они], соответственно, больше в 2 раза. Таким образом, в избах с меньшими размерами приходится на одного живущего меньше воздуха. Так, в 4-стенных на одного живущего – 5–7 куб. метр[ов], т. е. почти в 3 раза меньше гигиенической нормы, в 5-стенных [объем воздуха на каждого жителя] увеличивается в 1 1/2 – 2 раза – от 9 до 12 куб. метров, и в 6-стенных он колеблется в пределах нормы; в крестовых домах эта норма не увеличивается: жилищная потребность уступает хозяйственным нуждам и, как правило, 4-я комната используется как кладовая.

Таким образом, количество воздуха является далеко не достаточным... к этому [следует] прибавить совершенное отсутствие искусственной вентиляции, наличие в 73 % [жилищ в зимнее время года] животных, которые, помимо потребления кислорода, отправляют здесь же естественные потребности, окончательно портя воздух. В избах с земляными и щелистыми полами эта порча достигает крайних пределов. Это и есть тот сказочный «русский дух», который везде различишь, в котором, по народной поговорке, «хоть топор вешай».

Что касается освещения изб, то в этом отношении сказывается особенно деревенский практицизм. «Окна пускают холод», – так говорит крестьянин, а потому все его стремления сводятся к уменьшению размеров последних. Рамы встречаются преимущественно одинарные, которые особенно в зимнюю по-

ру служат источником сырости, т[ак] к[ак] на холодной поверхности стекла постоянно осаждаются пары из воздуха жилья; замерзая на стекле и подоконниках толстым слоем, с повышением температуры в комнате всё это тает, льется на стены и на пол. Рамы обычно прямоугольные, [их] высота – 68 сант[иметров] в среднем, ширина – 40–60 сант[иметров]; в соответствии с этим световая площадь колеблется от 0,25 до 0,4 кв. мет[ра]. В среднем отношение световой площади к площади пола равно 1 : 20, однако амплитуда колебаний довольно значительна: от 1 : 10... исключительно в селениях старожильческих... до 1 : 40 и более главным образом в пос. Калужском. Итак, освещение в сельской избе является далеко не достаточным.

Нижеприведенная табличка показывает зависимость жилища от зажиточности владельца.

[Социальный слой]	Общее число жилищ	В 1 комнату		В 2 комнаты		В 3 комнаты		В 4 комнаты	
		абс. Число	% от-нош.	абс. число	% от-нош.	абс. число	% от-нош.	абс. число	% от-нош.
Бедняк	180	126	70,0	54	30,0	–	–	–	–
Средняк	237	58	24,5	158	66,7	20	8,4	1	0,4
Зажиточный	41	–	–	24	58,5	14	34,2	3	7,3

Из таблицы видно, что беднейшее население является обладателем преимущественно жилищ в 1 комнату, средняк – 5-стенков (36,7 %), и крестовыми [домами пользуются] исключительно зажиточные. Считаясь с тем, что элемент зажиточных составляет всего лишь 9 % всех владельцев жилищ, это распределение будет характерным для сельских местностей.

Общий жилищный индекс, согласно формуле, предложенной доктором ПУЛЬКИС[ОМ] (т. е. среднее количество стен в каждом доме), будет для всех обследованных поселений равен 4,7, колеблясь от 4,9 в сибирском старожильческом селении (близок к норме) до 4 в пос. Калужском.

Таково в общих чертах санитарное состояние жилищ: они тесны, темны, грязны, без всякой вентиляции, малы по объему воздуха.

[Основные итоговые] положения

1. Выбор места для населенных пунктов проводился без учета факторов, влияющих на санитарное состояние населения, и предоставлен последнему; то же положение встречается в селениях, организованных в порядке планового переселения в первые годы после революции.

2. Фактором, постоянно угрожающим общему благополучию сельского населения, является загрязнение почвы и источников водоснабжения; навоз – главный источник этого загрязнения – представляет ценный удобрительный

материал, [но] рационально не используется. Поощрение выделения [части жителей из нынешних населенных пунктов] и создания новых мелких поселков вблизи обрабатываемых полей даст возможность целесообразно использовать удобрение, повысить санитарное и экономическое благосостояние сельского населения.

3. Водоснабжение сельского населения как в качественном, так и в количественном отношении далеко не удовлетворительно и постоянно угрожает развитием, главным образом, желудочно-кишечных заболеваний. Культурно-просветительная работа, самодеятельность населения в деле устройства хороших колодцев, доступная санитарно-техническая помощь, специальное долгосрочное кредитование, предварительные гидротехнические изыскания во вновь организуемых селениях – мероприятия, которые должны повысить и улучшить... [качество водоснабжения].

4. Дело сельского строительства носит регрессивный характер (пос. Калужский). Санитарное состояние сельских жилищ неудовлетворительное, гигиенические нормы низки, что обуславливает весь уклад санитарно-гигиенического быта сельского жителя. Мероприятия, ведущие к улучшению жилища, должны базироваться на определенно выработанной программе:

1) культурно-просветительная работа; 2) организация технико-материальной помощи и 3) премирование здорового жилища.

5. Санитарное обследование населенных пунктов и жилищ играет выдающуюся роль в деле выяснения [состояния] сельского благоустройства и строительства; желательно продолжение этой работы на основе быстро следующих вслед за обследованием практических мероприятий.

Санврач АЙЗИН.

ГАНО. Ф. Р-2008. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–6. Машинописная копия.

Имеется личная подпись М. Л. Айзина.

Библиографический список

1. Зверев В. А. Историческая эволюция крестьянских жилищ в Сибири по данным массовых санитарных обследований 1920-х гг. // Сибирь в XVI–XX вв.: экономика, общественно-политическая жизнь и культура: к 70-летию чл.-кор. РАН Л. М. Горюшкина. Новосибирск: Изд-во СО РАН: НИЦ ОИГГМ, 1997. С. 139–154.

2. Зверев В. А. Материалы массовых санитарных обследований селений и жилищ Сибири в 1920-е гг. как историко-культурологический источник // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX – XX в.). Новосибирск: Изд-во СО РАН: НИЦ ОИГГМ, 1997. С. 130–154.

3. Зверев В. А. Поселения и жилища у русских крестьян Алтая в первой трети XX в. // Этнография Алтая: (материалы II Науч.-практ. конф.). Барнаул: Науч.-произв. центр «Наследие» и др., 1996. С. 88–93.

4. Зверев В. А. Семейное крестьянское жилище в его культурно-санитарном измерении (по материалам обследований в Томско-Кузнецком крае конца XIX – первой трети XX в.) // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX в.: проблемы изучения. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. С. 13–32.

5. Зверев В. А., Зверева К. Е. Крестьянские усадьбы Томско-Кузнецкого края (по материалам массовых обследований конца XIX – первой трети XX в.) // Сибирь в панораме тысячелетий: материалы Междунар. симп. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. Т. 2. С. 184–192.

УДК 94

Рыженко В. Г.

доктор исторических наук, профессор,

Заслуженный работник высшей школы РФ

ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Рыженко Л. И.

кандидат технических наук,

директор Центра трансфера технологий СибАДИ,

председатель Координационного совета проекта «Сибирский тракт»

(г. Омск, Россия)

СИБИРСКИЙ ТРАКТ В СОВРЕМЕННОЙ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ*

Аннотация. Реконструируется участок Московско-Сибирского тракта, проходящий через территорию современной Новосибирской области, вплоть до выявления каждого поселения, через которое он проходил. Анализируются сохранившиеся артефакты и исторические сведения, свидетельствующие об особенностях этих мест. Обсуждается возможность использования данных артефактов и сведений для повышения привлекательности среды современных поселений, через которые проходил Московско-Сибирский тракт.

Ключевые слова: Московско-Сибирский тракт, карта памяти, локальные социокультурные сообщества, локальная история, джунгары, форпост, граф М. М. Сперанский.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-09-00329

Тема дороги, её роли в динамике историко-культурных трансформаций от прошлого к современности привлекает всё большее внимание в контексте парадигмы памяти. От последнего десятилетия XX века до настоящего времени проблемы сохранения памяти увязываются с региональной и локальной идентичностью. Возникают различные теории, конструирующие и интерпретирующие наполнение воображаемого и реального «пространств памяти». По выражению популярного французского историка Пьера Нора, «мы живём в эпоху всемирного торжества памяти» [1]. На уровне локальных исследований выстраиваются свои версии, описывающие символическое влияние дороги. Так, омские авторы своеобразной презентационной книги «Сила Сибири» [2] отвели отдельный раздел под названием «Сила дороги», в котором пытаются раскрыть, как российская цивилизация прирастала Сибирью (от Московско-Сибирского тракта до пуска Транссиба).

Означает ли это, что представители современных локальных социокультурных сообществ (учёные и краеведы) готовы к составлению «карт памяти» освоения реальных пространств, выделяя в качестве особого маркера артефакты, отражающие процесс продвижения и закрепления Московско-Сибирского тракта как явную региональную и локальную специфику истории развития российской цивилизации?

Ответ на этот вопрос предполагает скрупулёзную эмпирическую стадию накопления информации из различных источников, особенно картографических. Значительный вклад в ответ на эти вопросы внесён трудами О.Н. Катионова [3]. На современных порталах можно найти дополнительную информацию, в том числе связать её с планировочной структурой поселений [4]. Следующий шаг – это осмысление накопленного и фиксация результата в виде соответствующего справочника. Такая более чем пятилетняя работа была проделана Л.И. Рыженко. Её результаты недавно были опубликованы [5].

Остановимся в качестве примера актуальной практической полезности такого справочника на характеристике истории, топографии и топонимики одного из участков Сибирского тракта, проходившего через территорию современной Новосибирской области. В статье будет применен способ изложения топонимов, принятый в данном справочнике (современное название, и старое название в скобках).

Первыми укреплёнными пунктами вдоль дороги из Тары в Томск были Усть-Тартасский, Каинский и Убинский форпосты (пасы), поставленные в разное время в конце XVII – начале XVIII вв. для защиты ясачных барабинцев (сибирских татар) от набегов джунгар и киргизов. Однако они подвергались напа-

дениям с юга, их сжигали, и потребовалось создать Иртышскую и Колыванскую засечные линии крепостей, чтобы обезопасить Барабинскую степь от кочевников и приступить к прокладке безопасной гужевой дороги с ямскими постоянными дворами.

Самая старая дорога на восток была проложена от города Тары (современная Омская область) вдоль реки Тары через нынешнее Муромцево и далее через болотистый Угуйский волок. В 1755-1763 гг. создаётся южный обход этого волока. Новый тракт, официально открытый в 1761 г., стал главной почтовой дорогой. Он шёл из г. Тары на юг до села Такмык (1682), где была переправа через Иртыш, затем по правому берегу Иртыша до села Артын (1719; почт. ст.). Далее путь шёл на юго-восток, пересекал современную трассу 52К-1 и через деревни, созданные одновременно в 1750-1760-х годах: Копьево (почт. ст.), и уже на территории современной Новосибирской области: Резино (почт. ст.), Мураши (почт. ст.), Кушаги, между озёрами Рыжово и Коровьево заходил в Камышево (Хохлово; почт. ст.). Сюда же направлялась и дорога из Омска, проходившая через Хомутинку (1765) в Еланку (XVII в.) и Усть-Тарку (Назарово, середина XVIII века).

Далее на восток шла одна единственная дорога. Первым селом на этом пути было село Камышево (Камышинское, вторая половина XVIII века; почт. ст.). В этих местах и в наши дни путешественник то с правой, то с левой стороны трассы видит старый тракт. Посередине между Камышево и Вознесенкой, напротив заросшего озера Кругленькое (возле оз. Яркуль) находится знаменитый колодец Половинка. Сейчас он освящён, обладает уникально вкусной водой и описан многими путешественниками.

У Вознесенки (Тонтура, 1753; почт. ст.) на левом берегу Оми на холме-острове, возвышающимся среди пойменных болот, когда-то стоял город Тонтура Сибирского царства, городище которого сохранилось и поныне. Через Тон-Туру в древние времена шла дорога в Среднюю Азию.

Далее тракт проходил через села, основанные в середине XVIII века (если нет уточнений). Венгерово (Голопупова; с начала XIX века – Спасское; почт. ст.). В селе находится мужской монастырь Новомучеников и Исповедников Российских. За селом – огромное пойменное пространство, заливаемое весной, которое описал Радищев, проезжавший здесь в 1790 г. В этих местах, богатых кормовыми угодьями, полторы тысячи лет назад существовала тысячелетняя скотоводческая саргатская культура, оставившая за селом на верхней пойменной террасе реки Оми долину курганов (их более двух с половиной сотен!). К сожалению, эти курганы разграблены бугровщиками.

Следующие поселения – Туруновка (Турумово; село с 1777; почт. ст.), Покровское (почт. ст.), с. Антошкино (почт. ст.), с. Булатово (почт. ст.), Мангазерка, и тракт приводил в современный г. Куйбышев (Каинск, 1722, с 1782 – уездн. город; почт. ст.). В Каинск тракт заходил по ул. Войкова, и сразу после переправы через Омь выходил к Спасскому собору. При советской власти собор был разрушен и на его месте поставлен памятник В. Куйбышеву. Сейчас памятник В. Куйбышеву перенесён к администрации города и идёт восстановление Спасского собора. Куйбышеву-Каинску с точки зрения сохранности исторической среды повезло, потому что железная дорога прошла южнее – через Барабинск. Поэтому в городе сохранилось большое количество дореволюционных построек, есть богатый историко-краеведческий музейный комплекс. После переправы через Омь тракт шёл по Краскомовской (бывшей Московской) улице и уходил на восток.

Восточнее по тракту расположены: дд. Сартаково, Помельцево, село Осиново (Осиновые колки; почт. ст.), дд. Кондусловская, Колмакова (почт. ст.), ур. Еланка, Убинское (Убинский острог, XVII в., разрушен в 1692 и восстановлен на новом месте в 1722 году; почт. ст.), Каргатское (Карганское, 1746; почт. ст.), Форпост-Каргат (отстроен чуть позже Каргатского; почт. ст.). В наши дни на трассе Р-254 возле Каргата реконструирован бревенчатый макет острога Форпост-Каргат. Там же музей вещей старинного быта под открытым небом.

Далее дорога вела между озёрами Канкуль и Качкульня через д. Красновку в урочище Каргатская Дубрава (исчезла в 1950-е гг. под именем Дуброво). После длинного перегона были Чулым (1760-е), Иткульское (сер. XVIII в.; почт. ст.). Эта часть Барабинской степи представляет собой наиболее увлажненную из всех освоенных территорий Западно-Сибирской низменности. Её можно назвать краем озёр, болот и солончаков. К середине XIX века здесь дорога прошла по большому числу гатей, которые тянулись на сотни метров. Вода застаивалась и была мало пригодна для питья. Сотник Дмитрий Пешков, проезжавший эти места в 1890 году, обратил внимание, что его конь Серый на всём этом пространстве отказывался пить воду [6]. В конце XIX – XX вв. в этих местах проведены значительные гидроосушительные работы, сделавшие окружающую среду более пригодной для жизни.

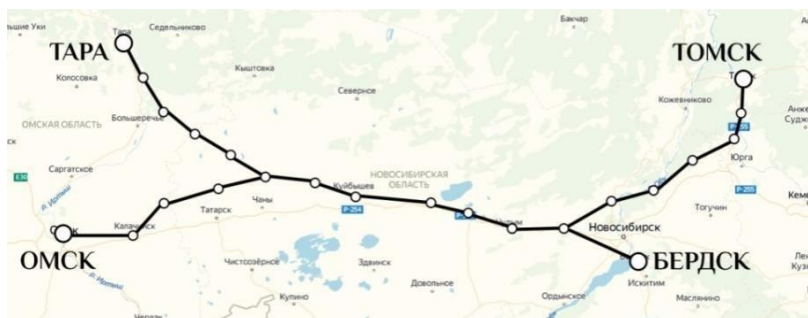
За Иткульским тракт поворачивал на северо-восток и через деревни Секты (Сактинское, 1760-е), Овчинниково (почт. ст.), Крутологово (Крутые Лога; почт. ст.) приводил в село Новотыртышкино (Тыртышкино; почт. ст.), где была развилка дорог. На юго-восток уходил путь на Бердский острог и далее в сто-

рону Алтая. А на северо-восток шел тракт на Томск, и через село Малый Оеш приводил к интересному месту – Колывани.

Город Колывань (1840) построен на пустом месте на несколько километров южнее села Чаус (Чаусский острог, 1713; почт. ст.). Возник он по замыслу графа М.М. Сперанского, который хотел создать новый центр, объединяющий Горно-заводское управление Колыванскими заводами (Алтай) и гражданскую администрацию (Томск), которые никак не могли поделить власть на этом пространстве. После первой неудачной попытки разместить центр в Бердске, было выбрано место, где пересекаются речные (Обь) и сухопутные (Сибирский тракт) пути. В 1822 году Император Александр I подписал указ: «Для удобства совокупного управления Губерниею и заводами учредить губернский город в бывшем Чаусском остроге, на реке Оби лежащем, переименовав оный Колыванью».

До строительства города дорога пересекала его будущую территорию по диагонали, и заходила в Чаус по ул. Луговой, проходя его по ул. Титова. Начиная с 1840-го года, по мере того, как строился новый город, он постепенно перегораживал старую дорогу, и движение перераспределялось по его улицам.

После Чаусского тракт шёл сначала вдоль западного берега реки Чаус, минуя село Скалу (1722), затем – вдоль берега Оби, деревню Юрт-Ору (Орский бор; почт. ст.) и после впадения реки Новая Уень (после Пристань-Почты) спускался на пойму, где, обходя многочисленные озёра, у Старицы Боган выходил к переправе через реку Обь к селу Дубровино (Дубровна, втор. пол. XVIII века; почт. ст.) на противоположной стороне. Эту переправу красочно описал А.П. Чехов в своих записках «Из Сибири».

Большинство населенных пунктов на тракте в междуречье Оби и Томи появились (если нет уточнений даты основания) в последней трети XVIII века. От Дубровино дорога шла прямо (не заворачивая в современный пос. Обской) на Ташару (перв. пол. XVIII в.; почт. ст.), далее – Умрева. В 4 км. западней в сторону берега Оби стоял Умревинский острог, воздвигнутый казаками в 1703 г.

Острог сыграл свою историческую роль в продвижении первопроходцев на Кузбасс и Алтай. Сейчас восстановлен макет одной из бревенчатых башен острога.

Тракт вёл в Ояш (Ояшинская; почт. ст.; не путать со Станционно-Ояшинским!), куда заходил по ул. Сибирской, а оттуда – через речку Ояш в сторону Болотного (почт. ст.), входил по Московской улице, а выходил там, где сейчас выходит железная дорога. В десяти километрах на северо-восток от Болотного в селе Турнаевское сохранилась знаменитая деревянная церковь во имя св. Серафима Саровского. Рядом с нею стоит небольшая деревянная церковь во имя Феодора Томского, построенная в 2003 году для проведения служб на период реконструкции Серафимовского храма. Реку Болотную тракт пересекал у нынешней границы Новосибирской области и далее шёл в сторону Томска.

Вернёмся из прошлого к современным практическим вызовам. Что нам может дать приведённое выше описание деталей и населенных пунктов на «карте памяти» о прохождении Московско-Сибирского тракта по территории современной Новосибирской области?

Во-первых, эта информация может стать опорой для познавательных и просветительских туристических маршрутов, особенно ориентированных на молодёжную аудиторию (по аналогии с движением «Поиск»). В этом случае можно обозначить целеполагание экспедиций как нахождение следов исчезнувших топографических и топонимических ориентиров (программа «Исчезнувшее прошлое в нашем настоящем»). Результатом может стать картографирование современного реального пространства, проведение социокультурного, этнографического, социологического опросов.

Во-вторых, в ходе указанного путешествия/экспедиции возможны пополнения краеведческих экспозиций районных/муниципальных музеев предметами быта прошлого, включая советскую эпоху. Сбор устной истории, а также анализ письменных источников дает возможность уточнить и атрибутировать находки, их принадлежность к конкретному месту на карте Сибирского тракта. В качестве примера можно привести элементы упряжи, отражающие особенности извоза на этом участке тракта, описанные в работе [7]. В частности, в работе детально описана езда «на дружках» – вольных ямщиках, которые по договору между собой передавали друг другу ездока, причём плата, установленная в начале пути, не менялась, и везли они преимущественно на тройках.

В-третьих, эта информация крайне полезна для процесса благоустройства тех поселений, которые находятся на траектории старого Московско-Сибирского тракта. Творческое осмысление этих сведений позволяет найти современные

градостроительные решения, повышающие привлекательность поселений. А это, в свою очередь, даст возможность сформировать туристические предложения, дающие прямой выход на капитализацию символического капитала, связанного с историей этих мест. Всё перечисленное выше направлено на реализацию новой образовательной и воспитательной стратегии РФ в рамках приоритетных национальных проектов.

Библиографический список

1. Нора П. Всемирное торжество памяти. URL. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> Дата обращения 29.07.2020; в опубликованном виде см.: Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41).
2. Сила Сибири. История Омского края – Омск : Издательский отдел Тарской епархии Русской Православной церкви Моск. Патриархата, 2016. – 294 с.
3. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVIII-XIX вв.: монография / О. Н. Катионов; под ред. д-ра истор. наук, проф. Е. И. Соловьевой. – 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Издат. НГПУ, 2008. 372 с.
4. Рыженко Л. И. Планировочная система поселений как источник по Сибирскому тракту // Московско-Сибирский тракт: история и современность, взгляд в будущее. Материалы региональной научно-практической конференции. Куйбышев: МКУК «Музейный комплекс», 2016. С. 32–41.
5. Рыженко Л. И. Великий Сибирский тракт: справочник. Омск-Тюкалинск: Ассоциация «Сибирский тракт», 2020. 269 с.
6. Пешков Дмитрий. Путевые записки (дневник) от Благовещенска до Петербурга изо дня в день, с 7-го ноября 1889 г. по 19 мая 1890 года, во время переезда верхом на «Сером». – Санкт-Петербург: тип. С. Добродеева, 1890. – 104 с.
7. Катионов О. Н., Кузнецова Ф. С. Московский тракт и его эксплуатация на территории Новосибирской области // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области: Сб. науч. Тр., посвященный 60-летию Новосибирской обл. / Под ред. Л. М. Горюшкина, В. А. Зверева. Новосибирск: Изд-во СО РАН, НИЦ ОИГТМ, 1997. С. 48–58.

Баяндин В. И.

*кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной
и всеобщей истории ИИГСО*

*ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»
(г. Новосибирск, Россия)*

МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ О КАИНСКОМ ГОРОДСКОМ СООБЩЕСТВЕ В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ (1907–1909 ГГ.)

Аннотация. На основе материалов метрических книг культовых учреждений всех конфессий г. Каинска анализируется состояние городского сообщества данного города в 1907 – 1909 гг. Приводятся конкретные сведения о естественном движении населения, а также имущественном и социальном составе населения.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Каинск, городское сообщество, метрические книги, церковь, костел, синагога.

В последние десять-пятнадцать лет метрические книги сибирских церквей прочно вошли в зону внимания ученых, исследователей, краеведов. Кто-то из них ищет упоминания о своих родственниках, кого-то интересует состав жителей населенных мест, третьи изучают демографические и миграционные процессы, происходящие на территории региона.

Мы решили рассмотреть вопрос о составе населения Каинска и его ближайших окрестностей в первые годы реализации столыпинской аграрной реформы. Нам уже доводилось работать с этим интересным источником, но в рамках иных исторических периодов. В данном случае нами были изучены метрические книги нескольких городских церквей: Спасского собора, Иоанно-Предтеченской церкви, которые входили в благочиние № 23 Томской епархии, Андрее-Екатерининской церкви, благочиние № 22 и римского-католического костела, в общей сложности это десять церковных книг. К сожалению, сохранность этих книг не очень хорошая, иногда отсутствуют страницы, иногда целые разделы, а церковные книги за некоторые годы найти в фондах ГАНО нам не удалось.

Метрические книги, как известно, состояли из трех частей: записи о крещении младенцев (и не только младенцев – Б.В.), записи о венчании браков и записи об умерших прихожанах, а для города, расположенного на тракте, и не только об умерших прихожанах, но и тех, кто проезжал через город или следо-

вал в составе партий ссыльных, а также проходящих через Каинск новобранцев и воинских команд.

В метрических книгах церковей города Каинска постоянно встречаются записи об уроженцах (или проживающих ?) в других населенных пунктах Томской губернии, назовем некоторые из них села: Булатовского, Верх-Каргатского, Киселевского, Осиновых колод, Усть-Янцевского, Ушковского и деревень: Абрамовой, Бодонской, Малининой., Мангазерки, Марковой, Михайловской, Мошниной, Назаровой, Осинцевой, Патрушевой, Старо-Кондаковой, Помельцевой, Старогребенщиковой, Старо-Гутовой, Торгашинской, Ярковой, Черновки и др.

Среди мещан, крестьян, поселян Каинска можно встретить и упоминания о чиновниках: Коротынский П. И. – журналист Каинского уездного полицейского управления; Соболевский В. Ф. – почтово-телеграфный чиновник Каинской конторы, Шаин В. В. – сын надворного советника; Смирнов И. В. – делопроизводитель Каинского уездного воинского начальника.

25 марта 1909 г. в метрической книге Иоанно-Предтеченской церкви была сделана следующая запись – «Симеон, присоединен к православию через Св. Миропомазание. Рядовой Каинской местной команды из крестьян деревни Малой Убинки Владимирской волости, Змеиногорского уезда Томской губернии Симеон Иосиф Кожевников, состоящий в старообрядческом стариковецком вероисповедовании, 23 лет от рождения вследствие изъявленного им решительного желания, помазанием Св. Мира присоединен к православной греко-российской церкви, с сохранением его прежнего имени в память Св. Препод. Симеона Столпника, празднуемого церковью 1-го сентября» /Д-156. Оп. 1. Д. 2164. Л. 119/. Одним из свидетелей крещения была дочь Каинского уездного воинского начальника Е.В. Куйбышева.

Прежде всего, обратимся к записям о венчании браков:

Таблица 1

Количество браков в церквях г. Каинска (кол-во)

Церковь	1907 год	1908 год	1909 год	Всего
Спасский Собор	41	52	40	133
Иоанно-Предтеченская церковь	13	21	5	39
Андрее-Екатерининская церковь	40	46	26	112
Римско-католический костел	нет данных —	нет данных —	нет данных	нет данных

Очень часто встречались записи в браках выходцев из других губерний империи, чаще всего из европейской части России.

Среди записей о венчаниях нам встретилась довольно редко встречаемая запись о событиях, которые иногда происходили в Сибири. Вот какая была сделана запись о венчании в метрической книге 3 июня 1907 г. священником Спасского собора: «Симбирский мещанин Яков Гаврилов Филимонов православный 35 лет венчался с крестьянкой Симбирской губернии и уезда села Волосникова Феодосией Михайловой Злыдаревой урожденной Горбачевой, вследствие прошения в том, что определением Симбирского епархиального начальства от 22 августа 1905 года утвержденного указом Святейшего Синода от 2 января 1906 г. разведенная с мужем по двоеженству последнего, православного вероисповедования, первым браком, в возрасте 25 лет».

В некоторые месяцы браки в православных храмах Каинска не венчали, это было связано с постами, поэтому не было браков в марте и в декабре месяцах, в январе начали венчать браки после окончания поста с 7 января, а в ноябре последние браки были венчаны 10 – 11 ноября.

По нашему наблюдению, в Андрее-Екатерининской церкви станции Каинск было большое число браков, среди тех, кто прибыл сюда из дальних мест.

В 1907 г. было венчано 40 браков, а в 1908 г. – уже 46 браков

Таблица 2

Браки в Андрее-Екатерининской церкви. Станция Каинск (кол-во и %)

Пол	Год	г. Каинск, уезд и Томская губ.	Иные области и губернии	Иные области и губернии %
Мужчины	1907	13	27	67,5
Женщины	1907	25	15	37,5
Мужчины	1908	25	21	45,7
Женщины	1908	30	16	34,8

Ниже названы фамилии переселенцев и обозначены из каких губерний они прибыли в Сибирь, представлены данные только за 1907 г. (Андрее-Екатерининская церковь);

Мужчины были выходцами из следующих губерний:

- Витебской губернии: Н. В. Крелиняк; К. Г. Петухов;
- Воронежской губ.: М. В. Раховский;
- Киевской губ.: К. И. Любинецкий;
- Курской губ.: В. Д. Иглин, П. Г. Михайловский;
- Лифляндской губ.: Г. П. Голландер;
- Нижегородской губ.: Г. А. Покровский;
- Пермской губ.: П. П. Чертунов;
- Полтавской губ.: А. П. Гавриш, Щербина;

- Рязанской губ.: А. И. Морозов, И. П. Тимофеев;
- Самарской губ.: Г. В. Гудков, П. О Татаренов;
- Саратовской губ.: М. Г. Теплов;
- Симбирской губ.: П. И Самарцев;
- Тамбовской губ.: В. А. Болотин, А. Н. Демьяненко, С. К. Журавлев;
- Тобольской губ.: П. Г. Ткачев, С. Бурковский;
- Уфимской губ.: В. В. Смирнов;
- Черниговской губ.: Р. А. Гурбыч, И. П. Соколов, В. П. Шкурик, И. Е. Яцук.

и женщины из:

- Казанской губернии: А. М. Митянина. Е. Филипова;
- Курской губ.: Е.А. Политова;
- Минской губ.: А. А. Пиотровская;
- Орловской губ.: Е. Н. Конаева, А. Д. Носова, К. Д. Оборотова;
- Пермской губ.: М. С. Костырева, Т. Т. Новикова;
- Самарской губ.: Ш. Ф. Миллер;
- Тамбовской губ.: А.М. Никитина;
- Тобольской губ.: А. Г. Тетерина;
- Уфимской губ.: П. К. Ивлева, Т. П. Тарашенко;
- Черниговской губ.: У. К. Перистая.

Вполне возможно, что потомки этих переселенцев и сегодня живут в городе Куйбышеве или в Куйбышевском районе.

Таблица 3

Крещение в храмах, костеле и синагоге г. Каинска (чел.)

Название	1907 год муж./ жен.	1908 год муж./ жен.	1909 год муж./ жен.	Всего: муж./ жен.
Спасский собор	139/164	151/147	126/144	416/455
Иоанно-Предтеченская церковь	30/27	40/37	42/28	112/92
Андрее-Екатерининская церковь	212/189	199/192	225/234	636/621
Римско-католический костел	нет данных	нет данных	33/42	33/42
Синагога	68/54	70/55	72/63	210/172

Обращает на себя внимание, что в двух церквях г. Каинска за эти годы было крещено младенцев меньше, чем в Андрее-Екатерининской церкви за этот же период времени. По римско-католическому костелу не удалось найти сведений за 1907 – 1908 гг., поэтому составить общую картину невозможно из-за отсутствия этих сведений. Интересные сведения встречаются среди метрических записей в Каинской синагоге. В рассмотренные годы младенцы мужского пола преобладали над младенцами женского пола. Территория деятельности костела

города Каинска была весьма обширна, записаны более десятка волостей, откуда привозили младенцев для крещения: Верне-Каинская, Казаткульская, Каргатская, Купинская, Нижне-Каинская, Новопокровская, Покровская, Убинская, Юдинская и др. Родителями младенцев чаще всего являлись крестьяне и мещане, но упоминаются родители из почетных граждан, дворян.

В метрических книгах изредка встречаются записи о перемене вероисповедования и среди взрослого населения города Каинска. Так, 2 августа 1909 г. капелланом римско-католического костела был окрещен еврей именем Рафаил, который до крещения именовался Залманом (Д-156. Оп. 1. Д.2129. Л. 94 об), со всеми обрядами Таинства.

География мест, откуда были младенцы, которые были крещены в костеле, весьма значительна – упоминаются губернии: Виленская, Витебская, Киевская, Ковенская, Одесская, Черниговская и др.

Таблица 4

Умершие прихожане и другие записанные в метрических книгах (чел.)

Название	1907 год муж./жен.	1908 год муж./жен.	1909 год муж./жен.	Всего: муж./жен.
Спасский собор	112/91	97/84	131/138	340/313
Иоанно-Предтеченская церковь	64/30	76/22	86/21	226/73
Андрее-Екатерининская церковь	123/87	100/76	100/96	323/259

*Сведений по костелу и синагоге найти не удалось.

20 декабря 1907 г. среди умерших записан новобранец Александр Канаев из крестьян села ... Каинского уезда в возрасте 21 год. По распоряжению Каинского уездного воинского начальника он был похоронен на воинском кладбище.

Обращает на себя внимание такой факт: количество записанных умерших лиц мужского пола в книге Иоанно-Предтеченской церкви в три раза превосходит количество умерших женщин за тот же период времени, и объяснения этому явлению мы дать не можем.

В завершении нашего исследования хотелось бы упомянуть тех, кто вел метрические книги и отвечал перед руководством Томской епархии за достоверность этих сведений.

Благодаря метрическим книгам удалось установить имена и фамилии священнослужителей г. Каинска и станции Каинск, которая, позднее, в 1917 г. получила другое название – город Барабинск.

Священнослужители г. Каинска в 1907–1909 гг.

№	Фамилия и имя Год	Сан	Церковь
1.	Вавилов Николай 1907 г.	протоиерей	Спасский собор
2.	Рукин Иоанн 1907 г.	священник	Спасский собор
3.	Веселовский П. 1907 г.	диакон	Спасский собор
4.	Переводчиков Сергей 1907 г.	диакон	Спасский собор
5	Кукин Иоанн 1907 г.	священник	Спасский собор
6.	Викторов Андриан 1907 г.	священник	Спасский собор
7.	Соколов Алексей 1907 г.	священник	Спасский собор
8.	Кондрашев Яков 1907 г.	псаломщик	Спасский собор
9.	Голубович Леонтий 1909 г.	священник	Спасский собор
10.	Кондрашев Яков 1909 г.	диакон	Спасский собор
11.	Савицкий Трифон 1909 г.	священник	Спасский собор
12 а.	Голиков Михаил по июнь 1907 г.	псаломщик	Иоанно-Предт.
12 б	Голиков Михаил с июля 1907 г.	диакон	Иоанно-Предт
13.	Савицкий Трифон 1907, 1909 г.	священник	Иоанно-Предт.
14.	Филимонов 1908 г.	псаломщик	Иоанно-Предт.
15	Белоруссков (?) Сергей 1908/1909 г.	священник	Андрее-Екатер.
16.	Солотчин Александр 1908/1909 г.	псаломщик	Андрее–Екатер.
17.	Вознесенский Илларион 1907/1908 г.	диакон	Андрее-Екатер.
18.	Милевич Леопольд 1909 г.	ксендз	Р-К костел
19.	Зельвинский 1907-1909 гг.	помощник раввина	Синагога

Некоторые фамилии и имена священнослужителей каинских храмов, костела и синагоги нам не удалось выяснить по причинам отсутствия метрических книг за отдельные годы, неразборчивый почерк, угасающий текст сделанных более века назад записей. Но некоторые предварительные выводы из имеющейся информации можно сделать. Прежде всего, обращает внимание следующий факт, штат священнослужителей Спасского собора значительно превосходил штаты всех остальных храмов города Каинска, при этом по некоторым параметрам своей деятельности, в частности крещение младенцев и отпевание умерших прихожан, Спасский собор уступал некоторым церквям. Несомненно, что Спасский собор являлся главным храмом города и округи. Каинским костелу и синагоге также принадлежала такая роль – у них в ближайшей округе вообще не было конкурентов.

Библиографический список

1. Спасский собор Каинска 1907–1908 гг. Ф. Д. 156. Оп. 1. Д. 2120.
2. Спасский собор Каинска 1909 г. Ф. Д.-156. Оп. 1. Д. 2120 А.
3. Иоанно-Предтеченская церковь 1906–1914 гг. Ф. Д. 156. Оп. 1. Д. 2104.

4. Иоанно-Предтеченская церковь 1909 г. Ф. Д. 156. Оп. 1. Д. 26.
5. Андрее-Екатерининская церковь. Ф. Д. 156. Оп. 1. Д. 25.
6. Синагога г. Каинска Ф. Д. 156. Оп. 1. Д. 2331 Б.
7. Римско-католический костел. Ф. Д. 156. Оп. 1. Д. 2129.

УДК 94(47)+314(571)

Бурматов А. А.

*кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики и психологии КФ
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»*

научный сотрудник

ФГБУН Институт истории СО РАН

(г. Куйбышев Новосибирской области, Россия)

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ БАРАБИНСКОГО ОКРУГА ПО ДАННЫМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1926 Г.

Аннотация. На основе итоговых материалов Всесоюзной переписи населения 1926 г. анализируется национальный состав населения Барабинского округа. Приводятся конкретные данные об этническом состоянии как округа в целом, так и городов и районов, входивших в его состав. Содержатся сведения о половозрастном составе этнических единиц и владением языками.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Каинск, Всесоюзная перепись населения 1926г., национальный состав населения, Барабинский округ.

Еще в первой трети XX в. заселение и упорядочение расселения, усиление специализации территории Барабы и Кулунды было государственной политикой. Миграционная емкость под будущие переселения в окрестности Каинска в 1910 г. властями оценивалась в 10 тыс. человек[1]. Именно активная переселенческая политика царского правительства способствовала освоению территории Барабы. Особенно это проявилось в годы реформы А. П. Столыпина. Если в 1897 г. в Каинском уезде проживало 187,6 тыс. человек, то к 1911 г. – 369,2 тыс., т. е. численность населения возросла почти в два раза [2, стб. 229, 230.]. В первой четверти XX в. появилось 53,1 % всех деревень будущего Барабинского округа [3, с. 1–85]. В северную лесистую и болотистую часть уезда переселялись, кроме русских, белорусы, чуваша, мордва, латыши и латгалцы. В южной степной и лесостепной части и вдоль железнодорожной магистрали селились украинцы. Этим фактором объясняется география расселения пред-

ставителей разных этнических групп в Барабе. Национальный состав населения округа по переписи населения 1926 г. представлен в таблице 1.

Таблица 1

**Численность представителей основных этносов в населении Барабинского окр.
в 1926 г., чел.***

Этнос	Всего в округе	В городах				В селениях
		Всего	Каинск	Барабинск	Татарск	
Русские	369 575	21 327	5995	7766	7566	348 248
Украинцы	68 375	2015	266	858	891	66 360
Белорусы	26 270	857	176	412	269	25 413
Татары (всего)	8364	280	111	52	117	8084
В том числе:						
Татары	7613	280	111	52	117	7333
Мишари	574	0	0	0	0	574
Тептяри	177	0	0	0	0	177
Казахи	5443	13	2	1	10	5430
Поляки	4032	344	110	107	127	3688
Чуваши	3752	65	27	22	16	3687
Эстонцы	3103	94	10	3	81	3009
Латыши	2364	81	32	32	19	2283
Мордва	2363	87	7	25	55	2276
Евреи	2227	1692	798	454	440	535
Немцы	1892	50	18	15	17	1842
Литовцы	1532	56	11	32	13	1476
Цыгане	684	23	...	...	...	661
Латгальцы	671	0	0	0	0	671
Коми-зыряне	499	9	...	...	...	490
Башкиры	411	3	...	...	...	408
Молдаване	206	5	...	...	...	201
Прочие	690	95	...	...	...	595
Не указан	918	38	...	...	...	880
Итого:	503 371	27 134	7606	9822	9706	476 237

* Составлено по данным: [4, с. 4, 8, 20–23, 244–245.]

Слабозаселенные территории страны были объявлены открытыми для планового переселения к 1925 г. Цель политики большевиков по этому вопросу была прагматичной: «...Вовлечение в хозяйственный оборот необжитых земель с целью увеличения сельскохозяйственной и промышленной продукции путем рационального расселения и эксплуатации естественных богатств колонизируемых районов» [5, с. 61]. В 1925–1926 гг. в Сибирь было переселено 150 тыс. человек. Генеральный план развития народного хозяйства Сибирского края

проектирует в предстоящие 15 лет вселить в край еще 2 млн человек, в том числе в первое пятилетие – 400 тыс., во второе – ок. 600 тыс., в третье – ок. 1 млн [6, с. 58,59]. Колонизации подлежали, в частности, малообжитые местности Барабинского округа. На освоение новых территорий выделялись значительные средства. В сельские районы Барабы за 1926/1927 и 1927/1928 финансовые годы было переселено 4,9 тыс. и 18 тыс. человек, соответственно. В первую пятилетку (1928–1933 гг.) сюда предполагалось переселить еще 48,5 тыс. человек [2, стб. 229,230].

Отметим, что при проведении Первой Всесоюзной переписи населения счетчики задавали вопросы о народности и родном языке опрашиваемого лица. Вопросы о национальности не задавали. Перед статистиками стояла такая задача: «...Отразить национальный состав населения в том виде, как он складывается в результате послереволюционного самоопределения национальностей Союза» [7, с. 31]. Была утверждена формулировка «народность». Специально оговаривалось, что народность и родной язык могут не совпадать [7, с. 33]. Определить свою этническую принадлежность предстояло самому опрашиваемому: «Лица, потерявшие связь с народностью своих предков, могут показывать народность, к которой в настоящее время себя относят» [7, с. 32].

В ходе обработки результатов переписи 1926 г. в Барабинском округе были выявлены представители 56 этнических групп. При этом 918 человек были отмечены как «неправильно указавшие народность» (в официальном списке, утвержденном ЦСУ СССР, существование таких этносов не признавалось) или как не указавшие свою народность вообще. К неточно указавшим народность относились представители одной из этнографических групп татар – тептяри (98 мужчин и 79 женщин), а также один мужчина-хакас [4, с. 20, 21] (хакасы как отдельный этнос стали выделяться позднее). В итоговых публикациях у представителей 20 народов численность в Барабе колебалась от одного до шести человек. Алтаец, карагаз (тофалар), якут, калмык, карел, крымский еврей, туркмен, перс и итальянец, как и хакас, были единственными представителями своего народа. По два человека «делегировали» в население Барабы следующие этносы: чеченцы, турки, сербы. В округе оказалось также три шведа, четыре корейца. Было учтено 248 иностранных подданных (из них в городах – 34 человека), в основном работников иностранных торговых контор или бывших военнопленных.

Обратимся к данным таблицы 2, показывающей процентное соотношение в населении Барабы лиц различной национальности (табл. 2). Доля русских в населении округа составляла 73,4 %, украинцев – 13,6, белорусов – 5,2, татар

всего – 1,6 (в том числе барабинских – 1,5), казахов – 1,1, поляков, чувашей – по 0,8, эстонцев – 0,6, латышей и мордвы – по 0,5, евреев – 0,4, немцев и литовцев – по 0,3, латгальцев, цыган, коми-зырян и башкир – по 0,1 %.

Таблица 2

Доля представителей различных этносов в населении Барабинского окр. в 1926 г., %*

Город, район	Русские	Украинцы	Белорусы	Татары	Прочие
Округ в целом	73,4	13,6	5,2	1,6	6,3
Города (всего)	78,6	7,4	3,2	1	9,8
В том числе:					
Барабинск	79,1	8,7	4,2	0,5	7,5
Каинск	78,8	3,5	2,3	2,3	13,1
Татарск	78	9,2	2,8	1,2	9,8
Селения (всего)	73,1	13,9	5,3	1,5	6,2
В том числе в районах:					
Баклушевский	63,1	32,7	1,4	1,3	1,5
Барабинский	87,8	5,5	1,7	2,7	2,3
Биазинский	52,5	7	26,1	9,5	4,9
Верх-Ичинский	73,9	2	5,5	2,8	16,8
Казанский	81,9	11,4	5,6	0,5	0,6
Купинский	54,8	30,6	5,4	1,6	7,6
Кыштовский	70,9	4,5	18,9	1,5	4,2
Малокрасноярский	90,5	1	0	2	6,5
Меньшиковский	82,6	2,8	1,3	5,5	8,8
Михайловский	70,8	8,1	10,4	1,8	8,9
Нижекаргатский	70,5	27,4	0,9	0,1	1,1
Новотроицкий	59,9	3	12,8	1,5	22,8
Спасский	81,4	10,4	2,8	0	5,4
Татарский	76,9	15,0	2,3	0,1	5,7
Убинский	71	11,9	13,3	0,3	3,5
Чановский	72,8	7,5	0,9	7,5	11,4
Юдинский	72,1	21,2	4,8	0,1	1,8

* Подсчитано по данным: [4, с. 4, 8, 20–23, 244–245].

Самой многочисленной народностью являлись русские, которых насчитали в Барабе 369 575 человек. В городах удельный вес русских был выше, чем по округу – 78,6 %. Доля русских составляла в Барабинске 79,1 %, Каинске – 78,8, Татарске – 78 %. Наибольшая доля русских в населении была зафиксирована в следующих районах: Малокрасноярском, Барабинском, Меньшиковском, Казанском, Спасском. Минимальная доля русских учтена в районах Биазинском

(здесь было много белорусов), Купинском, Баклушевском. В двух последних доля украинцев в населении приближалась к одной трети.

Таблица 2 показывает, что в целом по сельским местностям округа доля русских составила 73,1 %, т. е. была немногим ниже, чем по округу в целом. Бараба относилась к территориям, где в результате колонизации русские количественно доминировали, хотя другие народности и составляли значительную долю населения.

Переписью 1926 г. в Барабе были выделены украинцы в качестве второй по численности народности, их было учтено 68 375 человек [4, с. 20, 21]. В 1897 г. в Каинском уезде было зафиксировано 10,9 тыс. украинцев, или 5,2 % жителей [8, с. 536]. Таким образом, увеличение их доли в населении округа за 29 лет в 2,6 раза – результат миграций из Украины на рубеже веков. Украинцы-крестьяне направлялись на жительство в основном в сельские районы, что и отразила перепись 1926 г. В городах украинцев было немного – 7,4 %. Их удельный вес был минимален в Каинске – 3,5 %, в Барабинске он составлял 8,7 %, максимума достигал в Татарске – 9,2 %. Тем не менее, можно констатировать увеличение доли украинцев среди горожан по сравнению с концом XIX в. По данным переписи 1897 г., украинцев в Каинске было всего 125 человек (86 мужчин и 39 женщин), или 2,1 % всего населения, за последующие 29 лет их доля возросла на две трети. Следует отметить и рост относительного числа русских в Каинске по сравнению с 1897 г. на 6,5 процентных пункта [4, с. 244, 245; 9, с. 70; 10, с. 252].

К 1926 г. максимального удельного веса в населении украинцы достигали в районах столыпинской колонизации. Это степные местности Барабы. В Баклушевском районе их доля в населении составила 32,7 %, в Купинском – 30,6, Нижнекаргатском – 27,4, Юдинском – 21,2 % (см. табл. 2). Выше среднего была доля украинцев в Татарском районе. Минимальная доля украинцев отмечена в Кыштовском, Барабинском, Чановском и Михайловском районах. В Барабинском районе была повышенная доля русских. В других районах наблюдалась повышенная концентрация представителей других этносов. В Чановском, Бизинском, Меньшиковском – барабинских татар. В остальных – белорусов, чувашей, латышей и латгальцев.

В публикациях итогов переписи 1926 г. представлена расшифровка по расселению и третьего восточнославянского народа – белорусов. Эту национальность представляли в целом по округу 5,2 % жителей. В районах, расположенных в таежной и болотистой подтаежной местностях, доля белорусов была выше, чем в среднем по округу, в два – пять раз. Так исторически сложилось

в ходе колонизации и заселения Барабы. Особенно данное явление проявилось в годы Столыпинской аграрной реформы. В ходе ее проведения заселение шло с учетом местных особенностей: выходцы из болотистых районов старались переселиться в болотистые места, из степных – в степные. Например, в Биазинском районе из 32 населенных пунктов русские преобладали в 22, белорусы – в семи, татары – в двух, украинцы – в одном [3, с. 10]. В этом районе доля белорусов в населении оказалась наибольшей – 26,1 %. Белорусов в населении было много, от 10 до 20 %, в Кыштовском, Убинском, Новотроицком и Михайловском районах.

В Верх-Ичинском районе насчитывалось 47 населенных пунктов. В основном русское население имели 35 из них, польское – три, белорусское и татарское – по два, украинское, коми-зырянское, мордовское и чувашское – по одному [3, с. 10–14]. Доля русских здесь соответствовала средней по округу. Остальные народности были представлены 2–5 % от всего населения.

В Малокрасноярском районе латыши заселяли 30, а эстонцы – три хутора [3, с. 29–32]. Численность представителей этих национальностей была невелика: эстонцев – 152 человека (0,8 % населения района), латышей – 292 души (1,5 %). В Новотроицком районе преобладали деревни с чувашским, татарским и мордовским населением [3, с. 44–46]. Здесь наблюдалась самая высокая доля представителей народностей, отнесенных в таблице 2 к «прочим»: чувашей – 2267 (15,4 % населения и 60,4 % всех чувашей округа), мордвы – 275 (1,9 % населения района), латышей – 271 (1,8 %), поляков – 131 (0,9 %), литовцев – 83 (0,6 %) [4, с. 4, 8, 20–23, 245].

Коренными народами Барабы являлись барабинские татары (барабинцы, или каинские татары) [11, стб. 453] и в юго-западной части округа – казахи. Барабинские татары расселялись в большинстве районов округа. Удельный их вес в населении в целом по округу был невелик – 1,5 %. Представители этой этнической группы почти отсутствовали, не составляя даже десятой части процента, в Спасском, Нижнекаргатском, Юдинском и Татарском районах. В Убинском районе доля татар поднималась до 0,3 %, а в Казанском районе и г. Барабинске – до 0,5 % [4, с. 4, 8, 20–23, 244]. В большинстве других районов удельный вес татар колебался от 1,3 % (Баклушевский) до 1,8 % (Михайловский). В г. Татарске, вопреки его названию, татары составляли только 1,2 % жителей, т. е. их доля в населении была ниже, чем в среднем по округу. Несколько больше татар было зарегистрировано в г. Каинске (2,3 % населения), в Барабинском (2,7 %) и Верх-Ичинском (2,8 %) районах, где встречались татарские поселения – аулы. Большинство татар проживало в районах: Чановском – 2127 человек (7,5 % жи-

телей района), Барабинском – 955 (2,7 %), Верх-Ичинском – 659 (4,1 %), Биазинском – 584 (9,5 %), Меньшиковском – 1380 душ (5,5 % от числа жителей района.). В этих пяти районах проживало в совокупности 5175 человек, или 70,6 % всех татар округа.

Казахи проживали в Купинском районе – 2136 человек, или 4,6 % населения, в Чановском – 1612 (5,7 %), Баклушевском – 714 (3 %), Татарском – 409 человек (0,7 % населения района). В перечисленных выше районах было учтено 89,5 % казахов округа. В Барабинском и Убинском районах жило по 193 лица казахской национальности (по 0,6 % населения). В Биазинском, Казанском, Нижнекаргатском районах было учтено менее 10 казахов в каждом. В Верх-Ичинском, Малокрасноярском, Меньшиковском и Новотроицком районах ни одного казаха в 1926 г. не было зафиксировано.

Эстонцы в основном проживали на хуторах в Татарском районе. Здесь их насчитывалось 1939 человек (3,2 % населения района). Это составляло 62,5 % всех эстонцев округа. Еще 482 эстонец было учтено в Чановском районе – 15,5 % всего эстонского населения округа, 1,7 % населения района. В Кыштовском районе жило еще 298 эстонцев – 9,6 % от их общего числа в округе, 0,9 % населения района.

Латыши проживали небольшими группами во всех районах и городах Барабы. Однако большинство их проживало в Меньшиковском районе (408 человек), Малокрасноярском (292), Новотроицком (271), Спасском (269) районах. В Верх-Ичинском районе перепись зафиксировала 227 латышей и, что удивительно, 226 из них были женщинами! В этих пяти районах проживало 62,1 % всех латышей Барабинского округа. В Верх-Ичинском районе располагалась и деревня Корпушатск, населенная почти исключительно латышами и латгальцами.

Дисперсно размещались по территории округа поляки. По данным переписи 1926 г. выделяются пять районов со значительными группами польского населения. Главный среди них – Верх-Ичинский район, где жило 682 поляка, составлявшие 4,2 % населения района. Значительное число поляков проживало также в Спасском районе – 650, Меньшиковском – 583, Кыштовском – 324, Чановском – 312 душ. Территория этих районов входила в свое время в ареал принудительной ссылки участников Польского восстания 1863–1864 гг. Они концентрировали 63,3 % поляков округа, в своем большинстве – потомков ссыльных.

Мордва небольшими группами тоже расселялась во всех районах и городах округа. В Спасском районе жил один представитель этого этноса. В других

районах проживало по 20–100 мордвинов. Исключение представляли Верх-Ичинский (395 человек), Михайловский (331), Новотроицкий (275), Кыштовский (254), Убинский (247), Баклушевский (114), Биазинский (101 человек) районы. В этих семи районах проживало 72,7 % лиц мордовской народности, учтенных в Барабинском округе.

Российские немцы проживали в основном в Купинском районе – 1364 человека, а также в Татарском районе – 392 души. В Купинском районе они составляли заметную по доле в населении группу, равную 2,9 %. Здесь размещалось 72,1 % всего немецкого населения округа, а в Татарском районе – еще 20,7 %.

Еврейское население имело очень небольшую долю (0,4 %) в общей численности жителей Барабинского округа. Однако 76 % из них проживали в городах. Здесь они составляли 8,2 % населения. Доля евреев составляла в Барабинске 4,6, в Татарске – 4,5 %. Наибольший процент евреев наблюдался среди жителей Каинска – 10,5. Этот городок еще в имперский период отличался высокой концентрацией (до 16–18 %) евреев в населении. Его даже в шутку называли «сибирским Иерусалимом» [9, с. 3; 10, с. 252; 12, с. 20, 32–36; 13, с. 27, 28, 33]. Однако В. Горнунгом в «Сибирской Советской энциклопедии» обозначена несколько другая доля евреев в населении Каинска – 12,5 % [14, стб. 453].

В статье В. Горнунга¹ «Каинск», помещенной в 1931 г. во втором томе «Сибирской Советской энциклопедии», приводится также доля русских в населении города – 76,8 % [14, стб. 453], которая на 2 % меньше показателя, фигурирующего в итоговых данных Всесоюзной переписи населения 1926 г. [4, с. 244] Разночтения между официальными данными переписи и сведениями В. Горнунга, как нам представляется, связаны со сбоями в процедурах сбора и обработки материалов переписи, касающихся национального состава населения. Как уже говорилось, принадлежность опрашиваемого к той или иной народности полагалось записывать по его заявлению, счетчикам запрещалось вмешиваться в содержание анкет, при регистрации народности для детей преимущество отдавалось происхождению матери. Но на практике местами происходило отступление от этих правил. Известно, что в Каинске примерно каждый шестой еврей воспользовался возможностью «сменить» национальность, ответив на соответствующий вопрос счетчика, что является русским.

¹ Владимир Иосифович Горнунг (1871–1931) – известный до революции московский предприниматель, ученый-изобретатель, общественный деятель, личный почетный гражданин. В 1925 г. бежал от репрессий в Каинск. Преподавал в Каинском педагогическом техникуме. Работал консультантом-экономистом при Барабинском окрисполкоме, был ученым секретарем Барабинского общества краеведения. Похоронен в Каинске.

Материалы переписи 1926 г. содержат сведения о родном языке граждан СССР. Известно, что родной язык – важный идентифицирующий признак при определении этнической принадлежности людей.

В Барабинском округе по этому вопросу итоги переписи дали такие результаты. Больше 99,9 % русских считали своим родным именно русский язык. Язык своего этноса считали своим родным также 99,7 % латгальцев, 97,9 % татар, 91,7 % латышей, 90,9 % чувашей. Большинство представителей этих этносов переселились в Барабу недавно, жили здесь компактно и ассимиляционные процессы у них еще не начались. Сильнее ассимиляция затронула литовцев: язык своего народа называли своим родным языком 83,6 % барабинских литовцев, а русский язык – 12,4 %. Лишь половина украинцев считала родным украинский язык, а русский – 49,3 %. Похожей была ситуация с языковым самоопределением поляков. Среди них польский язык в качестве родного отметили 48,1 %, а русский – 47 %. Переняли русский язык как родной 45,5 % представителей мордвы и 43,5 % евреев. Язык своей национальности родным считали 53,7 % мордвин и 55,8 % евреев. Наиболее активно перенимали язык окружающего русского населения близкие к нему по культуре белорусы: 92 % представителей этого народа в Барабе называли своим родным русский язык [4, с. 20, 21].

Интересно, что по итогам переписи в среде некоторых этнических групп в Барабе доля мужчин, назвавших язык своей национальности в качестве родного языка, оказалась меньше, чем соответствующая доля женщин. Например, у поляков родным языком считали польский 46,8 % мужчин и 49,5 % женщин. Женщины-белоруски тоже чаще, чем мужчины, называли родным не русский, а свой белорусский язык. Дело, по-видимому, в том, что женская среда обычно более консервативна. Мужчины активнее работали вне своих родных мест, перенимая язык и культуру доминирующей нации. Этому способствовала возможность карьерного роста. Государство официально провозгласило, что «национальность у нас определяется не по признаку происхождения, не по «крови», не по расовым признакам... а по свободному самоопределению каждого гражданина» [7, с. 23]. Такая ситуация вела в заселенной преимущественно русскими людьми Барабинской зоне Западной Сибири к перемене этнической идентичности большинством представителей нерусского населения.

Библиографический список

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 4. Д. 19. Л. 8.
2. Н. Ю. Барабинский округ. // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск: ОГИЗ, 1929. С. 229–230.

3. Список населенных мест Сибкрая. Вып. 3: Барабинский округ. Новосибирск: Сибкрайстатотдел, 1929. 85 с.
4. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: ЦСУ СССР, 1928. Т. 6: Сибирский край. Бурят-Монгольская АССР. 389 с.
5. Красильников С. А. Серп и Молох: крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. М.: РОССПЭН, 2003. 288 с.
6. Шнейдер А. Р., Доброва-Ядринцева Л. Н. Население Сибирского края (русские и туземцы). Новосибирск: Сибкрайиздат, 1928. 124 с.
7. Воробьев Н. Всесоюзная перепись населения 17 дек. 1926 г.: краткий обзор организации и производства. М.: Союзоргучет, 1938. 104 с.
8. Кабузан В. М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения, 20-е гг. XVIII в. – 1989 г.: формирование этнических и политических границ украинского этноса. М.: Наука, 2006. 658 с.
9. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 79: Томская губ. 246 с.
10. Патканов С. К. Статистические данные, показывающие численность, племенной состав населения Сибири, языки и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). СПб.: РГО. Отд. стат., 1912. Т. 2. 431 с.
11. Барабинцы // Сибирская Советская энциклопедия. Т. 1. Стб. 453.
12. Бурматов А. А. Демографическая история Каинска-Куйбышева и его округи. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1997. 162 с.
13. Гончаров Ю. М. Очерки истории еврейских общин Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Барнаул: АГУ, 2005. 108 с.
14. Горнунг В. Каинск // Сибирская Советская энциклопедия. Т. 2. С. 453.

УДК 94(47).082

Кириллов А. К.

кандидат исторических наук Институт истории СО РАН

Новосибирский государственный университет

Новосибирский государственный университет экономики и управления

(г. Новосибирск, Россия)

ЧИНОВНИК ТОМСКОГО ГУБЕРНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ Н. Н. ПЕТУХОВ КАК МОДЕРАТОР ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В 1880-Е ГОДЫ

Аннотация. Цель работы – на примере отдельно взятого губернского чиновника выявить роль личности в разрешении конфликтов между старожилами и переселенцами по ходу переселения крестьян из Европейской России в Сибирь. Показано, что Н. Н. Петухов отличался отличным знанием мелких подробностей происходящего,

умение увидеть за единичными фактами общие проблемы и умение сочетать рассуждения с практическими действиями.

Ключевые слова: пореформенная Россия, миграции, Великое сибирское переселение, крестьянский конфликт, губернский аппарат власти.

В начале ХХI в. история Великого сибирского переселения воспринимается как история успешного освоения Сибири. В начале века двадцатого всё было иначе. Длинный ряд картин известных художников¹ наглядно воплощает тот факт, что для общества пореформенной России тема переселения была отнюдь не парадной. Тяготы жизни, страдания бедняков – вот в какой рубрике оказывалась переселенческая тематика столетие назад.

Переселение крестьян из Европейской России в Сибирь – один из тех процессов, которые справедливо именуются объективными. Уже реформа 1861 года застала в российской деревне нехватку земли; к началу ХХ века население России удвоилось – значит, сократились и наделы. На душу приходилось где 5 десятин, где 3, а где и 1–2. Прокормить семью на таком наделе было невозможно. Не личная прихоть, но суровая нужда толкала крестьян на подвиг тяжкий и даже рискованный.

Итак, всё возрастающее переселение становилось неизбежным. Неизбежным было и подселение новосёлов к старожильческим селениям. Сибирь – не Америка: климат требовал прочного обустройства. Переселенцы не могли начать новую жизнь в чистом поле (тем более – тайге). Первое время надо было пожить со старожилами, поработать у них в батраках, купить дом, поставить двор, а там уже и пашню поднимать. Старожилы поначалу охотно пускали пришлых, но как только их число стало сопоставимым с числом уже живущих, земельное изобилие сибиряков оказалось под угрозой. Таким образом, и столкновения между старожилами и переселенцами тоже имели объективные предпосылки.

Наличие «коридора возможностей», за рамки которого не может выйти исторический процесс, не снижает, но повышает значение исследований, связанных с ролью личности в истории. В одних и тех же условиях разные люди думают различно, действуют различно, получают разный результат – и именно

¹ Константин Трутовский: «Переселенцы из Курской губернии» (1864), Николай Касатк: «Переселенцы» (1881), Григорий Мясоедов: «Через степь. Переселенцы» (1883), Сергей Иванов: «Переселенцы. Ходоки» (1886), «Переселенка в вагоне» (1886), «Обратные переселенцы» (1888), «В дороге. Смерть переселенца» (1889), Николай Орлов: «Проводы переселенцев» (1896), Лукиан Попов: «Переселенцы. Гроза», «Переселенцы зимой» (1900-е), «Ходоки на новые места» (1904).

изучение этих различий позволяет нам увидеть, сколь много зависит от личных способностей, умений и самоотверженности людей.

Следует пояснить хронологические рамки, заданные в заглавии статьи. Всем читавшим вузовский учебник известно понятие «столыпинское переселение». Именно при знаменитом премьер-министре переселение в Сибирь достигло пика. Количественный рост перешёл в качественный, начался новый этап развития Сибири. Переселение начала 1880-х годов уступает столыпинским временам в десятки раз. Но именно в это время в полной мере проявляется проблема «переполнения буфера обмена» между Россией и Сибирью. Начинаются нешуточные столкновения между сибирскими старожилами и переселенцами: с угрозами, драками, погромами, если верить неофициальным данным – даже убийствами. Именно в это время и общество, и правительство осознают появление проблемы размещения переселенцев в Сибири. Поиск решения этой проблемы приведёт к созданию серией законов 1881–1904 гг. целой системы содействия переселению. Она подразумевала, во-первых, всевозможную помощь переселенцам в пути (питание, лечение, осведомление). Во-вторых – межевание переселенческих участков на «ничейных» целинных землях, что в сочетании с «домообзаводственным кредитом» должно было обеспечить возможность переселенцам селиться отдельно, не беспокоя старожилов. Именно наличие этой постепенно выработанной системы и позволило П.А. Столыпину быстро нарастить объёмы переселения.

Существование этой системы в начале XX века было бы невозможно без тех столкновений 1880-х годов, которые так обеспокоили и интеллигенцию, и столичных чиновников, и местную администрацию. Каждая из этих трёх сил играла свою роль в происходящем. Интеллигенты-публицисты описывали непорядки и крестьянские страдания, привлекая к проблеме внимание общества. Столичные чиновники занялись выработкой законов, долженствующих изменить систему. На местную же администрацию легла основная работа по тушению уже разгоревшихся «пожаров» в условиях действующего законодательства.

Нафанаил Назарович Петухов – как раз тот представитель местной администрации, который внёс наиболее выдающийся вклад в благополучное разрешение Ново-Тырышкинского дела – крупнейшего конфликта между старожилами и переселенцами на начальном этапе Великого сибирского переселения.

Историкам известны основные вехи его биографии². Сын офицера, Н.Н. Петухов всю жизнь служил по гражданской части. В 1854 г. (ему было 16 лет),

² Кобелев А.И. Начальные люди Томской губернии, 1804-1917: исторические портреты. Барнаул: Алтайский Дом печати, 2014. С. 294–296. [Интернет-ресурс в открытом доступе:]

по окончании гимназии, он устроился на должность письмоводителя в правление только что созданной Области сибирских киргизов. Семь лет спустя перебрался в правление Тобольской губернии. В 1870-е годы руководил цитаделью передовых технологий – почтово-телеграфной конторой – в Каинске. Скупая биографическая справка всё же позволяет увидеть кое-какие личные черты чиновника. В Каинске он участвовал в создании городского драматического общества (десятилетия после «Великой реформы» – эпоха провинциальных театров в России). Независимо от того, кто был главным инициатором этого общества, ясно, что начальник почтово-телеграфной конторы соучаствовал в нём не по долгу службы, а по велению души.

В феврале 1881 г. Н.Н. Петухов получил должность председателя Томского губернского правления. С этой должности он в сентябре 1889 г. уйдёт на повышение в Семипалатинскую область и, таким образом, вернётся вице-губернатором в тот край, где когда-то начинал письмоводителем. Но все восьмидесятые годы Н.Н. Петухов провёл в руководстве огромной Томской губернии. Предпоследнее десятилетие XIX века оказалось богатым на пересмены томских губернаторов. В апреле 1883 г. состоялась отставка В.И. Мерцалова, в июне 1885 г. умер И.И. Красовский, в феврале 1887 г. получил новое назначение А.Ф. Анисьин, в апреле 1888 г. умер А.И. Лакс³. Каждая пересмена губернаторов означала измеряемую месяцами паузу для прибытия нового начальника; на это время исполнять обязанности губернатора назначался, как правило, председатель губернского правления. Во время губернаторских разъездов (особенно долгих у А.Ф. Анисьи́на) губернией руководил опять-таки председатель. Между прочим, благодаря этим подменам именно Н.Н. Петухов оказался руководителем третейского суда, по итогам которого известный областник А.В. Адрианов получил право на археологические раскопки открытого в 1887 г. Томского могильника⁴. За время председательства Н.Н. Петухова не было года, когда ему не доводилось бы поруководить губернией. А по существу, именно он, знаток местной жизни, и был человеком, обеспечивавшим решение текущих вопросов губернского управления. Приезжие начальники, герои войн и мастера

https://bookz.ru/authors/aleksei-kobelev/na4al_ni_565/page-21-na4al_ni_565.html [дата обращения: 15.02.2020].

³ Яковенко А.В., Гахов В.Д. Томские губернаторы: био-библиографический указатель Томск: Изд-во «Ветер», 2012. С. 105–136.

⁴ Смирнов А.С. Третейский суд о Томском могильнике // Вестник Томского гос. ун-та. 2013. № 369. С. 96–103. [Интернет-ресурс в открытом доступе:] <https://cyberleninka.ru/article/n/treteyskiy-sud-o-tomskom-mogilnike> [дата обращения: 12.03.2020].

департаментских интриг, могли быть спокойны за состояние дел, пока ими заведовал Н.Н. Петухов.

Именно Н.Н. Петухов принял первое решение губернской власти по делу о столкновениях в Ново-Тырышкино. Сами эти столкновения назревали постепенно: переселенцы селились здесь с 1860-х годов, резкий рост их числа начался после Русско-турецкой войны, обострившей крестьянские мечты о земельном приволье, и уже в 1882 г. старожилы били переселенцев, принуждая их выехать⁵. По впечатлениям публицистов, страдающей стороной были переселенцы; тем не менее, именно старожилы весной 1883 г. первыми отправили жалобу губернатору с просьбой «о воспрещении всем Новоселам производить самовольную распашку земли» и «об окончательном выдворении их из нашего селения»⁶. Тогда, в начале июня 1883 г., управляющий губернией потребовал от местного исправника, если жалоба подтвердится, «объявить всем этим лицам, что если в течение шестимесячного срока... [они] не причислятся в установленном порядке по месту настоящего их проживания, или к другим сельским обществам Алтайского горного округа, то будут немедленно выдворены из настоящего их места жительства в прежние их сельские общества»⁷.

Так Н.Н. Петухов задал ту линию, от которой губернское руководство не отступало и в дальнейшем. Внешне он всего лишь воплощает закон: не являющиеся членами сельского общества не имеют права пользоваться его землями вопреки желанию общины. На самом деле предоставление полугодовой отсрочки – это уже требование компромисса: автор этого решения учитывает, что перед ним не солдаты, а крестьяне, которые привязаны к хозяйству и не могут переехать в одночасье. Переселенцы нарушают закон – но Н.Н. Петухов не просто требует выполнения закона, а пытается предложить действительно выполнимый план. Именно эта линия и будет выдерживаться томскими губернскими властями в дальнейшем и в этом, и в других подобных конфликтах: не одобряя самоуправства новосёлов, требуя от них соблюдения закона, не позволять и старожилам громить переселенцев, лишать средств к существованию. Н.Н. Петухов не присоединяется к какой-либо из сторон конфликта, но действует как сила, стоящая над схваткой и заинтересованная в том, чтобы было меньше разорённых крестьянских дворов.

⁵ Чудновский С. Л. Переселенческое дело на Алтае. (Статистико-экономический очерк) / Записки Вост.-Сиб. отдела Имп. Рус. Геогр. О-ва, по отделению статистики. Т. 1, вып. 1, под ред. Г.Н. Потанина. Иркутск, 1889. С. 132.

⁶ Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Ф-3. Оп. 44. Д. 9. Л. 5–6.

⁷ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 44. Д. 9. Л. 1–2 об.

В конце концов, эта политика оказалась выгодной для переселенцев. Они смогли закрепиться в селении. Архивное дело не подводит итога: всё завершается в июне 1886 г. очередным губернаторским разъяснением о том, что обе стороны должны соблюдать закон. Как будто это разъяснение не более убедительно, чем все предыдущие. Но показательно отсутствие в дальнейшем сведений о вспышках насилия. Сопоставляя этот факт с данными о численности борющихся сторон в 1880-е гг. и с данными списков населённых мест Томской губернии (они дают число жителей и число дворов в Ново-Тырышкино на 1893, 1899 и 1911 гг.), мы понимаем, что львиная доля ново-тырышкинских переселенцев смогла закрепиться на новом месте. Старожилам пришлось смириться с жизнью в условиях ограниченного землепользования.

Почему сибирская власть поступилась правами сибирских старожилов? Дело не только в стремлении повысить заселённость сибирской окраины. Дело в том, что власти видели в переселенческих конфликтах две правды. Правда старожилов уже показана – она опирается на закон. Но у переселенцев была своя правда. В ново-тырышкинском случае она стала очевидна уже по итогам летнего 1883 г. обмена мнениями между губернатором и исправником А. Новогонским. Итог этого обсуждения подведён губернаторским отношением к исправнику, в котором сказано: «переселенцы, как оказалось по произведенному Вами дознанию, поселились там, в особенности проживающие года три и более, по согласию обществ, а не самовольно, доказательством чему служит то обстоятельство, что старожилы этого же селения продали им свои дома». Ссора, оказывается, выросла из обоюдовыгодного сотрудничества. Ясно, что покупать дома новосёлам не было смысла, если они не собирались остаться в этом селении навсегда. И очевидно, что старожилам это было понятно. Значит, продавая дома, они или безмолвно соглашались на дальнейшую приписку новосёлов (и тогда новосёлы должны быть оставлены), или пытались их цинично обмануть (и это неприемлемо). Вот почему в документе от 25 августа губернатор подчёркивал, что жалобу старожилов он не отсрочивает, а отклоняет совершенно. Но от переселенцев всё же требовал соблюдения закона по части приписки к сельскому обществу⁸.

Только что цитированный документ 25 августа 1883 г. подписан уже не Н.Н. Петуховым, а принявшим наконец губернию И.И. Красовским: значит, документ должен отражать его собственную позицию. Иван Иванович Красовский – личность незаурядная, человек решительный, в несамостоятельности его заподозрить трудно. Но вот весной 1884 г., на фоне подготовки к пахоте, поло-

⁸ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 44. Д. 9. Л. 32–35 об.

жение вновь обостряется, и выясняется, что губернатор не склонен действовать помимо начальника губернского правления.

21 апреля бийский исправник А. Новогонский сообщил губернатору, что ново-тырышкинские старожилы создали целый отряд в 35 человек, чтобы отбирать плуги у тех новосёлов, которые попробуют пахать. В отчаянных интонациях он высказывался о «весьма серьезных столкновениях целых масс, борющихся за право быта», которых можно ждать в ближайшем будущем⁹. Донесение сильно встревожило губернатора. Немедленно по получении новости И. И. Красовский разослал три отношения. Начальника Алтайского округа он просил подумать о возможности наделения переселенцев землями, принадлежащими императору¹⁰. Чиновника по крестьянским делам – «привести дело к мирному окончанию»¹¹. Третьим же адресатом был Н.Н. Петухов, которого губернатор просил: «при поездке Вашей в Бийск, обратить на это дело особое Ваше внимание и разобрать его на месте»¹². Сравнивая последние два поручения, мы понимаем, что от крестьянского чиновника требовалась немедленная реакция для предупреждения кровавых столкновений в ближайшие дни и недели; от Петухова же губернатор ждал коренных решений, призванных устранить конфликт вообще.

Немедленное успокоение совокупными усилиями администрации (при участии всё того же Н.Н. Петухова) достигнуто было, но с ответом губернатору председатель правления затянул, и 4 июля губернатор напомнил ему об этом деле. Н.Н. Петухов был в отъезде, за многие сотни вёрст – в Тобольске. Но решать дело без него было настолько немыслимо, что Красовский отправил телеграмму: «Тобольск. Нафанаилу Назаровичу Петухову. Очень прошу прислать мне ответ на [отношение] № 526 [от] 30 Апреля о Тырышкинском деле»¹³. В ответ «по проволоке» пришло сообщение из Тобольска: «№ 272 не доставлен за не нахождением Петухова». Губернатор не сдавался и телеграфировал вновь: «передать телеграмму, адресованную Петухову – тобольскому полицмейстеру»¹⁴. «Достать» Н.Н. Петухова в Тобольске было трудно, ждать его возвращения – невозможно, но губернатор не рисковал принимать решение самостоятельно.

⁹ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 44. Д. 9. Л. 45–46.

¹⁰ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 44. Д. 9. Л. 49–49 об.

¹¹ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 44. Д. 9. Л. 47.

¹² ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 44. Д. 9. Л. 48–48 об.

¹³ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 44. Д. 9. Л. 62.

¹⁴ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 44. Д. 9. Л. 63–63 об. Очевидно, Красовский знал цель поездки своего сотрудника и был уверен, что полицмейстер знает, где искать Петухова.

Искомый доклад был в итоге прислан, но ещё раньше губернатор получил ответ от чиновника по крестьянским делам Е. Лущикова, напоминание которому направил одновременно с телеграммой Н.Н. Петухову. Уже 13 июля его отношение было в канцелярии губернатора. Отношение Е. Лущикова ценно именно для понимания роли Н.Н. Петухова. Благодаря этому документу мы видим, что ни оценки, ни действия начальника губернского правления не были очевидными и единственно возможными.

Удивительно, но факт: Е. Лущиков вообще отрицает наличие напряжённого положения в Ново-Тырышкино. «Прибыв в село Новотырышкинское поздно вечером, я спросил явившегося ко мне местного сельского старосту, не происходили ли у них между старожилами и новоселами какие-либо беспорядки по поводу постановленного ими приговора о недопущении последних производить посев хлебов в нынешнем лете, на что и получил ответ, что никаких беспорядков не происходило», – рассказывал Лущиков о своей майской поездке (во исполнение губернаторского поручения от 30 апреля)¹⁵. В своём недлинном докладе Лущиков пытался показать, что никаких оснований для паники не было и проблемы возникли только из-за вмешательства посторонних лиц: исправника (который, якобы, неосторожными высказываниями спровоцировал старожильческий приговор о недопущении новосёлов к пахоте) и Н.Н. Петухова, который «к сожалению» объявил переселенцам о том, что «выдворение их из оно-го он отсрочивает только до 1-го Декабря текущего года». Крестьянский начальник (вообще-то призванный быть «глазами и ушами» губернатора) прозевал появление острого конфликта и досадовал на то, что после вмешательства вышестоящих начальников его нерасторопность станет очевидной.

Краткой отписке Лущикова противостоит 34-страничный доклад Н.Н. Петухова, отосланный автором губернатору 25 июля 1884 г. Документ этот недавно опубликован полностью¹⁶, для нас же сейчас важно уяснить самое главное. Автор доклада, во-первых, излагает подробно всю историю противостояния 1880-х годов, и это выдаёт не только знание Н.Н. Петуховым жалоб старожилов и новосёлов (подчас взаимоисключающих), но знакомство с положением дел на месте. Автор, во-вторых, указывает на скрытую причину противостояния: наличие среди ново-тырышкинцев группы особо богатых скотоводов с огром-

¹⁵ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 44. Д. 9. Л. 64–65.

¹⁶ Кириллов А. К. Достопыпинское переселение: неизвестный документ 1880-х годов в контексте истории миграций // Исторический курьер. 2019. № 6 (8). С. 199–213. [Интернет-ресурс в свободном доступе:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-16.pdf> [дата обращения: 10.02.2020]

ными (по сотне голов) стадами, которым необходимы обширные пастбища (переселенцами воспринимаемые как пустующие земли, годные для распашки). В-третьих, он рассматривает происходящие события в контексте проблемы освоения Западной Сибири, указывая на болевые точки, вообще не отмечаемые документами этого дела, но известные ему из других источников (отношения русских крестьян с коренными жителями Алтая, «калмыками»). Указывая «настоятельную необходимость в безотлагательном принятии мер как к урегулированию самого переселения» (точное определение мест для переселения: здесь Н.Н. Петухов предвосхищает то, что будет делаться четверть века спустя), он в то же время полагает, что «при своевременном спокойном разбирательстве возникающих между старожилами и переселенцами недоразумений и споров и при своевременном принятии соответственных предупредительных мер, никакие серьезные столкновения между старожилами и переселенцами не могут иметь места»¹⁷. Обсуждая решение частного ново-тырышкинского вопроса, Петухов показал видение явлений общероссийского масштаба, знание общесибирского положения и сформулировал программу на десятилетия вперед.

Изложенное характеризует Н.Н. Петухова как человека, наделённого отличными мыслительными способностями. Но этого мало: Н.Н. Петухов был ещё и деятелем. Он не только сформулировал далёкую программу, принятие которой от него не зависело. Он – руководствуясь своим умением видеть тонкие явления – принял практические меры, которые, по всей видимости, и сыграли решающую роль в утешении ново-тырышкинских страстей.

Под «тонкими явлениями» я имею в виду наличие подгрупп и прослоек в составе обеих групп, интересы которых на предыдущем этапе обсуждались в качестве непримиримых. Уже говорилось о богатых скотоводах в Ново-Тырышкино. Конечно, они составляли меньшинство старожилов. Конечно, это меньшинство пользовалось повышенным влиянием и держало в руках сход (но только в отсутствие высокого начальства). С другой стороны, были ведь и такие, кто продавал – даже вопреки постановлениям схода! – свои старые дома переселенцам. Для кого-то из них соседский интерес перекрывался интересом материальным: получить деньги за то, что иначе придётся просто пустить на слом. В других случаях была причина и поважнее материальной корысти: родственные связи. Новые переселенцы шли по следам старых, многие из которых успели ещё до обострения кризиса получить приёмные приговоры. Обладатели приёмных приговоров – полноценные члены общества, формально говоря – старожилы; а по существу – часть переселенческого сообщества. С другой сто-

¹⁷ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 44. Д. 9. Л. 64–65. Л. 78.

роны, и переселенцы неоднородны: были такие, кто платил старожилам арендную плату («полетки») и готов был в разумных пределах заплатить за приемный приговор, или хотя бы старался не ссориться с местным обществом. Были те, кто не платил даже «полетков». Были отставные солдаты, «крайне грубое и нахальное отношение» которых к переселенцам, по мнению Н.Н. Петухова, очень способствовало обострению конфликта. В итоге между вожаками старожилов и вожаками переселенцев Н.Н. Петухов видел целый набор промежуточных позиций.

Ещё до своей тобольской поездки, сразу по получении губернаторского отношения от 30 апреля 1884 г., он отправился в Бийский округ. 20 мая Н. Н. Петухов, вместе с исправником А. Новогонским и чиновником по крестьянским делам Е. Лушиковым, собрал сход в Ново-Тырышкино и обсудил положение с крестьянами. Прямо на сходе 20 мая он, по собственному выражению, «присогласил бывших на сходе старожилов на принятие в свое общество наиболее скромных и беднейших переселенцев без всякой платы за приговоры и некоторой части прочих переселенцев за более умеренную плату»¹⁸.

Принцип «разделяй и властвуй» считается проявлением макиавеллизма, но в данном случае он был использован в интересах разрешения конфликта, казавшегося непримиримым. Так был открыт клапан, позволивший в течение следующих двух лет выпустить лишний пар, что и обусловило исчерпание конфликта.

Таким образом, в Ново-Тырышкинском деле Н.Н. Петухов продемонстрировал умение и видеть лес за деревьями, и, казалось бы, противоположное умение вглядываться в отдельные лица. Не стесняя себя стереотипом о противоположности интересов старожилов и переселенцев, он проявил умение действовать нестандартно. Это и предопределило разрешение конфликта, которое можно признать благополучным для подавляющего большинства его участников.

Этот успех был достигнут благодаря человеку, который при всех своих деловых качествах оставался в тени губернаторов. Качество работы губернаторского аппарата поздней Российской империи в решающей степени зависело не от обладателей орденов «с мечами», кочующих по всей евроазиатской империи, но от наличия в том аппарате, который существовал независимо от них, знающих, дельных, творческих управленцев наподобие Н.Н. Петухова.

¹⁸ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 44. Д. 9. Л. 64–65. Л. 77 об.

Библиографический список

1. Кобелев А. И. Начальные люди Томской губернии, 1804–1917: исторические портреты. Барнаул: Алтайский Дом печати, 2014. 392 с. [Интернет-ресурс в открытом доступе:] https://bookz.ru/authors/aleksei-kobelev/na4al_ni_565/page-21-na4al_ni_565.html [дата обращения: 15.02.2020].
2. Яковенко А. В., Гахов В. Д. Томские губернаторы: био-библиографический указатель Томск: Изд-во «Ветер», 2012. 224 с.
3. Смирнов А. С. Третьейский суд о Томском могильнике // Вестник Томского гос. ун-та. 2013. № 369. С. 96–103. [Интернет-ресурс в открытом доступе:] <https://cyberleninka.ru/article/n/treteyskiy-sud-o-tomskom-mogilnike> [дата обращения: 12.03.2020].
4. Чудновский С. Л. Переселенческое дело на Алтае. (Статистико-экономический очерк) / Записки Вост.-Сиб. отдела Имп. Рус. Геогр. О-ва, по отделению статистики. Т. 1, вып. 1, под ред. Г. Н. Потанина. Иркутск, 1889. 172 с.
5. Кириллов А. К. Достопыпинское переселение: неизвестный документ 1880-х годов в контексте истории миграций // Исторический курьер. 2019. № 6 (8). С. 199–213. [Интернет-ресурс в свободном доступе:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-16.pdf> [дата обращения: 10.02.2020]

УДК: 902/904

Горохов С. В.

кандидат исторических наук

*ФГБОУ ВПО «Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет» (НГУ)
(г. Новосибирск, Россия)*

КАИНСКИЙ ПАС (ФОРПОСТ): ИСТОРИЯ, ЛОКАЛИЗАЦИЯ И ПЛАНИГРАФИЯ

Аннотация. Статья посвящена локализации на местности, архитектуре и планиграфии оборонительных сооружений, предназначением которых было обеспечение безопасного и бесперебойного движения по маршруту Московско-Сибирского тракта на отрезке от Тары до Томска. Цель настоящего исследования состоит в локализации на местности Каинского паса (современный г. Куйбышев Новосибирской области) и реконструкции его планиграфии по данным письменных источников.

Ключевые слова: Бараба, Каинский пас (форпост), история, локализация, планиграфия, заплот, казарма, И. Г. Гмелин.

Настоящая работа продолжает ряд публикаций автора, посвященных локализации, архитектуре и планиграфии оборонительных сооружений, предназначавшихся для обеспечения безопасного и бесперебойного движения по Мос-

ковско-Сибирскому тракту на отрезке от Тары до Томска (альтернативный маршрут между Тарой и Томском представляет собой водный путь вниз по Иртышу до слияния с Обью, затем подъем до устья Томи и подъем по Томи до Томска). Это Усть-Тартасский, Убинский пасы (форпосты), Бергамакский, Чаусский и Умревинский остроги, Абаханское зимовье. В научной литературе история этих объектов освещена крайне скудно (за исключением Умревинского острога). Между тем без целостного представления об истории этих объектов невозможно составить полную картину обеспечения функционирования важнейшей сухопутной транспортной коммуникации в Обь-Иртышском междуречье в период ее становления в первой половине XVIII в.

Цель настоящего исследования состоит в локализации на местности Каинского паса (на территории современного города Куйбышева Новосибирской области) и реконструкции его планиграфии по данным письменных источников, в первую очередь путевого дневника И. Г. Гмелина [Gmelin, 1752b]. Ранее к этим материалам обращалась А. Л. Автушкова, однако ее работа изобилует фактологическими ошибками: неверно выполнена локализация паса на местности, ошибочно определены геометрические параметры (квадрат) паса и единицы измерения расстояний, не распознана конструкция стен, только одна башня определена как проездная, цейхгауз назван арсеналом [Автушкова, 2017. С. 112]. В связи с этим наша работа будет иметь достаточно высокую степень научной актуальности.

Результаты исследований и обсуждение

Сведения о событиях, предшествовавших основанию Каинского форпоста, содержатся в работе академика И. П. Фалька, который, побывав в Каинске, сообщал, что пас был перенесен на р. Омь с оз. Тандово в 1722 г. [1824. С. 430]. Это крупное озеро, расположенное в 36 км на юго-запад от Каинска, в Барабинском районе Новосибирской области (рис. 1, 1, 2). Время основания паса – 1722 г. – не вызывает возражений и у других исследователей [Историческія свѣденія..., 1886. С. 23; Андріевичъ, 1889. С. 83; Россія..., 1907; Резун, Васильевский, 1989. С. 142; Бурматов, 2009. С. 219].

Слово «пас» как название оборонительного сооружения употреблялось только в отношении трех барабинских укреплений (Усть-Тартасского, Каинского и Убинского). Впоследствии это обозначение было вытеснено более употребительным – «форпост». Другие оборонительные сооружения в Сибири и на Дальнем Востоке с таким названием нам неизвестны. Слово «пас» уже с середины XVIII в. привлекало внимание исследователей, которые пытались дать ему объяснение. В книге «Историческія свѣденія о заселеніи и географическій об-

зоре Томской губернии» присутствует топоним «Каинской-Носъ» в качестве названия поселения, основанного в 1722 г. В данном случае имеет место народное переосмысление неясного термина «пас», который превратился в созвучное слово «нос» и составил с прилагательным «каинский» имя собственное «Каинской-Носъ», о чем свидетельствует написание слова «Нос» с прописной буквы и всего слова через дефис [Историческія свѣдѣнія..., 1886. С. 23].

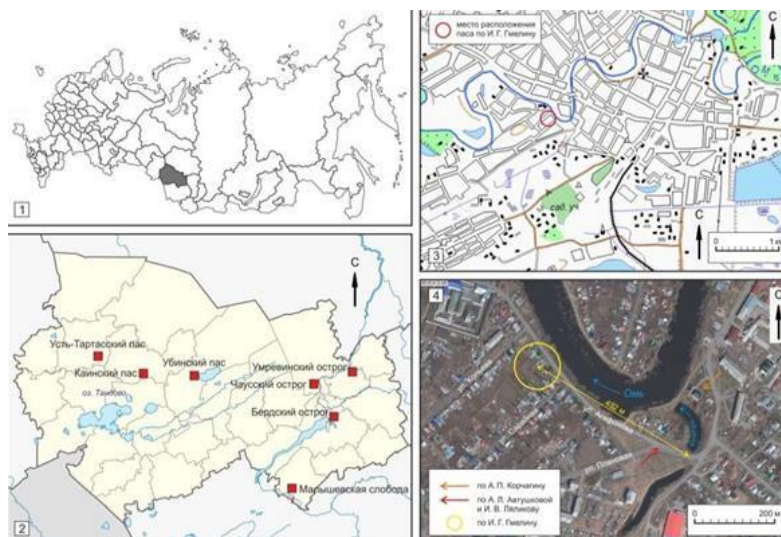

Рис. 1. Расположение Каинского паса:

- 1 – Новосибирская область на карте России; 2 – остроги, пасы и слободы на территории Новосибирской области; 3 – топографическая ситуация в районе размещения Каинского паса; 4 – варианты расположения Каинского паса по данным различных исследователей

В.В. Радлов назвал Каинский пас «Каинским проходом» [Сибирскія древности..., 1894. С. 106]. Такое на первый взгляд странное название объясняется просто: В.В. Радлов, будучи этническим немцем и природным носителем немецкого языка, просто перевел слово пас («Paß» у И. Г. Гмелина [Gmelin, 1752b. S. 113]) на русский язык. В современном немецком языке «Paß» означает «горный проход», «теснина», «дефиле», т. е. узкие проходы в естественных преградах или в труднопроходимой местности, которые могут быть использованы для передвижения своих войск или, наоборот, для воспрепятствования передвижения по ним войск противника. И. Г. Гмелин полагает: «Лежащие бревна барабинских пасов придают им вид крепости, а совсем простой способ строительства – образ острога. Вследствие этого им дали особое название». Он, также будучи носителем немецкого языка, сумел в слове «пас» разглядеть его немецкие корни: «...это название (пас. – С. Г.) присвоено потому, что это место должны проезжать, когда следуют через Барабу» (Здесь и далее перевод наш)

[Gmelin, 1752b. S. 113]. А. П. Корчагин полагал, что «первая половина XVIII в. и несколько последующих десятилетий в Российском государстве характеризуются модой на все европейское, и форпосты на европейский манер назывались пасами (как на карте Гмелина)» [Корчагин, 2018б. С. 78].

Разрешение проблемы этимологии термина «пас» позволило нам понять первоначальное назначение этих оборонительных сооружений, которое состояло в том, чтобы, находясь в таких точках местности, которые служат удобным проходом среди многочисленных болот, озер и речек, контролировать передвижение через Барабинскую степь. Этот функционал в большей мере соответствует теплоте времени года, так как зимой, когда болота и озера замерзают, ограничения на передвижение, накладываемые местностью, перестают действовать.

Относительно места расположения Каинского паса существует несколько мнений. А. А. Бурматов полагает, что он размещался недалеко от современного Куйбышева, т. е. за его пределами [2009. С. 219]. О. Н. Катионов и Ф. С. Кузнецова в качестве места расположения паса указывали левый берег Оми у устья р. Каинка, не уточняя, на каком берегу последней [1997. С. 48]. И. В. Ляликов на гипотетическом плане г. Каинска помещал пас у самого устья Каинки, на ее левом берегу (И. В. Ляликов ссылался на проектные материалы, которых нет в нашем распоряжении [Проект зон охраны..., 1995].) [2013. С. 87–88]. А. П. Корчагин, ссылаясь на И. Г. Гмелина, локализовал форпост в районе улицы Агафонова и Церковно-приходского центра католической церкви, т. е. на правом берегу Каинки [2018а; 2018б]. А. Л. Автушкова указала пас на пересечении улиц Агафонова и Плановой на левом берегу Каинки (рис. 1, 4) [2017. С. 113]. А. А. Бурматов полагал, что в 1744 г. Каинский пас уже был укрепленной слободой, перенесенной в 1772 г. на место нынешнего города [2009. С. 219]. Очевидно, автор считал, что первоначально пас располагался за пределами современного Куйбышева. Более точные сведения о переносе содержатся в «Полном географическом описании нашего Отечества», где сказано, что возникшая вокруг паса слобода в 1772 г. была перенесена на место нынешнего (по состоянию на 1907 г.) города [Россія..., 1907. С. 452]. С тех пор Каинск (Куйбышев) существенно увеличил свою площадь, включив в нее и первоначальное место размещения форпоста. А. Якимовский в 1842 г. сообщал: «...от реки Оми с западной до южной стороны левого берега Каинки, земляного вала, который от руки времени изглажен...» (Соответствующие сведения содержатся в архивном документе: [Краткое статистическое описание..., 1842]) (цит. по: [Гусаченко и др., 1995. С. 7]). По этому описанию сложно составить представление о месте

размещения вала. Можно лишь предположить, что он отходил от левого берега Оми в западном направлении ниже устья Каинки, затем делал поворот на юг и шел до берега Каинки. Возможно, именно это сообщение подталкивало исследователей к локализации паса на берегу реки.

По вопросу о планиграфии Каинского паса в литературе присутствуют существенные разночтения. Глава посольства по дороге в Китай С. Л. Владиславич-Рагузинский в 1725 г., проезжая через Каинский пас, оставил о нем крайне лаконичное сообщение: «...острог маленькой рубленой четверугольной» [Русско-китайские отношения..., 1990. С. 194]. А. Д. Колесников писал, что в 1749 г. форпост был «обнесен надолбами, рогатками, палисадом и рвом» [1973. С. 94]. Источник этих сведений не ясен. Д. Я. Резун и Р. С. Васильевский сообщали, что в 1750 г. пас представлял собой «четырёхугольное поселение, обнесенное деревянным частоколом. Вокруг был опоясан надолбами, рогатками и рвом. На двух углах палисада были сооружены «“роскаты” для пушек» [1989. С. 172]. К сожалению, авторы не ссылаются на источник этих сведений. О. Н. Катионов и Ф. С. Кузнецова так описывали пас: «...в виде четырехугольной крепости из лежащих бревен; в южной и западной стенах находились башни с воротами. Крепость была ограждена глубоким рвом, заполненным водой и надолбами» [1997. С. 48]. Эти исследователи ссылались на путевой дневник И. Г. Гмелина, следовательно, описание относилось к июню 1741 г. Однако смысл содержания текста дневника они передали недостаточно точно. Согласно плану, опубликованному И. В. Ляликовым, пас представлял собой правильный прямоугольник, расположенный длинной осью по линии юго-запад – северо-восток. По углам и посередине северо-западной и юго-восточной стен располагались, по-видимому, башни. Во внутреннем дворе острога показаны две группы строений. Автор назвал этот план гипотетическим [2013. С. 88].

Как можно видеть, исследователи неоднократно обращались к путевому дневнику И. Г. Гмелина как источнику информации о Каинском пасае, однако он использован неполно, а некоторые сведения интерпретированы ошибочно. Между тем это наиболее информативный источник по локализации, архитектуре и планиграфии Каинского паса (форпоста), поэтому необходимо опубликовать полный его текст с соответствующим научным комментарием.

Летом 1741 г. И. Г. Гмелин проделал путь из Томска в Тару через Барабинскую степь. 21 июня он прибыл в Каинский пас. В его путевом дневнике содержатся следующие сведения:

<...> 21 числа я выехал с восходом солнца <...> переехал через реку Каинка и примерно через двести сажень от нее около семи часов утра достиг Ка-

инского паса, который получил название от упомянутой реки <...> Каинской пас расположен на западном берегу реки Омь, которая здесь течет с востока-юго-востока на запад-северо-запад и в этом месте пятнадцать сажень в ширину. Рядом с пасом выше по течению она течет с востока-северо-востока на запад-юго-запад и на углу этого поворота рядом с крепостью выше по течению впадает река Каинка, по-татарски Каинглу. Крепость четырехугольная длиной с юга на север тридцать девять сажень и шириной тридцать одна сажень из лежащих тонких березовых бревен. Однако большую часть стен составляли двенадцать казарм, которые то тут, то там были распределены по всем четырем стенам. Она имела две башни, которые снизу были снабжены воротами, одна на южной и одна на западной стороне. Вдоль северной стороны ближе к восточной расположен дом командующего, от которого несколько западнее выстроен амбар и пристроен цейхгауз. Из артиллерии, ружей и других боеприпасов в наличии имеется две металлические пушки, восемьдесят фунтовых и семьдесят девять полуфунтовых ядер, восемь пищалей (вид ружей), три пуда пороха, четыре пуда свинца. Вокруг крепости, за исключением стороны реки, проведен достаточно глубокий и длинный ров и вокруг него укреплено надолбами и рогатками. На южной стороне, где она соединяется с восточной, за пределами острога расположена баня. Под началом командующего этим местом состоит двести казаков, из которых пятьдесят отданы в Убинский пас. Слово пас в моих описаниях до сих пор не встречалось, кроме как при описании моего путешествия через Барабу. Я думаю, что это название присвоено, потому что это место должны проезжать, когда следуют через Барабу. Они планировались для безопасности от разбойничьих казаков из Казачьей орды, чтобы не только весь путь охранять от этих шельм, но и все деревни, которые расположены на западной стороне Оби застраховать от нападения. Это также вид укрепления. Острог состоит из стоячих бревен и иногда снабжен башнями для стрельбы. Крепость состоит из лежащих бревен, чаще всего в два ряда, и снабжена башнями для стрельбы, иногда также бастионами, рavelинами и тому подобным. Лежащие бревна барабинских пасов придают им вид крепости, а совсем простой способ строительства – образ острога. Вследствие этого им дали особое название. Я предполагаю, что если бы в Барабе имелся хороший строевой лес, то тут исключительно остроги были бы построены. Этого было бы достаточно на продолжительное время против разных нападающих, как то Казачья орда. При нехватке хорошего строевого леса они должны строить из лежащих березовых бревен <...> Если до сих пор мне встречалось мало древесины, то здесь ее было почти в избытке. Однако это не что иное, как березовый лес, на который жите-

ли к тому же еще и жалуются, что несмотря на то, что древесина при этом тверже, чем у березы в других местах, но гниет она быстро и качество кроме того не соответствует ее породе. Срубили ли они его в неподходящее время, я не могу определить по опыту» (Текст намеренно не был подвергнут литературной обработке, чтобы максимально точно передать содержание) [Gmelin, 1752b. S. 111–114].

Из текста И. Г. Гмелина мы можем почерпнуть ценные сведения о месте расположения Каинского паса: 1) в 200 саженьях (432 м) от переезда через р. Каинка при движении с востока на запад; 2) на западном берегу Оми в месте, где река течет в направлении с востока-юго-востока на запад-северо-запад; 3) от паса выше по течению в Омь впадает Каинка; 4) со стороны реки рва нет, это указывает на то, что форпост располагался близко к берегу. Совокупность всех этих признаков указывает на участок улицы Агафонова на отрезке между улицами Копьева и Сарайной как на первоначальное место расположения Каинского паса. В настоящее время эта территория плотно застроена частными домами и перекрыта дорожным полотном названных улиц (рис. 1, 3, 4). Вполне вероятно, что жители домов в этом районе при проведении хозяйственных работ на приусадебных участках могли находить архитектурные и другие материальные остатки форпоста. Возможно, таковые могут быть найдены и под берегом Оми в этом месте.

Путевой дневник И. Г. Гмелина содержит также ценные сведения об архитектуре и планиграфии Каинского паса (рис. 2). Согласно ему, протяженность восточной и западной оборонительных стен составляла 84 м, южной и северной – 67 м. Площадь внутреннего двора – 5,6 тыс. кв. м. Стены имели заплотную конструкцию из тонких березовых бревен. В южной и западной стенах находились проездные башни. Так как в пасае имелось две пушки, то они, скорее всего, размещались именно в башнях, конструкция которых должна быть адаптирована для этого. У восточной части северной стены размещался дом командующего, западнее от него, также у северной стены, – амбар и пристроенный к нему цейхгауз. По периметру внутреннего двора паса размещалось 12 казарм, стены которых служили одновременно и стенами паса.

В рамках реконструкции планиграфии форпоста важно определить примерные размеры этих строений. Так, например, в острожке, который предшествовал Красноярскому острогу, было «на десяток (казаков. – С. Г.) по избенку» [Бахрушин, 1959. С. 100; Царев В. И., Царев В. В., 2019. С. 266]. Согласно данным И. Г. Гмелина, в Саянском остроге в 1739 г. числилось 50 казаков [Gmelin, 1752a. S. 295], а казарм было пять [Паллас, 1788. С. 542]. Из этих двух

примеров следует, что одна казарма строилась на 10 человек. Номинальная численность гарнизона Каинского паса составляла 150 казаков, а, согласно данным И. Г. Гмелина, казарм было 12, т. е. в среднем 12 человек на одну казарму, что почти соответствует приведенным данным по Красноярскому и Саянскому острогам.

С проблемой определения площади казарм мы уже сталкивались при реконструкции планиграфии Убинского паса. В нашей реконструкции Убинского форпоста мы заложили максимально возможную (сообразно с планировкой внутреннего двора паса) площадь казарм, которая составляла около 520 кв. м: на одного годовальщика (всего 50 чел.) приходилось около 10 кв. м площади [Горохов, 2020]. Учитывая, что этот форпост был возведен одновременно с Каинским, подчинялся ему и выполнял те же самые функции, можно принять расчетную площадь казарм на одного человека и для казарм Каинского паса. Таким образом, общая площадь казарм составляла около 1 500 кв. м, площадь одной казармы – около 125 кв. м. Так как в казармах размещались печи, спальные места и хранилось имущество годовальщиков, можно заключить, что гарнизон жил в очень стесненных условиях.

В дневнике указано, что у юго-восточного угла, за пределами стен форпоста, вдоль южной стены размещалась баня. Точно такое же расположение бани по отношению к пасу и реке зафиксировано И. Г. Гmeliным в Усть-Тартасском форпосте [Gmelin, 1752b. S. 122–123].

С северной, западной и южной сторон пас был обведен глубоким рвом. С восточной стороны, вероятно, из-за близости реки рва не было. В таком случае северный и южный рвы могли упираться в обрывистый в этом месте берег Оми, хотя И. Г. Гмелин об этом не сообщает. С внешней стороны рва располагались надолбы и рогатки.

Таким образом, несмотря на то, что путевой дневник И. Г. Гмелина как источник по локализации Каинского форпоста на местности и реконструкции его архитектуры и планиграфии был уже достаточно давно замечен и оценен исследователями, его информационные возможности использованы не в полной мере.

Наш анализ этого текста показал, что данный источник является основным по ранней истории Каинского паса. Без его тщательной проработки в сочетании с полевыми археологическими исследованиями, по крайней мере, разведочного характера, первые десятилетия бытования этого оборонительного сооружения, как и ряда других в Сибири, могут быть реконструированы лишь гипотетически.

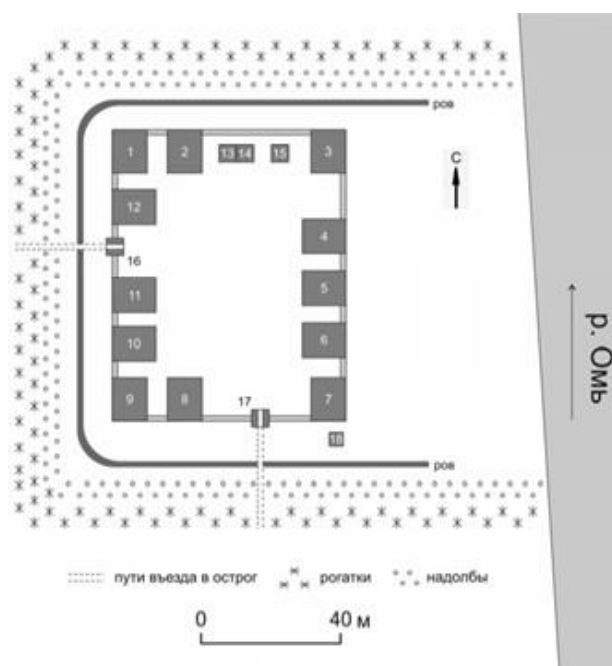

*Рис. 2. Планиграфия Каинского паса в 1741 г. (по И. Г. Гмелину):
1–12 – казармы; 13 – цейхгауз; 14 – амбар; 15 – дом командующего;
16, 17 – проездная башня; 18 – баня*

Библиографический список

1. Автушкова А. Л. Русские остроги и форпосты на территории современной Новосибирской области в описании Иоганна Готлиба Гмелина // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Наука, 2017. С. 110–114.
2. Андрієвич В. К. История Сибири. СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1889. Ч. 2: Періодъ съ 1660 года до воцаренія Императрицы Елисаветы Петровны. 509 с.
3. Бахрушин С. В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4: Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. 264 с.
4. Бурматов А. А. Куйбышев // Историческая энциклопедия Сибири. К–Р. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. С. 219–220.
5. Горохов С. В. Убинский пас: месторасположение и планиграфия // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. № 1. С. 35–40.
6. Гусаченко В. Л., Матвеева Л. Л., Тимяшовская Л. В. Каинск исторический. Новосибирск: [Б. и.], 1995. 79 с.
7. Историческя свѣденія о заселеніи и географическій обзоръ Томской губерніи. Томскъ: Тип. Сибирскаго Вестника, 1886. 35 с.
8. Катионов О. Н., Кузнецова Ф. С. Московский тракт и его эксплуатация на территории Новосибирской области // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области. Новосибирск: Изд-во СО РАН, ОИГГМ, 1997. С. 48–58.
9. Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, Омское отд-ние, 1973. 440 с.

10. Корчагин А. П. Первые укрепленные пункты русских на территории современной Новосибирской области // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты. Омск: Издатель-Полиграфист, 2018. С. 163–164.
11. Корчагин А. П. Остроги и форпосты Барабы и Новосибирского Приобья на картах середины XVIII в. // МНСК-2018: Археология. Новосибирск, 2018. С. 77–78.
12. Ляликов И. В. Градостроительство малых городов юга Западной Сибири в XVIII – второй половине XIX века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 2. С. 87–94.
13. Паллас П. С. Путешествіе по разнымъ провинціямъ Российскаго государства. СПб.: Имп. Академія наукъ, 1788. Ч. 3.: Половина перьвая. 1772 и 1773 годовъ. 655 с.
14. Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосибир. кн. изд-во, 1989. 304 с.
15. Россія. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб.: Изд. А. Ф. Девріена, 1907. Т. 16: Западная Сибирь. 610 с.
16. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. М.: Гл. ред. вост. лит., 1990. Т. 2 (1725–1727). 668 с.
17. Сибирскія древности. СПб.: Тип. Имп. Академіи наукъ, 1894. Т. 1, вып. 3. 178 с.
18. Фальк И. П. Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи, издаваемое Императорскою Академіею Наукъ, по предложенію ея президента. СПб.: при Императорской Академіи Наукъ, 1824. Т. 6: Записки Путешествія Академика Фалька. 560 с.
19. Царев В. И., Царев В. В. Первоисточники о формировании Красноярска в XVII веке // Балан-динские чтения. Новосибирск: Изд-во НГУАДИ, 2019. Т. 14. С. 265–272. DOI 10.24411/ 9999-001A-2019-10090
20. Melin J. G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1738 bis zu Ende 1740. Göttingen, Verlegts Ab-ram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1752a, 584 S.
21. Gmelin J. G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. Göttingen, Verlegts Abram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1752b, 700 S.
22. Краткое статистическое описание Томской губернии окружного города Каинска, составленное штатным смотрителем Уездного училища коллежским асессором А. Якимовским за 1842 г. // Музейный комплекс г. Куйбышева Новосибирской области. МККНО НВФ – 7217.
23. Проект зон охраны историко-культурного наследия исторического центра города Куйбышева Новосибирской области. Новосибирск: Изд-во Администрации Новосибирской области, 1995. Т. 1.

Сумин В. А.

*главный научный сотрудник – начальник отдела археологии
Государственное автономное учреждение Новосибирской области
«Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного
наследия Новосибирской области»
(г. Новосибирск, Россия)*

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КУЙБЫШЕВСКОГО РАЙОНА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Статья посвящена истории археологических исследований на территории Куйбышевского района Новосибирской области, охватывающей период с конца XVIII в. до современного времени. Стиль статьи носит документальный характер, отражающий хронологию проводимых научных исследований, фамилии исследователей, работавших на территории района, с отметкой краткого результата их работ. Небольшое внимание уделено результатам полевых и историографических исследований, посвященных первым памятникам, открытым на территории района в конце XVIII в.

Ключевые слова: археологические исследования, разведки, раскопки, культура, культурный слой, курган, курганный могильник, поселение, городище.

Детального археологического обследования территории современного Куйбышевского района Новосибирской области не производилось. В настоящее время на территории Куйбышевского района на государственной охране находятся 109 объектов археологического наследия, из которых 31 объект имеет статус объектов культурного наследия федерального значения, а 78 объектов являются выявленными объектами культурного наследия. Все они тяготеют к южной и юго-западной части района и приурочены к озерным террасам, водораздельным гривам и берегам р. Омь. В северной и северо-восточной части района памятники не зафиксированы, что связано, в первую очередь, с малой степенью изученности этих территорий, как и территории района в целом.

Первые данные о памятниках археологии в Барабинской лесостепи, в том числе на территории современного Куйбышевского района, появляются еще в конце XVIII века.

В середине XIX века через область прошел маршрут академика В.В. Радлова. В 1866 г. на правом берегу р. Омь, в окрестностях д. Осинцево им были обнаружены курганный могильник и окруженное рвом городище (Осинцевские курганы и Осинцевское городище). В этом же году В.В. Радлов провёл раскоп-

ки 10 курганов Осинцевского могильника, который к моменту обнаружения насчитывал более двухсот насыпей. Исследования дали интересный разновременный материал: помимо костных остатков, найдены обломки керамических сосудов эпохи поздней бронзы, костяные наконечники стрел, железное стремя и другие археологические артефакты. Материалы раскопок В.В. Радлова хранятся в Государственном историческом музее в Москве. После исследований XIX в., на долгие годы *Осинцевские курганы* и *Осинцевское городище* пропадают из поля зрения исследователей.

По вопросу расположения Осинцевского могильника, авторы «Археологической карты Новосибирской области» считают, что имеется в виду современная деревня Осинцево в Чановском районе на правом берегу р. Оми [1, с. 8]. Об Осинцевском же городище вообще не упоминается. Однако, опираясь на материалы отчета В.В. Радлова, можно с уверенностью говорить, что деревня Осинцево, возле которой проводились раскопки, это деревня современного Куйбышевского района. На основании имеющейся у нас сегодня информации, можно говорить о том, что В.В. Радлов работал в Барабинской лесостепи в 1862, 1865 и 1866 годах. Упоминая об *Осинцевских курганах*, В.В. Радлов пишет, что в 30 верстах от Каинска у деревни Осинцево, на правом берегу р. Оми есть огромное кладбище, распространяющееся на 2 версты, на котором находится до 200 бугров разной величины. Группы более мелких насыпей, окруженных рвами, расположены на самом берегу реки [2]. Принимая во внимание данный отчет В.В. Радлова, получается, что могильник и городище должны располагаться не на территории Чановского района, а на территории современного Куйбышевского района, у д. Осинцево. О локализации данных объектов на территории района речь пойдет ниже.

В 1879 г. в лесостепном Приобье и Барабинской лесостепи проводил исследования Н. М. Ядринцев.

В 1889 г. в г. Томске в «Известиях Императорского Томского Университета» за 1888/9 год опубликована «статья» В.М. Флоринского «Топографические сведения о курганах Западной Сибири», куда вошли и известные к тому времени археологические объекты, расположенные на территории Каинского округа (современного Куйбышевского района). В работе отмечены курганы у деревень Антошкино, Старогребенщиковой, Абрамово, Ново-Кондаковой, Осинцево и др. [3].

В 1895 – 1896 гг. на территории, в том числе современного Куйбышевского района, Новосибирской области работал прозектор Томского университета С.М. Чугунов. Кроме раскопок двух курганов в урочище Савкинская грива

у Каинска, он провел разведку по р. Оми. Им были обследованы курганы у села Абрамово, Антошкино и Ново-Кондаково, а также курганы у деревень Сарапулово и Барабушка.

В 20-х годах работы на р. Оми проводит работу Омский краеведческий музей. В 1926 г. Е.М. Бессер-Засецким разведано Абрамовское городище и раскопан один из рядом расположенных Абрамовских курганов. В 1927 и 1929 году В.П. Левашова проводит разведки на р. Оми, зафиксировав здесь 41 памятник, в том числе на территории Куйбышевского района: комплекс памятников у с. Абрамово (стоянка, городище и курганный могильник), Булатовские, Верхне-Осинцевские и Старо-Кондаковские курганы (курганные могильники). Ей были проведены раскопки на Абрамовском городище и исследован еще один из Абрамовских курганов. В кургане находок не оказалось, но на городище были найдены материалы XVI – XVII вв. н.э. и саргатская керамика [4, с. 10, 75-78].

В 30-е годы пионерами было раскопано несколько курганов на Помельцевской гриве у г. Куйбышева (курганный могильник Куйбышев-1), а учащимися Кульгинской школы под руководством О.П. Гришкевич в не установленное время был раскопан курганный могильник Кайлы-1 [5, с. 76,77].

В 70-80-х годах активное участие в исследовании Куйбышевского района принял директор Куйбышевской школы № 10 Н.И. Мартынов. Им был открыт целый ряд памятников, часть из которых обследована позже В.И. Молодиным. К большому сожалению, исследования, проводившиеся Н.И. Мартыновым, нельзя отнести к положительным моментам археологических исследований Куйбышевского района. Работы проводились с нарушением законодательства, без получения открытого листа и сдачи отчетов в научный архивный фонд. Более того, после смерти Н.И. Мартынова, вся богатейшая археологическая коллекция, полученная в ходе многолетних раскопок, и материалы исследований бесследно исчезли. В результате чего вся информация о данных исследованиях и памятниках сегодня практически полностью утрачена.

С 1972 года в Новосибирской области начинает проводить планомерные, систематические исследования Западносибирский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР (ныне Институт Археологии и Этнографии СО РАН) под руководством В.И. Молодина (начальник экспедиции акад. А.П. Окладников). С этого времени отряд ведет работы на территории Барабинской лесостепи: в Венгеровском, Чановском, Здвинском, Кыштовском и, в том числе, Куйбышевском районах. Исследования на территории Куйбышевского района проводились специалистами Института археологии на протяжении 1970-х – 1990-х гг. Исследования проводились на таких памятниках как

курганные могильники Марково-1, Абрамово-4, Абрамово-10, поселения Марково-2 и др.

С середины 1980-х гг. на территории района работают отряды НГПИ под руководством В.И. Соболева, В.А. Заха, Е.А. Гутова, О.В. Софейкова. Был открыт целый ряд новых археологических памятников, на ряде из которых, проведены исследования (раскопки).

В 1984 году Барабинским отрядом Новосибирской археологической экспедиции под руководством В.И. Соболева проводятся раскопки обнаруженного Н.И. Мартыновым памятника Абрамово-10, расположенного в 15 км к юго-западу от г. Куйбышева на берегу р. Омь. Вскрыто 2 траншеи по обе стороны от дороги. На могильнике исследовано 118 погребений ХУІ – ХУІІІ вв. В процессе работ обнаружено поселение кротовской культуры (5 жилищ, ямы, 7 сооружений и конструкций) [6].

В 1985 году разведку на территории Куйбышевского района проводил отряд Новосибирской археологической экспедиции НГПИ под руководством Е.А. Гутова. Им открыто 19 различных памятников (Булатово-1 – 7, Казатово-1 – 8, Кузькина Грива-1, 2, Озерное-1 и Рогозинская Грива-1) [7].

В 1986 и 1987 гг. отряд под руководством М.А. Чемякиной проводил раскопки курганных могильников Абрамово-4 (в 1986 г.) и Бурундуково-3 (в 1987 г.) [8].

В 1988 г. Северо-Кулундинский отряд Новосибирской археологической экспедиции НГПИ под руководством О.В. Софейкова проводил разведки в районе с. Кирзинское и пос. Безымянный, в том числе, по трассе проектируемого строительства газопровода «Омск – Новосибирск – Кузбасс». В результате разведок открыты 3 одиночных кургана (Жилая Грива-2, Казык-1, Сарбалык-1), 2 курганных могильника (Жилая Грива-1 и Казыкская Грива-1), отдельное местонахождение (Казык-2) и комплекс разновременных поселений (от эпохи бронзы до средневековья) Казыкская Грива-2, который попал в зону строительства газопровода [9]. Позднее этот памятник исследовался охранными археологическими раскопками отрядом НГПИ под руководством В.Б. Малиновского, исследована площадь 1650 кв.м., обнаружены материалы, относящиеся к эпохе бронзы, материалы потчевашской культуры и находки, относящиеся к культуре барабинских татар XVIII в. [10].

В 1990-х гг. разведочные работы на территории района продолжены отрядами ДЭАЦ «Каракан», под руководством О.В. Софейкова, Е.М. Евтеевой, В.А. Сумина.

В 1992 году отрядом ДЭАЦ «Каракан» под руководством В.А. Сумина в ходе разведки открыт целый ряд новых памятников (поселения и курганные могильники) Кашины Озера-1 – 5, Лохматенькое Озеро-1 – 4, Мангазерка-1, Озеро Сарган-1, 2, Крутобереговое Озеро-1, Осиновское Озеро-1, 2 и Мохнатенькое Озеро-1 [11].

В 1993 году Барабинским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции под руководством М.А. Чемякиной была произведена инвентаризация всех известных к тому времени памятников Куйбышевского района. В ходе инвентаризации были обнаружены курганный могильник Омь-3, одиночные курганы Булатово-9 и Грива Увал-1, а также городище Булатово-8 [12]. Одиночный курган Булатово-9 – это, скорее всего, один из трех осмотренных в 1895 – 1896 гг. С.М. Чугуновым курганов («между Ново-Кондаковой и с. Булатовым – 3 кургана» [13, с. 10]) и один из «Булатовских курганов» В.П. Левашевой по версии «Археологической карты Новосибирской области» [14, с. 76].

В 1990-х гг. археологические исследования на территории района значительно сокращаются. С конца 90-х гг. они носят исключительно разведочный характер на территориях, подлежащих хозяйственному освоению. Основное количество изыскательских работ на территории района в этот период и далее, в 2000-е гг. проводится отрядами Научно-производственного центра, под руководством С.В. Колонцова, О.В. Софеева, Д.Е. Ануфриева, В.А. Сумина.

В 2002 году отрядом НППЦ под руководством Д.Е. Ануфриева в Куйбышевском районе проводились полевые археологические изыскания (разведки) на участке дополнительного отвода земель для реконструкции кабельной линии технологической связи МН «Омск – Иркутск» на участке «Татарск – Барабинск» с прокладкой волоконно-оптического кабеля в охранной зоне нефтепровода «Омск – Иркутск» («181– 345 км» МН «Омск – Иркутск») в Татарском, Чановском и Барабинском и Куйбышевском районах Новосибирской области. В ходе работ 2002 года было выявлено 4 новых памятника и обследовано 4 ранее известных. В Куйбышевском районе, на участках «327,5 – 328 км» и «328 км» МН «Омск – Иркутск», были обнаружены поселения Круглое Озеро-1 и Круглое Озеро-2. Поселения расположены на межозерной гриве озер Круглое и Дивулино. На террасе озера Дивулино и на пашне (на вершине и склонах гривы), на южном склоне межозерной гривы озер Дивулино и Круглое и на краю террасы озера Круглое собран многочисленный подъемный материал – фрагменты лепных орнаментированных и неорнаментированных сосудов и костей животных. Материал предварительно датируется эпохой средневековья, XV–XVII веками и принадлежит культуре барабинских татар. Заказчику были рекомендо-

ваны варианты мероприятий по обеспечению сохранности указанных археологических объектов. Из рекомендованных вариантов были выбраны варианты обхода трассы реконструкции кабеля вокруг территории археологических объектов. На указанных участках обхода были проведены дополнительные изыскательские археологические работы. В результате определены варианты обходов трассы кабеля технологической связи, не угрожающие сохранности археологических объектов [15].

В том же году Д.Е. Ануфриевым были проведены археологические изыскания (разведки) на участках дополнительного отвода земель для ремонта автодороги «Куйбышев – Северное» – Кама» на участке «30 – 43 км». В результате было установлено, что при разработке филиалом ОАО «Новосибирскавтодор» «Куйбышевское ДРСУ» внепланового сосредоточенного грунтового резерва был частично разрушен неизвестный ранее археологический памятник поселение Шубинское Озеро-1. Для проведения дальнейших аварийных охранных работ на памятнике был заказан Открытый лист. На поселении были заложены раскопы общей площадью 54 кв. м, собран многочисленный подъемный материал: фрагменты орнаментированной и неорнаментированной керамики, костей животных, костяные изделия, обломки глиняных «шаров». Снят тахеометрический план [16].

В 2003 году исследования на поселении Шубинское Озеро-1 были продолжены. На оставшихся участках культурного слоя на территории карьера проведены раскопки общей площадью 251 кв. м. В раскопах обнаружено большое количество фрагментов керамики и костей крупного и мелкого рогатого скота, обломки бронзового изделия (шило?), резные костяные изделия, хозяйственные и конструктивные ямы, заполненные проколами и насыщенным фрагментами керамики и костей грунтом. В одном из квадратов раскопа выявлен колодец, внутри которого обнаружен развал керамического сосуда. После завершения раскопок карьер был рекультивирован. При рекультивации карьера в буртах грунта собрано большое количество подъемного археологического материала. Основная масса полученных находок позволяет датировать поселение Шубинское Озеро-1 эпохой бронзы, XI – IX вв. до н.э. и отнести его к его позднему этапу андроновской культуры и андроновидным культурам населения Барабы эпохи бронзы [17].

В период 2003 – 2010 гг. археологические исследования в районе носят характер исследовательских работ на участках хозяйственного освоения и строительства автомобильных дорог, линий связи, газопроводов и других

объектов. Работы проводятся отрядами под руководством С.В. Колонцова [18], Д.Е. Ануфриева [19], О.В. Софейкова [20], И.В. Кошмана [21].

В 2005 г. В.А. Суминым в Куйбышевском районе была проведена инспекционная проверка, осмотрено современное состояние ряда археологических памятников, уточнено их местоположение. В ходе работ осмотрены следующие археологические памятники: Абрамовские курганы, курганные могильники Абрамово-4, 6, 9, городище Абрамово-1, поселения Абрамово-5 и 7. Большая часть из осммотренных памятников подвергается сильному антропогенному влиянию. Проведён осмотр нового открытого археологического памятника – одиночного кургана Казачья грива-1. Курган открыт местным краеведом Павловым А., принимавшим участие в работе в районе. В ходе работ выполнено описание памятника, его фотофиксация и взяты координаты месторасположения [22].

В 2007 г. А.Ю. Языковым были проведены разведки вдоль старого Московского (почтового) тракта на участке от г. Куйбышев до границы Куйбышевского и Чановского районов с целью проверки архивных данных о курганах, отмеченных В.М. Флоринским и С.М. Чугуновым в конце XIX в. В результате работ выявлен курганный могильник Камышевое Озеро-1 (наиболее вероятно, являющийся курганами, отмеченными В.М. Флоринским у д. Антошкино). Также проведено обследование и съёмка плана археологического объекта одиночный курган Казачья Грива-1 [23].

В 2010 г. отрядом ГАУ НСО НПЦ под руководством В.А. Сумина была проведена инвентаризация всех археологических объектов, находящихся на государственной охране, на территории Куйбышевского района Новосибирской области, показавшая значительное ухудшение состояния археологических памятников за последние десятилетия [24].

За период 2010 – 2015 гг. характер работ в районе не меняется, они по-прежнему носят исследовательский характер в зонах хозяйственного освоения, здесь продолжают работать отряды под руководством О.В. Софейкова [25], И.В. Кошмана [26] А.Б. Дейча [27], А.О.Князева [28], Е.А. Кузнецовой [29], В.А. Сумина [30].

Осенью 2012 г. в зоне перспективного строительства объекта «Продуктопровод ШФЛУ «Мыльдзинское ГКМ – Казанское НГКМ – ж.д. терминал СПБТ в г. Куйбышеве» из Томской области, по территории Северного и Куйбышевского районов Новосибирской области, к строящемуся терминалу СПБТ в районе г. Куйбышева, ведутся работы археологического отряда ООО «Межрегиональный центр культурного и природного наследия» (г. Томск) под руковод-

ством С.А. Терёхина [31]. Общая протяженность трассы составила 260,39 км, из них на территории Куйбышевского района – около 80 км. По результатам исследовательских работ на территории района, С.А. Терёхиным сделан вывод об отсутствии археологических объектов в зоне строительных работ. При поступлении материалов данных работ в Управление по государственной охране объектов культурного наследия Новосибирской области, для согласования строительства трассы, было установлено, что большая часть трассы строительства продуктопровода будет проходить по-новому, не обследованному ранее направлению. Кроме того, непосредственно в зоне строительства трассы продуктопровода находится курганный могильник Абрамово-4, информация о котором отсутствовала в материалах исследований отряда С.А. Терёхина.

В 2015 г. отрядом ГАУ НСО НПЦ под руководством В.А. Сумина проведено дополнительное обследование участков, отводимых для строительства объекта «Продуктопровод ШФЛУ «Мыльджинское ГКМ – Казанское НГКМ – ж.д. терминал СПБТ в г. Куйбышеве» на территории Куйбышевского района. Обследованы участки изменённого направления трассы и не вошедшие в обследование отряда С.А. Терёхина. В ходе работ, в 400 м от одного из участков прохождения трассы, было выявлено ранее не известное поселение раннего железного века Щучье Озеро-1. Проведены мероприятия по сохранению курганного могильника Абрамово-4, попадавшего в створ строительства, в результате чего территория могильника была исключена из зоны строительных работ (застройщиком выбран и реализован вариант прохода продуктопровода и сопутствующих коммуникаций под территорией могильника на глубине 7-8 м, методом прокола).

Кроме того, в 2015 г. отрядом под руководством В.А. Сумина в районе были начаты работы по топографической съёмке и установлению границ территории объектов археологического наследия. Комплекс таких работ был проведён на 43 археологических объектах, из которых 8 объектов были выявлены в ходе работ в районе.

В ходе работ отряда на территории района в 2015 году поставлена окончательная точка, в многолетней запутанной загадке о месторасположении открытых В.В. Радловым первых памятников района – Осинцевских курганах и Осинцевском городище. В 2015 г., в ходе исследований, проводимых в районе сотрудниками ГАУ НСО НПЦ, удалось соотнести информацию, сохранившуюся со времён В.В. Радлова, с данными последующих исследований в районе и сохранившимися археологическими объектами, с которыми оказались связаны памятники Омь-1 – 5.

Так, согласно данных «Археологической карты Новосибирской области», памятник, под наименованием поселение Омь-1, открыт Н.И. Мартыновым, в 1979 г. обследован В.И. Молодиным, которым описан большой, не потревоженный распашкой зольник, относящийся к поселению. Собрана керамика эпохи поздней бронзы, саргатской культуры и I тыс. н.э. [32, с. 77].

В 1993 г. в ходе проведения инвентаризации памятников Куйбышевского района, поселение Омь-1 обследовано и описано М.А. Чемякиной. По описаниям М.А. Чемякиной, памятник включал в свой состав поселение без рельефных признаков, расположенное на пашне, и задернованный зольник на краю террасы. На основании сбора подъёмного материала с осыпи зольника, поселение датировано эпохой поздней бронзы IX – VIII вв. до н.э. и отнесено к ирменской культуре. Также были встречены и материалы (керамика) саргатской культуры и I тыс. н.э., в результате чего, памятник является разновременным.

В 1997 г. памятник Омь-1 вновь исследуется Барабинским отрядом Северо-Азиатской комплексной археологической экспедиции Института Археологии и Этнографии СО РАН, под руководством М.А. Чемякиной [33]. Площадь раскопа составила 500 кв.м. Согласно описаниям результатов работ, раскопом вскрыты остатки поселений ирменской и позднеирменской культур, саргатского городища и сезонной новочекинской стоянки эпохи раннего железного века. Кроме того, в восточной части раскопа, на возвышенной площадке городища и зольника исследован курган курганного могильника Омь-3, раскопки которого дали материалы тюркского времени. Помимо этого, при раскопках обнаружена керамика, относящаяся к эпохе ранней бронзы, андроновской и подчевашской культурам.

Возвращаясь к описаниям месторасположения Осинцевских курганов и Осинцевского городища, оставленных В.В. Радловым, можно увидеть, что расстояние в 30 верст при современном исчислении соответствует расстоянию около 32 км, что соответствует расстоянию от центра современного г. Куйбышева (бывший исторический центр г. Каинск) до памятников Омь-1 – Омь-5, при движении по существующей дороге «Куйбышев – Абрамово – Старогребенчиково – Осинцево – Омь».

Для более полного восприятия ситуации, необходимо хорошо представлять географические особенности рассматриваемой территории – возвышенный участок водораздельной гривной возвышенности, вытянутой по линии юго-восток – северо-запад вдоль правобережья р. Омь. Гривная возвышенность начинается, ориентировочно, в 1,0 км к западу от д. Осинцево и тянется, ориентировочно, на 3,5 – 4,0 км, оканчиваясь у аула Омь. На участке расположения

археологических памятников, юго-восточная часть гривного возвышения имеет значительное расширение, протяженностью около 1,2 км, выходящее широким мысовидным выступом к р. Омь. Ранее данная территория активно распахивалась и лишь в последние десятилетия, в связи со значительным упадком сельского хозяйства в данном районе, территория не распахиывается и зарастает берёзовым лесом.

В результате соотнесения архивных материалов и материалов археологических исследований, в том числе исследований, проведённых в 2015 г, становится очевидным, что *Осинцевские курганы* и *Осинцевское городище* располагались именно на этом, рассматриваемом нами участке гривной возвышенности. Только от обширного курганного поля, к настоящему времени сохранились лишь единичные курганные группы Омь-2, Омь-4 и Омь-5, расположенные на отрезке местности, ориентировочно, в 600 м, а также небольшая группа курганов Омь-3, расположенная на берегу реки, в 280 м от предыдущих групп. Если же учитывать, что протяженность могильного поля в две версты, указанная В.В. Радловым, это не ориентировочное расстояние, а измеренное, то в этом случае, курганы должны были бы начинаться от начала гривы, к западу от д. Осинцево, и распространяться по гриве с удалением, минимум, до 1 км от современной территории могильника Омь-4. На данном участке грива уходит на север, затем поворачивает на северо-запад, обходя заболоченное урочище, и признаков курганных сооружений здесь не отмечено. Становится очевидным, что огромное курганное поле, описанное В.В. Радловым, к сегодняшнему времени практически полностью распаханно, а крупные курганные насыпи были спланированы для последующей распашки территории.

Подтверждающим фактором того, что исследованные нами курганные группы относятся к *Осинцевским курганам*, являются четко зафиксированные на памятниках Омь-2 и Омь-5 остатки раскопов XIX в., когда насыпь исследовалась «колодцем», что характерно для раскопок В.В. Радлова на других известных нам памятниках, тем более, что последующие исследователи, начиная с С.М. Чугунова, который работал в Барабинской лесостепи уже после В.В. Радлова, в конце XIX в., исследовали насыпи курганов «траншеями». Ещё одним подтверждающим фактором соотнесения *Осинцевских курганов* с исследованными памятниками, является группа небольших насыпей могильника Омь-3, расположенная непосредственно на речной надпойменной террасе у комплекса памятников Омь-1 (включающем городище), как и описывал её В.В. Радлов, учитывая, что большая часть этой курганной группы к настоящему времени распахана.

Осинцевским городищем, описанным В.В. Радловым, является городище, исследованное в 1997 г. М.А. Чемякиной на комплексе памятников Омь-1, остатки которого в настоящее время представлены частью его площадки, окруженной рвом и сохранившейся западиной, расположенной за пределами основной площадки. Значительная часть территории городища ранее разрушена размывами берегов р. Омь, что, естественно, несколько изменило рельефную ситуацию, которая была здесь во времена работы В.В. Радлова.

Работы по топографической съёмке археологических объектов и установлению границ их территории были продолжены в районе отрядом ГАУ НСО НПЦ под руководством В.А. Сумина в 2016 г [34]. Работы были проведены на территории 18 объектов археологического наследия, пять из которых выявлены в ходе работ на территории района. В ходе работ на территории курганного могильника Гжатск-1, было проведено исследование частично разрушенного распашкой погребения, давшее интересные материалы, относящиеся к культуре барабинских татар XV – XVII вв. Также, на территории 7 объектов археологического наследия был проведён мониторинг состояния объектов. В ходе работ 2016 г. был обнаружен и снят ещё один из «потерянных» ранее памятников – курганный могильник Верхне-Осинцевские курганы, открытый В.П. Левашовой в 1927 г.

В 2018 г. отрядом ГАУ НСО НПЦ под руководством В.А. Сумина проведены археологические полевые работы по определению характера культурного слоя Спасского собора [35]. В ходе производства работ, на территории сквера В.В. Куйбышева, в границах территории, установленных проектом зон охраны 1995 г., а также на прилегающей территории, была проведена шурфовка, позволившая установить характер культурного слоя Спасского собора и установить принадлежность данного объекта к объектам археологического наследия. В ходе выполнения археологических работ установлены границы территории объекта археологического наследия, выполнена топографическая съёмка плана земельного участка, занимаемого объектом в кадастровой системе координат Новосибирской области, а также проведена фотофиксация территории объекта.

В ходе проводимых работ было установлено, что археологический культурный слой Спасского собора не однородный. Кроме собственно культурного слоя, непосредственно связанного с собором (остатки фундаментов собора, конструктивные элементы рвов фундамента собора, остатки разрушенных элементов конструкций, погребения священников на прилегающей к собору территории и др. артефакты), территория включает в себя культурные напластования более раннего периода, а именно: периода связанного со строительством

и функционированием на данной территории деревянной церкви «Во имя Спасителя Нерукотворного Образа» (построена в 1751 г.), на месте которой в последствие построен Спасский собор, а также остатков старого кладбища (одного из самых первых кладбищ г. Каинска), располагавшегося здесь ранее (ориентировочно с первой четверти 18 века до 1780-х гг. 18 века).

В 2019 – начале 2020 гг., в рамках проекта восстановления Спасского собора, археологическим отрядом Института Археологии и Этнографии СО РАН, под руководством А.А. Тимощенко и Г.И. Марковского, были проведены археологические раскопки участка территории Спасского собора, под будущее строительство. Исследовано около 1450 кв. м площади памятника.

В 2020 г. отрядом ГАУ НСО НПЦ под руководством В.А. Сумина проведён мониторинг состояния 19 объектов археологического наследия, имеющих статус объектов федерального значения, на которых были проведены работы по установлению границ территории данных объектов.

Подводя небольшой итог многолетней истории археологических исследований на территории Куйбышевского района, необходимо отметить, что район и сегодня является одним из перспективнейших районов Новосибирской области по выявлению объектов археологического наследия. Правда сегодня, выявление новых археологических объектов на территории района требует новых, более трудоёмких методов археологического исследования, включающих, в том числе, обширное геомагнитное сканирование территории. Такой подход к новым археологическим исследованиям диктуется, прежде всего, сильнейшим антропогенным воздействием на территорию района за последние 100 лет, в ходе которого уничтожены внешние признаки значительного числа археологических памятников. К указанным антропогенным факторам в первую очередь, относится активная распахка земель, в ходе которой часто проводилось планирование территории и курганные насыпи просто разравнивались бульдозерами (что является зафиксированными фактами даже на известных археологических памятниках).

Библиографический список

1. Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1980, с. 8.
2. Отчет В. В. Радлова об археологических исследованиях в 1866 г. (Барабинская степь, Киргизская степь, на правом берегу р. Иртыша, между оз. Чаны и г. Семипалатинском, а также в Каинском ведомстве). Архив ИИМК РАН. Санкт-Петербург, Ф.1. 1965, № 8, л.39–45.
3. Флоринский В. М. Топографические сведения о курганах Западной Сибири // Из известий Императорского Томского Университета за 1888/9 год. Томск, 1889. 72 с.

4. Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1980, с. 10, 75–78.
5. Там же, с. 76, 77.
6. Соболев В. И., 1984. Отчет о работах Барабинского отряда Новосибирской археологической экспедиции. // Архив ИА РАН. Арх. № 11723.
7. Гутов Е. А., 1985. Отчет о разведочных работах в Куйбышевском районе // Архив ИА РАН. Арх. № Р-1 10988.
8. Чемякина М. А., 1986. Отчет о раскопках курганного могильника Абрамово-4 в Куйбышевский районе. // Архив ИА РАН. Арх. № 11795. Архив НГКМ; Она же, 1987. Отчет о раскопках курганного могильника Бурундуково-3 в Куйбышевский районе // Архив ИА РАН. Арх. № 12155. Архив НГКМ.
9. Софеев О. В., 1988. Отчет о полевых работах Северо-Кулундинского отряда в Новосибирской области // Архив ИА РАН. Арх. № 13468, 13469 (альбом). Архив НПП.
10. Малиновский В. Б., 1989. Отчет о работах Барабинского отряда НАЭ на комплексе поселений «Казыкская Грива 2» в Куйбышевском районе Новосибирской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. Арх. № 14588.
11. Сумин В. А., 1992. Отчет о разведках в Новосибирской области в 1992 г. // Архив ИА РАН. Арх. № 17087. Архив НПП.
12. Архив ГАУ НСО НПП.
13. Чугунов С. М. Материалы для антропологии Сибири. – Х. Курганы Каинского округа Томской губернии. // Известия Императорского Томского университета. Томск, Паровая типолитография П.И. Макушина, 1900. Книга XVI, с. 10.
14. Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1980. С. 76.
15. Ануфриев Д. Е., 2002. Отчет об археологических изысканиях (разведках) в Баганском, Барабинском, Здвинском, Каргатском, Колыванском, Коченевском, Кочковском, Куйбышевском Новосибирском (сельском), Ордынском, Сузунском, Татарском, Тогучинском, Чановском, Чулымском районах Новосибирской области и в черте города Новосибирска в 2002 году. // Архив НПП. Арх. №А-557.
16. Ануфриев Д. Е., 2002. Отчет об охранных археологических работах на поселении Шубинское Озеро-1 в Куйбышевском районе Новосибирской области в 2002 году. // Архив ИА РАН. Архив НПП. Арх. № А-561.
17. Ануфриев Д. Е., 2003. Отчет о проведении спасательных археологических исследований и работ по консервации объекта культурного наследия «Поселение Шубинское Озеро – 1» в Куйбышевском районе Новосибирской области в 2003 г. // Архив ИА РАН. Архив НПП.
18. Колонцов С. В., 2003. Отчет об археологических изысканиях (разведках) в Куйбышевском, Северном, Сузунском, Тогучинском, Барабинском районах Новосибирской области в 2003 году. // Архив ИА РАН. Архив НПП. Арх. № А-649; Он же, 2007 а. Отчет об археологических изысканиях (разведках) в Баганском, Барабинском, Болотнинском, Венгеровском, Здвинском, Искитимском, Коченевском, Колыванском, Куйбышевском, Кыштовском, Мошковском, Новосибирском, Сузунском, Убинском, Усть-Таркском, Чановском, Чулымском районах Новосибирской области в 2007 году // Архив ИА РАН. Архив НПП.

19. Ануфриев Д. Е., 2004. Отчет об археологических изысканиях (разведках) в Болотнинском, Венгеровском, Здвинском, Искитимском, Колыванском, Коченевском, Куйбышевском, Маслянинском, Мошковском, Новосибирском (сельском), Северном, Сузунском, Тогучинском, Убинском, Чановском, Чистоозерном районах Новосибирской области и в черте г. Новосибирска в 2004 году // Архив ИА РАН. Архив НПЦ.
20. Софеев О. В., 2006. Отчет об археологических изысканиях (разведках) в Баганском, Барабинском, Болотнинском, Здвинском, Искитимском, Карасукском, Куйбышевском, Купинском, Кыштовском, Маслянинском, Мошковском, Новосибирском, Ордынском, Северном, Татарском, Тогучинском, Убинском, Усть-Таркском, Чановском, Чистоозерном и Чулымском районах Новосибирской области в 2006 г. // Архив ИА РАН. Архив НПЦ; Он же, 2007. Отчет археологических изысканиях (разведках) в Новосибирской области в 2007 г. // Архив ИА РАН. Архив НПЦ; Он же, 2008. Отчет об археологических изысканиях (разведках) в 28 районах Новосибирской области в 2008 г. // Архив ИА РАН. Архив НПЦ; Он же, 2010. Отчет об археологических изысканиях (разведках) в Новосибирской области в 2010 г. // Архив ИА РАН. Архив НПЦ.
21. Кошман И. В., 2009. Отчет об археологических изысканиях (разведках) в Венгеровском, Куйбышевском, Усть-Таркском районах Новосибирской области в 2009 году. // Архив ИА РАН. Архив ГАУ НСО НПЦ. Арх. № 914.
22. Сумин В. А., 2005. Отчет о работах в Кыштовском, Коченёвском, Колыванском, Куйбышевском, Новосибирском (сельском) и Сузунском районах Новосибирской области в 2005 году. // Архив ИА РАН.
23. Язиков А. Ю., 2007. Отчет об археологических разведках в Куйбышевском и Чановском районах Новосибирской области в 2007 г. // Архив ИА РАН. Архив НПЦ.
24. Сумин В. А., 2010–2011. Отчет. Археологические исследования на территории Новосибирской области в 2010–2011 году (Искитимский, Коченевский, Куйбышевский, Маслянинский, Мошковский, Новосибирский, Тогучинский, Черепановский, Чистоозерный районы) и инвентаризация объектов археологии в Куйбышевском, Кыштовском и Северном районах области 2010 года. // Архив ИА РАН. Архив НПЦ.
25. Софеев О. В., 2010. Отчет об археологических изысканиях (разведках) в Новосибирской области в 2010 г. // Архив ИА РАН. Архив НПЦ; Он же, 2011. Отчет об археологических изысканиях (разведках) в Новосибирской области в 2011 г. // Архив ИА РАН. Архив НПЦ; Он же, Отчет об археологических изысканиях (разведках) в Новосибирской области в 2012 г. // Архив ИА РАН. Архив НПЦ; Он же, Отчет об археологических изысканиях (разведках) в Новосибирской области в 2013 г. // Архив ИА РАН. Архив НПЦ.
26. Кошман И. В., 2011. Отчет об археологических изысканиях (разведках) в Новосибирской области в 2011 г. Том 1. Текст. // Архив ИА РАН. Архив ГАУ НСО НПЦ. Арх. № 1116; Он же, 2013. Отчет об археологических изысканиях (разведках) в Новосибирской области и Алтайском крае в 2013 г. // Архив ИА РАН. Архив ГАУ НСО НПЦ. (электр. версия).
27. Дейч Б. А., 2012. Отчет об археологических изысканиях (разведках) в Новосибирской области в 2012 г. // Архив ИА РАН. Архив ГАУ НСО НПЦ. Арх. № 1155.
28. Князев А. О., 2013. Отчет об археологических изысканиях (разведках) на территории Барабинского, Доволенского, Каргатского, Колыванского, Коченёвского, Краснозёрского, Куйбышевского, Кыштовского, Мошковского, Новосибирского, Ордынского, Татарского,

Тогучинского, Убинского, Чулымского районах Новосибирской области в 2013 году. // Архив ИА РАН. Архив ГАУ НСО НПЦ (электр. версия).

29. Кузнецова Е. А., 2014. Отчет об археологических изысканиях (разведках) на территории Барабинского, Венгеровского, Доволенского, Искитимского, Куйбышевского, Купинского, Маслянинского, Северного, Тогучинского районов Новосибирской области в 2014 году. // Архив ИА РАН. Архив НПЦ (электронная версия).

30. Сумин В. А., 2015. Отчет об археологических исследованиях на территории Новосибирской области в 2015 году (Барабинский, Болотнинский, Венгеровский, Коченевский, Кочковский, Куйбышевский, Кыштовский, Мошковский, Ордынский, Сузунский, Тогучинский, Черепановский, Чулымский районы). // Архив ИА РАН. Архив ГАУ НСО НПЦ. Электр. версия.

31. Терёхин С.А., 2012 Пролуковод ШФЛУ «Мыльджинское ГKM – Казанское НКМ – ж.д. терминал СПБТ в г. Куйбышеве» (Парабельский район Томской области, Северный, Куйбышевский, Барабинский районы Новосибирской области). Отчет о научно-исследовательской работе «Историко-культурные изыскания (окончательный)». // Архив НПЦ.

32. Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1980, с. 77.

33. Чемякина М. А., 1997. Отчет о работе Барабинского отряда Северо-Азиатской комплексной археологической экспедиции в 1997 году. // Архив НПЦ (электр. версия).

34. Сумин В. А., 2016. Отчет об археологических исследованиях на территории Новосибирской области в 2016 году (Карасукский, Колыванский, Коченёвский, Куйбышевский, Кыштовский и Ордынский районы) // Архив ИА РАН. Архив ГАУ НСО НПЦ. Электр. версия.

35. Сумин В. А., 2018. Отчет об археологических разведках на территории Новосибирской области в 2018 году (Колыванский, Коченёвский, Куйбышевский (включая г. Куйбышев) и Сузунский районы). (в 3 томах) // Архив ИА РАН. Архив ГАУ НСО НПЦ. Электр. версия.

УДК 94

Кондратьев С. В.

*директор ГКУ НСО «Новосибирский институт мониторинга
и развития образования»
(г. Новосибирск, Россия)*

**ПРАВОВАЯ БАЗА И СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ШКОЛАМИ ВЕДОМСТВА
ПРАВОСЛАВНОГО ИСПОВЕДАНИЯ РОССИИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

Аннотация. В статье рассмотрены правовые вопросы функционирования образовательных школ в Сибири для православного населения, а также структура управ-

ления данными учебными заведениями в XIX в. в годы царствования Александра III. Сравнивается положение и особенности церковно-приходских школ и школ грамотности в регионе.

Ключевые слова: церковно-приходские школы, школы грамотности, православное население, управление образованием.

Народное образование в России конца XIX – начала XX века было представлено большим количеством общеобразовательных школ, которые подчинялись различным ведомствам и, следовательно, регулировались большим количеством нормативно-правовых актов, в том числе и ведомственных. При этом значительная доля школ, работавших на ниве начального образования и бывших наиболее доступными для населения, относилась к школам ведомства православного исповедания (церковно-приходские школы, школы грамоты) и цель настоящей работы рассмотреть правовые аспекты деятельности указанных школ.

Вводимые с 1884 г. в действия нормативно-правовые акты о школах ведомства православного исповедания устанавливали определенную структуру управления этими образовательными учреждениями.

Высшее административное и финансовое управление всеми церковными учебными заведениями возлагалось на Святейший Синод, в частности он, рассматривал все представления и предложения епархиальных управлений, которые касались финансирования церковных школ, а также вопросы и предложения, возникающие в епархиях по случаю введения в действие Правил о церковно-приходских школах, а именно:

- а) о программах преподавания;
- б) об учебниках и других книгах для школ;
- в) о распределении пособий из сумм, находящихся в распоряжении Святейшего Синода.

В целях дальнейшей разработки вопроса наилучшего устройства и управления церковными школами при Святейшем Синоде вместо существовавшего ранее Учебного комитета создавался Училищный совет под председательством одного из архиереев, входящих в состав Святейшего Синода. По соглашению с ним Обер-Прокурор назначал заместителя председателя и четырех членов.

Для рассмотрения и обсуждения вопросов, касающихся деятельности церковно-приходских школ, открытия и содержания новых, в каждой епархии создавался епархиальный училищный совет, в состав которого входили председатель, девять постоянных членов, епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ и школ грамоты, представитель министерства народного про-

свещения, по назначению попечителя учебного округа. Председатель Совета и епархиальные наблюдатели избирались епархиальным архиереем из «имеющих священный сан лиц духовного звания, кои обладают высшим богословским образованием и доказали многолетними трудами свою педагогическую опытность» и утверждались Святейшим Синодом. Постоянные члены избирались и утверждались из духовных и светских лиц епархиальным преосвященным. Епархиальные наблюдатели должны были «состоя в распоряжении епархиальных преосвященных, обозревают школы церковно-приходские и грамоты и проверяют деятельность уездных отделений училищных советов» [1, с. 1395].

В круг деятельности уездного отделения епархиального училищного совета, согласно Правил об уездных отделениях епархиальных училищных советах, утвержденных 28 мая 1888 г. и Положения об управлении школами церковно-приходскими и грамоты ведомства православного исповедания, от 26 февраля 1896 г., входили обязанности по поиску учителей, изысканию местных средств к поддержанию и распространению церковно-приходских школ и школ грамоты, устройству уездного книжного склада, снабжению учебниками и книгами для чтения, ходатайству перед епархиальным училищным советом о поощрении денежными и почетными наградами опытных и усердных законоучителей и учителей церковных школ, содействию к устройству дополнительных классов по предметам, ежедневных уроков для взрослых, ремесленных и рукодельных классов, воскресных школ и чтений для народа, краткосрочных педагогических курсов и курсов пения для учителей церковно-приходских школ и школ грамоты. Кроме того, члены уездного отделения должны были лично проводить осмотр церковно-приходских школ уезда и школ грамоты и сообщать о своих наблюдениях уездному отделению, участвовать в экзаменационных комиссиях по духовному ведомству, для испытания учеников, окончивших курс в церковно-приходских школах и желающих получить свидетельство на льготу IV разряда по отбыванию воинской повинности. А так же другие меры «содействующие развитию и поддержанию церковно-приходских школ [1, с. 1385 – 1386].

По итогам года уездным отделением составлялся ежегодный отчет о церковно-приходских школах и школах грамоты, на основании донесений священников-наблюдателей и личных наблюдений членов отделения. Отчет должен был быть представлен в епархиальный училищный совет не позднее первого августа. К нему необходимо было приложить подлинные донесения священников наблюдавших за школами.

В соответствии с Правилами о церковно-приходских школах, утвержденными 13 июня 1884 г., епархиальные архиереи должны были заботиться как о поддержании существующих, так и создании новых церковно-приходских школ, при этом особое внимание нужно было обращать не столько на увеличение школ, сколько на старательное и правильное обучение в них.

Инициаторами открытия церковно-приходских школ должны были быть приходские священники или другие члены причта. Финансирование школ осуществлялось за счет средств прихода, «без пособий или с пособием от сельских и городских обществ, приходских попечительств и братств, земских и других общественных и частных учреждений и лиц, епархиального и высшего духовного начальства, а равно и казны» [2, с. 391]. В тех местностях, где уже существовали школы других ведомств, духовенство обязано было согласовать открытие церковно-приходской школы с учредителями этих учебных заведений. При этом со стороны Министерства народного просвещения попечителям учебных округов поручалось всем лицам и учреждениям, имеющим отношение к начальным школам, оказывать полное содействие православному духовенству к открытию и поддержанию церковно-приходских школ, снабжая их по мере возможности учебными пособиями из складов училищных директорий [2, с. 392].

О вновь открытых церковно-приходских школах священники через благочинных должны были сообщить уездному училищному Совету, в случае отсутствия такового должностным лицам учебного ведомства, заведующим народными школами. Закрытие или передача церковных школ в другое ведомство должно происходить только с разрешения Епархиального Архиерея.

В соответствии с § 5 Правил о церковно-приходских школах, они могли быть одноклассными с двухлетним сроком обучения и двухклассными с четырехлетним курсом. Основными предметами, преподававшимися в школе были Закон Божий включавший в себя изучение молитв, священную историю и объяснение богослужений и краткий катехизис, церковное пение, чтение церковной и гражданской печати и письмо, начальные арифметические сведения. В двухклассных школах дополнительно преподавались начальные сведения из церковной и отечественной истории. Объем преподавания всех предметов и распределение их по темам устанавливались особыми программами, утверждаемыми Святейшим Синодом, при этом контролировалось, чтобы в одноклассных школах состав учебных предметов был не менее определенного в Положении о начальных народных училищах.

При наличии средств и по мере надобности, с разрешения Епархиального архиерея, допускалось открытие дополнительных классов по предметам, преподаваемым в одноклассных и двухклассных школах, ежедневные уроки для взрослых, особые ремесленные отделения и рукодельные классы и воскресные школы «для лиц, не имеющих возможности пользоваться учением ежедневно».

Целью церковно-приходской школы было совместное с церковью внушение детям любви к церкви и богослужению, «дабы посещение церкви и участие в богослужении сделалось привычкой и потребностью сердца учащихся» [2, с. 393]. Для этого в воскресные и праздничные дни учащиеся должны были присутствовать при богослужении, а наиболее способные, участвовать в церковном чтении и пении. Кроме того, ежедневные учебные занятия необходимо было начинать и заканчивать молитвою.

Преподавание в церковно-приходской школе возлагалось на местных священников или других членов причта, а также учителей и учительниц, утвержденных епархиальным архиереем, под наблюдением священника. Согласно § 11 Правил наставление в правилах веры и преподавание Закона Божия относилось к прямой обязанности священника, при наличии в составе причта диакона Закон Божий мог преподавать и он, в особых случаях с разрешения епархиального архиерея преподаванием могли заниматься члены клира и благонадежный учитель. Среди учителей преимущественное право преподавания в церковно-приходской школе имели лица окончившие духовные учебные заведения.

Указом от 12 июля 1884 г. всем священнослужителям предлагалось присоединить свой труд «к утверждению в народной школе церковного начального образования в духе благочестия». При этом им напоминалось, что «паче всего подобает учить отроков, читая им Божественное писание, ибо для сего и священство получили», а «все трудящиеся и учащиеся в церковно-приходских школах должны стремиться к тому, чтобы школы сии были истинными рассадниками христианского просвещения в православном народе» [2, с. 397].

По окончании курса церковно-приходской школы учащимся необходимо было пройти испытания на основании правил установленных для начальных училищ, выдержавшие их получали свидетельства, дающие право на льготы IV разряда по отбыванию воинской повинности.

Особое внимание в Правилах уделялось лицам, оказывающим материальную поддержку церковно-приходской школе. Так, лицо учредившее школу на собственные средства, могло быть утверждено Епархиальным Архиереем в звании попечителя, а лица «обнаруживающие особую ревность о распростра-

нении народного образования в духе православной церкви, утверждаются Святейшим Синодом в звании почетных попечителей одного или нескольких благочинных округов» [2, с. 394].

Почетные попечители входили в состав Епархиального Совета и имели право ходатайствовать о нуждах церковных школ не только перед местным епархиальным начальством, но и перед высшим Духовным управлением.

В качестве поощрения за особые заслуги в деле народного образования в духе православной церкви, «как материальными пожертвованиями на нужды церковно-приходских школ, так и личными в пользу сих школ трудами» отличившихся предлагалось награждать установленными для этого случая грамотами и книгами от Святейшего Синода «за надлежащим их подписанием и приложением синодальной печати» [2, с. 395].

Заведование конкретной церковно-приходской школой возлагалось на приходского священника, либо иных лиц, назначаемых епархиальным архиереем, в ведении которого находилось общее заведывание церковными школами в епархии. Кроме этого, в обязанности епархиального архиерея входило утверждение в должности и увольнение законоучителей, учителей и учительниц церковно-приходских школ, поощрение наиболее ревностных священников и учителей, посещение школ при обозрении епархий, предоставление Святейшему Синоду ежегодного отчета о состоянии церковно-приходских школ епархии и назначение «из наиболее способных и благонадежных священников» наблюдателей для ближайшего руководства церковными школами [2, с. 395].

На должность наблюдателя, в обязанность которому вменялось ежегодно представлять Епархиальному Архиерею отчет о числе и состоянии церковных школ училищного округа, рекомендовалось назначать священников «кои известны своим усердием и опытностью в деле учительства и начального образования». При этом особое внимание должно было быть обращено «на привлечение к сему делу просвещенных и благочестивых мирян, известных прежним своим усердием к устройству церковно-приходских школ и способных личным трудом и попечением или материальной помощью оказать свое содействие, тем более, что участие в трудах епархиального совета и в наблюдении за школами людей благочестивых и преданных церкви поможет духовенству в усовершенствовании дела, на него возложенного» [2, с. 395].

Помимо церковно-приходских школ ведению и наблюдению духовного начальства подлежали, согласно утвержденным 4 мая 1891 г. Правилам о школах грамоты, открываемые в деревнях и поселках, входящих в состав прихода домашние крестьянские школы грамоты. Официальная причина необходимости

открытия таких школ обосновывалась тем, что существующие церковно-приходские школы, «несмотря на значительное распространение» и «ожидаемое умножение их в будущем» не могло удовлетворить потребности в обучении всего сельского населения, в удаленных и малолюдных поселках и деревнях «школы эти, при всей своей, сравнительно с другими начальными народными училищами, дешевизне, даже при бесплатном труде церковных причтов, часто не по силам малочисленному населению» [3, с. 6].

Школы грамоты могли открываться членами причтов, монастырями, благотворительными учреждениями, прихожанами, сельскими и городскими обществами, земствами, но при непосредственном попечении и руководстве местных священников или других лиц, назначенных епархиальным архиереем. Местные жители, желающие открыть школу на свои средства, должны были обращаться «за советом и указаниями» к приходскому священнику, в обязанности которого входило «приискание для открываемой школы благонадежных учителя и попечителя и забота о снабжении ее необходимыми руководствами и учебными пособиями» [3, с. 1].

Если желавшими открыть школы грамоты были лица или учреждения, не являющиеся членами прихода, они должны были получить на это разрешение либо уездного отделения Епархиального училищного совета, либо местного священника, предоставив им сведения о том, на какие средства предполагается открытие школы.

Также как и в церковно-приходских школах, в школах грамоты право преподавания предоставлялось священникам, диаконам и другим членам причта, а так же светским учителям «из лиц православного исповедания, благочестивой жизни и знакомых с предметами начального обучения». Если учитель имел свидетельство на данное звание, то он допускался к работе в школе после того как учредители школы удостоверятся в его «нравственной благонадежности». При отсутствии свидетельства, местный священник обязан был предварительно удостовериться в знании претендующего на звание учителя молитв, священной истории, краткого катехизиса и «прочих предметов обучения в школе грамоты». При положительном результате испытания приходской священник имел право дать такому учителю письменное разрешение на вступление в должность и доложить об этом уездному отделению епархиального училищного совета.

Попечитель школы грамоты так же назначался уездным отделением, с утверждением епархиального архиерея, по ходатайству приходского священника из тех людей, которые являлись или устроителями такой школы, или ока-

зывали «им содействие своими материальными средствами» [3, с. 2]. Попечитель совместно с приходским священником должны были заботиться:

1. Об устройстве удобного школьного помещения и о доставлении классных принадлежностей.

2. О своевременном, по местным условиям, начале школьного учения и о возможном исправном посещении школы учащимися.

3. О своевременной и исправной выдаче учителю положенного вознаграждения.

4. О возможно исправном посещении храма Божия учащимися, «с какой целью в отдаленных от церкви деревнях может быть учрежден добровольный наряд очередных подвод» [3, с. 3].

Попечители школ грамоты из крестьян в качестве поощрения освобождались лично от всяких натуральных повинностей, которые за них возлагались на местное сельское общество, и от телесных наказаний.

В школе грамоты, как и в церковно-приходской школе, особое внимание уделялось преподаванию Закона Божия, церковному пению с голоса, чтению церковно-славянскому и русскому, письму и началам счисления. При проведении занятий по этим предметам учителя должны были руководствоваться инструкциями, учебными пособиями и книгами, утвержденными Святейшим Синодом и Училищным Советом при нем. Для пропаганды просвещения школам предлагалось, по мере наличия средств, организовывать учительские и ученические библиотеки.

В праздничные и воскресные дни учителю рекомендовалось устраивать вечерние чтения, сопровождавшиеся пением молитв и церковных песнопений под руководством приходского священника, для учащихся и их родителей.

Для контроля за работой школы предполагалось ведение особой классной книги, в которую вносились бы имена и фамилии учащихся, пропущенные ими уроки и причина пропусков, содержание преподаваемых уроков и «замечания об успехах учащихся и вообще о ходе школьного обучения» [3, с. 3]. Кроме того, приходским священникам вменялось в обязанность как можно чаще посещать школы грамоты для наблюдения за преподаванием, в первую очередь Закона Божия. Особое он должен был обращать «на церковно-воспитательную сторону школ грамоты, как-то: благоговейное чтение молитв в школе, посещение учащимися храма Божия в воскресные и праздничные дни, внеклассное чтение книг и брошюр назидательного содержания» [3, с. 4].

Определение учебного времени и составление расписания занятий на неделю являлось приоритетом уездного отделения епархиального училищного

совета. По окончании учебного года священник, совместно с учителем и попечителем школы и, по возможности, в присутствии сельских властей и родителей учащихся, должен был проводить экзаменационные испытания. Учащиеся, выдержавшие таковые, получали удостоверения об окончании курса. В отличие от учащихся церковно-приходских школ выпускники школ грамоты льгот по отбыванию воинской повинности не имели.

К началу XX в. в сфере церковно-школьного образования накопился большой объем нормативно-правовых актов, которые необходимо было унифицировать. В результате 1 апреля 1902 г. увидел свет новый документ – Положение о церковных школах ведомства православного исповедания, который с одной стороны подтверждал уже существующие положения, с другой восполнял пробелы в законодательстве, а с третьей вводил новые законодательные нормы.

В частности новое положение устанавливало четкий перечень общеобразовательных церковных школ, которые относились к ведению Святейшего Синода. Они делились на начальные, предназначавшиеся для начального обучения детей и взрослых, к которым относились школы грамоты, церковно-приходские и воскресные школы, и учительские, для подготовки учителей в начальные школы, а именно, второклассные и церковно-учительские. Школы могли быть как мужские и женские, так и смешанные для лиц обоего пола.

Церковные школы полностью или частично содержались «1) на средства жертвуемые земствами, городами, обществами, сословиями, церквами, приходами, монастырями, приходскими попечительствами и братствами, благотворительными учреждениями и частными лицами, 2) на специальные средства Святейшего Синода, 3) на средства, отпускаемые из Государственного казначейства, и 4) на суммы, ассигнуемые из губернских земских сборов в местностях, где не введены земские учреждения» [4, с. 80].

Церковные школы были предназначены в первую очередь для лиц православного исповедания без различия состояний. Дети лиц других исповеданий, а также раскольников и сектантов принимались в школу только с разрешения епархиального архиерея и при согласии родителей.

В целом новое Положение практически полностью подтверждало и лишь в некоторой степени дополняло ранее действовавшие законодательные акты, в части касающейся церковно-приходских школ и школ грамоты.

Таким образом, в начале XX в. правовая регламентация деятельности школ ведомства православного исповедания практически достигла своего логического завершения, хотя в последующие годы были предприняты меры для дальнейшего усовершенствования церковно-школьного законодательства.

Библиографический список

1. Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния и учреждений по крестьянским делам, с воспоследовавшими по ним разъяснениями, содержащимися в решениях Правительствующего сената и в постановлениях и распоряжениях высших правительственных учреждений / сост. и изд. И. Л. Горемыкиным. Изд. 3-е, доп. И согласованное с вышедшими по 15 авг. 1897 г. узаконениями. СПб. Т. 2.
2. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания. Т. 1: О церковном управлении; О распространении и охранении православной веры; О сословиях православного духовного ведомства / сост. Т. Барсов. 1885.
3. Программы церковно-приходских школ, правила о школах грамоты и относящиеся к ним определения и указания духовного центрального управления. Томск. 1891.
4. Положение о церковных школах ведомства Православного Исповедания // Церковные ведомости. 14 апреля 1902. № 15–16.

УДК 908

Юзеева О. А.

начальник отдела использования документов и оказания государственных услуг

Государственное бюджетное учреждение Тюменской области

«Государственный архив в г. Тобольске»

(г. Тобольск Тюменской области, Россия)

К ВОПРОСУ О КРЕЩЕНИИ ОБСКИХ УГРОВ НА СЕВЕРЕ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII В. ПО ДОКУМЕНТАМ ГБУТО ГА В Г. ТОБОЛЬСКЕ

Аннотация. Статья посвящена некоторым аспектам механизма христианизации инородцев на севере Тобольской губернии в конце XVIII в. Документы, представленные в статье, в основном находятся в фонде И-156 Тобольской духовной консистории. Они отражают процесс крещения через документально подтвержденные решения и действия православного духовенства Тобольской епархии. Отдельно уделяется внимание сведениям о составлении переводов молитв и десяти заповедей на остяцкий язык. В статье представлены документы по взаимодействию священников и обских угров на севере, об их отношениях и поступках по отношению друг к другу.

Ключевые слова: коренные народы Сибири, христианизация, новокрещенные, инородцы, остяки, самоеды, ясашные, Символ веры, Демьянское духовное правление.

Еще при Петре I были преобразованы все службы так, чтобы жители империи твердо знали, что на небе есть «един бог, а на земле есть и будет един

царь». Этими положениями пронизана деятельность миссионеров на всех этапах христианизации народов Сибири, Севера и Дальнего Востока.

Первым наиболее значительным периодом продвижения православия вглубь Сибири на территории коренных народов было время митрополита Филофея Лещинского. В литературе приводится цифра в 40 тысяч инородцев крещенных за время его пребывания на кафедре.

В целях закрепления у новокрещенных инородцев православной веры и в предупреждение возврата их к языческим обычаям, священникам в непременную обязанность было вменено регулярно «объезжать» своих прихожан, обучать их вере и совершать у них христианские требы. Священники и миссионеры обязаны были наблюдать, чтобы новообращенные не отступали от истинной веры, не возвращались к язычеству. К концу XVIII в. частично вопросы продвижения православия были решены – в разных населенных пунктах были построены церкви, увеличилось количество священнослужителей, но некоторые серьезные проблемы все же оставались.

В ГБУТО ГА в г. Тобольске в архивном фонде и-156 «Тобольская духовная консистория» имеется на хранении дело по указу Тобольской духовной консистории в деле с ведомостями о проповедниках и новокрещенных по Тобольской епархии за 1788 г. Березовский заказчик протоиерей Андрей Андреев в покорнейшем рапорте Преосвященному Варлааму сообщал, что получил указание выезжать в округу для проповеди только с особого разрешения земского суда и проповедовать только в присутствии капитана, исправника или дворянского заседателя, а об успехах проповеди и количестве новокрещенных сообщать Владыке с рапортом [1, л. 25].

Во исполнение указа он сообщал, что 26 ноября 1786 г. отбыл из Березова к иноверцам в Обдорскую волость. В Обдорске капитан исправник Иван Леонтьев сообщил, что «Каменной стороны самоеды малое число к Обдорску подошло, а Низовой еще никого нет» [1, л. 25]. Затем исправник призвал платить ясак и остяцкий старшина пришел к Андрееву «по давнему знакомству для дружеского свидания». И они рассказали, что волки у них бьют оленей. На что Андреев сказал, «что они довольное число у себя имея идолов по домам и в промышленных урочищах по лесам, которых почитают за божков, то для чего они не сохраняют их скот, надобно б их о том просить». На что остяки ответили, что они хотя и просят их, но помощи от них не видят. Андреев сказал, раз они «скота хранить не в силе», то им ни в чем помочь не смогут, следовательно и почитают их напрасно. Остяки отвечали, что «содержали их и почитание им чинили предки их» и они тому же следуют, хотя и помощи не видят. Так

Андреев перешел к проповеди и дружелюбно рассказывал о Боге, его власти и силе всемогущей [1, л. 25об]. По 29 число вел он беседы и с другими своими знакомцами из остяков и учил их «знать и веровать в Бога», а на «суетные их идолы не надеяться», что они «благосклонно в молчании без всякого противоречия» выслушивали. Но принимать православие не соглашались. Но говорили, что если кто из них пожелает, то запрещать не будут. Андреев просил остяков рассказывать другим о православии.

29 числа в квартире у исправника Леонтьева собралось 150 остяков и самоедов. Андреев в присутствии исправника, дворянского заседателя и купцов проповедовал 3 часа, как он сам описывал «разговором, на основании данной мне от Вашего преосвященства инструкции, о пребывании власти и силе Бога Всемогущего доказательствами естественными, со всякой кротостью и снисхождением» [1, л. 25об]. Все слушали «безпрекословия и грубого ответа». Исправник посоветовал, что на первый раз будет довольно и можно отправиться в Ляпинскую волость, но там проповеди без него не начинать. Но самоеды отдав ясак уже уехали и осталось только десять человек и им «таким же порядком проповедь учинена» и велено «ласково» рассказывать о ней в братии своей и домах.

Знаково выделение ласковой, дружелюбной и кроткой речи в проповедовании. Четкое следование некой инструкции, явно запрещающей агрессию и насилие в отношении ясашных.

Ведомость о крещенных, представленная Андреевым весьма немногочисленна. Она представляет собой список вновь крещенных иноверцев в 1787–1788 гг. Представлено в ней 3 человека: Обдорской волости и городка остятские дочери Егорка Абакова Пулне, в крещении наречена Марья 25 лет, Улета Вогалева Пулне в крещении наречена Марфа 20 лет, Охлантья Яхрина племянница Пулне в крещении наречена Анна 16 лет.

Сохранилось дело о переводе на остяцкий язык молитв и десяти заповедей. Одним из важнейших вопросов в распространении веры был языковой барьер. Богослужение велось на русском языке и вогулам часто было непонятно происходящее, хотя большая часть из них имела навык в общении по хозяйственным делам, но этого было недостаточно. В связи с этим архиепископ Тобольский Варлаам I от 14 февраля 1793 г. из Тобольской духовной консистории издает указ:

«В духовную консисторию ежегодно присылаются рапорты, что священно и церковнослужители по воскресным и праздничным дням в церкви служат поучения, читают и обучают народ молитвам и заповедям Господним.

А из заказов Туруханского, Сургутского, Нарымского, Томского и Туринского рапортов не имеется. А известно, что остяки в церковь редко ходят, да и священники понаровку (*прим. читать – ослабление*) чинят им, приобщают их по домам запасными святыми дарами без всякого приготовления. Почему многие из остяков не только Закона Божия не знают и молитв не знают, но и о вере православной понятия никакого не имеют, да и в церкви в год раз кто бывал ли; Для чего предписать заказчикам и приходским священникам, чтоб они никого (кроме больных или по нужде за отдаленностью младенцев) запасными дарами не приобщали, а чтоб неминуемо старались склонять и увещевать, чтоб они говели чрез неделю в свободное время, хотя и кроме святых постов непременно к приходским церквям для говения и причащения святых тайн, також и в господския праздники, и воскресные дни в церковь Божию для слушания церковной службы приезжали, где их и обучать Символу веры, молитвам и заповедям Господним, а чтоб понятнее было им, то велеть молитвы Символ веры, заповеди перевести для толкования им, для лучшего понятия их языком, что сочинив по приложенному при сем письму перевод прислать в духовную Консисторию на рассмотрение». А в какие времена каждого года остяки к приходским своим церквям ко исповеди к святому причастию приходят или приезжают с женами и с детьми своими, о том предварительно ныне из духовных правлений и с десятиначальств прислать при репорте ведомости с различием каждого прихода (*прим. орфография документа изменена в соответствии с современными правилами орфографии*) [2, л. 4, 4об].

В ответ на это в деле имеется единичное сообщение от дьякона Крестовоздвиженской церкви Репаловского погоста (*Самаровской волости*) Федора Наумова о том, что в приходе оной церкви жители большею частью из новокрещенных остяков, которые ежегодно с женами и детьми для исповеди и приобщения святых тайн приезжают к церкви сами [2, л. 2].

От Туруханского, Демьянского, Сургутского, Туринского, Нарымского духовных правлений сначала пришли рапорты о получении указа. Туруханское правление сообщало, что запросило толмача для перевода у городничего, а ведомости собиралось направить в непродолжительном времени [2, л. 5, 5об]. Сургутское правление в лице протопопа Никифора Попова сообщило, что до сего указа сведений о говении и приездах на молитвы остяков с женами и детьми не имелось и для того к уездным священникам о немедленной присылке сведений посланы указы [2, л. 8].

А затем в дело подшиты покорнейшие рапорты о действительном исполнении по присланному указу. Туруханское духовное правление в лице иерея

Владимира Верещагина доносило, что в силу указа требован был от здешнего городничего толмач, для перевода на разные языки обитающих в здешней округе ясашных людей предписанных молитв. На что городничий изъяснил, что при городнических делах толмача не состоит, почему он и старался отыскать из посторонних людей для такового перевода, но никого отыскать не мог. Ибо хотя многие из здешних жителей говорят по-тунгусски, остячки и самоедски, но весьма недовольно, поелику же все крещенные сих родов люди, а особенно остячки говорят сами несколько по-русски, то к совершенному познанию языков их, здешним жителям дальнейшей надобности нет, а притом как и здешнему духовному правлению довольно известно, что вышепрописанные обстоятельства истинны, и что вышеписанных ясашных народов языки суть в весьма тесных пределах ко изъяснению важных слов и речей и очень неудобны к выражению умственных понятий и ко истолкованию священных речей и к преложению на их языки подобных слов; поелику языки их весьма малословны ибо они почти всегда имея пребывание в необитаемых русскими людьми местах, употребляют те только слова кои для них собственно потребны и которые нисколько не относятся до слов священных: хотя о внушении им таковых понятий и всемерное старание священно и церковнослужители употребляют; но как сие бывает кратковременно. После чего они удаляются в пустые места за промыслом зверей со всем своим семейством, то легко и забывают не стараясь о том помнить, не уважая сего обстоятельства по легкомыслию своему, упражняются единственно в промыслах своих по пространнейшей здешней округе. А по выше изъясненным причинам и перевода молитвам и символу веры не учинено [2, л. 17-18].

Из Демьянского духовного десятоначества священник Герасим Наумов сообщил, что здешнего десятоначества при церквях священно и церковнослужители остяков молитвам, символу веры и заповедям Господним обучают, а для понятия их языков по приложенному письму перевод учинить никак невозможно, ибо у них издревле ни на какой язык грамоты не было и не имеется, о том приходские священники рапортами и объявляют. А остяков из отдаленных мест заставить приезжать в церковь по воскресным и праздничным дням без принуждения светской команды они не могут [2, л. 7, 7об].

Выделился тем, что переложил свои обязанности священник иерей Стефан Пономарев – десятоначальник ведомства Уватского села – он сообщал о том, что в духовном десятоначестве находящиеся в Уватском приходе из новокрещенных лучшие люди были призваны и указ объявлен им с тем, чтоб они растолковали его прочим новокрещенным, когда вознамерятся приходить к исповеди и приступать к святому причастию, чтоб говели через неделю

и в воскресные и праздничные дни; для слушания церковной службы и обучения молитвам приезжали к церкви и сказано им перевести оные на свой язык. На что они отвечали, что в приходе в церковь и говении исполнение чинить обязуются. А что до перевода молитв, то некоторые из них знают татарский язык, но грамоте не обучены, а остяки на своем языке никакой грамоты не имеют и перевод как учинить не знают [2, л. 9,9об].

Из Туринского духовного правления священники Федор Лапин и Иоанн Варлаков сообщили, что в Пелымском десятоначальстве вогулы в приходах имеются и в святую четыредесятницу да также и в Петров пост немалая часть в церкви бывает и молитвам обучается. Перевод по совершенству вогулов и неодинакового разговора, в рассуждении своей палестины Верхпелымской волости Спасской церкви священник Алексей Рычков перевел [2, л. 13, 13об].

Таким образом, согласно указу архиепископа в Туринском уезде несмотря на все сложности была создана рукопись перевода «Символа веры», заповедей и молитв с русского на вогульский язык, но определенного диалекта – Верхпелымской волости.

Данная рукопись 1794 г., выполнена в соответствии с указом с целью наставления в вере новокрещенных, разъяснения им основ православия и нравственных христианских норм. Документ представляет особую историческую ценность, так как он свидетельствует об изменении хода процесса христианизации в конце XVIII в. В XVII в. случаи обращения в христианство среди инородцев носили единичный характер. Процесс христианизации в крае шел медленно. Первые хантыйские слова были опубликованы еще в 1682 г., мансийские, но не опубликованные имена собственные встречаются еще раньше с к. XVI в., первый словарь вогульского языка был составлен в 1736 г., словарь латинско-вогульский – 1775 г., краткий вогульский словарь с российским переводом Черкалова 1785 г. На языках народов Сибири предпринимались попытки богослужения, но из-за чрезвычайной трудности перевода понятий и значений христианского вероучения серьезного успеха эти начинания не имели, несмотря на это с началом попыток перевода христианского учения на язык северных народов процесс христианизации ускорился.

Переводы требовали специальной подготовки переводчиков и, конечно же, глубоких и всесторонних знаний языков. Никто из сибирских проповедников не был подготовлен, чтобы справиться с трудной задачей. Письменность манси появилась позднее в XIX в., в связи с этим данная рукопись как и предшествующие выполнена на кириллице и передает лишь звучание вогульских слов русскими буквами. При этом некоторые слова узнаваемы и легко объяс-

нимы. Например, в переводе «Святый Боже» читаем «Посын Торум». В.Я. Петрухин приводит разные значения слова «Торум» – небо, вселенная, погода, бог.

Верховный бог вогулов Нум Торум изображался в виде седого старца в сияющих золотом одеждах и обладал высшей силой. Здесь мы можем наблюдать подмену понятий традиционных верований вогулов православными символами для облегчения понимания новой незнакомой для них и, мало соответствовавшей их представлениям о устройстве мира, религии. Все представления о мире богов и духов северных народов основывались исключительно на наблюдениях за природой и принципах разумности. Православие в их систему мира было наложено поверх имеющихся представлений, так Торум стал Господом, седьмой сын Нум-Торума Мир Сусне Хум – Иисусом или Николаем Чудотворцем, ну а Калтащ – Богородицей. В приведенном документе Богородица названа Тором ангу [2, л. 14об]. Слово Иисус не встречается.

Перевод выполнен в виде двух столбцов с синхронным переводом, т.е. можно прочитать русское слово и его звучание на вогульском, Например:

Слава тебе Боже наш, слава тебе /Лех нынан Тором ман лех нынан [2, л. 14].

Содержание рукописи представляет собой стандартный набор молитв, входящих в краткое утреннее и вечернее молитвенное правило: 1. начальная молитва, 2. благодарственная молитва, 3. молитва Святому Духу, 4. Трисвятое, 5. Отче Наш, 6. Молитва Мардария, 7. Молитва Иисусова, 8. Преславная Приснодево..., 9. Символ Веры и десять заповедей. А также несколько фраз для объяснения основополагающих догматов православия, как то, что Бог сотворил мир, догмат о святой Троице, двоичная природа Иисуса Христа, о пути спасения, о поклонении Богу духом:

«Бог есть существо всех высочайшее вся сотворившее, которое ни от кого не завися [сотворил] себя есть и не быть не может. Бог есть един по существу но в трех лицах: отец, сын и святой дух, и потому называется святая Троица. Бог отец нерожденный, но безначальный и бесконечный сильным своим словом в шесть дней вся видимая и невидимая, то есть небо, землю духа и человека, и все содержит и о всех промысляя. Есть Бог сын несотворен, но предвечно от отца рожден, единосущен отцу по божеству, по благодати своей. Сошел с небес, принял на себя плоть человеческую от пречистой девы Марии и открыл нам волю свою святую, показал путь ко спасению. Бог Дух святой, который от того же отца происходит единым нераздельным поклонением и служением почитаемый и прославляемый во всех наших добрых деяниях всемогущею своею силою споспешествует к нашему блаженству» [2, 14об-15].

Немного позднее после создания этой рукописи в 1813 г. в Санкт-Петербурге было учреждено Библейское общество. В губернских центрах Сибири были основаны его отделения. Отделения были созданы в Тобольске и Иркутске, где по инициативе местных отделов Библия и молитвы переводились на языки народностей Севера. Тобольским отделением были переведены некоторые части Нового завета на остяцкий и вогульский языки. Дальнейшие попытки переводов священных текстов на языки народностей Севера не предпринимались. В 1826 г. Библейское общество было закрыто и труды его уничтожены. Причиной к закрытию послужили, в частности, переводы Библии и молитв на «нехристианские языки».

Рукопись священника А. Рычкова свидетельствует о более ранних попытках (еще до учреждения Библейского общества) перевода молитв и заповедей на вогульский язык. В конце перевода имеется запись автограф Алексея Рычкова. Рукопись является подлинником и внесена в реестр уникальных документов Тюменской области.

В деле по сообщению Тобольского губернатора о крещенных остяках Березовской округи, уклоняющихся к идолопоклонству 22 ноября 1797 г. губернатор Дмитрий Кошелев сообщал архиепископу Тобольскому и Сибирскому, что из рапорта Березовского нижнего суда узнал, что «Чемашевского погоста Березовской округи между крещенными в веру греческого исповедания остяками Маркой Ивановым и прочими происходит по идолопоклонническим обрядам жертвоприношение и другие, чинимые ими поступки православию противные» и просил об «отвращении остяков от идолопоклонства и об утверждении их в правоверии» [3, л. 1] и о результатах сообщить. То есть, губернатор как светское лицо, представляющее государственную политику в крае не оставлял без внимания такой немаловажный вопрос. Для укрепления государственной власти на отдаленных территориях Березовского уезда, с малым количеством населения очень важно было привести их в православие, ведь как известно на трех основных опорах, согласно теории Уварова держится государство: православие, самодержавие, народность. И недаром православие стоит здесь на первом месте. Данный документ это подтверждает. Получив сведения от Березовского суда от 31 октября Губернатор, не откладывая дело, незамедлительно обращается к Владыке уже 22 ноября для как можно скорейшего предотвращения массового возвращения к языческим верованиям остяков.

В копии с рапорта Березовского земского суда от 31 октября 1797 г. значится, что сообщение подали священнослужители Чемашевской Николаевской церкви, усмотревшие, что 1 августа Марко Иванов со товарищи «оставя право-

славие производили прежнее идолопоклонническое суеверие», заколов привезенных ими из Березова двух телят. Священник, чтоб «от идолопоклонства они все отстали... чинил должное им в христианской вере на памятьование, подтверждая, чтобы несуеверствовали, а чтили бы христианский святой закон» [3, л. 2об].

Священник Вологодский в прошении писал следующее: «взяв его [священника Федора Булатникова] и пономаря с собою приехал в юрты и, пришедши в дом к выборному спросил его: "Где убитых телят кожи?" Но Морохов ругал его всячески матерною бранью, которое его ругательство показалось ему весьма мерзко, ударил его рукою, а он, Морохов, поймав его за волосы кричал прочим за него приняться, что и учинили. Человек до шести его били».

Далее в деле упоминается о «желании обитающих в здешней округе ясаших народов к слушанию поучения о христианском законе от протоиерея Андрея Андреева по знанию его остяцкого языка». Того ради, было приказано: «Как из прописанных обстоятельств усматривается, что остяки совращаемы от правого пути исповеданием святой веры, служащим от начальников вместо должного за ними надзора и в отвращение сих непорядочеств и Богу противных дел остяки не оставались бы при своих заблуждениях и в получении твердо истолкованием православно символом святы веры уведомить от сего суда к сведению протопопа Андреева с таковым изречением дабы он при времени написанным Чемашевского погоста остякам поприличеству поучением истолковал правило святой веры» [3, л. 3об].

2 декабря 1797 г. последовало сообщение Дмитрию Родионовичу Кошелеву от Варлаама Архиепископа Тобольского и Сибирского об этом деле, в котором уже явно прослеживается влияние общегосударственной политики в вопросе сдерживания обских угров от возвращения к язычеству. Варлаам пишет: «Хотя и неминуемо надлежит для отвращения тамошнего остяцкого народа от древнего их идолопоклоннического заблуждения и для утверждения их в вере православной христианской отрядить нарочную духовную Особу, знающую совершенно их язык и нравы, но поелику Указом из Святейшего правительствующего Синода, последовавшим 1789 г. февраля 7 дня по ведению Правительствующего Сената предписано по секрету, чтобы впредь до указа особо определенных проповедников в иноверческие селения не отправлять, а с того времени и производство на двух проповедников по именному указу состоявшемуся в 1764 г. февраля 20 дня в Тобольской епархии положенных жалованья остановлено» [3, л. 7]. Соответственно кошту на проезд для проповедников дать было уже не из чего. Но Варлаам просил губернатора дать наставление «хозяйствующим» в округе «иметь надзирание за тамошними малопросвещенными

народами» «от богомерзкого идолопоклонства удерживая их на основании законов с запрещением наказывать [3, л. 7об]», а в случае новых подобных поступков уведомлять не только духовное правление, но и земский суд.

Дело имело некоторое продолжение, в связи с тем, что упомянутый выше Андреев, знающий остяцкий язык и их нравы служил в Березове дьячком, священником, протоиереем, а потом и проповедником, и дополнительных расходов на его проезд не требовалось. По представлению князьцов и старшин земский исправник Потапов передавал их просьбу «иметь его [Андреева] проповедником» [3, л. 11] и они даже обещали помогать ему в этом нелегком деле. Но Андрееву служение было запрещено «за отправление в высокаторжественный день литургии в нетрезвом образе» и вследствие этого остяки оставшись в православии без надлежащего надзора обратились в идолопоклонство, хотя и «имели они приходских своих священников, знающих их язык, но в священном писании неискусных». Андрееву «о трезвом и безпорочном поведении его представлены были от всего тамошнего гражданства и духовенства удостоверительные аттестации» [3, л. 11об] и исходя из этого Кошелев 22 февраля 1798 г. ходатайствовал перед Варлаамом об определении Андреева в «просимую князьями и старшинами» должность проповедника. Варлаам вновь ссылаясь на указ Синода о неназначении проповедников до особого распоряжения и Андрееву вернуться к должности не разрешил, а пастырское попечение возложил на приходских священников.

Если дело о ведомостях 1788 г. относится к чуть более раннему периоду и представляет собой первый этап приобщения иноверцев к православной вере – очень мягко, спокойно, миролюбиво склоняли к принятию православия, то дело по сообщению Кошелева 1797 г. уже представляет собой второй этап, когда уже крещенные язычники уклоняются обратно к идолопоклонничеству. И логично здесь появление дела 1800 г. – чуть более позднего периода по указу Святейшего Правительствующего Синода о необходимости попечительства священниками разных заказов над новокрещенными иноверцами. Оставлять новокрещенных без пастырского попечительства было равносильно возвращению их в язычество, ведь без разъяснения религиозных понятий, без отправления христианских служб незнающие народы не могли исповедовать новую веру. Так, в указанном деле значится «по именному Высочайшему указу состоявшемуся на докладе Сената 1764 г. февраля 20 для в епархиях Казанской, Астраханской, Тобольской, Рязанской, Нижегородской, Иркутской, Вятской и Тамбовской для проповеди к обращению вновь и для утверждения прежде крестившихся учреждены проповедники, коих положено 13 человек и на каж-

дого жалованье по сто пятьдесят рублей, но с 1789 те проповедники в селения иноверцев не посылаются, и как иноверцы, крестившиеся в христианскую веру принадлежат к церквям их приходов и о непоколебимости в вере каждого из прихожан имеют попечение тамошние священники» [4, л. 2], чтобы «их попечение и наставление к утверждению в христианской вере крестившихся иноверцев, с желаемой пользой, имеют они преосвященные в таковые селения священноцерковнослужителей определить не только их иноверческие языки знающих, буде из сих есть достойные, но сверх того учением и самым примерным житием своим пред другими отличных, что предоставить уже особенному архипастырскому вниманию» [4, л. 3]. Велено было, поскольку новокрещенных селений и некрещенных жителей в Тобольской епархии еще довольно при определении таких служителей «точное и неременное по оному повелению исполнение чинить, свидетельствуя каждого ставленника действительно ли он таковых качеств» и совершенно ли знает язык того места, куда направляется.

То есть для священников в новокрещенных местностях вводился определенный ценз в виде обязательного знания языка и достойного поведения.

О последующей деятельности в этой области в архивном фонде и-156 «Тобольская духовная консистория» выявлены дела о намерении священника Томской городской Богоявленской церкви Василия Чемесова написания грамматики для остяцкого населения 1803 г. [5, л. 1-11], по указу Тобольской духовной консистории о переводе молитв на остяцкий язык 1804 г. [6, л. 1-34], о священнике Ивановского Межугорского монастыря П. Попове, состоявшем «Остякосамоедский словарь» [7, л. 1-55], дело о переводе настоятелем Тобольской городской Воскресенской церкви протоиереем П. Поповым «Малого остяцкого катехизиса» на русский язык 1882 г. [8, л. 1-18]. В фонде рукописных книг выявлены «Катехизис сокращенный на русском и вогульском языках, черновик перевода, скоропись, 20, бумага с белой датой 1818» XIX в. [9, л. 1-14] и «Евангелие от Луки и от Иоанна на русском и вогульском языках, скоропись, 20, бумага с белой датой 1820-1821» 1824 г. [10, л. 1-245]. Как видно из перечисленных выявленных дел вопрос о составлении понятных рукописных текстов для остяков оставался актуальным на протяжении всего XIX в.

Библиографический список

1. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 4. Д. 77.
2. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 4. Д. 1526.
3. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 4. Д. 2292.
4. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 5. Д. 433.
5. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 16. Д. 213.

6. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 5. Д. 1807.
7. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 874.
8. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1373.
9. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Фонд рукописных книг. № 269.
10. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Фонд рукописных книг. № 318.

УДК 069:37.035.6

Умбрашко К. Б.

доктор исторических наук, профессор

*ГАУ ДПО НСО «Новосибирский институт повышения квалификации
и переподготовки работников образования»*

(г. Новосибирск, Россия)

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И МУЗЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА

Аннотация. В статье характеризуются этнографические источники и особенности их использования в воспитательных целях в практической деятельности работниками школ, педагогов и музейных работников. Описано влияние данного типа источников, новых технологий на формирование сознания и исторической памяти подрастающих поколений.

Ключевые слова: исторические источники, музей, музейная педагогика, школьный музей, экспонаты, «живые источники».

Этнографические исторические источники являются важной частью любой исследовательской работы педагога-историка. К этнографическим материалам можно отнести явления культурной и общественной жизни (предметы, ритуалы, костюмы), сохранившиеся от прошлого и хранящиеся в музейных запасах, а также вещи, продолжающие использоваться людьми в настоящем, в том числе в повседневном быту [1, с. 32–33]. В работе учителя такие исторические источники применяются сплошь и рядом. Важно их не только увидеть, но и правильно интерпретировать, а затем использовать в своей деятельности.

В этнографических источниках прошлое и настоящее встречаются в одном месте и в одно время. Мы, не рефлексировав, живем в среде народных суеверий, обрядов, верований, обычаев, поверий, ритуалов видоизменяя и приспособив их под реалии современности. Ежедневно используем предметы быта, элементы костюма, появившиеся в предшествующие эпохи развития человечества, часто не понимая их первоначального значения и смысла для наших предков. Между тем их использование в урочной и внеурочной деятельности школьного учителя не столь сложная и многотрудная задача, как это может по-

казаться на первый взгляд. Главными исследовательскими приемами являются непосредственное наблюдение и опрос.

Конечно, профессиональные этнографы пользуются специальными методиками полевой экспедиционной работы. Этнографы изучают процессы развития народов, исследуют национальный состав и национальные особенности культуры, быта населения земного шара, современную жизнь, быт, нравы социумов. Но, по большому счету, их труды школьный учитель может использовать уже в «готовом» виде.

Этнографические материалы можно условно разделить на две большие группы:

1. «Мертвые» предметы и ритуалы, хранящиеся в музеях.
2. «Живые» вещи и обряды, используемые людьми в повседневности.

Обратимся к первой группе этнографических источников – музейным экспонатам. Напомню, что музей – исторически обусловленный институт социальной памяти для отбора, сохранения и репрезентации природных и культурных объектов, осознаваемых обществом как ценность, подлежащая изъятию из среды бытования и передаче из поколения в поколение [2]. Образование и воспитание являются главной социальной функцией любого музея. При этом, вне сомнения, самым эффективным средством обучения и воспитания является местный, локальный (часто краеведческий) музей [3, с. 22]. И все же для любой образовательной организации главным центром воспитательного пространства является даже не краеведческий, а школьный музей [4, с. 18–21]. Потенциал школьного музея можно и нужно эффективно использовать в образовательном процессе. Роль и значение школьных музеев возрастает в связи с введением ФГОС.

Жизнеспособность любого музея, и школьного в частности, зависит не только от совместной работы педагогического и ученического коллектива, но и от источниковой базы. Это комплекс исторических источников, хранящийся в фондах музея. Исторический источник – это продукт человеческой деятельности, отражающий саму эту деятельность, а также реалии общественной жизни [1, с. 16]. При использовании этнографических источников большое значение имеют опубликованные материалы. Например, трехтомное издание «Историческая энциклопедия Сибири», подготовленная коллективом научных сотрудников Института истории СО РАН [5], включает описание не только письменных, но и вещественных, а также этнографических исторических источников. Это издание богато иллюстрировано, что позволяет педагогам и учащимся успешно применять его в поисковой, учебной и внеурочной деятельности. Не

меньшую, а зачастую большую роль играют неопубликованные, архивные источники и материалы. Важен процесс поиска, консервации, обработки, изучения, экспонирования и использования таких материалов. Большую работу могут проводить педагоги совместно с учащимися образовательных организаций. В этом смысл деятельностного подхода, который предполагается к широкому внедрению во ФГОС-ах. Подобные материалы могут носить как характер письменной фиксации, так быть и материальными предметами.

Актуальность музейной педагогики во все времена (за исключением первобытного общественного строя) не подвергалась сомнениям. Музейная педагогика воспитывает духовность, нравственность, мораль, этику, гражданственность, государственность, патриотизм. Приобщить людей к культуре своей страны, ее истории воспитать неравнодушных граждан – одна из важнейших задач, стоящих перед современными музеями. Д. С. Лихачев писал: «Если человек не любит старые улицы, старые дома, пусть даже и плохонькие, – значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны – он, как правило, равнодушен и к своей стране» [6, с. 47]. В современных общественных реалиях, связанных с глобализацией, обострилась проблема национально-культурной идентичности. Ценностное поле отечественной культуры насыщается инокультурными образцами, которые вступают в конфликт с продуктами культурной деятельности, которые создавались российскими философами, литераторами, драматургами, художниками на предыдущих этапах исторического развития нашего Отечества. Создание условий для формирования национально-культурной идентичности молодого поколения посредством реализации идентификационных, ценностно-ориентационных и социализирующих потенциалов отечественной культуры на сегодняшний день является одной из актуальных проблем современного российского общества, стремительно втягивающимся в орбиту влияния мирового процесса глобализации.

Обладая особым педагогическим потенциалом историко-культурное наследие региона способствует сохранению национально-культурной идентичности и культурного многообразия, реализации задач социализации молодежи. Это действительно только в случае, если историко-культурное наследие региона осознается и используется в качестве идентификационного ресурса. И этнографические исторические источники, как никакие другие, могут стать существенным подспорьем в такой работе. В этой связи необходимо признать, что богатое историко-культурное наследие регионов слабо востребовано в социокультурных практиках, и это отрицательно сказывается на процессах культурной идентификации молодого поколения. Этнографические источники смогли бы, на

наш взгляд, сыграть роль катализатора для запуска процессов патриотического воспитания и формирования гражданской позиции. Значимую роль, в связи с этим, могут выполнять этнографические источники школьного музея. Они могут способствовать формированию у учащихся гражданско-патриотических качеств, чувства любви к малой родине, уважения к опыту предыдущих поколений.

Принципиальная особенность школьных музеев, отличающая их от государственных – возможность самореализации детей в разнообразных видах деятельности. Одни пробуют себя в качестве экскурсоводов, другие учатся навыкам музейной работы – происходит профессиональная ориентация подростков, третьих привлекает исследовательская работа по тематике музея. Школьные музеи, работу в которых ведут сами школьники, могут ускорять и оптимизировать процесс социализации, помогать социальной адаптации, усвоению социальных ролей, способствовать профессиональному самоопределению, выстраивать духовно-нравственные ориентиры. Это определяется самой спецификой деятельности музея, ближайшего к ребенку музейного пространства, соразмерного и понятного ему, в ходе которой школьник способен глубже и конкретнее усваивать социальный опыт прошлых поколений и вырабатывать собственные нормы социального поведения.

Преимущественно в школьном музее собраны и хранятся экспонаты, которые были принесены детьми и педагогами. Экспонаты – это не просто предметы и вещи, с их помощью нам передан от прошлых поколений большой объем знаний. Этнографические источники занимают важное место среди экспонатов любого школьного музея. Они побуждают ребенка, попавшего в музей, к действию. В системе историко-краеведческого воспитания важное место занимает экскурсионно-массовая работа, которая предусматривает подготовку и проведение экскурсий, использование музея в общественной жизни школы, включение его в единую систему учебно-воспитательной работы.

Именно этнографические экспонаты в школьном музее часто представлены «живыми» вещами, предметами, использующимися в семьях учащихся в повседневном быту. Выше мы назвали их второй группой этнографических источников. Благодаря им музейная образовательная среда выполняет не только воспитательные функции, но и формирует практические навыки поисковой, исследовательской деятельности, развивает инициативу, общественную активность школьников, дает возможности для организации самостоятельной и творческой работы учащихся. Внеурочная деятельность по изучению истории родного края, благодаря этнографическим источникам, способствует не только по-

полнению знаний о родном крае, стране у учащихся, но и активно помогает воспитанию любви к нему и формированию гражданственных понятий. Такая деятельность с привлечением этнографических источников позволяет обнаружить единство истории каждого населенного пункта с жизнью нашей страны, почувствовать причастность к ней каждого ученика. Внеурочная деятельность совместно со школьным краеведческим музеем играет существенную роль в формировании патриотизма молодого поколения.

Внутренний мир человека сам по себе не формирует осознание чувства патриотизма – он лишь фундамент. Формирование происходит тогда, когда он соприкасается с общественными ценностями, идеалами и традициями. Работа педагогов и музейных работников закладывает фундамент в духовно-нравственное становление подростков. Патриотизм, желание служить Отечеству, стараться быть не только успешным человеком, но и приносить пользу стране, быть созидателем, является основой всей воспитательной работы в любой образовательной организации. Этнографические исторические источники могут стать материальным носителем тонкой духовной работы.

Большую роль этнографические исторические источники приобретают в региональной туристической деятельности. Характерно, что курсы «Образовательный туризм» становятся общепринятыми в средних и высших педагогических учебных заведениях [7; 8; 9]. Образовательный туризм – действенное средство воспитания в образовательной деятельности. Его можно использовать на любых уровнях образования [10].

В современных условиях, в рамках учебной деятельности, использование проектных, исследовательских технологий осложняется нехваткой учебного времени, недостаточным уровнем навыков исследовательской работы у учащихся, недостаточным уровнем их мотивации к самостоятельному научному поиску. Внеурочные же формы работы, среди которых важное место принадлежит школьному музею, предоставляют большие возможности для привлечения учащихся к этому виду деятельности. В музее помогут выбрать тему работы, составить план и выбрать методику исследования, подобрать нужные материалы и произвести их обработку, оформить результаты исследования. В итоге у детей формируется аналитический подход к решению многих жизненных проблем, умение ориентироваться в потоке информации, отличать достоверное от фальсификации, объективное от субъективного, находить взаимосвязи между частным и общим. В результате проектной и исследовательской деятельности музей и этнографические музейные экспонаты становятся для учащихся не просто источником новой информации, но актуализируются в социально-

значимую проблему, которую они сами решают, что способствует формированию ключевых образовательных компетенций. Не менее важной является роль «живых» этнографических источников, окружающих нас в повседневном быту. Поисковая работа по их выявлению, изучению и использованию в урочной и внеурочной деятельности способствует формированию личностных качеств, мировоззрения, кругозора, культуры, нравственной и гражданской позиции юных граждан нашей великой России.

Библиографический список

1. Умбрашко К. Б. Источниковедение: учеб.-метод. пособие. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2012. 315 с.
2. Российская музейная энциклопедия: в 2 т. / Мин-во культуры РФ, Российский ин-т культурологии, Ин-т «Открытое общество»; гл. ред. А. А. Сундиева; ред. Э. В. Расшивалова; сост. М. М. Кленина, О. В. Кульбачевская; худож. А. Ю. Никулин, А. Е. Смирнов. М.: Прогресс; Рипол Классик, 2001. [Электронный ресурс]. URL: http://www.museum.ru/rme/dict_article.asp (дата обращения: 03.09.2020).
3. Новации в музейном мире. На пути к музею локальной истории нового типа: сб. науч. ст. / отв. ред. И. В. Чувилова, О. Н. Шелегина. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2017. 190 с.
4. Музей – ресурс развития гражданско-патриотического воспитания. Методические материалы из опыта работы музеев всех видов. Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2018. 256 с.
5. Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / Институт истории СО РАН. Новосибирск: ИД Историческое наследие Сибири, 2013.
6. Лихачев Д. С. Письма о добром. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. 160 с.
7. Погодина В. Л., Северина Ю. В., Умбрашко К. Б. Технологии образовательного туризма: учебное пособие. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2013. 225 с.
8. Умбрашко К. Б., Северина Ю. В. Туризм: региональная история: учеб.-метод. пособие. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2013. 225 с.
9. Умбрашко К. Б. Туризм: региональная история // Образовательные программы ФГБОУ ВПО «НГПУ»: учеб.-метод. комплекс. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. Ч. 3: Сетевая программа «Образовательный туризм» 050100 Педагогическое образование / под общ. ред. Н. В. Гуляевой, Ю. В. Севериной; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. С. 200–204.
10. Новая Сибирь – мой край родной: программа краеведческого образования детей дошкольного возраста Новосибирской области / Е. Ю. Данилова и др. Новосибирск: Изд-во НИПКиПРО, 2019. 72 с.

Фурсова Е. Ф.

*доктор исторических наук, заведующая отделом этнографии
ФГБУН «Институт археологии и этнографии» СО РАН
(г. Новосибирск, Россия)*

КАИНСК И КАИНСКИЙ УЕЗД В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ 1986 Г.)

Аннотация. В статье на основе полевых экспедиционных материалов 1986 г. автором сделана попытка выявить идентификационные показатели традиционной культуры жителей бывшего Каинского уезда Томской губернии конца XIX – начала XX в. За основу исследования взяты материалы по свадебным обычаям и обрядам той группы населения, которая обозначала себя старожилами («чалдонами»).

Ключевые слова: русские Сибири, каинские чалдоны, идентификационные показатели культуры, свадебные обряды.

Согласно историческим источникам, Каинский форпост (впоследствии уезд) планомерно и непланомерно заселялся в разные годы жителями, в их числе крестьянами и казаками из Томского ведомства (1750-е гг.), помещичьими крестьянами из Центральной России в счет рекрутов (1760-е гг.), с 1770-1780-х гг. добровольными переселенцами из Пермского, Томского наместничеств. Пополнялось население и за счет ссыльных старообрядцев, а также выходцев из Польши и с территории Белоруссии за мятеж 1863 г. [1, с. 54; 2, с. 191].

Во время проведения Восточнославянской этнографической экспедиции 1986 г. от местных жителей еще можно было получить информацию о составе населения, местах выхода, коллективных прозвищах местных селян. Например, считалось, что в старожильческих деревнях Балман, Ушково и Чумаково издавна проживали «чалдоны – русские люди». Местный уроженец Сергей Иннокентьевич Михайлов (1917 г.р.) рассказывал, что д. Чумаково основали выходцы из Могилёвской губ., а по прозвищу (фамилии?) его деда «чумак» деревня получила свое название, причем первоначально оно звучало как «Чумаки». В отличие от старожилов Среднего Приобья, местные жители, называя себя чалдонами, обычно не интерпретировали это коллективное название и не связывали его с р. Дон. Это показатель того, что указанное название-прозвище распространилось на юг, в Барабу позднее, видимо, по причине «престижности» быть такими в Сибири. Поздние российские переселенцы конца XIX – начала XX в. не различали между собой каинских чалдонов и старообрядцев-«кержаков», счи-

тая, что в культурном отношении они едины, но различались лишь по религиозной принадлежности. По нашим наблюдениям, местами захоронения чалдоны и кержаки тоже разнились, так как каждая из групп хоронила умерших «сродников» на своем кладбище.

В качестве идентификационных показателей традиционной культуры жителей Каинского уезда Томской губернии конца XIX – начала XX в. взяты материалы по свадебным обычаям и обрядам той группы населения, которая обозначала себя старожилами-«чалдонами». Свадебный обряд был записан от более десяти информантов, из которых основными можно указать: Феодосью Аристарховну Агееву (1908 г.р.), Варвару Константиновну Майкову (1910 г.р.), Таисью Семеновну Заворину (1914 г.р.), Нину Григорьевну Носову (1920 г.р.). Ф.А. Агеева называла себя «чалдонкой с Красного Яра» (ПМА, № 13/10). Свою чалдонскую идентичность Феодосья Аристарховна производила от материнской родни, так как ее мать была родом из старожильской д. Ушково. Родня по отцовской линии относилась к «расейским» («отец с России»), однако информант предпочитала относить себя к старожильческому населению, т.е. чалдонам. В.К. Майкова называла себя «чалдонкой из д. Ушково», Т.С. Заворина обозначалась как старожилка из д. Чумаково (ПМА 13/ 13), Н.Г. Носова – из д. Балман (ПМА 13/ 31).

Информанты вспоминали как особое радостное настроение царило в деревне в ожидании свадьбы, потому что все старались принять участие в событии. «Невеста есть в деревне – вот и радость!» Свадьбе предшествовало сватовство, когда в дом девушки приходили родители жениха и он сам «с вином и закуской». Если родители девушки соглашались отдать ее замуж, то накрывали стол и во время трапезы договаривались о дне свадьбы и распределении расходов на нее.

Матери и бабушки настраивали девушек готовить себе приданое с ранних лет. Агеева вспоминала, что до своего замужества, она успела помочь готовить приданое своим подругам – «шила у пяти невест». В ее личное приданое входило 30 скатерок, 3 подушки, потник из шерсти, рубаха и «опояска» жениху и платье для невесты, которое шили подруги. Число полотенец даже трудно было точно указать, так их было много.

Неделю-две шла подготовка к свадьбе в доме невесты. «Девки в это время шьют приданое невесте у нее на дому» (Т.С. Заворина). В гости к трудящимся над приданным девушкам приезжал жених с друзьями, сестрами и привозил гостинцы. Невеста шила и дарила жениху кiset, а он одаривал платком. Шитье приданого включало много развлекательных моментов в виде песен, «плясок»,

угощений. Как особо развлекательный момент информанты отмечали катание по деревне на лошадях: «Потом жених катал девок по деревне на лошадях, девки песни поют». Главным угощением был чай, собственно, и девушек, и жениха приглашали «на чай», чаепития сопровождали все молодежные утехы. «С жениховыми гостинцами чай пьют, песни поют. Пляшут, потом жениха провожают» (Т.С. Заворина).

Утром дня накануне свадьбы веселье достигало максимума. Брат невесты запрягал лошадей. Дуги украшали полушалками, лентами, т.е. атрибутами «девичества», девичьей прически. «Назавтра убирают, украшают дуги у лошадей, к дугам привязывают полушалки, к полушалкам пришивают ленты» (Ф.А. Агеева). Возница катал девушек, которые пели песни и разыгрывали шутливые сценки. Сценарии сценок предварили события свадебного дня, изображая их в гротескной форме. «Одна девка наряжается женихом, другая – невестой. Одна – дружкой. Самая смелая свахой. Дружка выворачивает шубу, часто вываливается из кошевы. Настоящие жених и невеста поднимают ее, усаживают. Он снова в снег падает... Смех, шутки, веселье» (Т.С. Заворина). «Обычно какая-нибудь подружка из шутниц наряжалась в вывороченную шубу и драные штаны» (Ф.А. Агеева), т.е. атрибуты мужского костюма. После катаний и массового веселья молодежи присутствующие заезжали в дом жениха «пить чай». Однако во время въезда в ворота также разыгрывались целые спектакли: «Дружка выпадал из кошевки, не хотел заходить в ворота, пока его не откупали. Если дружка вошел – это главное – жених и невеста зайдут уже обязательно» (Н.Г. Носова). Эти спектакли, видимо, призваны были отвлекать внимание от главного события – свадьбы, чтобы не были испорчены новобрачные и их будущая совместная жизнь, о чем не раз нам рассказывали в других районах Сибири. Однако не только этим ограничивался смысл свадебных ряжений. На просмотренных фотографиях 1920-х гг. нам встречались изображения ряженных женщин, головы которых были утыканы колосьями пшеницы или какого-то иного злака. Это позволяет говорить об актуализации идеи о таких функциях ряженных как активизация продуцирующих свойств молодой пары.

В день свадьбы подружки водили невесту в баню, при этом шествие сопровождалось несением березового веника, украшенного разноцветными лентами. После бани подружки начинали собирать невесту, «одевать свадебные наряды». В начале XX в. чалдонки наряжались в свадебное платье светлых тонов – голубое, розовое, белое. Некоторые такие платья в полевой практике 1986 г. нам встречались как семейные реликвии, хранившиеся «на память» о бабушках и прабабушках.

В это время в доме жениха готовили хороших лошадей, как рассказывали, в количестве не менее «пяти-шести пар» (смотря по экономическому состоянию). В компании с дружкой, сватом, игравшем на гармошке, жених направлялся к дому невесты (это называлось «брать невесту»). Поезд подъезжал к запертым воротам, поэтому надо было выказать сноровку и умение, чтобы проникнуть внутрь.

Когда жених с дружкой заходили в избу, то невеста сидела за столом в окружении девушек, которые не хотели отдавать ее даром. Подружки требовали от жениха и дружки денег под предлогом того, что, когда они «шили – все иголки поломали» (при этом стучали в блюдца иголками или вилками). «Девки в это время гремят изломанными иголками, а жених, сваха, брат жениха бросают девкам копейки. Торгуются» (Т.С. Заворина).

Н.Г. Носова вспоминала, что продавали «девичью красоту», которая представляла собой самодельную косу из соломы. Косу украшали разноцветными лентами (лентой) и укладывали на блюде. Обычно продавал младший брат, если таковой отсутствовал в семье, приглашали племянника или другого родственника.

Перед продажей косы девушки пели:
– Шейка, матушка, мне голубой сарафан,
Голубой сарафан из заморской парчи,
Посади меня мать с милым другом за стол,
С новым счастьем другом!
-Уж, ты дочка моя, дочка миленькая,
Поживи у меня, расхорошенькая,
Ведь и замужем жить не всегда хорошо,
А бывает, порой, слезы льются рекой...
– С им я буду делить и любовь, и печаль,
И тогда будет мне дней девичьих не жаль»
(В.К. Майкова).

После выкупа косы девушки выходили из-за стола, освобождая место жениху. Жених усаживался рядом с невестой за стол в красном углу под иконами («образами»), далее за стол садились все те, кто приехал «брать» невесту. Беседа сопровождалась чаепитием с самоваром. Девушки в это время на улице «убирали» лошадей, т.е. украшали дуги лентами, колокольчиками. «Лошадей разукрашивали бантами, цветами, на переднюю тройку под разукрашенную дугу вешали три колокольчика» (Т.С. Заворина).

К венцу жениха и невесту благословляли иконами родители невесты. В это время мужчины стреляли из ружей. В церковь они ехали «пораздельно»,

а после венчания уже вместе, т.е. в одной повозке. Если в отдаленных деревнях не было церкви, то партия жениха, забрав невесту, везла ее в дом будущего мужа. На «веселой» свадьбе людей веселили ряженные в самодельные костюмы и маски, как правило, изображавшие домашних животных. Все это веселье сопровождалось одариванием жениха и невесты подарками. Информанты особенно подчеркивали, распространенность даров в виде овечек, гусей и пр.

После того, как прошли первые столы (люди угостились), проводился обряд «окручивания» невесты. Молодые женщины из гостей и родственниц разделяли косу на две и укладывали их вокруг головы, повязывая платок «помолодушечьи», т.е. концами назад. Здесь происходила смена подвенечной парочки на «бабью», сшитую из более простого (обычно сатина) материала. По мнению каинских чалдонок, у них не принято было шить одежду из цветастых тканей, но предпочтение отдавалось однотонным материалам. С этого момента женщина уже должна была скрывать свои волосы, шею и руки от посторонних (обычно поясняли «свекров»). В полночь сваха снимала с невесты венок и одевала его на подружку невесты. Невеста с женихом отправлялись спать.

На второй день свадьбы молодая вставала рано утром и пекла блины, которые затем продавались «за монету». Перед угощением одна из пожилых, но бойких женщин продавала блины («поверье было, что блины надо купить»).

Этот день был связан с символикой честности или нечестности невесты, собственно, от этого и зависел характер и настроение праздника. Утро начиналось с того, что молодые кланялись родителям в пояс и в это время свахи набрасывали на молодую пару невестину рубаху. Символика «честности» могла также быть обозначена при помощи красной или черной тряпок, которые жених должен был прилюдно развязать (если развязывал красную, это символизировало честную невесту и наоборот) (В.К. Майкова).

Жители Каинского уезда относились к тем сибирякам, у которых радость по поводу честности молодой выражалась в обычае рвать исподнюю одежду на свахе со стороны невесты. «Если невеста честная, станинку разорвут невестинной свахе» (Ф.А. Агеева). В 1986 г. еще многие жители помнили этот обычай, могли рассказывать интересные истории, в т.ч. из современной им жизни. «В последний день свадьбы был обычай рвать одежду на дружках. Причем на мужчине рвали штаны, а на женщине нижнюю рубаху. Молодые потом дарят брюки и рубаху» (ПМА 13/68). Свои пояснения по поводу существования такого обычая местные селяне ограничивали такими замечаниями: «Чтобы молодые дружней, веселей жили» (ПМА 13/68).

Символика «нечестности» включала обычай прокусывать блин, который затем демонстративно надевали на головы опозоренных родителей невесты. Однако, по заверению почти всех информантов, такие ситуации случались крайне редко и передавались из поколения в поколение в качестве нравоучительных уроков.

Согласно нашим данным, старообрядцы-кержаки проживали в дд. Кама, Кузнецово, между которыми был налажен обмен невестами. В отличие от православных чалдонов, кержацкие девушки часто «шли взамуж убежим из Камы в Кузнецову» и наоборот (ПМА 13/69 об.). По этой причине многие обычаи здесь были упрощены или отрицались вовсе (рванье одежды, кур), не была принята на старообрядческих свадьбах демонстрация «честности» невесты.

Привлечение свадебных обрядов в качестве идентификационных показателей позволило сделать вывод о том, что по структуре и смысловому содержанию эти обряды каинских чалдонов, во многом совпадали с известными в группах чалдонов других мест Западной Сибири конца XIX – начала XX в. Свадебные ряженья, игровые сцены, обязательная прилюдная демонстрация «честности» невесты – все это обнаруживает общность с обычаями донских казаков [3, с. 421], влияния выходцев из Могилёвщины практически не ощущалась (отсутствие елочки, двухэтапности передвижений партий жениха после венца и пр.) [4, с. 62].

Исследование поддержано грантом РФФИ № 18-09-00028 а.

Библиографический список

1. Филимонов Е. С. Экономический быт государственных крестьян и инородцев северо-западной Барабы или Спасского участка Каинского округа Томской губернии. СПб., Б.и., 1892. 212 с.
2. История Сибири. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968. 538 с.
3. Донские казаки в прошлом и настоящем. Ростов-на-Дону: ГинГо, 1998. 504 с.
4. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 424 с.

Гагаев А. А.

доктор философских наук, профессор

*ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева»
(г.Рузаевка Республики Мордовия, Россия)*

Гагаев П. А.

доктор педагогических наук, профессор

*ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
(г. Пенза, Россия)*

ФИЛОСОФИЯ МИФОЛОГИИ И СКАЗОК О ПАЛЭСМУРТЕ УДМУРТОВ, ХАНТОВ И МАНСИ, РУССКИХ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ ПОДХОД

Аннотация. Палэсмурт – становящийся Получеловек, утративший природу и вида homo sapiens, и этносов, в котором человек превратился в новый биологический вид homo debilis, обладающий комплексом Разрушительности – садизм, некрофилия, садомазохизм, нарциссизм, инцестуально-симбиотический синдром. Это прогноз мифологии и сказок о Палэсмуртах – о вырождении человечества в частной собственности и власти.

Ключевые слова: Палэсмурт, получеловек, комплексы деградирующего мышления, вид homo sapiens и вид homo debilis.

Введение. Палэсмурт – половинный человек, половина головы, один глаз, половина тела, 1 нога, или он имеет вывернутые внутренности и прозрачную половину тела, язык невнятен. Он встречается людям как несчастное предзнаменование, мстит им за разрушение природы и извращение ценностей Инворшуд. Палэсмурт может защекотать человека до смерти. Поскольку он – половинный человек, а удмурт при творении был целостным и мужественным, изящным, то можно предполагать, что самоназвание удмурт обозначает именно полного человека в начале творения, а Палэсмурт – это то, во что превращается удмурт в конце развития вследствие извращения ценностей совместной жизни. Объект исследования – образ Палэсмурта в фольклоре (сказке) удмуртов, хантов, манси и русских. Предмет – сравнительная модель Палэсмурта. Цель – создание общей мифологической модели Палэсмурта. Методология исследования – теория космо-психо-логосов [1].

1. Древнеегипетская мифология. Идея половинного существа в мировых мифологиях. Этот образ представлен в мифологии Древнего Египта – форма целостности человека как существа животного, социального, божественного

и фараона как сына Ре, или как получеловека-полуживотного. Человек Древнего Египта – животное, социальное существо, божественное существо. Гор – и животное, и человек, и Бог. Гор физически слаб, а его брат – Сет – физически мощен.

2. Удмуртский Палэсмурт.

Претекст – получеловек-полуживотное в древнегреческой мифологии.

Пратекст – односторонний человек и специализация человека. **Номинальный** смысл – утрата природы человека, итог развития состоит в полной деградации удмурта и утрате им параметра быть Живым! Получеловек и не жив, и не мертв. **Реальный** смысл: утрата расовой и этнической идентификации и языка удмуртского и вообще языка. Палэсмурт говорит невнятно. Палэсмурт – на половину мужчина, на половину женщина, на половину взрослый, наполовину ребенок, наполовину пожилой человек, наполовину молодой человек. Он – наполовину животное, на половину социален, на половину Бог. В Нем середина – разрез – Само неуничтожимое Зло. Палэсмурт это новый вид человека, не homo sapiens, а homo debilis без расы, этноса и целостности, не мужчина и не женщина, фрагментарный человек, в котором умер род человеческий и этнос удмуртов, в котором исчезло демографическое воспроизводство удмуртов. **Деконструктивный** смысл: безобразие души современного человека, который заживо гниет в половинном образовании. Каждый человек безобразен по своему! Безобразен в злой хитрости, силе и собственности, иерархии. **Эпохальный** смысл – утрата псевдочеловеком Знания, Книги и Суд Мести Палэсмурта над человеком за отказ от Инворшуд, Книги и Совместной жизни в начале творения. Единственное оставшееся знание – как любыми методами добыть деньги! Это мотив Св. Корана. «Поистине, Аллах не забирает знание, (просто) лишая его (Своих) рабов, но Он забирает знание, забирая (из мира) знающих, а когда Он не ставит (в живых) ни одного обладающего знанием, люди станут избирать (для себя) невежественных руководителей. И им будут задавать вопросы, а они станут выносить решения, не обладая знанием, в результате чего сами собьются с пути и введут в заблуждение других!» [2, т. 1, 82 (100), с. 63-64]. **Удмуртский** смысл: утрата творческой способности и борьба с Палэсмуртом. **Русский** смысл: Гниение человека, Палэсмурта, который отравляет честных и справедливых людей, организуя коллектив именно Полулюдей, солидарных в Зле, против Человека целостного, который в меньшинстве. **Послесмысл: необратимость деградации человека, нет людей!** Вокруг – только Получеловечки. Это и смысл древнегреческой философии истории Диогена Синопского и Диогена Лаэртского. «Народу много, а людей не много» [3, с. 253]. **Соб-**

ственный смысл: что делать человеку среди нелюдей?! – бороться языком и оружием. **Аккультурационный смысл:** размыта граница жизни и смерти, живого мертвого, добра и зла (консенсус со злом), справедливости и не справедливости, истины и лжи, общего и частного, общего и частного блага, они не различимы, то есть всем мы – трупы, утрата знания; **рецепция** – модель не прогресса, а регресса и трансгресса паразитов как основная и прогресс – в развитии человека или регресс в его деградации, сотрудничество Ахратов и не сотрудничество людей добрых; **реторсия:** возвращение к совместной жизни и общей собственности. **Личные смыслы сказок.** Не полноценность системы образования. Палэсмурт существо, которое заставляет смеяться, тогда, когда нужно плакать и плакать над тем, над чем следует смеяться. Модель Палэсмурта – пророчество и предсказание удмуртского этноса о том, что в мир невидимо и неслышно вошел новый вид – Палэсмурт или вид *homo debilis*, который сменил вид *homo sapiens*. **Суперэтнические смыслы.** В мифологии народов Океании существует сказочное существо соединяющее черты людей, животных и птиц-дема. Оно – тотемный предок людей. Демы – первоначальная форам целостности природы, растений, животных, людей, а сам человек, таким образом уже есть Получеловек в своем отличии от растений, животных и Ландшафта [4, с. 433, 627]. Нанайские получеловеки – Горный человек Какзаму, обращающий в камень, Боку – получеловек, Гагданчу-Марга – усыпляющий этносы, Агды-Гром (превращающий в пыль, огонь), Ганка (полурыба-получеловек), Хима-Амба – ползучая тварь, Древесные люди, смысл жизни которых – месть без сострадания. В якутской мифологии получеловек – весь род абаасы, противостоящий единственным людям – уранхай-саха, якутам из рода айыы – аймаги (родичи богов) [5, с.78, 26]. В целом абаасы понимаются как получеловеки. Чувашские Арзюри – полумужчина, полуженщина, который не может иметь потомства, Хыдам – тот, кто умер не естественной смертью и мстящий людям за это, Вери-сьелень – тот, кого ребенком предали и бросили умирать, а потому и он становится Иудой Искаротом, ему присущи пустомыслие, пустословие, пустоутробие и неуничтожимость зла, и он предаёт других, Ахрат – сын, который не продолжает дело Отца матери, не имеет их Пехиля, не оставляет потомства и генерирует пустую страну. Этнические Палэсмурты имеют различные димензиальные образы и смыслы. Сотрудничество людей в борьбе со злом и не сотрудничество с людьми злыми и жадными. **Общий смысл** – деградация уже самого человека, как выделенного из природы вида *homo sapiens* и вида *homo sapiens* в вид *homo debilis* и утрата этничности, способности творчества [7; 8; 9;10].

3. У ханты – великаны менквы, как неудачный опыт творения людей Торумом, вредящие людям и собственно люди как «кукольнолицы» игрушки богов, куклы или маленькие Палэсмурты, слабые люди, которыми они играют, то есть люди как обезьяна Бога и творение Куля, ханты как те, кто воюют в внешних и гражданских войнах, приближая Огненный потоп, они уже в начале войны суть не живые, а мертвые, Мертвецы царства мертвых, Нижнего мира, Западного мира, поедающие людей как Полуживые-Полумертвые, воздавая им за их преступления, нарушая справедливость, в Земном мире, Разрубленный пополам самоед (ненец) – одна половинка жива, его живая голова, с которой не снят скальп, ненцы не держащие своей клятвы мира (сказка Сыновья Мужчины с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины). Получеловеками являются женщины, которые не рожают детей. Нерождение детей и есть людоедство и превращение женщин в получеловеков (Сюоятар, Леммюз, Пара), людоедок – тех, кто не рожают детей [11, с. с. 209].

4. У манси – суждения об одноглазых, одноруких, одноногих людях и их излечении в полноценного человека», людях с одной ногой, одной рукой, вообще без рук и ног, туловища, имея лишь голову [11, с. 67-68, 261, 270]. На земле все одноглазые и криворотые, одноногие, когда смотрят на Солнце и на Тарыг–пещ-нималю-сов [11, с. 270]. Суть дела в том, что манси сказка утверждает одноглазость, криворотость, одноногость, однорукость, половинчатость всех людей относительно Солнца и Тарыг-пещ-нималю-сов, то есть Эквапырь и Женщины-богатыря. «Когда настанет на свете человеческий век, человеческое время, таким образом всех людей убьешь», которые дерутся и не соответствуют образу Тарыг-пещ-нималю-сов [11, с. 269]. Получеловек – этнос, как мертвый человек, в котором нет единства этногрупп в борьбе с русским Богатырем. У этого человека вырезан глаз, отрезано ухо, отрублена рука, отрублена нога. Получеловек – одноног, однорук, одно туловище, одна голова, или женщина, или мужчина только. Человек – получеловек, пока он не имеет жены и семьи, детей [12. с.165, 197-200]. **Личные смыслы сказок.** Палэсмурт – существо, которое заставляет смеяться, тогда, когда нужно плакать и плакать над тем, над чем следует смеяться, т. е. деструктурированы понимания прекрасного и безобразного, драматического, трагического и комического. В Палэсмурте извращено восприятие прекрасного и безобразного, отвратительного, драмы и трагедии, комедии этноса и человека вообще. Модель Палэсмурта – пророчество и предсказание удмуртского этноса о том, что в мир невидимо и неслышно вошел новый вид – Палэсмурт или вид *homo debilis*, который сменил вид *homo sapiens*.

5. Палэсмурт русской сказки. Это Верлиока русской сказки [5, с. 134-140]. Он одноглаз и одноног, силен, ловок, хитер. Сильнее любых людей. Верлиока понимает смысл жизни как нанесение вреда людям на беспричинной основе. В этих актах он получает наслаждение. Он убивает детей, женщин, вредит всему живому. Но Старик объединяется со слабыми существами и они вместе осуществляют суд мести, ослепляют, а затем убивают Палэсмурта. И даже те, кто ранее отказались заступаться за оскорбленных и обиженных, вместе с храбрым человеком, сражаются с Верлиокой и его побеждают. Вместе – сила! «Видно, тебя, Верлиока, не учили сызмала пословице: делай добро – не кайся, а делай зло – сподевайся! Взял лычко, отдай ремешок» [5, с. 136]. Ложь лицемерных исповедей [5, с. 98]. Хищник ранее или позже погибнет от другого хищника или объединившихся добрых людей [5, с. 100, 134-138]. Но и природа и человек – вместе отмщают злу. Апелляция к Христу и Его отмщение [5, с. 116-117].

Заключение. Палэсмурт: претекст – половинность творческой способности человека как *homo sapiens*, превращающегося в вид *homo debilis*, пратекст – специализация человека; номинальный смысл – утрата природы вида *homo sapiens* в специализации и ассимиляции; реальный смысл – утрата этнической природы и превращение в функцию мирового рынка и государства; деконструктивный смысл – безобразие подобий людей; эпохальный смысл – утрата этно-целостного воспитания и образования; удмуртский смысл – нет удмурта и нет удмурта по мышлению; ханты смысл – мертвость души и пустоутробие женщин и мужчин; манси – одноглазые, одноногие, однорукие, криворотые, то есть не имеющие языка и сосредоточенные на лжи холопы и рабы; русские – вредящие ближнему, соседу из-за жадности; послесмысл – нет человека в моральном смысле; собственный смысл – что делать и кто виноват; аккультурация – гниение трупа человечества, рецепция – восстановление этнических систем образования, реторсия – отторжение западных форм жизни в Примордиальной традиции; личные смыслы – развитие космо-психо-логосов этносов и педагогика невмешательства, а не социализация; суперэтнический смысл: человек не тождественный этноландшафту и этносу-вид *homo debilis*; общий смысл: бесшумно умер вид *homo sapiens* и вошел новый биологический вид *homo debilis* (не человек, ослабленный, не этнический человек). Это и есть Палэсмурт.

Библиографический список

1. Гагаев А. А., Кудаева Н. В. Угро-финский космо-психо-логос. Саранск, 2009. 614 с.
2. Сахих аль-Бухари. 1-е изд., Т. 1, М.:Благотворительный фонд «Ибрагим Бин Абдулазиз Аль Ибрагим», 2002. 472 с.

3. Диоген Лаэртский О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. 620 с.
4. Сказки народов мира в 10 томах, Т. У1, Сказки народов Африки, Австралии и Океании. М.: Детская литература, 1990. 639 с.
5. Сказки. Кн. 1. М.: Советская Россия, 1988. 544 с. (Б-ка русского фольклора; Т.2).
6. Якутские народные сказки. М.: Детская литература, 1983. 143 с.
7. Душенкова Т. Р. Лушкем кей, или скрытость в удмуртском характере // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов: история и современность: мат. межрег. н. п. к , г. Чебоксары, 8–9 ноября 2012 г. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. 313 с.
8. Петров А. Н. Удмуртский этнос: проблемы ментальности. Ижевск: Удмуртия, 2002.
9. Смирнов И. Н. Вотяки // ИОАИЭ. Т. У111. Вып. 2, Казань, 1890.
10. Хотинец В. Ю. Удмуртская ментальность и культурные ценности // Вестник удмуртского университета. Философия. Психология. Педагогика. Психология, вып. 2, 2009. С. 3–13.
11. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.: Гл. ред. Вост. лит., Сост., предисловие примечания Н. В. Лукиной. 1990. 568 с.
12. Орлов В. Вогульский героический эпос в художественно-литературной (русскоязычной) интерпретации. Шадринск: Дом печати, 2014. 272 с.

УДК 342

Ярков А. П.

доктор исторических наук

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

(г. Тюмень, Россия)

СВОБОДА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ ПО КОНСТИТУЦИИ НА ФОНЕ РЕАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В УММЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Аннотация. В статье анализируется соблюдение в 1930-х гг. гарантированных законом прав мусульман. Мусульмане Западной Сибири (коренные жители и мигранты) оказались, с одной стороны, заложниками государственной системы. С другой стороны, их вероисповедные практики, подвергшись ограничениям, продолжали поддерживать религиозность.

Ключевые слова: Западная Сибирь, 1930-е гг., мусульмане, конституционное право и реальная практика.

Атеистическая политика периода утверждения тоталитарного режима 1930-х гг. являлась органичной частью политики «чрезвычайщины», сочетая институциональное разрушение общин с продолжением массовых репрессий против служителей культа и верующих. Репрессировали и местных служителей

культы, например, муллу из д. **Юрт Константиновых** В. Абдрашитова, в доме которого открыли «татарскую» школу, тогда как в мечети устроили клуб. Но жители этого, как и других селений, продолжали тайком исповедовать ислам, под страхом ареста храня книги и письма с арабской вязью. М. Абдулина из Сарсаза приглашали совершать все обряды от рождения ребенка до похорон с 1930-х до 1950 г.

Репрессии привели к гибели 8 млн. чел. В этом не было этнического или конфессионального геноцида: уничтожалось просто человеческое в человеке с его желанием думать, говорить, писать без оглядки на изменяющиеся установки партии.

В архивах хранятся не только следственные дела репрессированных служителей культа, но и введенные недавно в научный оборот свидетельства участников событий 1930 г. по делу «Подпольной армии муллы Фазыла Шафикова». Тогда возмущенные непомерными налогами; закрытием мечетей; «неправильным отношением к муллам» (являлись крестьянами, выбранными для богослужений), жители ряда селений в Тобольском и Тюменском округах организовались. Это движение оценили как «контрреволюционную повстанческую организацию» из 230 чел. [1, апрель].

Из показаний явствует: секретные собрания начались еще в 1928 г. и нередко проходили во время ифтара (вечернего разговенья после поста) в ю. Варваринских и никаха в Верхних Бехтерях. Там акцентировалось внимание на общественные настроения, а в феврале 1929 г. мулла Ч. Имангулов, побывавший в юю. Укинских, Ачирских, Карбинских, говорил: «Народ крайне недоволен коллективизацией и пойдет на восстание. Насчет оружия можно не горевать, его там хватает, там все охотники». В ю. Матмасовских, по мнению чекистов, все началось с визита муллы из ю. Варваринских А. Бикшанова к бывшему (в царское время) аульному старшине И. Пяткулину, собравшего недовольных, а мулле чекисты вообще отвели главную роль, как, якобы, предрекавшему: «Уже в этом году начнется война. Дни коммунистов сочтены, иностранные государства уже послали войска в Китай, и наступление начнется оттуда. Но война будет, как и восстание 21 года, бесполезной, если мы не будем помогать свергать советскую власть. Мы должны создать подпольную организацию, которая с объявлением войны сразу поднимет восстание в аулах и будет подрывать советы изнутри» [1, июль].

С точки зрения законов того времени подобные идеи антигосударственные. И по их выявлению власти приняли меры по изоляции недовольных, но не ясно: это реальные или инспирированные высказывания; были ли у верующих

легальные условия для реализации объявленной свободы в отправлении культа; являлись эти факты исключительными для региона, сообщества, страны?

В тот момент не было границ между людьми разного происхождения – один из участников утверждал: «в Тобольский округ уже приехали офицеры-подпольщики белой армии, они организуют штаб и будут руководить восстанием», а у восставших (и не только мусульман) главой должен стать мулла Ф. Шафиков. С другой стороны, уполномоченный ОГПУ Фролов рассказал о причине недовольства и необходимости освобождения из-под стражи членов «Подпольной армии муллы Фазыла Шафикова». Власти выявили и наказали инициаторов (если ситуация не вымышлена), признав, что допущены перегибы в религиозной (точнее антирелигиозной) политике, но тогда же отношения между конфессиональными институтами и властью получили юридическое оформление, к сожалению узаконив воинствующий атеизм. Так, томскую мечеть в ноябре 1931 г. объявили «гнездом контрреволюции» [2, с. 87].

После «разгрома» развернулись новые репрессии, охватив виновных и невинных: проживавший под Тобольском, бывший тюменский имам-хатыб И. Бурундуков в 1930 г. после ареста сына (обвиненного в участии) опасался преследований и уехал в Ташкент [3, с. 135]. Волна репрессий росла, и во второй половине 1930-х гг. достигла пика [4, с. 154]. Иной раз та волна настигала людей за поступки другого времени, обстоятельств и места – одного из создателей тобольского «Общества мусульман-прогрессистов» муллу Х.-М. Бакиева арестовали по надуманной причине, а акына М. Жумабаева обвинили в пессимизме стихов, сочиненных еще в годы учебы в Омской гимназии [5]. Сфабрикованное УНКВД по Новосибирской области дело «военно-мусульманской организации «Гаскери Уешма» привело к гибели не только бывших мулл, но и прихожан. Якобы её создал «уполномоченный зарубежного мусульманского центра» З. Гайсин, в 1917 г. входивший в руководство томского Муссовета, а в 1919 г. способствовавший переходу сформированного колчаковцами мусульманского батальона на сторону Красной Армии [2, с. 28, 47].

Между тем, «мусульманская составная» Сибири существенно пополнилась численно: в июле-августе 1931 г. только из Башкортостана переехало 5 000 семей, а всего в 1930–1932 гг. прибыло 23 260 семей (61 тыс. чел.); с 1934 г. спецпереселенцы (1934–1944 гг. – трудопоселенцы) существенно увеличили состав рабочих Кузбасса. Туда же выслали мулл и имамов, исполнявших в непривычных условиях свои обязанности [6]. В 1933 г. в крае насчитывалось 57 820 «коренного казакского населения» (бывших откочевников), сосланных, завербованных на рудники и бежавших от голода и коллективизации.

В условиях совместного проживания в бараках частное пространство становилась достоянием всех, где и религиозность скрыть трудно. И все же иные переселенцы сохраняли традиционные привычки и особенности мировосприятия, да и в новый социум вливались с трудом. В 1931 г. На Кузнецкстрое из 13 573 опрошенных лишь 6 373 чел. (46,9 %) считали себя рабочими, а крестьянами осознали 7 225 чел. (51,4 %) [7, с. 110].

Зафиксировано, что в 1933 г. из 289,4 тыс. спецпереселенцев бежало 49,7 тыс. чел., а умерло 26,7 тыс. чел. [8, с. 480]. Так, в 1933 г. около 800 «кулаков», служителей культа и прочих «антисоветских элементов» выселили из Черкесской АО. Только 300 чел. добралось до Васисского (Знаменского, а затем Тарского) района, образовав 2 абазино-черкесских селения. С собой «путешественники поневоле» взяли немного, но Кораны и ритуальную ткань – обязательно [9].

Численность «новых» сибиряков не уменьшилось: край вновь стал местом ссылки, куда попадали за политические и религиозные убеждения, а Тобольск гордо именовался «столицей социалистической ссылки». Скопление высланных в транспортных узлах (весной 1930 г. в районе Тобольска более 30 тыс. чел.) привело к вспышкам эпидемий и массовой смертности [8, с. 479]. Замкнутый Софийский собор стал местом «перековки» кадров – нары для пересыльных верующих и атеистов размещались в три яруса, а мусульмане, католики, протестанты, «язычники» и иудеи вынужденно совершали молитвы в окружении изображений православных святых. Остяко-Вогульский национальный округ (позднее ХМАО-Югра) принял имамов, осужденных по инспирированному ОГПУ в 1933 г. делу «мюридизма на Среднем Урале» [10, с. 312-313]. И, наоборот, выслали на Северный Урал из Сибири мулл, подобных: получившему образование еще до революции в Троицком медресе А. Рафикову [11].

На территории Васисского (Знаменского, а затем Тарского) района вплоть до 1950 г. существовали абазино-черкесские селения: Средний Имшегал и Лавовское, основанные в 1933 г., когда около 800 «кулаков», служители культа и прочие «антисоветские элементы» выселены из Черкесской АО. До места поселения добралось 300 чел. По данным переписи 1939 г. в том районе проживало 219 выходцев из Черкесской АО: 116 кабардинцев, 16 адыгейцев, 83 абазина и 4 ногойца. Большинство черкесов переписано «кабардинцами», тогда как на Кавказе в переписи 1939 г. адыги Черкесской АО зафиксированы как «адыгейцы» [12].

Выявилась призрачность надежд верующих. Наступление на их убеждения вновь усилилось, а их противники – атеисты оказались более консолидиро-

ваны, имели ресурсы, в т. ч. переданные властью. Да и цели у них реальные (видимые): для уничтожения культовых зданий или обвинения их посещавших нередко объединялись воинствующие атеисты различного происхождения [13, с. 41].

Признаем: у ряда служителей культа существовали причины для разрыва с религией, но другие не расстались с саном и под угрозой. Даже официально отказавшись от исполнения обязанностей, бывшие муллы откликались на просьбы односельчан: «...нет дождя, засуха, надо использовать. Отсюда неурожай. По этому вопросу я ходил по домам, объяснял причину того, почему нет дождя (забыли Аллаха). У кого-то читал Коран, у кого-то играл на курае, говорил, надо установить богослужение на поле, потому что останемся без хлеба, потому что нет дождя. Меня поддержали 2 человека мужчин и около 20 женщин, и мы вышли на поле в июле 1936 г., где я читал Коран, призывал организоваться в общество верующих, доказывая, что колхозный строй для мусульман грешное дело, это идет против Аллаха» [14, л. 72-73].

Между тем, Конституция 1936 г. формально продекларировала право на свободу совести, которое призвано юридически оградить и защитить интересы человека от возможных неправомерных покушений со стороны государства, его органов и должностных лиц. Хотя по сути это было веротерпимостью при условии политической лояльности, но давало надежды, а М. Айнуллин утверждал: «...новая Конституция ... разрешает религии и можно открывать мечети и без страха, можно устраивать богослужения. Надо развернуть пропаганду по Корану» [15, с. 16].

Конституция, действительно, продекларировала свободу, но всеми предшествующими действиями власти религиозные институты настолько «травмированы», в верующие напуганы, что трудно оказалось воспользоваться правом на практике. Необходимо принять во внимание и рост атеистических воззрений, независимо от характера их появления. Тем не менее, оставшиеся на свободе муллы организовали служение по домам, поскольку мечетей не прибавилось, а наоборот, уменьшилось, как и число их прихожан: в Омске в 1937 г. только одну из соборных мечетей посещало 24-88 чел. Закрылись мечети в Таре и Новосибирске [16, с. 78], но не утихло, а еще более разгорелось желание у работников ОГПУ / НКВД выявить «историю грехопадения» чуждого элемента. Закрытие «Белой» мечети в Томске органы напрямую связали с арестом имама Ш. Яппарова [17, с. 208]. За причастность к явным или мнимым организациям «Алаш Орда», «Идель Уральские комитеты», «Гаскери Уешма» и «Милли Шуро» расстреляли в Омской области более 100 чел. [18, с. 279], в т. ч. «нелегальных» мулл. В обвинительном заключении Г.С. Касимова из д. Ипкуль значи-

лось: «Систематическое проведение коллективных молитв. Подстрекательство к голодовке» [19, с. 158].

Репрессии коснулись и мулл, сосланных вдаль от мест прежнего служения [20]. Судьба оберегала получившего образование в медресе Троицка и Оренбурга, бывшего алаш-ордынца и члена Совдепа Е. Нурпеисова, почти легально толковавшего Коран по семьям все 1930-е гг. Об его авторитете говорит то, что долго не вступавшие (восемь лет после переселения из Казахстана) в колхозы, казахи подчинились, когда в 1938 г. Нурпеисов организовал кочевавших по Сибири соплеменников, став почти официально «колхозным» муллой [21, с. 29, 36]. Закрытая от влияния вышестоящей власти сельхозобщина (одновременно умма) жила порядками Степи, негласно сохраняя адатное право и даже имея двух мулл: «Старики, не таясь, читали намаз, что не могли себе позволить в те годы даже в Казахстане, где аксакалы совершали пятикратную молитву, плотно занавесив окна. Почти все взрослое население в ауле Садок соблюдало пост в месяц Рамадан» [21, с. 54].

Колхозное начальство умело использовало традиционные нормы жизнеустройства. А в работе органов власти, надо сказать, и в других случаях появилась определенная гибкость: накануне войны стране нужны были лояльные к ней верующие. Поэтому иные традиции трактовались как национальные.

Решением вышестоящих органов суннат признали таковым, а наказанный (но не причастный к обряду, осуществленному по настоянию «непотопляемого» З. Мирвалева) руководитель татарской школы Б.Г. Гарифуллин – отец младенца, восстановлен на работе. О других традициях власти знали, но трудно им удалось выявление, например, факта почитания аулийалар или поновления астана [22, с. 176]. Впрочем, местная богоборческая деятельность не чуждалась и вандализма: редкий для края тип – глинобитная мечеть в урочище Қаратал уничтожена в 1936–1937 гг. русскими и казахскими комсомольцами [13, с. 41-42]; накануне войны у д. Затон Омской области разрушена астана по приказу колхозного бригадира, поскольку привлекала паломников. Якобы, в наказании погиб на войне бригадир, а его дети умерли либо болели [23, с. 109].

Библиографический список

1. Кабдулвахитов К. Подпольная армия Фазыла Шафикова // Муслим-инфо. – 2007. – апрель.
2. Кокоулин В. Г., Рахматуллина А. Р. Томская мусульманская община: история и современность. – Новосибирск: изд-во: Сибирь, Наука, 2011. 128 с.
3. Кабдулвахитов К. По следам тюменских шейхов: Историческое исследование. Тюмень: Печатник, 2005. 238 с.

4. Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане. Уфа: Уфим. полиграфкомбинат, 1999. 349 с.
5. Грошев И. И. Борьба Ленинской партии против национализма, за интернационализм. М.: Политиздат, 1982. 256 с.
6. Кузбасский Казыят более 10 лет работает на благо земли Кузнецкой // Истина. – 2010. – октябрь.
7. Исаев В. И. Формирование населения Новокузнецка в процессе советской урбанизации // Деятельность государственных организаций по индустриальному освоению Сибири в XX – начале XXI вв.: сб. науч. тр. Вып. 1. Новосибирск, 2009. С. 108–113.
8. Историческая энциклопедия Сибири / Гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Ист. наследие *Сибири*, 2009. [в 3 т.]. – Т. 1. 715 с.
9. URL: <http://nuvba.livejournal.com/22919.html>.
10. Ислам на Урале: энцикл. словарь / колл. авт., сост. А. Н. Старостин, отв. ред. Д. З. Хайретдинов. М.: Изд. дом «Медина», 2009. 476 с.
11. Еще идут старинные часы // Муслим-инфо. 2010. – декабрь.
12. URL: <http://nuvba.livejournal.com/22919.html>.
13. Ахметова Ш. К., Толпеко И. В. Казахские мемориальные комплексы юга Омской области // Казахи России: история и современность: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: [в 2 т.]. Т. 2. Омск, 2010. С. 41–43.
14. Архив РУФСБ по Тюменской области. Д. 7166.
15. Осавелюк А. М. Конституция дореволюционной России и этапы ее развития // Актуальные проблемы государствоведения: сб. науч. тр. / под общ. ред. С. Н. Бабурина. М., 2010. С. 16–18.
16. Ерназарова Р. М. Казахи Новосибирской области в визуальных летописях (1989–2008 годы) // Казахи России: история и современность: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: [в 2 т.]. Т. 2. Омск, 2010. С. 77–79.
17. Томск от А до Я: *Краткая* энцикл. города / Том. гос. ун-т, Гос. архив Том. обл.; Отв. ред. Н. М. Дмитриенко. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. 438 с.
18. Озерова О. А. Политические репрессии против поляков, казахов и татар в 1928–1938 годах (на примере Омской области) // Этническая история и культура тюркских народов Евразии: сб. науч. тр. Омск, 2011. С. 277–380.
19. Гарифуллин И. Б. Газета «Янарыш» («Возрождение») и мое научное творчество. Тюмень, 2011.
20. Он же. «Кара козгын» эзлэрэннэн // Янарыш. 2000. – 18 января.
21. Кабдулвахитов К. Откочевники. Летопись казахского колхоза имени Дальневосточной Красной Армии в Нижнетавдинском районе Тюменской области. 1938–1945 гг. Тюмень: Тюменский дом печати, 2010. 119 с.
22. Рахимов Р. Р. Экспедиционное исследование священных мест – астана – сибирских татар в Омской области // Искер – столица Сибирского ханства. Казань, 2010. С. 175–178.
23. Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Белич И. В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М.: Марджани, 2009. 216 с.

Сальникова И. В.

кандидат исторических наук

ФГБУН «Институт археологии и этнографии» СО РАН

(г. Новосибирск, Россия)

**МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ ЕВРЕЙСКОГО РАВВИНА ГОРОДА КАИНСКА
КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ
(кон. XIX – нач. XX вв.)**

Аннотация. Каинск был одним из первых сибирских городов, где официально было разрешено селиться евреям, поэтому с XIX в. он стал местом притяжения и занял второе место по количеству евреев после Томска. Историю формирования еврейской диаспоры раскрывают архивные и музейные документы: метрические книги еврейского раввина г. Каинска, разрешение на поселение николаевского солдата еврейской национальности. Анализу документов и посвящена данная статья.

Ключевые слова: Каинск, еврейская диаспора, архивные документы, метрические книги.

Каинск был одним из первых сибирских городов, где официально было разрешено селиться евреям, поэтому с XIX века он стал местом притяжения и занял второе место по количеству евреев после Томска. Историю формирования еврейской диаспоры раскрывают архивные и музейные документы – метрические книги еврейского раввина г. Каинска, разрешение на поселение николаевского солдата еврейской национальности. Анализу документов и посвящена данная статья.

Проблема формирования еврейской общины в Сибири актуальна и по сей день, поскольку трудно переоценить роль евреев в экономическом освоении Сибири, в развитии здравоохранения, культуры и науки.

Вопрос о формировании еврейской общины в малых городах Сибири привлек внимание исследователей благодаря инициативе кандидата исторических наук, декана КГПУ имени В.П. Астафьева Кофмана Якова Михайловича, который был организатором ежегодных научно-практических конференций «История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока» (2000 – 2007). Именно он активизировал изыскания историков, легализовал данную тему, собрал вокруг себя исследователей, среди которых был и доктор исторических наук Ю. М. Гончаров, перу которого принадлежит обобщающая статья «Сибирский Иерусалим»: еврейская община города Каинска в XIX – начале XX в.» [Гончаров, 2010].

Тем не менее, заслуживают внимания новые документы, которые дополняют изыскания известного историка.

Цель данной статьи – ввести в научный оборот архивные документы, полученные из ГАНО и Новосибирского государственного краеведческого музея, которые дополняют картину формирования еврейской диаспоры в Каинске и близлежащих населенных пунктах. Такими документами являются Метрическая книга, выданная помощнику еврейского раввина г. Каинска [ГАНО фонд 156 дело 2130, 2131] и документы из архива семьи Триерс – Сусликовы [НОКМ, ос.ф. 21173/1,2].

Известно, что еврейское население активно осваивало Западную Сибирь с начала XIX в., когда вышел указ Николая I о воинской повинности (кантонисты) и последующие указы о разрешении заселения евреями пустующих земель и о выделении земельных наделов. Для подтверждения данного тезиса необходимо привести документы, хранящиеся в Новосибирском Государственном краеведческом музее.

«Указ Его Величества Государя Императора Николая Павловича Самодержца Всероссийского ...от 31 мая 1849 года». Из него следует, что кантонист Янкель Лейбович сын Триерс, служивший в Курском гарнизонном батальоне отставлен от военной службы (по причине кровохарканья) и... «отпущен по его желанию на собственное пропитание с дозволением жить в Тобольской Губернии Омского округа Юдинской волости». При этом в данном указе подчеркивается, что ему должны оказывать всякое «содействие в справедливых его требованиях», он «принимается так же как и казенный крестьянин на отведенных ему землях, и будет вноситься в ревизские сказки как отставной солдат только для счета, без платежа податей, как и его дети по его отставке рожденные, были бы записаны в подушный оклад» («по силе мнения Государственного Совета Высочайше Утвержденного 15 июля 1816 года») [НОКМ ос. ф. N 21173/1].

Данный документ давал право родственникам на использование земли после смерти его владельца.

Действие вышеуказанного документа подтверждается следующим документом, выданным Борису Яковлеву Триерсу в 1909 году о том, что Доволенский сход слушал «словесную просьбу... о принятии в нашу среду Бориса (не разборчиво) Яковлева Триерса с семейством на постоянное место жительства, сход постановил: принять на постоянное место жительства Триерса 36 лет, жену его Анастасию Ароновну 34 лет, детей их Лиду-8 лет, Фриду 7 лет, Сару 5 лет, Якова 3 лет и Циту 2 лет, при чем обязуемся наделить его всем ременны-

ми и сенокосными угодьями, наравне с собою в чем и подписываемся» далее идет перечисление подписавших [НОКМ ос.ф. N 21173/2] .

Данные документы подтверждают сведения, полученные из еврейских семей, о законах, по которым кантонисты (солдаты, числившиеся за военными ведомствами с детства, указ существовал с 1805-1856 год) [Большой энциклопедический словарь, 1991] имели право выбирать свободно место жительства и род занятий в Сибири по своему усмотрению и главное, пользоваться гражданскими правами наравне с русским населением, (вспомним черту оседлости для евреев в европейской части России). Это давало возможность получить профессию, дать детям европейское образование, что и прослеживается по истории семьи Триерса. Сведения о нем прослежены еще и в записях метрических книг Каинского раввина.

В Западной Сибири самое большое количество людей еврейской национальности проживало в городе Томске. Но часть еврейского населения организовывало свои общины и в других населенных пунктах, имеющих большое экономическое значение, потому, что они были расположены на торговом пути, по этим местам проходил Московско-Сибирский тракт.

Одним из таких городов и был Каинск, в котором уже в 1816 г. жили около ста евреев; они владели 23 домами и имели свое кладбище и молитвенный дом. Благодаря еврейским коммерсантам Каинск превратился в крупный центр пушной торговли [5].

По сведениям Ю.М. Гончарова, «Каинск был одним из первых сибирских городов, в начале XIX века официально определенных в качестве места расселения евреев. Существует версия о том, откуда приехали новые горожане: евреев сослали из приграничного местечка в Белоруссии, где они занимались контрабандой. А чтобы оную пресечь, всех до единого жителей местечка и отправили в Сибирь». В начале XIX века в Каинске существовала молитвенная еврейская школа, что говорит о большом количестве проживающих там евреев. По сведения 1842 года «среди населения 2724 человека было 20 купцов второй и первой гильдии из русских и евреев» [Гусаченко, Матвеева, Тимяшевская, 1995]. До сих пор на карте городе есть дома Тинкера, промышленника (кожевенное и мыловаренное производство), Левака, купца первой гильдии, который был одновременно и кожевенным заводчиком, и в чьем доме, в настоящее время, размещается Куйбышевский краеведческий музей. «Когда через город проезжал знаменитый Сперанский, он написал в своем дневнике: «Каинск – маленький городок, ныне только в план приведенный. Множество жидов и цыган». По данным 1858 года, в Каинском округе было 1008 евреев, что составля-

ло 41% всех евреев Томской губернии. Около 40% из них проживали в Каинске, и составляли они 12% жителей города. Декабрист Иван Завалишин отмечал, что Каинск в шутку называют «сибирским Иерусалимом» [Гончаров, 2010]. К концу XIX в. Каинск становится «городом с наименьшим процентом русских и наибольшим процентом евреев в Западной Сибири. Из 3243 жителей евреями были 460 горожан, или каждый седьмой... По численности еврейского населения Каинск уступал тогда только губернскому Томску. «В 1909 году: из 6246 горожан 1608 человек, или уже четверть от общего числа, были евреями. В это время Каинск как раз и достиг максимального в дореволюционный период числа жителей – 8352 человека, после чего его население начинает постепенно сокращаться» [6].

В 1892 году в Каинске была построена синагога. Об этом периоде истории еврейской общины рассказывают архивные документы. В ГАНО хранится коллекция метрических книг культовых учреждений. Для нас особый интерес представляет книги, выданные помощнику еврейского раввина города Каинска о рождении 1892 – 1900 г.г, 1901 – 1904 (412 листов) [Ф. 156, оп. 1, д.2130], сведения о рождении и браке 1904, 1917 – 1920, сведения о смерти за 1901 – 1909, 1911, 1912, 1914 – 1920 гг. (545 листов) [Ф. 156, оп.1, д. 2131].

Книги (дела) сформированы из «черновых тетрадей» по хронологическому принципу (иногда он нарушается), вторая книга неполная. Документы представляют собой отдельные тетради, переплетенные в два тома. Первая носит название «Черновая тетрадь, выданная из Каинского городского общественного управления помощнику Каинскому еврейского раввину на записку родившихся евреев в Каинске и округе запись».

Каинский округ включал в себя огромную территорию, часть современной Омской области, Северо-Казахстанской, Новосибирской и Алтайского края. Перечень населенных пунктов, упоминаемых, в тетрадях: Каинск; Петропавловск; Барнаул; Усть-Тартасская волость, деревня Кузьминой; Юдинская волость, деревня Кулынды; Иткульская волость, деревня Новодербаково; село Убинское, Убинской волости; Томск, село Осиновка Верхне-Каинской волости; село Улуя, Кыштовской волости; село Яровое Убинской волости; деревня Сибирцево Шипицинской волости; село Осинные колки Верхне-Каинской волости; село Спасское Усть-Тартасской волости; Тара, село Вознесенское; деревня Воробьево Кыштовской волости; деревня Малышево Верхнекаинской волости; деревня Тюсьмень Устьтарской волости; деревня Бакмаш Верхнекаинской волости; деревня Кочки, деревня Моховая Юдинской волости; деревня Ключевая

Устьтарской волости; деревня Епанчиково Верхне-Каинской волости; Каргат; Купинская волость, деревня Мальково; Новониколаевск.

Страницы книги поделены на две части для записей на русском языке и на идиш. Они содержат следующие графы: мужской, женский, кто совершил обряд обрезания, число, месяц рождения и обрезания (это графа делится на две и записаны данные по православному и еврейскому календарю), где родился, состояние отца, имена отца и матери, кто родился и какое имя (ей) ему дали. Пример записи: «63. Помощник раввина Зельвинский, 17 ноября, 2 декабря, 22 кислов, 7 тыйвус, в селе Уруз Шипицинской волости, Каинский мещанин в запас армии Шмуль Гирш Мейша – Лейбов Шпикельман, жена Геня– Рася, сын Хловне [Ф. 156, д. 2130, л 325-326].

С 1917 года записи меняются, вместо указания на социальное положение используется титул «гражданин» Пример записи: «Таба Хович. 19 февраля – 20 марта 10 одер – 10 нисон. В дер. Бехтень Ново-Яркульской волости. Гражданин Купинской волости дер. Мальково Янкель Фейвишев Этитейн, жена Миряш. Сын Хаим» [Ф. 156, оп. 1, д. 2131, л. 487].

Новые изменения в порядок записей введен с 1920 года, используется только русский язык, исчезли некоторые графы – сведения про обряд обрезания, отсутствует социальная характеристика. Графы следующие: пол, имя ребенка, отец, мать, какой по счету ребенок «сын Ицхок Шмуйлович. Рувим и Сара Шмуйлович, Каргат, первый» [Ф. 156, оп. 1, д. 2131, л. 543].

Анализ записей сведений о рождении показал, что с 1892 года по 1896 год родилось 352 ребенка, при этом, в Каинске практически рождалось столько же детей, что и в округе (170 в городе и 182 в округе). В 1896 родилось 109 детей, 1897 – 112, 1898 – 78, 1899 – 121, 1900 – 115, 1901 – 104, 1902 – 126, 1903 – 120, 1904 – 134, 1905 – 94, но книга не закончена. Следовательно, ежегодно рождалось от 78 до 134 детей, причем, в эти годы явно прослеживалась тенденции к росту.

Книга записей о бракосочетании называется «Черновая тетрадь. Книга, выданная из Каинского городского общественного управления помощнику еврейского раввина на запись бракосочетаний евреев по городу Каинску и округу». Графы следующие: номер, дата, пол, кто совершил обряд бракосочетания (хипу), число и месяц (по православному и еврейскому календарю), главные акты и записи между вступающими в брак, и свидетели, кто именно, с кем вступает в брак, также имена и состояние родителей. Образцы записей: «33.17,23. Помощник Раввина Зельвинский, 11 ноября (год 1917), ксуба 200 злот. свидетели Яков Аронов и Эйзер Нодельман. Военнопленный австрийский подданный

гор. Черновцы Буковина, Борух Яковлевич вступил в законной брак с девицею Австрийской подданной Рейзо Альевой Дехр» [Ф. 156, оп.1, д. 2131, л. 493]. Следующий пример: «12 декабря (15 тейвус), ксуба 200 злот, свидетели: Давид Гельманов и Борух Лейзеров Лифшиц, каинские мещане. Томский мещанин Афроим Зеликов Юдкин вступил в первый законный брак с девицей мещанкой Кисловодского общества Мстиславского уезда Могилевского губернии Рися Ре. Миерова» [Ф. 156, оп. 1, д. 2131, л. 545]. Последняя запись каждого месяца – итоговая: «Итого в месяце бракосочетавшихся евреев три. Подписи: ИД. Помощник раввина Зельвинский, староста, казначей, 1905 г. февраль 27, книга эта подписана общественным управителем».

Сведения в книге о браках дают возможность судить о социальном положении евреев, вступающих в брак. Так из 21 брака, заключенного в 1904 можно отметить, что «равных» браков большинство – 11, (восемь пар мещан, три брака заключено между крестьянами), 4 брака между мещанином и крестьянками, 4 брака между крестьянами и мещанками, один брак соединил купеческого сына и крестьянку и последний – ссыльный и крестьянка.

Книги со сведениями о смерти неполные. Только за один год (1904) записи полные. Графы следующие: номер, пол, где умер и погребен, число, месяц (дата по православному и еврейскому календарю), лета, причина смерти, кто умер. Пример записи: «8. На станции Каинской 15 февраля, 12 одера, 6 лет от воспаления легких Колыванский купеческий сын Янкель Мордух Захцер» [Ф. 156, д. 2131, л. 209]. «9. В дер. Ключевой Усть-Тарской Волости 27 февраля, 24 одера, 59 лет от запора мочи, крестьянин дер. Ключи Усть-Тарской волости Лейб Шапош...» [Ф. 156, д. 2131, л.209].

Усредненные сведения о рождаемости и смерти и браке можно получить за 1904 год. За год родилось 134 человека, браков заключено 21, умерло 55 человек. Среди них 21 ребенок до 5 лет, трое подростков (несчастные случаи). Причинами смерти указаны следующие болезни: коклюш, понос, родимец, водянка, чахотка, тиф, туберкулез, воспаление мозгов, запор мочи, утопление. Дряхлость упомянута, два раза, при возрасте умерших в 85 и 78 лет.

Судя по записям в документах, с 1892 г. до июля 1894 г. помощником раввина был Литвинов, до февраля 1917 г. – Зельвинский, затем его сменил Тоба Хович.

В метрических книгах зафиксирован социальный состав еврейского населения, возможно проследить его изменения, за неполные 30 лет записей. В 1892–96 гг. отмечены купцы и сыновья купцов – 14 человек, мещане – 195, крестьяне – 95, уволенные в запас – 24, отставной горнист – 1, отставной унтер –

офицер – 1. С 1895 года появились новые записи «из ссыльных мещан». С начала XX в. чаще встречаются записи «из ссыльных, ссыльных на поселение», с 1914 года указаны следующие категории жителей: «на действительной службе, военнопленный, административно ссыльный, дочь поселенца, Каинский мещанин на действительной службе, нижний чин 10-ого пехотного сибирского полка, австрийский пролетарий (1917 г.)». Есть записи о профессиональной деятельности – врач, дантист, ветеринарный фельдшер.

Метрические книги дают возможность проследить миграционные процессы. В конце XIX в. упоминаются сибирские населенные пункты, такие как Томск, Барнаул, Омская губерния, Юдинская волость, редко встречается Могилевская губерния, Акмолинская, Санкт-Петербургская. С начала XX в., судя по записям в метрических книгах, увеличивается приток еврейского населения из европейской части России. Указываются переселенцы из Вильненской волости, Могилевской, Витебской, Полтавской, Киевской, Минской губерний, города – Черновцы, Букавина, Бессарабия. Есть записи «австрийский подданный». Появляются записи о новых городах, таких как Новониколаевск, станция Каргат, станция Барабинск.

Некоторые фамилии жителей тоже были производными от мест их первоначального проживания: Гирш Могилевский, Шмерка Краков, Александр Исаевич Минский, Пейша-Лейба Уманский, Абрам Мариупольский, Сара Волынская, Лейба Барановский, Шамо Варшавет.

В документах упомянуты более 600 фамилий и имен евреев, проживающих в Каинске и округе в конце XIX – нач. XX вв.

Все выше перечисленные сведения, извлеченные из архивных и музейных документов, свидетельствуют о большом их информационном значении для изучения истории формирования еврейской диаспоры в Западной Сибири в конце XIX – нач. XX. «Метрические книги позволяют проследить направления миграции еврейского населения в Сибирь, познакомиться с социальным составом и профессиональной деятельностью евреев.

И последнее. Синагога в Каинске просуществовала до 1929 года и была закрыта по постановлению Каинского окрисполкома, утвержденному на заседании Президиума Сибирского краевого исполкома 18 октября 1929 г. Протокол № 4-252» [ГАО, Ф.47, д.788, л. 140].

Список сокращений

ГАО – Государственный архив Новосибирской области

НОКМ – Новосибирский государственный краеведческий музей

Библиографический список

1. Гончаров Ю. М. Сибирский Иерусалим»: еврейская община города Каинска в XIX – начале XX // Известия Алтайского университета, № 4, вып 3, 2010. С. 54–57.
2. ГАНО фонд 156, оп.1. дело 2130, 2131.
3. НОКМ, ос.ф. 21173/1,2.
4. Гусаченко В. Л., Матвеев Л. Л., Тимяшевская Л. В. Каинск исторический. Изд-во «Наука», 80 с.
5. Сибирь: Электронная еврейская энциклопедия ОПТ. Режим доступа: <https://eleven.co.il/diaspora/regions-and-countries/13784/>. (дата обращения 06.09. 2020).
6. Сибирский Иерусалим: Библиотека сибирского краеведения. Режим доступа: <http://www.bsk.nios.ru/content/sibirskiy-ierusalim.html> (дата обращения 05.09. 2020).
7. Сальникова И. В. Метрические книги Каинского еврейского раввина как источник по истории формирования еврейской общины современной Новосибирской области // Евреи Сибири и на Дальнем Востоке. Красноярск. Биробиджан, 2003 г. С. 45–48.
8. ГАНО, Ф.47, д.788, л. 140.

УДК 398.221

Завершинская Е. А.

*кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии
и методики обучения*

*КФ ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
педагогический университет»*

(г. Куйбышев Новосибирской области, Россия)

ШАМАНСКИЙ МИФ В СЮЖЕТЕ МИФОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Аннотация. Статья посвящена вопросу отражения шаманского мифа в сюжете мифов народов Западной Сибири. Рассмотрены шорские и долганские сказания, в которых можно обнаружить элементы шаманского мифа о первопредке, что свидетельствует об архаичности западно-сибирских сказаний.

Ключевые слова: первопредок, шаманский миф, сказания шорцев, сказания долган.

Миф – это сказание о древности, сказание, которое для самих создателей мифа очень реально. Важно, что миф изначально обладает сакральностью, то есть в пору бытования мифа его содержание неизвестно никому, кроме избранных. Если же содержание мифа становится известным, значит, он уже перешел в профанное пространство. Мирче Элиаде считает, что, «миф излагает сакральную историю, повествует о событии, произошедшем в достопамятные времена

«начала всех начал». Миф рассказывает, каким образом воплотилась реальность, благодаря подвигам сверхъестественных существ. Это всегда рассказ о «творении», в мифе мы стоим у истоков существования «чего-то». Миф говорит только о происшедшем реально, о том, что себя в полной мере проявило» [1]. Сакральность мифа обуславливает тот факт, что у большинства народов в языке отсутствует слово, означающее миф.

Колыбелью любой культуры является мифология. Именно поэтому мифология не только определяет тип культуры, но и формирует тип живущего в ней человека. В основе самых ранних форм религии, сложившихся еще в глубокой древности, лежит шаманизм.

Шаманизм, по всей видимости, существовал у большинства народов Земли. Александра Баркова считает, что когда речь идет о шаманских мифах, то имеется в виду, совершенно особый шаман, шаман-первопредок, прародитель, учредитель рода и обычаев, тот, кто отправляется в потусторонний мир, чтобы добыть различные предметы, без которых невозможна нормальная жизнь данного племени и которых в мифологической древности не было. Например, орудия труда (таких мифов много). В равной степени он может добывать природные объекты: очень часто встречаются сказания о том, как первый шаман добывает луну и солнце (чрезвычайно распространенный сюжет). Он может добывать какие-либо магические силы, способности, умения, причем они всегда будут иметь конкретную вещественную форму. В ходе поисков он может встречаться с чудовищами, у которых эти природные и культурные объекты надо отнимать. Нередко бывает сюжет о том, как шаман встречает хозяйку иного мира (одну из хозяек) и она становится его возлюбленной. Если брак носит временный характер, то разрешается все благополучно. Но если шаман приводит свою «небесную» супругу в мир людей, то все кончается плохо для нее. Итак, это сюжет шаманского мифа в самых общих чертах [2].

Шаманская мифология тесно связана с ритуальной практикой. Под мотивами, восходящими к шаманскому мифу, понимают группу сюжетов, наиболее архаичных, но реконструируемых на основе сохранившихся текстов.

Современные фольклористы в группу мифов включают значительное количество устных прозаических текстов (сказки, предания, легенды и пр.), сохранившихся до нашего времени. Эти тексты в своей основе содержат миф, который может проявлять себя как в отдельных мотивах (группах мотивов), так и в образах. В свою очередь, эти сохранившиеся элементы позволяют нам реконструировать мифологические сюжеты. В частности, мы можем говорить о чертах шаманского мифа, сохранившихся в героическом эпосе и волшебных сказках.

А. Баркова считает, что жанры эпоса (собственно миф, волшебная сказка и героический эпос) одновременно вырастают из шаманского мифа. При этом в каждом жанре доминантой становится какая-либо черта образа шамана-первопредка: сверхъестественность в мифе, воинственность и защита мира людей в эпосе, внешняя чудесность событий в волшебной сказке [2, с.43].

Наиболее распространенными жанрами несказочной прозы *долган* были мифы и предания, которые имели общее название – «старинные новости». Такое неразличение свидетельствует о том, что оба жанра считались достоверными рассказами о действительных событиях.

Если обратиться к сюжетам долганских повествований, то можно обнаружить следующие моменты. Основой целого ряда сюжетов становятся «мотивы, восходящие к шаманскому мифу». Так, например, герой считается основателем рода, он должен держать «ось среднего мира», он обладает невероятной мощью и колдовскими способностями, все его силы направлены на защиту своего рода, т.е. перед нами образ первопредка.

Отдельно следует отметить следующий факт: долганские повествования о богатыре близки к северным вариантам якутского героического эпоса по своим основным художественно-изобразительным средствам. Они содержат устоявшийся круг образов, тем, идей и сюжетов, в основе повествования которых лежат представления о трехчастном устройстве мира (Верхний мир, Средний мир, Нижний мир) и путешествии героя по этим мирам. Как правило, богатырь сражается с чудовищами из Нижнего мира, а помогают ему существа из Верхнего мира. В результате зло наказывается и в мире устанавливается равновесие [3].

По свидетельству известного этнографа А. А. Попова, исполнение олонхо требовало особых условий. Во-первых, исполнение должно было обязательно происходить ночью и, во-вторых, вне зависимости от объема произведения оно дослушивалось до конца. Иначе сокращался срок рассказчика. И, в-третьих, рассказывать могли только особые избранные люди. Для нас интересен тот факт, что рассказывание обязательно должно было происходить ночью [4]. Это, на наш взгляд, явный отголосок сакральности произносимого текста. Дополнительным аргументом является необходимость обязательного проговаривания текста полностью. Это тоже черта священного текста. Сейчас, конечно, мотивировка более логичная, более современная.

Обратим внимание на то, что в долганском эпосе изображается чуждая данному этносу жизнь. По всей видимости, это обусловлено тем, что долганы – это молодой этнос Сибири (его формирование происходило, по мнению ученых, в XVIII-XIX вв.). А уже с XIX века долганы официально считались право-

славными, однако и у них есть упоминание о шаманах. Можно предположить, что на эпос долган влияние оказали традиции эпоса живущих поблизости якутов (их олонхо создавались, по-видимому, около VIII-IX вв.) [5]. Возможно, отсюда такое активное использование мотивов, восходящих к шаманскому мифу.

Еще один показательный пример находим в «Сказании про богатыря» шорцев. *«До сих пор шорский народ хранит в памяти это сказание про богатыря – Могучего Мустакая»,* – так начинается сказание. С одной стороны, здесь обнаруживаются элементы описания современной реальности: *«Три раза вздохнул Тордай и стал рассказывать:– Белому царю шорцы калан платят. А сын Алтын-хана второй калан с нас брать каждый год приезжает. Всё отбирает – скот, железо, пушнину, разоряет совсем. Вот твой брат, Шодравай, не стерпел однажды, сказал ханскому сыну: – Почто так: мы калан русскому царю заплатили, а ты в сорок раз больше калан от нас же берёшь. Как нам-то на свете жить?– Оттого я беру ваши шкуры, – закричал сын Алтын-хана, – что вы с русскими дружитьшибко стали!»* [6].

С другой стороны, здесь мы находим отдельные мотивы архаичного шаманского мифа, хотя и подвергшиеся рационализации логическими мотивировками. Так, герой обладает нестандартной внешностью, не знает ни отца ни матери, живет в пещере, прячется от людей: *«Ростом Мустакай почти до половины большого кедра был. Лицо словно из плохо дубленой кожи, волосы нестриженные, глаза похожи на два чёрных ковша, положенных вверх дном»*. Главная функция, которую он должен выполнить – это защита своего племени.

Мы привели только два примера, в которых явно обнаруживаются мотивы, восходящие к шаманскому мифу. Эти примеры дают нам представление о том, что шаманский миф прочно вошел в ткань фольклора народов Западной Сибири. Более того, подобные мотивы обнаруживаются и в современном фольклоре.

В связи с рассматриваемой темой наше внимание привлекла легенда, записанная в Новосибирской области у жителей села Чингис Ордынского района. Приведем ее полностью: *«Когда великий завоеватель Чингисхан вернулся из похода в Китай, он смертельно заболел. По легенде, перед смертью он завещал разрубить свое тело на четыре части и захоронить на западе, востоке, севере и юге его империи. Правую руку завоевателя похоронили под курганом неподалеку от села Чингис Ордынского района Новосибирской области. Считается, что свое название это поселение получило непосредственно после этого события»* [7].

Для нас интересно, что данная легенда содержит в своей основе мотивы шаманского мифа, в частности, образ героя – первопредка. Поясним свою мысль. В мифах разных народов существуют сюжеты, в которых говорится о первом человеке, который обладает огромными размерами, он погибает каким-либо образом и его тело становится основой всего на земле. Например, зубы становятся горами, волосы – лесами, паразиты – разного рода змеями, пальцы – людьми и т.п. И вспомним, что главная функция первопредка – это защита рода-племени. В рассматриваемой нами легенде героем становится исторический персонаж, то есть речь идет об обозримом прошлом. И, как нам кажется, герой приобретает в сознании народа огромные размеры, так что одна часть тела – это целый курган. При этом мотив появления всего живого из тела героя исчезает, а функция защиты усиливается.

Таким образом, мотивы шаманского мифа глубоко проникают в сознание и фольклор народов Западной Сибири.

Библиографический список

1. Мирча Элиаде. Аспекты мифа / Перевод: В. Большаков. Режим доступа: <https://culture.wikireading.ru/9186> (дата обращения 16.11.19).
2. Баркова А. Л. Мировая мифология / А. Л. Баркова. М.: РИПОЛ классик. 2018. 528 с.
3. Фольклор долган / Сост. П. Е. Ефремов. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – 448 с. Режим доступа: https://www.bookol.ru/starinnoe/mifyi_legendyi_epos/140433/fulltext.htm (дата обращения 11.11.19).
4. Долганские мифы и фольклор. Режим доступа: http://arctic-megapedia.ru/wiki/Долганские_мифы_и_фольклор (дата обращения 10.11.19.)
5. Якутский героический эпос – олонхо. Нюргун Боотур Стремительный. Режим доступа: <http://jakut.ru> (дата обращения 10.11.19).
6. Могучий Мустакай. Режим доступа: <https://litvek.com/book-read/429465-kniga-sofron-sergeevich-totyish-skazki-shapka-chitat-online?p=13> (дата обращения 10.11.19).
7. Легенды края Новосибирск (область). Режим доступа: <https://yarodom.livejournal.com/1263055.html> (дата обращения 10.11.19).

Ольховская Ю. И.

*кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии
и методики обучения*

*КФ ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
педагогический университет»*

(г. Куйбышев Новосибирской области, Россия)

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ОЧЕРКОВ О СИБИРИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. М. ПРИШВИНА

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о своеобразии жанра этнографического очерка М. М. Пришвина. Анализируется трансформация пришвинского очерка в новую жанровую модель, которая перестала ориентироваться на объективность изображаемого.

Ключевые слова: жанр, этнографический очерк, М. М. Пришвин, Сибирь.

Со второй половины XIX в. в русской литературе стал активно использоваться жанр этнографического очерка, появление которого было обусловлено особым вниманием русской интеллигенции к жизни народа. В свою очередь, интерес ко всему национальному и народному был вызван романтическим мировоззрением начала века. Также значительную роль в увлечении этнографией сыграло открытие в 1846 г. Русского географического общества, в котором руководителем этнографического отдела стал В. И. Даль.

Этнографический очерк является сложной жанровой моделью. Как синкретическая жанровая форма он сочетает признаки художественной прозы и публицистики. В этнографическом очерке важным становится отображение жизни какой-либо народности, её принадлежность особой культуре, отличительные духовно-нравственные черты. Таким образом, в одном произведении переплетаются сведения по этнологии, этнографии, географии, истории, религии и т.д.

Жанр этнографического очерка встречается в творчестве многих авторов второй половины XIX в., например, В. И. Даля, Г. И. Успенского, А. А. Потемина, П. И. Мельникова-Печерского, А. Ф. Писемского, Д. В. Григоровича, В. А. Слепцова, С. В. Максимова, Г. П. Данилевского, В. Г. Короленко, А. П. Чехова и других. Писатели, отправившиеся в путешествие по стране, собирали этнографические сведения, фольклор, описывали религиозные и политические взгляды народов, особое внимание обращая на мировоззрение людей, далёких

от метрополии. Подробно о формировании и особенностях поэтики этнографической литературы рассматривается в статье В. Ф. Соколовой [1].

Этнографическое изучение Сибири также начинается во второй половине XIX века и было вызвано рядом причин: интересом к «земле каторжан» в восприятии европейца, к суровому, но богатому краю; появлением движения сибиряков-сепаратистов; движением переселенцев, отправившихся искать свободные земли и т.д. К этому времени в мировосприятии россиянина уже утвердилось две мифологемы о Сибири: Сибирь как «земля обетованная» и Сибирь как «гиблое место».

Свою литературную деятельность с этнографических очерков начинал М. М. Пришвин, совершивший в начале XX в., по совету Д. С. Мережковского, путешествие по русскому Северу. Результатом стали циклы «В краю непуганых птиц», «За волшебным колобком», «У стен града Невидимого», принёсшие автору литературную славу и большую серебряную медаль от Русского географического общества. В этот же период оформляется особая структура пришвинского очерка, сочетающего в себе традиционный этнографический очерк, притчу и лирико-медитативную миниатюру [2].

В 1900-е гг. Пришвин обращается к теме переселенцев, отправлявшихся на постоянное жительство в Сибирь. Сам писатель был знаком с далёким краем не понаслышке. В Тюмени он окончил реальное училище, а спустя много лет, совершил путешествие по Западной Сибири.

В очерковых циклах «Чёрный араб», «Новые места», «Заворошка», «Путешествие из Павлодара в Каркаралинск», созданных автором, начиная с 1908 г., создаётся поэтически обрисованный загадочный край «диких народов». Именно тогда автор впервые использует образы «вечной пары» Адама и Евы, «земли обетованной», вводит в текст очерка мотивы изгнания из рая и тяжёлого труда. Одним из первых произведений, в котором упоминаются библейские образы Адама и Евы, стал очерк «Адам и Ева», созданный в 1908 г. Позднее очерк вошёл в цикл «Новые места».

Небольшой цикл «Новые места», опубликованный в 1909 г., состоит из трёх очерков: «Адам и Ева», «Первые земледельцы», «У Чёртова озера». В основе сюжета очеркового цикла лежат наблюдения повествователя-путешественника за крестьянами-переселенцами, «изгнанниками» с родных мест и отправившимися в дальние края в поисках «земли обетованной». Реальных людей и реальные исторические события автор силой поэтического воображения наделяет мифологическими чертами, одновременно соединяя миф и притчу. Лирико-философское начало в мировоззрении писателя обуславливало доста-

точно сложный способ изображения действительности, объединяющий лирическое восприятие, философское и общечеловеческое.

Мифологическое мышление Пришвина определило выбор жанровой формы. Пришвинский очерк существенным образом трансформировался в новую жанровую модель, которая перестала ориентироваться на документальность и объективность изображаемого. Главными становятся философско-символистическое и поэтическое восприятие действительности, мысли и чувства автора, соединившиеся с попыткой философского осмысления действительности. Таким образом, в художественную «ткань» пришвинских произведений входит притчевое начало, помогающее передать с помощью художественных символов личное мировосприятие художника так, чтобы читатель мог «со-чувствовать», «со-ощутить» его мысль.

Соединяя миф и притчу, Пришвин постепенно разрабатывает структуру мифа о втором Адаме и в притчевой форме излагает её в финале очерка. Саму легенду Пришвин формулирует следующим образом: «Богу наскучило потомство первых людей, и как он сотворил вновь Адама и Еву, и как опять их выгнал, забыв про то, что земля занята другими» [3, с. 89]; «...богу наскучили жалобы вконец испорченного человека. Он сотворил его вновь и пустил опять в рай. И опять согрешил человек, и опять был изгнан из рая обрабатывать землю. Но бог забыл про малоземелье, что теперь земля уже вся занята» [3, с. 92]. Позднее в работе «Мой очерк» (1930 г.) и в дневниковых записях Пришвин назовёт притчу о втором Адаме «одной из главных жизненных тем» [3, с. 7]. Практически дословно очерк «Адам и Ева» войдёт в роман «Кашеева цепь». Уже не безвестный повествователь, а Алпатов, едет в Сибирь, чтобы там продолжить свое образование. Очерк-притча «Адам и Ева» иносказательно не только передавал положение русского крестьянина после отмены крепостного права, оставшегося без земли, но и отражал «поиски Бога» самим автором.

Для Пришвина человеческая история движется по кругу, так как всё в мире повторяется. Так в начале XX в. вновь происходит поиск «земли обетованной». «Вечная пара» совершает «вечные круги» («...они повторяют вечные круги природы, став прекрасными от вечного повторения, от вечного воспоминания о себе» [4, с. 699]). Но движение по кругу как отражение гармонического существования характерно для идеального мира первого Адама. Его мир светлый («светлые почвы», «белые берёзы», «белые гуси»), напоминающий библейский пейзаж: «Ехали лёгкими почвами, светлыми. Целый день мелькали в окне скромные рощи у скромных ручьёв, стада белых гусей на лугах, тихие заводи и проруби с последними склонёнными берёзками» [4, с. 698]. Первое пространство огромное, наполненное, по выражению автора, поэзией и роман-

тикой (лирический герой вспоминает Ермака). В центре этого мира находится «вечная пара»: «Он – косит. Она – вяжет. Вечная пара, покорно выполняющая заповедь бога: в поте лица своего добывать хлеб» [4, с. 699]. Эпитетами, сопровождающими образ «вечной пары», становятся слова «прекрасная», «красивая» («Она красива, эта пара людей, на этом поле, окружённом угрюмыми, однотонными, но выразительными старыми-старыми уральскими сопками» [4, с. 699]). Контрастом идеальной «вечной пары» становится «теплушка для людей» как символ уродливого и безобразного. Адам и Ева живут в раю, а люди в теплушках, другие Адам и Ева, только что выгнаны из него. Они едут на новые земли в поисках чудесной страны, где «картошка – двугривенный, хлеб – четвертак, мясо – три копейки; лес – даром бери» [4, с. 700]. Но поиски слишком долги. И разочаровавшиеся переселенцы превращаются в обратных переселенцев, «степных неудачников».

Рядом с миром «первого» Адама автор изображает мир второго Адама – серый и грязный. Это мир «обиженного люда» и «мир взяточников». Безземельный Адам, попав в богатый природный мир, не умеет освоить эти богатства. «Едут зря, «на волю господню», – заключает лирический герой [4, с. 701]. Переселенцам Сибирь представляется чужой и бедной страной. «Грустно смотрит в пустую степь без деревьев, без яблонь и вишен, без мазанок белых с плетнями, без церквей» [4, с. 699]. Новая Ева называет «обетованную землю» «бисовой», а сам автор называет переселенцев «непрощенными гостями». Противопоставляя два мира, Пришвин сознательно подчёркивает, что мир второго Адама начинается с исходной точки: «А здесь, в теплушках, самое-то голое начало задуманного человеческого быта» [4, с. 699].

Объединяющим началом двух пространств становится сознание лирического героя-путешественника. «Почему же эти люди так красивы там, когда косят, и почему отвратительны здесь, в теплушках, в обстановке этого, казалось бы, такого красивого движения на новые места, в страну обетованную?» – задумывается он [4, с. 699]. И объясняет красоту «вечной пары» тем, что они «живут в лад природы» [4, с. 699].

Тема «второго Адама» вводит в текст очерка мысль о достижимости или недостижимости гармонии в окружающем мире. В этом плане интересно направление размышлений лирического героя. В соответствии с уже сложившейся на тот момент традицией Пришвин вводит мифологему «Сибирь – рай» и «Сибирь – ад» [5]. С одной стороны, противопоставляется освоенный Урал (рай) и ещё малоосвоенная Сибирь (ад). С другой стороны, Пришвин называет Сибирь «богатым краем», «необъятным пространством», «золотым дном», «страной обетованной». Осваиваемая Сибирь должна стать раем для «второго

Адама». Но «непрощенные гости» пытаются перестроить новый мир под себя, превратить его в страну хлебопашцев. «Бродят по тундрам, тайгам и пустыням», – заключает автор [4, с. 705]. Но земля занята: заиртышские степи уже являются раем для коренных жителей – степных всадников. Поэтому Сибирь становится чужой землёй для переселенцев: нет в ней места для «второго Адама» и вынужден он возвращаться туда, откуда пришёл.

Таким образом, изображая закономерности развития цивилизации, Пришвин преобразует этнографический очерк, включая в него новые жанровые элементы: притчевость, лирико-медитативное начало, повышенную эмоциональность, фрагментарно-ассоциативную композицию произведения. В повествовании появляются некоторые признаки жанра притчи: нет характеров, темпоральных признаков, сохраняется обобщенность пространства, соединение конкретно-реалистического и метафорического планов. Изменённая структура притчи подчиняется авторским художественно-эстетическим принципам: осмысление личного опыта как общего совмещается с индивидуальным началом. Очерк «Адам и Ева» в соответствии с законами притчевого жанра заканчивается моралью, в которой Пришвин признаёт тщетность поиска земли обетованной вторым Адамом.

Итак, тема Сибири, в частности, переселенцев в Сибирь, затронула творчество М. М. Пришвина. Она нашла отражение в ряде циклов этнографических очерков, поэтика которых претерпела достаточно сильную трансформацию. Наряду с привычной очерковой «фактографичностью» и публицистичностью произведения обнаруживаются мифологическое начало, символичность и метафоричность образов, фрагментарность композиции, лиризм повествования. Всё это позволяет сделать вывод об уникальности очерковой формы писателя.

Библиографический список

1. Соколова В. Ф. Этнографическое направление в русской литературе XIX века // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. С. 261–268.
2. Ольховская Ю. И. Очерк в системе жанровых категорий пришвинской прозы // Актуальные проблемы высшей школы: Материалы научно-практической конференции. Куйбышев, КФ НГПУ. 2004. С. 94–96.
3. Пришвин М. М. Желанная книга. Москва: Советский писатель, 1987. 416 с.
4. Пришвин М. М. Собр. соч. в 8 т. Т. 1. Москва: Художественная литература, 1982. 832 с.
5. Собенников А. С. Миф о Сибири в творчестве А. П. Чехова («Очерки из Сибири») // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства: материалы Международной научной конференции (Иркутск, 24–26 сентября 2004 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mion.isu.ru/pub/sbornik_Sib/5_8.html.

Страхова С. И.

*доктор физико-математических наук,
профессор кафедры общей ядерной физики
физического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
Учёный секретарь НИИ ядерной физики имени Д.В. Скобельцына МГУ
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»
(г. Москва, Россия)*

О КАЛМЫКАХ В ЧУЛЫМЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Статья посвящена непростому периоду истории Новосибирской области (1944 – 1957 гг.) – депортации этнических калмыков (Операция «Улусы») из мест постоянного проживания в районы Сибири. О выживании спецпереселенцев в суровых сибирских условиях, о сосуществовании двух народов, двух культур на разных берегах реки Чулым.

Ключевые слова: депортация, спецпереселенцы, калмыки, репатриация.

Чулым был одним из мест ссылки калмыков. Называли их спецпереселенцами. От рождения до 14 лет, пока калмыки не вернулись в свои приволжские степи, мы жили на разных берегах маленькой речки Чулым, на расстоянии нескольких сотен метров друг от друга. На одном берегу жили мы – потомки вольных переселенцев из Белоруссии, которые выбрали эти места и приехали в 1908 г. по программе столыпинской реформы. Другой берег с 1944 по 1957 гг. был местом ссылки немцев и калмыков. Наш Новосибирский переулочек, на котором было 5 домов, упирался в мост, соединяющий два мира. По этому переулочку калмыки ходили в наш мир, поэтому я многих знала в лица, разглядывая их из окна. А мы в своих детских скитаниях много времени проводили на «их» территории – ходили на Солёное озеро за травой, навещали могилы родственников на кладбище, пасли уток на болотах, любопытствовали, чем занимаются на «кирпичном сарае» (это место изготовления кирпичей в промышленном масштабе), собирали там клубнику и щавель, ловили бабочек и стрекоз, собирали конский навоз для добавления его в глину при строительстве подсобных помещений в домашнем хозяйстве и пр.

Даже своим детским умом мы понимали, какое несчастье постигло этот народ. Я начала разуметь эту проблему и помню свои впечатления года, эдак, с 1948, когда мне исполнилось 5 лет. Не скрою, мы боялись агрессивных дей-

ствий со стороны калмыцких детей, боялись проявления их негативизма к русским. К чести калмыков, я никогда среди русских не слышала даже намёка на причастность калмыков, например, к воровству или разбою. И никаких драк между калмыцкими и русскими детьми я лично не припомню. А досталось калмыкам, мягко сказать, тяжело и туго.

Я не считаю себя специалистом «по Калмыкии и по калмыкам» – многого не знаю и располагаю малым объёмом информации. Я просто хочу заложить в память тем, кто будет читать эти записки, следующее: «Так было. Это я видела. И на это страшно было смотреть даже со стороны». Расскажу только то, что знаю.

Мама говорила, что прибывших ссыльных калмыков «сбросили с поезда» сразу за железнодорожным мостом ранней весной. То есть ехали они до Чулыма месяца 4 с 28 декабря 1943 года. Местное население перебивалось уже впроголодь – запасы, припасённые на зиму, закончились, в цене были даже брюква и свёкла. А приехавшие калмыки не имели никаких запасов. Их выселили с родных мест, приказав собраться в течение 24 часов, разрешили взять ограниченное по весу количество вещей. А везли по железной дороге месяцы.

Я на всю жизнь запомнила рассказ калмычки «тёти Вали». Говорили, что она была значимым человеком то ли в Министерстве образования Калмыкии, то ли в Министерстве просвещения. У неё был повреждён один глаз. Слушая её рассказы, я почему-то представляла, как яростно сопротивлялась она выселению, вот, глаз ей и «подбили». Сама тётя Валя не рассказывала, откуда у неё такая травма. Жили они с 18-летней дочерью Дусей (или Клавой, точно не помню). Больше всего мать сокрушалась по поводу несчастной судьбы дочери. Местному населению помогать ссыльным было нельзя – в глазах власти это означало поддержку «врагов народа». Но платить им деньги за какую-то выполненную работу не возбранялось. Тётя Валя копала у нас весной огород, а в минуту отдыха «отводила душу», рассказывая внимательной слушательнице в моём лице страшную правду. «Запомни», – говорила она, – «цена любой вещи исчисляется в конечном итоге ценой куска хлеба. Отправляясь в ссылку, нужно было взять с собой самые необходимые вещи – вёдра, тазы, одеяла, одежду и т.п. А мы взяли самые дорогие вещи. Везли нас очень долго. В тупиках и на запасных путях на станциях, куда нас загоняли «на отстой», голодные дети просили есть, да и самим хотелось есть. Если у тебя было золотое кольцо, ты не мог разделить его на части. Ты отдавал кольцо целиком за булку хлеба. А две булки за кольцо никто давать не хотел, знали, что отдадим и за одну. Вот, мы

и приехали с пустыми руками, голодные, даже без необходимой утвари для хозяйственных нужд». Я запомнила этот урок навсегда.

Строительного материала для постройки жилья в наших местах просто так не найдёшь, все леса уже были сожжены в топках паровозов и в печках местных жителей. На себе издалека не притащишь. Калмыки начали строить для себя «саманки». Они убирали на берегу речки верхний слой почвы и добывали глину. Залежи разрабатывались рядом на «кирпичном сарае», опыт можно было перенять. Весь берег был изрыт ямами, весной и осенью они наполнялись водой – дождевой или снеговой. На дорогах собирали и добавляли в глину навоз, в полях брали солому, месили голыми ногами саман, делали кирпичи, сушили, лепили стены. Строили полуземлянки. Как-то ухитрялись «натягивать» потолок-крышу. Местные называли такие постройки хавирами. Это не обидное слово, на каком-то наречии это слово обозначает жильё. Однажды летом я была «в гостях» в такой хавире. Кажется, это и была «собственность» тёти Вали. Из саманных кирпичей лежанка, из саманных кирпичей так называемый стол. Крохотное отверстие в стене затянуто соединёнными друг с другом пузырями из внутренностей рыб. Двери нет (дерево ведь нужно). Вход через лабиринт поворотов между саманными стенами, чтобы ветер и снег не дул прямо в жилище. В последнем проёме тряпка неизвестного качества, цвета и происхождения. В крохотном помещении кроме стола и лежанки на саманном возвышении-стуле старое цинковое ведро и старая кружка. Это всё. Топили кизяком (высушенный навоз), но печки я не помню, возможно, в этом «доме» печки не было, а была только дырка в потолке для вытяжки дыма. Кизяк не даёт яркого пламени, тлеет, много дыма. Я не знаю, как они могли выжить в таких условиях. Мне кажется не могли даже взрослые, не то что дети. Морозы ведь в Сибири бывают лютые. Я не могу утверждать, что в таких постройках калмыки зимовали. Возможно, зимой они где-то «гуртовались» в одном тёплом помещении, а летом только жили в таких хавирах, но это сооружение было построено, значит, оно было им необходимо. Настоящие дома появились у калмыков только через несколько лет после приезда.

Если со стороны Новосибирского переулкa перейти через мост, то калмыцкие хавиры располагались прямо перед тобой, а также правее. А левее моста была большая поляна. Она приблизительно на метр была выше всей окружающей местности. Дальше к железной дороге тянулись болотца, заросшие камышом, в них мы пасли домашних уток с утятами. А на поляне я ещё захватила летними вечерами хороводы, которые водили дети постарше и молодёжь, костры, днём играли в мячики, в волейбол, ловили бабочек, собирали в конце лета

полюнь на веники обметать пимы зимой от снега. Как только приходило тепло, дети мчались на эту поляну насладиться мягкой травкой, походить босиком по травяному ковру, потому что грязь надоедала невероятно. Каждый год в первый раз появляясь на этой поляне я замечала маленькие бугорки, сгруппированные в одном месте где-нибудь на краю поляны. Я привыкла с детства ни к кому не обращаться с вопросами, потому что всем было некогда, а самой додумываться до ответа. Помню, я допускала, что это кроты после зимней спячки высовывали носы, чтобы подышать. Но как-то все такие рассуждения меня самому не устраивали. В конце концов, я догадалась, что это были калмыцкие могилы. Умерших зимой родственников калмыки хоронили тут же, рядом. Холмики быстро зарастали травой и сравнивались с окружающей землёй. Этих холмиков каждую весну бывало много, несколько десятков.

Помню страшно холодную зиму 1948 года. 3 января у мамы родился пятый ребёнок – сынок Толик. Мне было 4,5 года. Трещали январские рождественские морозы. В нашем старом доме мы ютились в кухне, где папа поставил железную «буржуйку». Она была раскалена докрасна, но в комнате всё равно было холодно. Из кухни в другие две комнаты мы даже носа не высовывали – печки топились беспрерывно, чтобы не замерзла картошка в подполе, но в комнатах было холодно, «хоть волков гоняй». Нужно было искупать Толика очередной раз. Его купали в корыте, в пелёнке. Мама подсовывала под пелёнку намыленную руку, а кто-то другой беспрерывно лил на пелёнку тёплую воду. Корыто стояло на табуретках, насколько было можно приблизить табуретки к буржуйке. Я сильно болела, простыла. Лежала на «бабушкиной» кровати под полушубком тут же напротив печки. И вот в этой «напряжённой» обстановке открылась входная дверь и вместе с клубами морозного пара кто-то вошёл. Дверь закрыли, кристаллики замороженного водяного пара растаяли, и мы увидели молодую калмычку с крохотным во что-то завернутым ребёнком на руках. Она, сбиваясь и торопясь, начала рассказывать и просить. Родился ребёнок, а у неё нет молока. Все голодают, кормить новорожденного нечем. Она узнала, что у мамы тоже новорожденный. Может, мама возьмёт и её ребёнка, может, у мамы хватит молока на двоих. Просила не бояться, что её ребёнок жёлтый и смуглый. Вот, она может за него дать кусок земляничного туалетного мыла. Если маленького помыть, он станет беленьким, как и вы, русские.

Все в кухне онемели. Взять ребёнка ссыльных... Завтра вся наша семья окажется в таком же положении, как все калмыки сейчас, а папу с мамой как врагов народа ждёт тюрьма и лагерь. Мама не согласилась. Калмычка ушла. Я лежала и долго размышляла о двух «вещах». Во-первых, я понимала, что

у новорожденного ребёнка нет шанса. Возможно, женщина просто оставит его на улице, убирав концы без мучений для маленького. Замерзнуть легко, ты погружаешься в сон, и всё кончено. Мне очень не хотелось, чтобы она выбросила ребёнка на нашу навозную кучу, так страшно будет обнаружить его там весной. Конечно, повзрослев, я понимала, что никакая мать так не сделает. Но мне было 4,5 года, это был мой уровень мышления и понимания жизни. Во-вторых, так хотелось заиметь кусок душистого земляничного мыла в красивой обёртке! Даже обёртка обалденно пахла! А уж мыло... Если бы не страх перед властями, можно было бы и взять малыша, девочку или мальчика, всё равно, вырос бы среди нас. Пусть бы мы даже не смогли его отмыть добела. Но в свои 4,5 года я уже знала, что ни за какие блага оставлять ребёнка нельзя! И я ни минуты не сомневалась в том, что мама побоится взять малыша... Я не знаю судьбы этого младенца и его молоденькой матери. Мы относились к калмыкам с сочувствием, доброжелательно, может, потому она к нам и рискнула прийти. Да и всё местное население не испытывало к ним вражды, сочувствовало, но... самим приходилось выживать, недоедать, хоронить маленьких детей, терпеть нужду, холод и прочее постоянно и во всём.

Я не знаю, брали ли калмыков на работу в Чулыме, получали ли они какой-нибудь продуктовый паёк или пособие, чем они питались, занимались ли рыболовством или охотой. Всё это было скрыто «за завесой молчания», интересоваться было нельзя, нашлись бы люди, которые мигом бы донесли про «сочувствующих врагам советского народа».

Калмыкам стало явно легче, когда умер Сталин в марте 1953 года. Весь Чулым рыдал. Это был какой-то психоз, всеобщая истерика. Дня три мы приходили в школу, уроков не было. В спортзале стоял приёмник, директор, завуч, учителя не отходили часами от приёмника, ожидая последние сводки о здоровье вождя, не стесняясь, истерично рыдали. Им вторили и младшеклассники и старшеклассники. Все осиротели! Как возможно жить дальше без него? И вот среди всей этой истерии по Чулыму поползли страшные слухи. В уборных (все отхожие места у всех были на улице) на «видных местах» оставляли специально вырванные из газет парадные портреты Сталина, использованные в качестве подтирочной туалетной бумаги. Мне было 10 лет, но даже я понимала, что это делали калмыки. Дома мы не говорили об этом вслух, ещё было страшно. Но калмыков никто не осуждал, я лично понимала, что у них было на «то» моральное право.

После 1953 года мы видели, что спецпереселенцам дали послабление. Они завели скот. Я ходила на дойку в обед и вместе с калмычками на одной по-

ляне ждала, когда пригонят стадо. Женщины были одеты в чёрные сатиновые халаты, на головах шапочки (в народе их звали «кубанками») из дешёвого курчавого меха, косы распущены и спрятаны в «накосники» из чёрного сатина. Накосники – это такие сшитые трубочки, к ним цепляли примитивные украшения – монисты, иногда монеты, чтобы «был звон».

Калмыцкие дети стали ходить в школы. Правда, и раньше (так мне кажется) это не запрещалось. Им разрешали ходить в сельскую школу, в этой школе полтора года учился мой родной брат Борис, потому что мы тоже относились к «сельским». Школа зимой часто не топилась, чернила в чернильницах замерзали, дети сидели в полушубках и шубинках (рукавицы из дублёных шкур животных). Но зимой калмыцких детей совсем не было видно, наверное, одежды тёплой у них не было.

Первые полтора года учёбы в начальных классах сельской школы в Чулыме в 1948-1949 годах в одном классе с Борисом учились две девочки-калмычки Валя и Галя (они на фото выше в верхнем левом углу) и мальчик-калмык Коля (его на фотографии нет). Борис «по вертикали» точно ниже учительницы.

Я попросила Бориса вспомнить своих одноклассников-калмыков. Вот что он написал про калмыка Колю: «Другом он мне не был. Но какое-то время мы сидели за одной партой в 1-й школе. Жил он за речкой, и мы нередко возвращались после занятий вместе. Но его почему-то нет на классной фотографии. Допускаю, что это мог быть не 1-й, а 2-й класс, ведь я перешел в 7-ю школу в середине учебного года. Скорее всего, это все-таки было начало второго класса, поэтому и контакты наши с Колей были такими непродолжительными, потому и в памяти мало чего сохранилось. О его семье и сословии ничего не знаю. За-

ведомо он не был слишком сильным учеником, но не осталось в памяти и каких-то ассоциаций с его тупостью или неспособностью учиться. Думаю, он был нормальным середнячком. Что же касается наших отношений – да обычные отношения пацанов: антагонизма никакого не было, не ругались, не дрались. Пожалуй, отличие в отношениях по сравнению с русскими – некоторая настороженность с нашей стороны. И обусловлено это не персоналиями, а просто тем, что это были какие-то другие люди, не очень-то понятные нам, во всяком случае, детям. Более поздние наши встречи не вспоминаются, хотя наверняка где-то на улице встречались».

В нашем 5 «а» классе в 1955-1956 учебном году учился калмык. На фото выше он в правом нижнем углу, а по правую руку классного руководителя Татьяны Ивановны Скоромоловой Галя Сазонова, а потом я – маленькая была росточком.

Кажется, фамилия этого моего одноклассника была Якушев. Я не знала его имени и не слышала ни одного произнесенного им слова. Его никогда не вызывали к доске и никогда не анализировали его домашние или классные работы. Он присутствовал на уроках, слушал. Но сам факт его присутствия в железнодорожной школе означал важную веху в жизни калмыков в Чулыме.

Я помню, как калмыки уезжали из Чулыма домой. После смерти Сталина они ждали реабилитации ещё 4 года. Мне было 14 лет, в 1957 году я закончила 7 классов. Летом как-то под вечер я пошла за речку поискать заблудившую козу Катьку – она не вернулась домой вместе с другими козами. Со стороны переулочка, не переходя через мост на места жительства депортированных калмыков, прямо на земле расположился калмыцкий «табор». Это из Калмыкии вернулись поехавшие туда ходоки посмотреть на месте свои родные степи. Теперь они вернулись в Чулым забрать родных и знакомых. А за речкой кипела работа. На

сборы возвращающимся было дано несколько часов. Они спешно собирали вещи, одежду и утварь, которую хотели забрать с собой. Я не была свидетелем и не знаю досконально, но после их отъезда говорили, что калмыки увезли с собой всех калмыков, русских не брали. Дело в том, что к этому времени началась ассимиляция – появились смешанные семьи, состоялись браки между русскими и калмыками. Так вот, если ребёнок был похож на калмыка, он уехал, а если на русского – остался здесь с русским родителем. А уж кто выступал в роли экспертов, не знаю. К этому времени некоторые калмыцкие семьи обзавелись домами. Готовясь к отъезду, калмыки стали срочно продавать свои дома, чем в некоторой степени сбили цены на жильё в Чулыме.

В 1970-х годах мой муж Сергей в Москве в Институте педиатрии и детской хирургии оперировал на лёгких девочку-калмычку Любу Казакову из Астраханской области. Несколько лет после этого мы общались, когда они с мамой Клавой приезжали в Москву. Я помню, как они в качестве гостинца привезли солёную белугу. Очень вкусная вещь. Я отвезла часть в Пахру для родителей.

Папа наелся «от души» и сказал: «Ну, калмычка, спасибо, отблагодарила за все». Он имел в виду жизнь в соседстве с калмыками в Сибири. А Люба Казакова выросла и «пошла по медицинской линии» – работает врачом в Калмыкии.

Пишу я этот рассказ, отдавая долг благодарности неизвестному мне человеку, дважды спасшему меня от неминуемой смерти. Я не знаю его имени и фамилии. По национальности он был калмык, по статусу – спецпереселенец.

По времени несколько раньше моя родная сестра Галя в рассказе «Снег и мороз» с моих слов пересказала две истории, приключившиеся со мной в детстве. Я прочитала сейчас этот текст и решила целиком вставить его в свой рассказ. Всё было именно так.

«Один случай произошёл, когда Света училась в начальных классах. В школу они ходили вместе со старшим (на 2 года) братом Борей. В то утро была пурга, и сильным ветром порвало провода у нашего дома. Радио поэтому не работало, и никто не знал, что объявили отмену занятий учащимся с 1-х по 4-е классы. Света с Борей пришли в школу и только там узнали, что Боря учится, а Света нет. Она развернулась и одна пошла домой. Можно себе представить, что это был за ветер, если ветром порвало провода. Про такой говорили: «с ног валит». Плюс к этому мороз, снег, и по улице Кирова ветер навстречу. Света не дошла до дому метров 100 и напротив Серовых, уже совершенно обессиленная, вопреки всяким запретам села отдохнуть на дорогу, спиной к ветру. За спиной тут же вырос сугроб, наступило затишье, стало тепло, уютно, и она не заметила, как уснула. Вряд ли бы она проснулась сама... Очнувшись от дикого

рева, рычания, визга. Перед ней стоял страшный человек, который издавал все эти звуки, топал ногами, размахивал руками. Это был калмык. Репрессированные калмыки с 1944 г. по 1957г. жили у нас за речкой. Их жизнь – это тема отдельного рассказа. А здесь стоит сказать, что в описываемое время калмыков и летом редко можно было увидеть по эту сторону речки, а уж зимой, не имея соответствующей одежды, они практически вообще не выходили из своих землянок. Только один калмык, ходящий неизвестно по каким делам, мог зимой время от времени попадаться на глаза. Белок одного глаза у него всегда был кровавый, и, наверное, поэтому его до смерти боялись все дети. И вот он-то и стоял сейчас перед Светой, пытаясь ее растормошить и спасти от замерзания. Света говорит, что только жуткий страх заставил ее оторваться от земли и нестись домой, не помня себя.

Второй случай тоже произошел в пургу. Соседской девочке Мане Жаронкиной, которая жила напротив, поручили отнести мясорубку родственнице на Рабочую улицу. Это недалеко по Кировской в сторону Старого Чулыма. Пошли вдвоем. Маня, пока заносила мясорубку в дом, успела немного согреться, а Света постеснялась заходить к чужим и стояла, ждала её, промерзая на улице. На обратном пути сильный ветер навстречу пронизывает насквозь, снег по лицу колет, как иголками. Шли, засунув заочевшие руки в рукава подруги, лицом к лицу, поочередно загоразивая друг друга: сначала одна впереди, а другая прячется за ее спиной, потом менялись местами. Кое-как дошли до Прокопа. Прокоп – это переулок с глубокой канавой вдоль него, пересекающий Кировскую улицу за три дома до нашего. Через эту канаву был перекинут мостик. Дальше идти не было сил. Не сговариваясь, обе спустились под этот мостик. После пронизывающего ветра в затишье сразу возникает ощущение тепла, и сон накатывает моментально. И опять из теплого забытья их обеих вытащил тот же калмык. Как он их там разглядел, остается только гадать. Он опять свирепо рычал и тряс их обеих, пока, очнувшись, они, перепуганные, не выскочили из-под мостика и не помчались домой. Света вспоминает, что когда она заскочила в дом, мама стояла у плиты и жарила пирожки. Было тепло, и вкусно пахло. В тот момент она отчетливо осознала происшедшее. От мысли, что ее могло уже не быть, что она могла бы уже не стоять на этом месте и никогда не узнать о существовании вкусных пирожков, стало страшно. И она не стала никому рассказывать эту историю».

Умудрённый жизнью человек, у которого даже такие нечеловеческие условия жизни не погасили человеческих инстинктов в отношении детей, к какой бы национальности они ни принадлежали, в каких бы обстоятельствах ни

свела их судьба. Этот человек мог исповедовать другую веру. Этот человек от обиды на всех и вся за покалеченные судьбы своих близких и, возможно, своих детей мог пройти мимо. Его поступки говорят о том, что в его душе не было чувства мести и зла к окружающим русским. Он поднялся до понимания того, что месть местным жителям, непричастным к решениям судеб его народа, не принесёт ему удовлетворения.

Мне 66 лет. У нас с мужем две дочери, три внука и внучка. Для них, в первую очередь, я и пишу эти воспоминания. Я иду свой путь. Он никогда не был устлан розами. Каждая ступень требовала большого труда. А розы, если бывали, бывали, мне кажется, только для того, чтобы в очередной раз напомнить и ощутить, какие острые у них шипы. Учитывая, что вышла я «из низов» (родители умели только читать и писать, в школе не учились), мне не на кого было опереться, никто «за моей спиной» не маячил в виде «подпорки». Мною всегда, с самых юных лет, двигал интерес к мирозданию, и я по жизни сделала ставку «на профессионализм». Не ошиблась, профессионалы всегда нужны. Но подняться до уровня профессионала в любом деле без труда не удастся.

Мне выпало посетить десятка три стран. На своём жизненном пути я встречала разных людей – духовно состоятельных и бедных душой, независимо от слоя, из которого они вышли, и мест, в которых проживали. Встречалась с истинно талантливыми людьми и с теми, кто все силы отдавал, чтобы казаться таковым. Встречалась с просто добрыми и с просто злыми людьми. В таком возрасте оглядываясь назад по времени, многое начинает пониматься так, как это должно пониматься, и называться именем, которым это должно называться. В суете жизни на всех её ступенях я не забывала благородства этого человека. Много раздумий и появляющегося с годами житейского опыта понадобилось, чтобы в душе сложились равновесное понимание и оценка мотивов его поступков. Вот, потому я всё это и написала.

Я думаю, что этого человека уже нет в живых «по естественным причинам» – ему бы было уже за 100. После всего, что на него свалила судьба, вряд ли он мог прожить так долго. Если его уже нет, светлая ему память...

Чернобай Л. П.

Член Союза журналистов России,

член Союза писателей России,

сотрудник международной кафедры ЮНЕСКО МГИМО (У) МИД РФ,

эксперт общественной палаты Новосибирской области,

(г.Новосибирск, Россия)

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И МИГРАЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАРОДОВ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Аннотация. Статья посвящена демографическим процессам и миграционному движению народов Западной Сибири от эпохи палеолита по настоящее время, этническому и национальному составу населения Новосибирской области в период 1926–2018 гг.

Ключевые слова: демография, миграция, Западная Сибирь, барабинские татары.

1. Далекое прошлое

Около 40 тысяч лет назад люди начали осваивать просторы Западной Сибири, где в те времена бродили стада мамонтов, бизонов, диких лошадей и других животных. Ученые открыли на этой территории самобытные культуры эпохи палеолита, неолита, бронзы, железа, Средневековья, установили расовую принадлежность народов.

Около 10 тысяч лет назад закончился ледниковый период, ушли в прошлое вечная мерзлота и мамонты. Наступил голоцен – время, в котором мы живем, а начало голоцена совпало с эпохой – неолитом (новый каменный век): появление земледелия и скотоводства, переход к оседлости (долговременные поселения), изобретение керамики и ткачества. Человек пересёк новый рубеж в своей истории – перешёл к производящему хозяйству. Это привело к росту численности населения и волне миграций. Поселения людей того времени (VII–IV тыс. до н. э.) были небольшими. В неолите шел распад урало-сибирской языковой общности. В это время сложилась система обмена и поставок каменного сырья из Казахстана и Алтая. Население Западной Сибири имело в своём внешнем облике монголоидные и европеоидные черты.

2. Эпоха металла

Бронзовый век – это время победы пастушеского и земледельческого хозяйств, демографических всплесков и переселенческих волн, появление колёсного транспорта и новых технологий (копирование орудий труда и оружия).

Поскольку письменность у аборигенов отсутствовала, то в воссоздании истории выступает археология – наука, изучающая прошлое человечества по вещественным источникам. При невозможности определить этнический состав населения территории, в науке используется термин – археологическая культура, которая получает своё название по первому открытому или значимому памятнику.

В эпоху металла одна культура сменяла другую.

– Усть-Тартасская (Чановский, Венгеровский, Коченёвский районы Новосибирской области)

– Одинцовская (Венгеровский район Новосибирской области)

– Самусьская (Коченёвский район Новосибирской области)

– Кротовская (Сузунский, Здвинский районы Новосибирской области)

– Ирменская (Ордынский, Чановский, Каргатский, Здвинский, Колыванский районы Новосибирской области)

– Пахомовская (Чановский, Венгеровский, Усть-Таркский районы Новосибирской области).

В это время на территорию Западной Сибири приходят андроновские племена из современного Центрального Казахстана. Андроновцы принадлежат к южному европеоидному типу. С ними связывают начало строительства курганов для погребений.

В переходное от бронзы к железу время наблюдается приток новых групп населения из Средней Азии. Складывается саргатская культура с чертами андроновской, пахомовской и ирменской культур. Памятник обнаружен в 1927 г. у с. Саргатка Омской области.

Лесные территории Западной Сибири занимали носители кулайской культуры (Колыванский район Новосибирской области), а Верхнего Приобья – носители большереченской культуры (с. Большая Речка Алтайского края). Большереченцы антропологически были близки к населению Восточной Сибири и Центральной Азии, и были связаны с кулайцами на севере и саргатским населением на западе.

3. Эпоха Средневековья

Начинается с середины I тыс. н. э., когда в Центральной Азии рождается кочевая империя – Первый тюркский каганат. С этого времени начинают смешиваться разные группы населения, что привело к сложению народов, населявших территории Западной Сибири.

Эпоху Средневековья делят на 3 этапа:

1. Раннее Средневековье (VI-X вв.) – древнетюркское время.

2. Развитое Средневековье (XI-XV вв.) – предмонгольское и монгольское время.

3. Позднее Средневековье (XVI-XVII вв.)

В начале I тыс. н.э. к северу от р. Омь складывается потчевашская культура таёжного населения Томско-Нарымского Приобья. В районах Верхней Оби с середины I тысячи н. э. существовала верхнеобская культура (районы Барнаульского, Новосибирского и Томского Приобья), а с начала II тыс. н. э. существовала сrostкинская культура (по могильнику у с. Сrostки близ г. Бийск).

На рубеже I и II тыс. из Северного Казахстана на территорию Западной Сибири начинают проникать новые группы тюркоязычного населения, которые в этническом плане связаны с кимаками. Они осваивают новые земли, продвигаясь по левобережью р. Омь до р. Тартас, на берегах которой оставляют свои погребения. В формировании венгеровской культуры принимали участие группы местного угорского населения (Чановский, Чистозёрный районы Новосибирской области).

Басандайская культура (X-XIII вв.) получила название по группе городищ и курганов в урочище Басандайка близ г. Томск. Тюркизация местного населения привела к формированию чатских татар (Колыванский, Мошковский, Болотнинский районы Новосибирской области).

В начале II тыс. н.э. на юге таёжной полосы Обь-Иртышского междуречья складывается кыштовская культура. Эта уюкская (южно-хантыйская) культура контактирует с тюркским населением – предками барабинских татар, археологические памятники которых представлены городищами: Вознесенское (Тон-Тура) XIII-XVII вв. на левом берегу реки Омь (форпост Сибирского ханства), Большой Чуланкуль в Венгеровском районе.

В 1563 г. во главе Сибирского ханства стал Кучум, который вёл антирусскую политику. Летом 1582 г. казаки Ермака разбили войско Кучума, но окончательно последний был разгромлен 20 августа 1598 г. в устье р. Ирмень (Ордынский район).

4. Присоединение Сибири к России

Основная часть Западной Сибири стала в составе России до Смутного времени. В 1594г. построен Тарский острог, в 1604 основан Томск, в 1618 г. построен Кузнецкий острог. Попытки русских продвинуться в степные пространства Западной Сибири встретили сопротивление со стороны кочевников – кучумивичей, подданных правителя Телеутского улуса Джунгарского ханства. В XVII в. несколько десятилетий периоды мирных контактов сменялись напа-

дением тюркских отрядов джунгар на русские остроги. Под защитой острогов, построенных в конце XVI в. – Уртамского, Верх-Томского, Сосновского возникли первые заимки и деревни. Поселения возникают по р. Обь и ее притокам (Чаусский острог 1713 г., Бердский 1716 г., Малышевская слобода 1722 г.). Стала заселяться Барабинская равнина. Возник вопрос о сухопутном сообщении России с Сибирью. Этот путь получил название Московско-Сибирский тракт. В 1722 г. вдоль этого пути построены Усть-Тартасский, Каинский и Убинский пасы (позднее перенесён на р. Каргат). Великорусский этнос начал расширять своё жизненное пространство.

5. Заселение Сибири

В 1750 г. проведены мероприятия по принудительному переселению крестьян на Московско-Сибирский тракт. Из деревень Чаусского острога на поселение в Каинский форпост выслали 100 семей, а из Томска 300 семей разночинцев. Вторым способом колонизации Сибири была ссылка преступников, участников бунтов и восстаний.

Третий способ заселения Сибири – вольное переселение. В 1708 г. территории за Уралом объединены в Сибирскую губернию с центром в Тобольске. Первый губернатор – князь М.П. Гагарин. Рост численности населения в Западной Сибири связан с реформами 1822 г. генерал-губернатора М.М. Сперанского, отменой крепостного права 1861 г., аграрной реформой Столыпина 1906 – 1916 гг.

Формирование и развитие населения в Западной Сибири в дорусское время изучено слабо. Впервые численность населения коренных жителей Сибири получила отражение в письменных источниках русского происхождения. К началу русского освоения на территории Сибири проживали различные по происхождению народы, преимущественно выраженного монголоидно-европеоидного облика. Так по переписи 1897 г. барабинских татар насчитывалось 4433 человека, чатских татар – 1000 человек.

Большая часть населения прибыла в Западную Сибирь в разное время из Европейской части России, Украины. Они принесли с собой черты своего хозяйства и своей культуры. Более 88% населения составляют русские. Они расселились по всей территории Западной Сибири. В каждом регионе есть представители других национальностей: украинцы, белорусы, татары, чуваша, мордва, немцы, казахи, евреи (всего 120 национальностей).

Всесоюзная перепись населения 1939 г. показала, что в Западной Сибири проживало 7,6 млн. представителей русского народа (для Новосибирской области удельный вес русских составлял 89%).

После распада СССР рост численности русских сократился. Приток русского населения из стран ближнего зарубежья был не в состоянии компенсировать эту тенденцию.

Этнический состав населения Новосибирской области (в %) по годам

№ п/п	Национальность	1926	1939	1959	1989	2002	2010	2018
1	Русские	83,1	88,7	89,5	92,0	93,0	88,3	88,1
2	Украинцы	7,6	3,2	2,7	1,8	1,3	0,8	0,9
3	Белорусы	4,7	1,0	0,5	0,5	0,5	0,3	0,2
4	Мордва	1,3	1,0	-	-	-	-	-
5	Поляки	1,0	0,4	0,1	-	-	-	-
6	Татары	0,7	1,2	1,1	1,1	1,1	0,9	0,9
7	Чуваши	0,5	0,4	0,3	0,2	0,2	0,1	0,09
8	Евреи	0,3	0,3	0,5	0,3	0,1	0,1	0,08
9	Эстонцы	0,3	0,1	0,07	-	-	-	-
10	Зыряне (коми)	0,2	0,1	-	-	-	-	-
11	Казахи	0,2	0,5	0,6	0,4	0,4	0,4	0,3
12	Немцы	0,2	0,2	3,4	2,2	1,8	1,1	0,08
13	Узбеки	-	-	-	-	0,1	0,5	0,6
14	Таджики	-	-	-	-	0,2	0,4	0,6
15	Армяне	-	-	0,04	0,05	0,08	0,3	0,3
16	Азербайджанцы	-	-	0,04	0,06	0,1	0,3	0,3
17	Киргизы	1,01	0,03	0,04	0,06	0,1	0,2	0,3
18	Корейцы	-	-	0,02	0,04	0,06	0,1	0,1
19	Цыгане	0,01	0,02	0,02	0,05	0,07	0,1	0,1
20	Китайцы	0,01	0,02	0,06	0,05	0,08	0,1	0,1

Таким образом, факты и цифры доказывают эволюцию этнических процессов.

Голодяев К. А.
краевед, экскурсовод
МКУК «Музей Новосибирска»
(г. Новосибирск, Россия)

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ХОРОВЫХ РЕПЕРТУАРОВ

Аннотация. В работе рассматривается практика сбора музыкального материала для произведений, исполняемых Государственным академическим Сибирским русским народным хором. Временной отрезок исследования – 60 лет, с момента образования коллектива в 1944 г. до получения им звания Академического в 1994-м. Сбор самобытного материала традиционной русской культуры осуществлялся в течение всех этих лет всеми его художественными руководителями.

Ключевые слова: Народный хор, Новосибирск, Корольков, Левашов, Новиков, Захарченко, Мельников, Мочалов.

75 лет назад в апреле 1944 г. в Новосибирске был основан женский ансамбль песни и пляски, который вошёл в состав городской филармонии [1]. Ядром ансамбля стала небольшая хоровая группа Новосибирского облрадиокомитета под руководством его главного хормейстера, музыканта-любителя Николая Петровича Королькова – знатока сибирского фольклора и страстного пропагандиста русской народной песни.

Я не буду рассказывать полную историю этого прославленного коллектива, который мы знаем сегодня как Государственный академический Сибирский русский народный хор. Остановимся лишь на том музыкальном материале, который входил в произведения им исполняемые.

С первых лет в репертуаре ансамбля были старинные русские, сибирские народные песни, танцы, игры. В программе были такие произведения, как «Александровский централ», «Ой ты, тёмная ноченька», «Колечко моё позолоченное», «Ельничек да березничек», «Сказал казак через долину». Вокально-танцевальная сюита из трёх русских песен – игровой «Качу кольцо», хороводной «Я вечор была» и плясовой «По улице не ходила, не пойду» – по праву считается художественным полотном высокого искусства. В это время в деятельности коллектива ярко обозначается имя А.П. Новикова, чьи песни «Ехали солдаты», «Ты не птица белокрылая», «Сибирские девичьи страдания», «Хороша ты, рожь густая» вошли в «золотой фонд» Сибирского хора с первых же дней работы [2].

В конце 1940-х в Сибирский хор пришёл работать молодой паренёк, только что отслуживший на Тихоокеанском флоте – Коля Кудрин. Позднее он рассказывал, что увидел в Новосибирске объявление: «Сибирскому русскому народному хору требуются музыканты». И пришёл.

«С хором и концертными бригадами проехал область вдоль и поперек, побывал в десятках районов и сотнях сел и понял: только здесь, в родном краю – в кулундинских степях и солонцовой Барабе, на просторах Приобья и салаирских предгорьях, где все реки и речушки наполнены родниковой водой, – он может дышать полной грудью. Именно тут, у березовых и осиновых колков, в сосновых борах и на пшеничных полях, в душе рождается песня».

Это впереди у баяниста Коли, будущего известного композитора Николая Михайловича Кудрина, песни «Хлеб всему голова», «Перепёлка», «Деревня моя», «Сапожки русские», «Певуны России», звания «Заслуженный работник культуры РСФСР», «Заслуженный деятель искусств России», лауреат премии мэра Новосибирска «Человек года», «Человек XX века Новосибирской области». Впереди. А начало творчества здесь – в Сибирском народном хоре. Его произведения и по сию пору живут в репертуаре коллектива и других исполнителей народного жанра.

Собирал коллектив и истинно народное творчество. В 1948-м газета «Советская Сибирь» пишет: «Сколько чудесных песен сохранилось среди жителей приобских сёл Песьяново, Корнилово, Плотниково. Казачьи и солдатские, старинные обрядовые, шуточные... Можно было предполагать, что созданный Сибирский народный хор явится собирателем, хранителем и пропагандистом лучших образцов местного песенного творчества» [3].

Бригада солистов Сибирского народного хора, 1947 г.
Баянист слева Николай Кудрин. (МКУК «Музей г.Новосибирска»)

В апреле 1951 г. коллектив был впервые приглашён в Москву на декаду сибирского искусства, где произвёл самое положительное впечатление. Газета «Советское искусство» от 03.05.1951 г. пишет, что «коллектив отнюдь не копирует какой-либо из широко известных хоров, а стремится создать на основе народно-русской исполнительской манеры собственный стиль исполнения». Всего тогда в столице было дано 10 концертов – в домах культуры, клубах, на предприятиях.

В Киеве коллектив выступал на одной из лучших площадок – в Колонном зале Украинской государственной филармонии. Газета «Советская Украина» от 20 декабря 1951 г. пишет: «Концерты Сибирского народного хора пользуются заслуженной популярностью у киевлян. Концерт начинается широкой народной песней про великого Сталина. Записанная новосибирским композитором В. Левашовым и А. Новиковым в Омской области, величественная песня про любимого вождя как бы летит в бескрайних таёжных просторах счастливой сибирской земли».

Пресса уже давно стала ассоциировать название Сибирского хора со словом народный. Теперь предстояло добиться, чтобы слово «сибирский» было не географическим указателем, а раскрывало бы творческое направление деятельности народного хора. В последующие годы работа над этой задачей активно велась в фольклорных экспедициях по деревням и селам Сибири.

Владимир Сергеевич Левашов рассказывает об одной из первых таких экспедиций: как приходилось преодолевать стеснение «здешних певиц», упрямо отказывающихся напевать незнакомым людям, как расходились девчонки на «товарочках» – импровизированных вечерах отдыха колхозной молодёжи, как встретились они (с А.П. Новиковым) с известной сибирской песенницей Аграфеной Максимовной Оленичевой. «У Оленичевой мы записали более двадцати песен... Наши странствования по сибирским краям продолжались больше месяца. Ярko расцветают народные таланты в нашей стране...» [4].

Летом приказом Областного управления культуры Корольков освобождается от работы в хоре и направляется в распоряжение управления [6, Л. 183]. Многие здесь до конца не ясно. Ведь пение Королькова идёт не от «сохи крестьянской», а от дурмана опиумного – ведь он родом из семьи священнослужителей, учился в Томской духовной семинарии и был регентом церковного хора в городе Камень-на-Оби.

Н. П. Корольков [5, Д. 397.Л. 1]

На некоторое время обязанности сначала директора, а потом и художественного руководителя Сибирского хора были возложены на Григория Сергеевича Максимова, руководителя Карело-Финского государственного ансамбля «Кантеле» [6, Л. 183, 203, 144], а в мае 1954 г. художественным руководителем Сибирского народного хора становится Валентин Сергеевич Левашов. Горячо влюблённый в народное творчество, Левашов заложил в коллективе прекрасные традиции, определив главное направление – быть верным естественному звучанию народной песни.

Тщательно выстраивалась программа. Важно было соблюсти и идеологические установки. Протокол заседания Художественного совета Сибирского народного хора от 02.09.1954 сохранил замечание о песне «Голубой цветок» – «есть церковное звучание. Пересмотреть партитуру» [5, Д. 67.Л. 2].

За новыми произведениями Левашов обратился в Сибирское отделение союза композиторов, которое тогда возглавлял Андрей Порфирьевич Новиков, только что получивший звание Народного артиста РСФСР. Лучшие песни Андрея Новикова, Валентина Левашова, Фёдора Маслова, Алексея Копосова, Александра Абрамского прочно вошли в репертуар Сибирского хора.

И снова Левашов обращается к естественным источникам – в незамутнённую чистоту глухих сибирских деревенок. Материал собирался в фольклорных экспедициях, организованных при поддержке и личном участии того же Новикова. Вновь была объезжена значительная часть районов Новосибирской, Омской областей, Алтайского края, привезено более 300 оригинальных народ-

ных песен, сибирских частушек и припевок, песни ссыльных и каторжан. Они звучали совершенно иначе, непривычно, как-то по-особому, выливаясь мощной энергетикой откуда-то из глубины.

В репертуар включаются произведения, отражающие национальное искусство исконных народов Сибири: шорцев, хакасов, эвенков, якутов. Помимо самобытного наполнения репертуарной базы для народных хоров, собирательство этнического фольклора значительно обогащало и творчество самих композиторов. Они всё чаще используют в своей работе записи, сделанные во время экспедиций, привнося в собственные произведения аутентичное звучание хора и оркестра. Известен случай, когда в одном из сёл старушки напели композиторам чудесную мелодию, но из слов они помнили только три начальных фразы. Новиков и Левашов показали материал поэту Василию Михайловичу Пухначёву, который бережно дописал песню, и она вошла в репертуар Сибирского хора.

Обработки старинных песен вошли в песенные сборники. А.П. Новиков в соавторстве с В.С. Левашовым и Л.Н. Кондыревым составил и опубликовал несколько песенников (1945, 1957, 1963 годы издания).

Левашов попал в цель. Им были созданы яркие обработки народных песен, из которых самыми популярными были: «Над полями зорька светлая», «Зажглась звезда далекая», «В камышах лебедушка», «Стоит береза в поле белом», «Ветер клонит тонки веточки», «Течет Волга». Новые произведения, самобытные мелодии изменили лицо коллектива, придали ему искомую «сибирскую» изюминку.

Именно с тех пор игровая сибирская песня успешно и навсегда вошла в репертуар Сибирского народного хора. Практическое применение такой основы русского национального искусства, как творческое триединство песни, музыки и танца позволило коллективу подняться на следующую ступень профессионального мастерства.

Очередные гастроли в Москве прошли на всех крупных площадках столицы: в Большом театре, в Колонном зале Дома Союзов, в концертном зале им. Чайковского, во Дворцах культуры, летних театрах. Два концерта транслировались по всесоюзному радио и передавались из телецентра [7].

Газеты наперебой пишут о «сибирском открытии», интонационной специфике воплощения народной темы, о широкой душе Сибирского края, неизменно отмечая высокий профессионализм и самобытность коллектива. «Издавна существует ложное мнение, будто русские народные песни надо обязательно исполнять особенной залихватской манерой, распевая их резким, открытым звуком... Сибирскому народному хору надо отдать должное за благородство

и выразительную простоту его стиля исполнения. Чистота интонационного строя, продуманный подбор голосов, ясная дикция дают возможность хору доносить до слушателя всю прелесть народных сибирских мелодий» [8].

В сентябре 1960-го в Москве была представлена новая программа коллектива, и она получила самые лестные отзывы. «К сожалению, за последнее время в репертуаре многих, даже наших лучших хоров почти не слышно подлинной классической русской народной песни, угасает многоголосие. И поэтому особенно радостно было услышать такую песню на концерте у сибиряков» [9].

В конце 1961 г. Валентина Сергеевича Левашова переводят в Москву художественным руководителем хора имени Пятницкого. Исполнять обязанности художественного руководителя назначили Владимира Ивановича Чиркова из ансамбля песни и пляски Сибирского военного округа.

В поисках самобытного материала в феврале 1963-го худрук организовал ещё одну фольклорную экспедицию в северные районы НСО.

В 1968 г. главным хормейстером становится молодой выпускник Новосибирской консерватории В.Г. Захарченко. Репертуар дополнили народные песни «Варначьи тропы» (привезёна с Алтая), «Глухой неведомой тайгой», «Сердешный хоровод». Захарченко был строг и требователен. Особое внимание уделялось и старинной песне. В поисках самобытного материала часто организовывались поездки в сибирскую глубинку за старинными песнями, частушками, припевками и обрядами. Это был бесценный незыблемый материал, не имеющий аналогов в песенном творчестве.

Вот как вспоминает это сам Захарченко: «Когда после окончания Новосибирской консерватории я начал работать в Сибирском народном хоре, очень скоро понял, что не знаю народной песни. В консерватории этому не учат. Поехал по сибирским селам, послушать, как поют люди. Оказалось, в каждом селе поют по-своему, в зависимости от того, откуда приехали в Сибирь. Тогда решил докопаться, что же представляет собой коренная сибирская песня? Нашёл её у чалдонов – так называют коренных сибиряков. Всего же в Сибири я записал несколько тысяч народных песен, издал несколько сборников».

На основе материала, собранного в экспедициях, в 1969 г. Захарченко публикует первый локальный сборник «Песни села Балман», позднее выпускает ещё один локальный сборник – «Песни сибирской деревни Ольшанки, напетые Анной Мефодьевной Красниковой». Захарченко также участвовал в выпуске Ленинградским заводом первых двух целых пластинок фольклорных групп Новосибирской области – сёл Балман Куйбышевского района и Бергуль Северного района.

Вот как об особенностях пения сибиряков высказывается поэт и фольклорист В.М. Пухначёв: «Это микстовое пение высоких голосов. Это мягкое сочное звучание альтов. Наконец, умение певца от открытого форте перейти на пианиссимо. Сибирскому народному хору свойственно цепное дыхание, которое является чудесным достоинством хора. Открытая манера пения мужского состава придаёт особую прелесть исполняемым произведениям. Великолепно в хоре используются и подголоски, умело, со вкусом расцвечивающие песни».

В ноябре 1969 г. руководителем коллектива был назначен народный артист РСФСР Андрей Порфирьевич Новиков, который уже тогда был автором множества композиций для народных хоров и оркестров, в классической музыке им также были написаны симфонические и камерные произведения.

Андрей Порфирьевич был настоящим Певцом Сибири, её горячим и убежденным патриотом. В 1970-71 гг. Новиков совместно с учёным Михаилом Никифоровичем Мельниковым и Виктором Гавриловичем Захарченко проводят комплексную этнографическую экспедицию по Московскому (Сибирскому) тракту. Фольклорные изыскания повсеместно сопровождались концертами коллектива. На основе собранного материала было издано несколько сборников.

После кончины Андрея Порфирьевича Новикова в ноябре 1979 г. художественным руководителем Сибирского хора был назначен один из лучших выпускников института имени Гнесиных Михаил Николаевич Фирсов. За короткое время пребывания в Новосибирске он инициировал открытие отделения дирижеров народного хора в Новосибирском музыкальном училище (ныне НМК им. А. Ф. Муро́ва), а также как хормейстер, успел съездить в Сузунский и Мошковский районы области, где вместе с телегруппой записал несколько интереснейших музыкальных сюжетов. Собранный в Новосибирской области материал Михаил Николаевич пытался воплотить на сцене, а позже, издал в сборнике «Русские народные песни Сибири в обработке Михаила Фирсова». В предисловии к нему «автор ставит целью сохранить характерные черты, присущие той или иной песенной традиции» [11]. Но Михаил Фирсов не был утвержден худруком Сибирского хора и уехал во Владимир, где возглавил вокально-хореографический ансамбль «Русь», стал лауреатом Государственной премии, заслуженным деятелем искусств России.

Сибирский народный хор, 1969 [5, Д. 428]

Во время экспедиции по сбору материала. Новосибирская область, 1971 г.

Художественный руководитель академического хора НГУ Оксана Ильинична Выхристюк (слева направо 1-я), Михаил Никифорович Мельников (7-й), художественный руководитель СНХ Андрей Порфирьевич Новиков (в центре, с дугой), главный хормейстер СНХ Виктор Гаврилович Захарченко (2-й справа) [10].

Следующим руководителем коллектива на долгие годы стал народный артист России Вячеслав Викторович Мочалов. Приход в коллектив Мочалова ознаменован чётким акцентом в сторону хорового пения. Худрук подчёркивал: «русский хор прежде всего должен славиться протяжной песней, это душа народная» [12].

Мочалов отстаивает принципы песенного искусства, построенные на законах драматургии. Он требует от артистов пережить песню изнутри. «Петь частушки просто – говорил худрук, – передать музыкальные тонкости композиции – вот результат работы настоящего профессионала».

На период руководства В.В. Мочалова пришлось самое трудное время. Ещё в первой половине восьмидесятых в стране начались первые сигналы политического, и, как следствие, культурологического кризиса.

Мочалов делает всё возможное для сохранения легендарного коллектива, пытается найти какие-то выходы, например, новые формы и методы построения программ, использует личностные ресурсы. И ему это удаётся – в сентябре 1994 г. Государственный Сибирский русский народный хор был удостоен почётного звания «Академический».

Автор выражает глубокую благодарность ветеранам Сибирского народного хора и лично Е.Ф. Ковалёвой, чьи воспоминания легли в основу данной работы, и без которых она бы не состоялась.

Библиографический список

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1376. Оп. 1. Д. 84. Л. 64.
2. Головнева Н. И. Музыкальная культура Новосибирска первой половины XX века (1893–1956) // Музыкальная культура Новосибирска. Новосибирск: конс. им. М. И. Глинки, 2005. 684 с., С. 174.
3. Газета «Советская Сибирь», 13.03.1948. С.3.
4. Журнал «Советская музыка». № 7, 1952. С. 45–48.
5. ГАО. Ф. Р-1821. Оп. 1.
6. Архив Новосибирской государственной филармонии (НГФ). Оп. 2. Арх. 51. Л. 183.
7. Газета «Советская Сибирь». 04.05.1955. С. 4.
8. Газета «Правда». 16.08.1955. С. 2.
9. Газета «Правда». 07.10.1960. С. 6.
10. ГАО. Ф. Р-2399. Оп.2. Д. 418.
11. Русские народные песни Сибири в обработке Михаила Фирсова. Москва: Советский композитор. 1986. 40 с. С.2.
12. Газета «Ведомости областного совета». № 44, 01.10.2004. С. 22.

Турецкая (Лифшиц) Е. М.
вице-президент РЕНКАНО,
главный редактор журнала «Содружество наций»,
член Союза журналистов Российской Федерации
(г. Новосибирск, Россия)

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ: ЧЕТЫРЕ ПОКОЛЕНИЯ МОЕЙ СЕМЬИ

Аннотация. Воспоминания и размышления уроженца дореволюционного Каинска о жизни еврейской общины города в первой половине XX в. Это отрывок из небольшой рукописи, написанной в Израиле непосредственным участником тех драматических событий, сохраненной и переизданной в наши дни в России его племянницей. Материал дополнен информацией и фотографиями из семейного архива автора публикации.

Ключевые слова: история, город Каинск, революция, еврейская община, еврейский колхоз.

Во многих семьях есть свои легенды. Мы слышим их с детства, они включаются в привычный мир наших воспоминаний. Переплетаясь с реальными событиями, их образы приобретают такую же значимость и зримость, как и окружающие нас родные и близкие люди. Эти воспоминания мы передаем своим детям, для которых они со временем станут такими же дорогими и важными. Эта историческая память об условиях и обстоятельствах жизни семьи в различные исторические периоды и есть связующая нить, обеспечивающая преемственность между поколениями.

Таковыми устными преданиями в нашей семье были бесконечные рассказы о жизни в еврейском колхозе в Новосибирской области. Там прошло детство моего отца Моисея Лифшица, юность моих дяди Мони и тети Циввы, раннее детство моего двоюродного брата Иосифа Келейникова. Как вязали снопы, как была колхозной трактористкой Фрида Энтина – впоследствии жена моего дяди Мони. Памятны и названия городков Каинска (ныне – Куйбышев Новосибирской области), Барабинска, с. Прокудского, колхоза «Золотая нива», позднее переименованного в колхоз им. Свердлова, а в 1935 – 36 гг. объединенного с колхозом им. Коминтерна. С детства помню фотографию деда Григория Исааковича вместе с бабушкой Марией Соломоновной и прадедушки (отца Марии Соломоновны), склонившегося над священными текстами. Уже после смерти папы (1994 г.), с трепетом разбирая семейный архив, вчитывалась в написанную рукой деда автобиографию, в неразборчивые тексты истершихся на сгибах

документов, заверенных колхозной печатью. Прикосновение к истории через чудом сохранившиеся материалы позволило воссоздать родословную семьи в четырех поколениях, а мои дети и внуки – это уже пятое и шестое поколения нашей семьи!

В Сибирь на ст. Барабинск Григорий Исаакович и Мария Соломоновна Лифшиц приехали в 1906 году по вызову старшего брата дедушки – Бориса, проживавшего здесь уже несколько лет. Через некоторое время семья перебралась в Каинск. Воспоминания о последующих обстоятельствах жизни семьи оставил мой дядя Лифшиц Соломон Григорьевич, принявший деятельное участие в создании единственного в Новосибирской области еврейского колхоза и ставшего его председателем. Уже при первом знакомстве с уникальными историческими документами и фотографиями из семейного архива у меня возникло желание создать книгу на основе воспоминаний дяди, сохранив память об этом периоде жизни нашей семьи. Особую ценность воспоминаниям придает экономический анализ и исторический очерк жизни еврейской общины в г. Каинске на фоне глобальных революционных перемен в стране. Реализовать задуманное удалось в 2008 году к 100-летию Соломона Григорьевича. Фрагмент из этой книги я представляю Вашему вниманию («История еврейского колхоза в Сибири 1926 – 1934 гг.», Новосибирское книжное издательство, 2008):

«Евреи в Сибири? Казалось, каким ветром может занести их в эту далекую и суровую окраину России? Между тем, в описываемое нами время в Сибири насчитывалось несколько десятков тысяч евреев. С середины XIX столетия Сибирь стала объектом внимания не только национального, но и иностранного торгового капитала. Отсюда в больших количествах вывозилось золото, пушнина, кедровый орех, мясо, кожевенное сырье. Сибирское масло достигало рынков Парижа и Лондона. По Великому Сибирскому гужевому тракту шли бесконечные обозы, преодолевая расстояния в тысячи километров.

Привлеченные чрезвычайно выгодным приложением капитала в Сибирь прибывают купцы и просто предприимчивые люди в надежде найти здесь условия для коммерческой деятельности или просто хорошую работу. Среди этих людей было и определенное количество евреев. Однако, до начала XX столетия евреи здесь – явление сравнительно редкое. Это или люди авантюристического склада, привлеченные блеском золота, или заброшенные сюда различными превратностями судьбы и, в первую очередь, принудительным порядком, в качестве ссыльнопоселенцев. Здесь же обосновалось и небольшое количество кантонистов.

Переломным моментом в колонизации Сибири явилось окончание строительства железной дороги, соединившей этот обширный край с европейской частью России на западе и Тихим океаном на востоке (1901 – 1902 гг.). Что касается еврейской колонизации, то она относится главным образом к 1906 – 1908 гг. В это время в Сибирь хлынул поток евреев, бежавших сюда в поисках спасения от разразившихся в южных районах страны, и особенно на Украине, еврейских погромов. Это уже была главным образом беднота, лишенная материальных возможностей эмигрировать в Америку, и те евреи, которые имели здесь хорошо устроенных родственников. В их числе в 1906 году прибыли сюда мои родители и два брата отца по вызову старшего брата Бориса, сосланного на поселение в Сибирь еще в 1898 году.

В это тяжелое время разгула реакции и массовых погромов Сибирь являлась определенным центром притяжения для евреев Запада и Юга России именно потому, что антисемитизм в то время здесь ощущался в очень слабой степени. Коренное сибирское население, мало общавшееся с евреями непосредственно, не имело оснований ни для любви к ним, ни для ненависти. Немногочисленная сибирская интеллигенция не ощущала никакой конкуренции со стороны евреев и потому относилась к ним если не благожелательно, то, во всяком случае, вполне терпимо. Вообще в те годы в Сибири было много земли, много богатства и очень мало людей. Всем хватало поприща для любой деятельности, никто никому не становился поперек дороги, конкуренция ощущалась слабо и сравнительно обеспеченное и зажиточное коренное население не испытывало ненависти и вражды даже к богатым евреям.

Между тем, царское правительство именно в период массовой еврейской иммиграции в Сибирь начало вводить иммиграционную политику в привычное традиционное русло. Вводилась черта оседлости. По усмотрению губернских властей прибывающие евреи приписывались к определенным населенным пунктам, в которых им выдавалось право на жительство. В семейном архиве пишущего эти строки до последнего времени хранился паспорт, выданный губернатором Томской губернии его родителям. В этом документе, скрепленном огромной печатью с изображением двуглавого орла, указывалось: «Мещане Могилевской губернии Чериковского уезда Гириш и Мирьям Лифшиц имеют право на жительство в городе Каинске Томской губернии, а их дети имеют право на проживание в Каинске только до достижения совершеннолетия».

Как следствие такой политики в Сибири стали возникать поселения со сравнительно большой концентрацией еврейского населения: городки Каинск, Мариинск, Ишим, Канск, Ачинск и другие. В некоторых из них, как, например,

в Каинске (Куйбышев Новосибирской области), имеющем непосредственное отношение к истории еврейского колхоза, евреи составляли более 25 % от общей численности населения. Однако, вся духовная атмосфера, в которой жили евреи в Сибири, резко отличалась от условий обитания их братьев в традиционной черте оседлости на Украине, в Белоруссии, в Польше. И если нельзя сказать, что евреи Сибири в полной мере дышали воздухом национальной свободы, то во всяком случае без всякого преувеличения можно сказать, что они не испытывали здесь удушающего гнета антисемитизма и всеобщей ненависти. Это обстоятельство способствовало тому, что постепенно со сменой поколений в Сибири сформировался совершенно новый национально-психологический тип еврея. Это были люди, обладающие чувством собственного достоинства, они не испытывали постоянного страха за жизнь и благополучие, им были чужды черты приниженности и рабской покорности судьбе, отличавшие большую часть евреев черты оседлости юго-западных районов Российской империи. Кроме того, и материальный достаток сибирских евреев был несравнимо выше материальных условий жизни последних. Я, например, не мог бы назвать ни одной семьи в городе Каинске, даже из числа наиболее бедной части ремесленников, которая не имела бы вполне приличного по тем временам собственного дома. Многие имели лошадь и одну–две коровы.

Отсутствие официальной демографической статистики, к сожалению, не позволяет назвать численность евреев в Сибири к периоду установления там Советской власти. Тем более что определенная часть их (наиболее зажиточная) в период отступления Колчаковской армии эмигрировала. Многие из них надолго обосновались в Харбине. Во всяком случае, к моменту установления Советской власти (1919г.) в Сибири количество обитающих там евреев исчислялось в несколько десятков тысяч. Следует, однако, заметить, что участие евреев в экономической жизни досоветской Сибири было несоразмерно больше относительно их численности. Подавляющее количество кожевенных заводов, паровых мельниц, хлебных складов принадлежала еврейским купцам. Им же принадлежала значительная часть пароходов и барж, курсировавших по огромным рекам Сибири: Оби, Иртышу, Енисею. Широко за пределами Сибири и даже Российской империи было известно имя «хлебного короля» Арона Когана, монополизировавшего закупки хлеба и являющегося крупным экспортером и поставщиком армии. Широко также были известны торговые дома купцов первой гильдии Тинкера, Куперштоха, Фефермана, Мариупольского. Пользовались известностью торговые фирмы братьев Бульвахтер, Меклера, Маслова, Каплуна, построившего в Сибири первый кинематограф, а впослед-

ствии монопольно владевшего всей сетью кинематографов от Урала до Дальнего Востока. В орбите предпринимательской и торговой деятельности этих крупных коммерсантов вращались сотни евреев: их агентов, посредников, доверенных лиц, руководителей филиалов и рядовых служащих. Вместе с тем в Сибирь из юго-западной части России была привнесена и сложившаяся в черте оседлости профессионализация. В сибирских городах было много евреев – владельцев магазинов, лавок и лавочек, маклеров, вояжеров, ремесленников: портных, сапожников, часовщиков, ювелиров и лиц других профессий, работающих в сфере услуг. В меньшей степени евреями была представлена сибирская интеллигенция. Однако, в последние перед революцией годы заметны были евреи врачи, адвокаты, музыканты.

Несмотря на особые условия, в которых обитали сибирские евреи, на их отдаленность и оторванность от основных центров еврейской национальной духовной культуры, они, тем не менее, оставались евреями. Во всех населенных пунктах, где проживали евреи, даже если их было несколько десятков семей, сложились еврейские общины со всеми присущими им атрибутами. Безусловно, имелись синагоги и хедеры, в которых почти каждый еврейский мальчик обучался 2 – 3 года. Читались еврейские национальные праздники и многие традиции. Звучала еврейская речь на идиш. Была развита благотворительность. Однако, религиозная жизнь сибирских евреев не была очень интенсивной. Синагоги, как правило, заполнялись лишь в большие национальные праздники. Очень немногие читали святость субботы. Мало было и любителей кошерной кухни. В общем даже и религиозные евреи не очень ревностно следовали ритуальной, обрядовой стороне, предписываемой еврейским вероучением. Несмотря на это, еврейские общины были очень стойкими в отношении ассимиляции. Смешанные браки были редким, из ряда вон выходящим событием.

Все сказанное относится к периоду до установления Советской власти в Сибири.

Как известно, Советская власть установилась в конце 1919 года. До этого Сибирь находилась под властью Директории Временного правительства во главе с генералом Болдыревым, а затем адмиралом Колчаком. В начале 1919 года, когда бесперспективность «белого» движения стала очевидной и колчаковские армии откатывались на Восток, тысячи евреев, подхваченные общим потоком эмиграции, как уже было сказано, покинули Сибирь. В связи с ликвидацией крупных коммерческих предприятий и фирм многие сотни евреев остались без работы. Однако, наступивший период так называемого «военного коммунизма» с его всеобщей обязательной трудовой повинностью и голод-

ным пайком снял заботы о трудоустройстве. Этим вопросом занялись специальные органы Советской власти.

После короткого периода «военного коммунизма», очень тяжелого для всех национальных и социальных групп населения, провозглашается Новая Экономическая Политика (1921г.), воскресившая надежды на лучшее будущее. С провозглашением НЭПа часть евреев, занятая ранее предпринимательской и торговой деятельностью, ушла на работу в потребительскую кооперацию, обслуживавшую в те годы товарооборотом и города, и села. Часть – в государственные и кооперативно-заготовительные органы. Большинство евреев-ремесленников были кооперированы и работали в артелях промысловой кооперации. Но многие евреи вернулись к своим прежним профессиям, в сферу частной торговли и мелкого предпринимательства. Эти попались в ловушку. Новая Экономическая Политика оказалась кратковременной. Уже в 1923 году началось наступление на частный капитал. Ужесточилась фискальная политика. Чрезмерные налоговые обложения, подчас превышающие «основной капитал», привели к банкротству и ликвидации многих мелких частных предприятий, магазинов, лавок. К 1925 году с НЭПом, по существу, было покончено. Наряду с наступлением на НЭП началось наступление на «нэпманов» в плане классовой борьбы с «нетрудовым элементом». В качестве основной меры всех «нэпманов», которые вчера своей частной инициативой и средствами способствовали ликвидации экономической разрухи, голода, увеличению массы потребительских товаров и заново восстановили сферу услуг, сегодня зачислили в рубрику «чуждых» и лишили избирательных прав.

Лишенные избирательных прав или, как их называли, «лишенцы» ограничивались в правах на работу, что в условиях высочайшей безработицы того времени лишало их возможности устроиться даже на черную работу, даже в качестве дворников или землекопов. Дети «лишенцев» изгонялись из школ и имели возможность устроиться только в специальные договорные высокооплачиваемые группы. Доступ в высшие, средние специальные учебные заведения или даже на профессиональные курсы для них был закрыт наглухо. По понятным причинам удельный вес такого рода «лишенцев» в составе еврейского населения в сравнении с другими национальностями был особенно высоким. Попала в эту социальную группу и моя семья. Отец после объявления НЭПа с большим трудом собрал средства и открыл магазин, или точнее – лавку (без единого наемного работника), в которой торговал рабочей обувью и кожевенными товарами. Я в 1924 году окончил среднюю школу с педагогическим уклоном (тогда девятилетнюю) и шестнадцати лет отроду был направлен на ра-

боту в сельскую начальную школу. После годичной работы в школе мне со справкой учителя средней школы удалось поступить в Новосибирский промышленно-экономический техникум. Однако, через год в процессе чистки студентов от «классово-чуждых элементов» при отличных академических показателях был исключен и вернулся к родителям в город Каинск, где застал картину полного разгрома. Магазин за неуплату непосильного налога вместе со всем товаром был конфискован. Никаких перспектив на работу не было. К счастью, еще оставалась не конфискованная лошадь, и отец купил патент на извозный промысел. Однако, и извозчик являлся «частником», и выручки от извоза после уплаты налога не хватало даже на полуголодное существование семьи. Я много раз, но тщетно, пытался найти хотя бы физическую работу. Учеба представлялась несбыточной мечтой. Таких семей в городе Каинске были десятки. Положение казалось совершенно безвыходным. Нигде не видно было ни одного просвета. Все мы испытывали двойной гнет: экономический и политический. Лишенцы!

В это время до нас начали доходить слухи, что в Москве есть Комитет Землеустройства Трудящихся евреев, «КОМЗЕТ», что на Украине, в Белоруссии намечается широкая еврейская сельскохозяйственная колонизация, что для этого отводятся земли и даже предполагается провести колонизацию в Крыму и что чуть ли не самым главным провозвестником идеи социального возрождения еврейства на путях сельскохозяйственной колонизации является сам «Всесоюзный Староста» М.И. Калинин.

Именно в разгар деятельности «КОМЗЕТА» в 1926 году группа евреев города Каинска приступила к осуществлению идеи создания в Сибири еврейского колхоза. И хотя это был единственный в Сибири колхоз, созданный евреями, а может быть именно поэтому, он заслуживает войти небольшой крупницей в летопись еврейского народа в диаспоре. Тем более, что его история поучительна во многих отношениях ...»

Комментарий кандидата исторических наук И.В. Сальниковой:

О росте благосостояния колхоза свидетельствует сохранившейся в Государственном архиве Новосибирской области отчет за 1931г. В отчете названа уставная форма колхоза – сельскохозяйственная артель и дата образования – 8 февраля 1928 г. Колхоз обслуживался машинно-тракторной станцией, имелись две товарные фермы: молочно-товарная и свино-товарная. Колхоз объединял 32 хозяйства и 49 одиночек. Общая численность населения – 189 человек, общее число трудодней за год – 26120 (для сравнения можно привести показатели

соседнего колхоза «Комбайн»: всего 380 человек, 200 трудоспособных, выработано 10945 трудодней).

Среди построек колхоза значатся конюшня, 2 коровника, свинарник, овчарня, 3 силосные башни, хранилище для корнеплодов, амбар для сбруи, клуб, школа, 32 жилых дома. поголовье скота составляли 16 лошадей, 63 коровы, 370 овец, 195 свиней. Колхозники выращивали пшеницу, овес, просо, кукурузу, бобовые, картофель и другие культуры.

В отчете содержатся сведения о количестве произведенной за год продукции животноводства и ее распределении между колхозниками: говядина – 16,6 ц (все распределено между колхозниками), баранина – 15,3 ц (12,3 ц распределено между колхозниками), мерлушка 84 (все распределено между колхозниками), овчина шубная 159 (полностью распределено между колхозниками), шерсть – 5,8 ц (3 ц распределено между колхозниками), молоко – 1149,2 ц (продано 482 ц при плане 486 ц, 528,9 распределено между колхозниками).

Доходы колхоза за 1931 г. составили 50231 руб. На основании этих показателей можно сделать вывод о том, что еврейский колхоз был по тем временам достаточно богатым. По сведениям очевидцев, в селении был клуб, в начале 1930-х гг. была куплена первая машина. В колхозе было много детей, работала школа третьей ступени, а в летнее время – детский сад (по материалам ГАНО. Ф.1072. Оп. 1. Д. 43. Л. 34). Соломон Лифшиц – первый председатель колхоза «Золотая нива» оставил воспоминания о единственном еврейском колхозе в Новосибирской области. Рукопись была отпечатана на машинке тиражом в несколько экземпляров. Еврейский колхоз просуществовал на территории Новосибирской области около 10 лет, но оставил неизгладимые воспоминания как у самих колхозников, так и у их детей. Изданная Турецкой Е.М (Лифшиц) книга, основанная на воспоминаниях Соломона Григорьевича, дополненная фотографиями и документами из семейного архива позволила восстановить многие имена бывших колхозников. Думаю, что со временем история первого еврейского колхоза будет полностью реконструирована, как пример исторической адаптации евреев в новых социальных условиях. По мнению детей бывших колхозников, тот факт, что они были в колхозе, благоприятно отразился на их последующей жизни, многие получили высшее образование, что не смогли бы сделать, будучи выходцами из семей «лишенцев» и «бывших эксплуататоров».

Комментарий кандидата юридических наук, профессора Р.А. Спаской:

Лифшиц Соломон Григорьевич – это имя в 50-60-е годы прошлого столетия было широко известно в среде новосибирских ученых-экономистов и ра-

ботников облпотребкооперации. Велика его роль в создании Новосибирского техникума кооперативной торговли, а позднее, уже будучи директором техникума, он активно участвовал в создании в Новосибирске института кооперативной торговли и потребительской кооперации. Являясь заведующим кафедрой политэкономии в торговом институте, он подготовил многих аспирантов. Одновременно долгие годы читал лекции областному партийно-хозяйственному активу. Однако, мало кто знает, что еще задолго до того, как уйти на фронт, в молодости Соломон Григорьевич являлся председателем еврейского колхоза, существовавшего на территории Новосибирской области в 1926–1934 гг. В 1972 г. вслед за детьми С.Г. Лифшиц переехал в Израиль, где писал для русскоязычной прессы аналитические статьи на экономические темы. Там же написаны и мемуары об истории еврейского колхоза. Умер С.Г. Лифшиц в 1997 году в возрасте 89 лет в Израиле, в г. Беэр-Шева Кропотливая работа по созданию книги о единственном еврейском колхозе в Новосибирской области, основанной на воспоминаниях С.Г. Лифшица, была проведена Турецкой (Лифшиц) Е.М., племянницей автора воспоминаний. Книга дополнена документами и фотографиями из семейного архива Турецкой (Лифшиц) Е.М. Издание осуществлено на средства гранта ФЕНКА.

УДК 929.52

Турецкий Г. Б.
(г. Йокнеам, Израиль)

СИБИРСКИЕ ЗАРИСОВКИ ИЛИ ЛИФШИЦЫ В СИБИРИ

Аннотация. Эта зарисовка описывает историю семьи автора в Каинске на фоне глобальных событий во время короткого, но вероятно наиболее динамичного, периода в жизни города. Читатель узнает об интересной особенности дореволюционного Каинска, где сложилась значительная еврейская община.

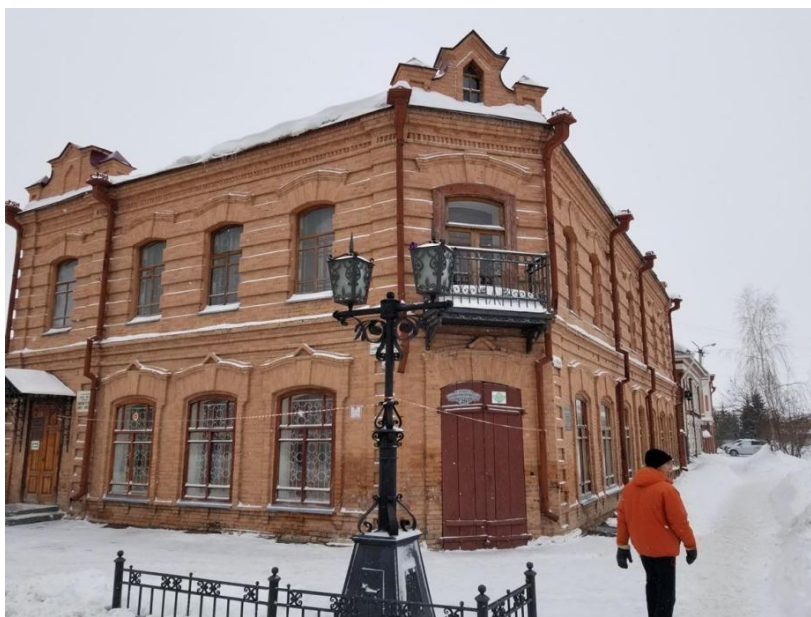
Ключевые слова: история, Каинск, генеалогические исследования, еврейская община.

Год был 1722. Петр лишь год назад стал Императором Всероссийским. Он занят – начинается война с Персией, создается Табель о рангах, да и на дальних восточных окраинах империи не спокойно. Калмыки и киргизы беспокоят присягнувших империи барабинских татар, разоряют поселки. И Петр строит на левом берегу Каинки при впадении в реку Омь Каинский форпост. Вскоре через форпост проходит главная артерия империи – Московско-

Сибирский тракт. Граница отступила дальше, и крепость превращается в поселок, а затем и в городок Каинск.

Непрерывно идут по Сибирскому тракту люди, кто-то по своей воле – за большей свободой, новыми возможностями, славой. А кто-то бредет месяцами, гремя кандалами – в ссылку. Каинск превращается в одну из важных остановок на этом пути. Плодородны Барабинские степи. Здесь разводят лошадей, процветает производство масла и зерна.

Среди прочих, растет в Каинске и еврейское население. Этот городок становится одним из еврейских центров в Западной Сибири, наравне с Томском и Мариинском. В 1909 г. до 25% населения здесь составляют евреи. Они присутствуют во всех сферах жизни – купцы, мещане, врачи. Среди жителей Каинска встречаются фамилии Аронов, Бульвахтер, Каплун, Коган, Куперштох, Левако, Лифшиц, Лондон, Мирович, Мовшович, Мощицкий, Ривво, Тинкер, Фукс, Шамис и многие другие.

Дом купца первой гильдии Левако. В этом здании сегодня размещается краеведческий музей г. Куйбышева

Жизнь здесь спокойнее, и нет такой тесноты и скученности, как в европейской части России. Здесь почти нет неприятия чужих – ведь все здесь появились недавно, мало кто может насчитать больше 1 – 2 поколений предков в Сибири. Места и занятий хватает всем.

После погромов в Кишиневе, Одессе и прочих местах евреи двинулись из черты оседлости. Многие на запад – в Америку, кто-то на юг – в Палестину. А кто-то решал попытать счастья на востоке, в Сибири.

Этот поток захватил и моих предков. Семейство Лифшиц жило в Могилевской губернии. Один из сыновей Исаака Лифшица, Борис, был сослан в Сибирь в конце XIX в. К началу века XX-го он сумел обосноваться в Каинске – содержал там каменную гостиницу, восемь окон которой выходили прямо на Московскую улицу. Место было бойкое: через дорогу гостей зазывал ресторан «Якорь», в соседнем доме был кинотеатр. Множество купеческих лавок вдоль тракта предлагали товар покупателям.

Номера Лифшица – сохранившийся дом по улице Краскома
(бывшая Московская)

Номера Лившица – интерьер одной из комнат

Братья Бориса – Григорий, Лазарь и Израиль – решили перебираться к нему.

В 1906 г., через Тобольск и Ялуторовск, они прибыли на станцию Каинск Томский (сегодняшний Барабинск), а оттуда в Каинск. Григорий Исаакович пробовал разные занятия: содержал скобяную лавку, занимался извозом, был управляющим у купца Когана. Но и о семье не забывал. В 1907 г. у его супруги, Марии Соломоновны, родилась дочь Цыпа, Ципора. В 1908 – сын Шломо.

Жизнь общины кипела. Игались свадьбы, преподавательница танцев Сарра Соломоновна Бомштейн искала учеников, торговля процветала. Драматическое общество Каинска устраивало вечера с танцами. И тогда танцы продолжались далеко за полночь.

Объявление о вечере, организованном Каинским драм. Обществом (копия).

Политическая жизнь в России бурлила, стремления к переменам в Петербурге и европейской части империи отзывались эхом в Сибири. Многие из будущих революционеров попадали в ссылку через Каинск, некоторые из них оставались здесь навсегда. В Каинске возникают отделения РСДРП и Бунда. Местное отделение организации сионистски настроенной молодежи «Геховер» организует спектакли, благотворительные базары и вечера.

В 1914 г. страна вступила в мировую войну. Военнопленные стали попадать в Сибирь. Одна из сестер Марии Соломоновны Лифшиц вышла замуж за пленного австрийского еврея.

В 1917 – новые потрясения. В далеком Санкт-Петербурге грянула февральская революция. Отречение императора, республика, Временное правительство – все это было так далеко, но и Каинск не отставал от страны. Здесь стали создаваться Советы рабочих и крестьянских депутатов. Поначалу в них в основном входили представители меньшевиков и эсеров. В Каинске тогда имелись лишь мелкие промышленные предприятия, где было мало наемных рабочих. Жители многих деревень о большевиках не знали ничего. Изредка приезжавшие агитаторы ратовали за эсеров, кадетов.

Докатывались новые вести с запада: в октябре большевистский переворот. 20 февраля 1918 г. Каинский Совет рабочих и солдатских депутатов взял всю полноту власти в свои руки. По составу Совет стал к этому времени в основном большевистским.

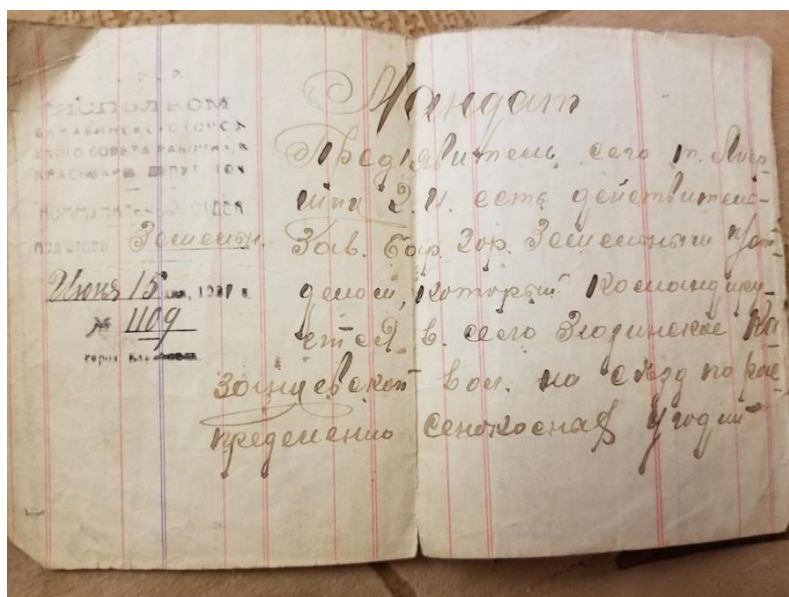
Но в этот раз продержались большевики не долго.

Чехословацкий корпус, отправлявшийся обратно в Европу для участия в продолжающейся мировой войне, при поддержке белогвардейских офицеров и солдат, совершил переворот и захватил многие города вдоль транссибирской железной дороги. 10 июня началось наступление на Каинск с двух сторон – от Омска и от Новониколаевска. Красногвардейские части потерпели поражение. Советская власть в городе и уезде была свергнута. На некоторое время на бескрайней территории Сибири установилась власть Верховного Правителя адмирала Колчака. В ответ на расстрелы и белый террор по всему Каинскому уезду развернулось партизанское движение.

Прошлая жизнь летела под откос. В эти дни Борис Лифшиц решил не рисковать и продал свою гостиницу Науму Лондону.

В декабре 1919 г. части Красной армии вошли в Каинск. Вскоре Колчак потерпел окончательное поражение и был расстрелян в феврале 1920 г. в Иркутске.

Кто-то бежал в Дальневосточную Республику и далее – в Харбин, Шанхай, Калифорнию и Австралию. Левако и некоторые другие перебрались в Палестину. Но Лифшицы остались. Казалось, самое страшное позади. В марте 1921 г. большевики объявили Новую Экономическую Политику, разрешили частное предпринимательство и Григорий Исакович решил рискнуть. Он открыл скорняжную лавку в Каинске, участвовал в общественных делах. Жизнь налаживалась и в 1921 г. в семье появился маленький Мося, мой дедушка.

Мандат Лифшиц Григория Исааковича, представителя на съезде по распределению сельхозугодий. 1921 г.

Но НЭП оказался только временным послаблением. Обложенный непомерными налогами, Григорий Исаакович разорился и был вынужден закрыть свою лавку. К тому же теперь он был лишен всех прав и с трудом сводил концы с концами.

В подобной ситуации оказались многие в Каинске. Положение было отчаянным. К счастью, это было время первых экспериментов с колхозными хозяйствами, когда большевики еще пытались убедить крестьян вступать в колхозы добровольно. Новая власть нуждалась в положительных примерах успешных хозяйств. Несколько еврейских семей из Каинска сумели организовать еврейскую сельскохозяйственную артель «Золотая Нива» в Коченевском районе Новосибирской области.

На этом Каинская часть жизни Лифшицев окончилась...

Я с детства слышал истории о тех годах в «Сибирском Иерусалиме», и был очень рад побывать в Каинске – сегодняшнем Куйбышеве. Было очень волнительно на несколько часов погрузиться в атмосферу Каинска, посетить сохранившееся здание номеров Лившица (теперь там располагается адвокатская коллегия Куйбышева).

Вид на замерзшую Омь с моста. 2020 год выдают только электрические провода, натянутые над рекой ...

В феврале 2020 года снег падал на улицы города, на Сибирский тракт и замерзшую Омь точно также, как когда-то более ста лет назад его видели Григорий Исаакович Лифшиц и его семейство – и как через сто лет, возможно, его увидят мои потомки.

УДК 929

Добрынин М. Н.

*Новосибирское Историко-Родословное общество
(г. Новосибирск, Россия)*

СОСТАВЛЕНИЕ РОДОСЛОВНЫХ СХЕМ И РОДОСЛОВНЫХ ДЕРЕВЬЕВ

Аннотация. В статье анализируются вопросы сбора и систематизации информации при составлении родословной схемы: как начать генеалогическое исследование, как сделать генеалогическое древо семьи, описаны источники для составления родословной, виды и типы родословных.

Ключевые слова: сбор информации, родословная схема, вид родства, генеалогическое древо, генеалогия.

Историк кон. XIX – нач. XX вв. К.Н. Бестужев-Рюмин сказал, что «где существует история родов, городов и учреждений – там возможна общая история».

ИСТОРИЯ – от греческого *historia* – рассказ о минувшем, познанном.

ИСТОРИЯ – комплекс взаимосвязанных общественных наук, изучающих эволюцию человеческого общества в отдельных аспектах и в целом. Подразделяется на всеобщую, отдельных стран, регионов и прочие подразделения.

Слово ГЕНЕАЛОГИЯ в дословном переводе с греческого языка – описание происхождения. ГЕН – это род, происхождение, а ЛОГОС – описание. Можно его перевести и как РОДОСЛОВИЕ. В последнем варианте это слово используется довольно часто и довольно давно в русском языке (с XIV–XVI вв.).

Из всех исторических наук только генеалогия занимается изучением родственных связей между людьми, как живущих в настоящее время, так и умерших. То есть, это единственная историческая наука, связывающая всех представителей рода в одну строгую стройную систему, как по поколениям (по вертикали), так и внутри поколения (по горизонтали).

Генеалогия разделяется на две части: практическую и научную (теоретическую). Научная генеалогия занимается исследованиями генеалогического характера и связана с задачами генеалогического или исторического исследования. Практическая генеалогия юридически оформляет степень родства между членами рода и родственные связи этого рода с другими родами. Как практическая, так и научная генеалогия основывается на выверенных документальных источниках и тесно связаны между собой.

До сего времени нет единого определения науки генеалогии. В нач. XX в. генеалог Л.М. Савёлов отмечал, что у определения генеалогии есть две части. Первая – «Генеалогия есть, построенное на достоверных документах и других источниках доказательство родства, существующее между лицами, имеющими общего родоначальника или потомка, независимо от общественного положения этих лиц». Вторая – и «Генеалогия есть история того или другого рода во всех проявлениях жизни его представителей, как общественной, так и семейной».

Как сделать генеалогическое древо семьи?

Каждый ребенок в определенном возрасте начинает интересоваться своими родственниками, своим родом. Он спрашивает, а кто были его дедушка, бабушка, прадедушка, прабабушка, чем они занимались, где жили? И не всегда родители знают все ответы на подобные вопросы. Если Вы и ваш ребенок еще не знакомы с историей вашего рода, то можно вместе начать составлять генеалогическое дерево своего рода или родов.

Составление генеалогического дерева расскажет ребенку историю его рода, воспитает в нем гордость за то, что он принадлежит к этому роду, к этой фамилии. Изучая свой род и своих предков, ребенок захочет стать достойным

продолжателем своего рода. Подключайте к своей работе всех родственников, ведь составление родословной сплачивает семью. Маленькому человеку важно знать, что у него есть корни: это придает чувство уверенности в себе.

Чтобы раздобытые Вами сведения не забылись, лучше зафиксировать их на бумаге. Чтобы было наглядней и красивей, нарисуйте большой красочное дерево вашего рода. Ребенку обязательно понравится ваша затея и он будет Вашим главным помощником.

Итак, для работы вам понадобится: ватман большого формата, цветная бумага, фломастеры, ножницы, клей.

Вот примерная последовательность Ваших шагов:

1. На ватмане нарисуйте большое дерево с разлогими ветвями.
2. Вырежьте из бумаги зеленого цвета листочки, их нужно столько, сколько членов вашей семьи.

3. На каждом листочке напишите фломастером ФИО члена семьи, и кем он приходится ребенку. Будет просто замечательно, если вы сможете узнать, в каком городе жили члены вашей рода, чем занимались, сколько у них было детей. Все это записывайте на листочках.

4. Теперь начинаем клеить листочки на ветки дерева в определенном порядке. Начинаем снизу. На самой нижней ветке нужно наклеить листочек с данными последнего родившегося члена вашей семьи, его родных братьев и сестер. На следующей по высоте ветке наклеить листочки с именами мамы и папы, а также с именными их братьев и сестер. Причем мамин листочек (и листочки родственников с ее стороны) клеится с одной стороны дерева, а папин (и листочки его родни) с другой. То есть по одну сторону дерева находится мамин род, а по другую – папин. На ветках следующего «этажа» дерева клеятся листочки с именами родителей мамы и папы ребенка, и так далее. Каждое поколение занимает свой «этаж».

5. Ваше генеалогическое дерево будет еще красивее и полнее, если рядом с листочками-данными вы приклеите фотографию члена вашей семьи.

Вот и все, генеалогическое дерево Вашего рода готово!

Источник: <http://kinderinfo.ru/kak-sdelat-genealogicheskoe-drevo-semi/>

Источники для составления родословной

Для составления родословной можно привлекать очень широкий спектр источников. Главным критерием при его выборе является то, что источник должен быть тесно связан с объектом нашего поиска. Но всё же, чтобы не запу-

таться в собранных материалах и иметь представление о их достоверности, надо их как то классифицировать.

Все генеалогические источники делятся на две большие группы это – устные или легендарные и письменные.

К устным источникам относятся все семейные придания, легенды, рассказы как передаваемые устно, так и записанные со слов родственников. Этот вид источников более других может быть подвержен разного рода искажениям и неточностям, так как человеческая память может помнить многое, но все же она не совершенна. Обычно этот источник применяют на начальном этапе сбора материалов о роде. Делают обычно это в виде опроса живущих родственников. Все данные, полученные в результате опросов, необходимо проверять и уточнять, применяя другие виды источников. Такая проверка должна идти в первую очередь письменными источниками.

К письменным источникам относится все что записано или отпечатано на бумаги, или занесено в базы данных компьютеров. Письменные источники делятся на: 1) официальные (правительственные акты, приказы, указы, законы, заявления, формулярные и послужные списки, метрические книги и выписки, исповедальные списки, писцовые книги, ревизские сказки, документы ЗАГСов, личные листки учета кадров, паспорта, автобиографии и т.п.); 2) исторические (летописи, разрядные и писцовые книги, родословные книги и росписи, гербовники, исторические исследования, генеалогические исследования по отдельным родам, различные Книги Памяти, некрополи и т.п); 3) семейные (воспоминания, дневники, семейная переписка, духовные завещания, фотографии, записные книжки, поминальники и т.п.).

С чего начать?

1. Начать необходимо с опроса родственников. Чем Вы подробнее расспросите родственников о своих предках, тем проще вам будет проводить последующие поиск материалов по вашему роду. Собранной информацией заполняют генеалогическую карточку в соответствии её графами. То, что не входит в графы записывают в примечание в конце генеалогической карточки.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ КАРТОЧКА №

1. Фамилия, Имя, Отчество	11. Имущество (недвижимость)
2. Родился	12. Семейное положение (жена /муж)
3. Вероисповедания	13. Дети
4. Крещен(а) в	14. Брак зарегистрирован
Крестная мать	15. Венчание прошло в
Крестный отец	16. Умер (ла) (причина смерти)
5. Состояние здоровья	17. Отпет(а)

6. Состояние психики	18. Похоронен(а)
7. Образование (профессия)	19. Фотография (есть или нет, год)
8. Место жительства	20. Примечание:
9. Военная обязанность	
10. Награды:	

2. Собрать, по возможности, все документы, которые относятся к Вашему роду у себя и у Ваших родственников. По собранным документам проверить правильность заполнения генеалогических карточек (или если они не заполнены, то заполнить их).

3. По генеалогическим карточкам составить родословную схему.

4. В соответствии с родословной схемой разрабатывается эскиз родословного дерева, а затем пишут (красками), рисуют, ваяют, шьют и тому подобное, то есть создают само родословное дерево.

Как начать генеалогическое исследование?

Начинать генеалогические исследования собственного рода лучше всего с... Ни за что не угадаете с чего. С закупки канцтоваров и ревизии. Запомнить все невозможно, все факты необходимо записывать с указанием источника и складывать в конверты и папки. Туда же позже отправятся копии документов, фотографии и архивные справки, но это потом. Даже если вы крутой компьютерный человек и собираетесь все сканировать и хранить в компьютере, вам нужен и бумажный архив.

Проведите дома ревизию старых документов и фотографий. Документы, которые содержат генеалогическую информацию – Свидетельства о рождении, Свидетельства о браке, Свидетельства о расторжении брака, Свидетельства о смерти, Паспорта, Трудовые книжки, свидетельства, аттестаты, удостоверения, грамоты, дипломы, орденские книжки, военные билеты. Обращайте внимание на имена, даты, место жительства, родственные связи. Со всех документов снимите ксерокопии. В одну папку складывайте всё касающееся отцовской линии, в другую – материнской. Для каждого человека – отдельный конверт. Получая новые сведения, не забывайте их раскладывать. Впоследствии Вам предстоит поставить перед собой задачу добраться до семейных архивов родственников и скопировать все, относящееся к делу.

Поскольку при советской власти население было, как говорится, паспортизировано, паспортные сведения тоже могут служить источником генеалогической информации. Вряд ли вы дома найдете чей-то старый паспорт, но номер

паспорта может быть записан, например, в старой записной книжке, а это уже говорит о возможности искать сведения в архивах.

Сделайте опись всех собранных бумаг, то есть перечень и краткое их содержание. Конверты, в которых находятся бумаги, пронумеруйте. Не надо реставрировать ветхие документы и фотоснимки, если это необходимо, отдайте их специалистам. Не клеивайте документы в альбомы — только вкладывайте их в заранее подготовленные конверты, копируйте и сканируйте. Как максимум, можете на обороте фотографий писать карандашом: кто изображен, когда и где сделан снимок. Копии документов и документы храните в развернутом виде (чтобы не терлись сгибы), большие и ценные документы и редкие фотографии размещайте в отдельных конвертах. А вот теперь уже есть возможность готовиться к общению с родственниками.

Теперь приходит очередь разговоров. У большинства людей родственники не интересуются генеалогией и родственными связями, сотрудничать не хотят, никаких документов не предоставляют... Многие генеалогические исследования закончились именно на этом этапе. Ну, для начала, подумайте сами, — с какой стати им для вас что-то делать? Одно дело, когда случается что-то серьезное, тогда родственники, как правило, приходят на помощь, а так, ради фантазий... Генеалогия — это для Вас серьезно. А для них, вполне возможно, что-то другое. У них свои проблемы, хлопот выше головы, поэтому они уж точно не могут считать себя обязанными, например, сначала искать документы, потом идти их ксерокопировать и сканировать, а потом еще тратить вечер, а то и не один, на то, чтобы с Вами общаться. Поэтому, нужно все как следует продумать.

Ходите с блокнотом или с карточками и приставайте ко всем родственникам с вопросами. Расспросите родителей, бабушек и дедушек, тетю и дядю обо всем, что они помнят. Проживающих в других городах расспрашивайте письмами, а лучше по телефону и электронной почте. Вы можете попытаться найти его телефон по телефонной базе или по месту работы, дело это не слишком сложное. Не надо обижаться, если вновь найденные родственники не приглашают Вас в гости, мало ли какие у них условия и обстоятельства. Тем не менее, если родственники живут с вами в одном городе, желательно не писать им письма, а общаться лично. Разговаривать надо в приятной, расслабляющей обстановке, лучше всего дома у того, кого вы решили расспросить, но может подойти и что-то другое. Главное, чтобы опрашиваемый никуда не спешил — двадцатиминутный обеденный перерыв для серьезного опроса не годится, лучше использовать его, чтобы назначить настоящую встречу. Если Ваши родствен-

ники иногда собираются – на праздники, свадьбы, дни рождения – этот случай можно использовать по максимуму.

Удобнее всего, конечно, было бы записывать все на магнитофон, довольно трудно все запомнить. При этом, возьмите кассет в два раза больше, чем, по вашему, надо – постоянное включение и выключение очень действует на нервы, записывайте и паузы. По крайней мере, записывайте ключевые моменты в блокнот, одновременно записывайте вопросы, которые взбрели Вам в голову в процессе рассказа, не перебивайте. Понятно, что большинство людей смущается, когда кто-то записывает их слова, поэтому разговор надо вести так, чтобы человек увлекся рассказом. Если у вас есть фотоаппарат, возьмите его с собой – возможно, Вы сумеете сфотографировать какие-то семейные реликвии, документы, да и самого рассказчика. Магнитофон нужно проверить, заодно приучая собеседника к записи – включите его, скажите, кто вы, какое число, с кем и о чем вы разговариваете, а потом воспроизведите эту запись.

Назначая встречу, предупредите, что Вы будете все записывать и придете с фотоаппаратом, пусть человек заранее психологически подготовится. Не забудьте объяснить, зачем Вы все это делаете, каким будет конечный результат и можно ли будет его посмотреть. Не давайте обещаний, которые не собираетесь выполнять, если, например, вы собираетесь выложить результат в интернете, предупредите об этом, тогда, возможно, Вам что-то сообщат «не для печати».

Начиная разговор, поговорите о себе. Вам нужно установить контакт, создать ощущение комфорта и связи между Вами и человеком, с которым Вы разговариваете. В это время подготовьте блокнот или магнитофон с фотоаппаратом, если собираетесь ими пользоваться.

Подготовьте список вопросов, причем выдумывайте такие, чтобы на них нельзя было ответить односложно. Вопрос: «А вы помните, как звали родителей дедушки?», – не годится, очень легко получить ответ «Нет». Даже вопрос: «А что Вы помните о родителях вашего дедушки?», – не слишком хорош, можно получить ответ: «Ничего!». Вопрос должен прозвучать так, чтобы на него отвечали как можно дольше, поэтому нужно сначала спросить о самом дедушке, о его характере, о том, что он рассказывал о своем детстве, а если не рассказывал, то почему, а потом уже постепенно переходить к его родителям. Если вы все-таки получили односложный ответ, попробуйте уточнить: «А почему?».

Поскольку каждая семья уникальна, нельзя составить список вопросов, подходящий для всех. Но вот некоторые темы, которые можно обсудить.

– Когда в семье появилась фамилия, есть ли какие-нибудь истории о ее происхождении, менялась ли она когда-нибудь? Есть ли традиционные для се-

мы имена? Какими уменьшительными именами звали предков и родственников и откуда они взялись?

– Переселялась ли семья с места на место, сколько лет уже семья живет на этом месте, есть ли какие-то семейные предания, связанные с местом жительства, предметы, привезенные со старого места? Какие самые старые вещи были в доме, когда ваш собеседник был маленьким?

– Есть ли какие-то семейные реликвии? Существует ли какая-то связанная с ними история? Кто изображен на старых фотографиях? Кто, когда и по какому поводу делал эти фотографии? Есть ли какие-то старинные документы?

– Были ли в семье какие-то традиции, которые со временем пропали или изменились? В чем они состояли и откуда взялись? Как в семье отмечали праздники? В каких случаях собиралась вся семья? Что при этом делали, о чем говорили? Если это прекратилось, то почему? Кого в семье уважали и выражали ему особое почтение?

– Были ли в семье нарушители традиций, люди, которых не любили, побаивались или такие, связь с которыми была потеряна? Есть ли какие-то семейные особенности разговорной речи, семейные шутки и непонятные другим слова? Известны ли какие-то яркие случаи из жизни родителей, дедушек и бабушек, более ранних предков, любых родственников. Есть ли легенды о родственных связях с какими-то колоритными личностями и знаменитостями? Есть ли истории про соседей и знакомых?

– Как ваши предки встретились и поженились? Есть ли какие-то специальные семейные блюда? Передавались ли какие-то рецепты из поколения в поколение? Откуда они взялись, как и почему менялись со временем? Была ли какая-то традиционная праздничная пища? Есть ли в семье какие-то истории, связанные с едой?

– Как на семью повлияли разные исторические события, кто в семье пострадал или совершил героический поступок? Хранятся ли в семье какие-то награды? Какие браки не могли бы состояться, если бы не какое-то историческое событие?

Лучше всего начать с какого-то простого вопроса, на который можно отвечать не задумываясь – про время и место рождения, или о какой-то ранее рассказанной Вам этим собеседником истории. Выдумывая вопрос, пытайтесь представить реакцию собеседника. Лучше всего начинать разговоры с тех, кто заведомо хорошо к Вам относится, с кем Вы чувствуете себя хорошо. В процессе разговора Вы можете узнать что-то и о других источниках, что-то вроде: «Тетя Марина может про него много рассказать, ей всегда нравилась эта исто-

рия». Да и вообще, лучший способ найти новые источники информации – расспрашивать тех, кто первым приходит Вам в голову. При этом не нужно «зацикливаться» на списке вопросов и стремиться их все задать, задавайте те, которые подходят к разговору.

Слушайте внимательно и проявляйте интерес, кивайте и улыбайтесь. Если человек задумался, не торопите, не бойтесь тишины. Если возникла не предусмотренная Вами тема, не прекращайте разговора, пригодится все. Не пытайтесь говорить только о прошлом, а выслушивайте все, что Вам хотят и могут сказать. Стимулируйте рассказывать Вам истории и анекдоты. Они интересны даже и в том случае, если не соответствуют историческим фактам, они позволяют понять историю Вашей семьи во всей полноте, со всеми мечтаниями и предрассудками ваших предков, со смыслом их жизни и со смыслом существования вашей семьи.

Но, конечно, не надо забывать о цели. В чем цель Ваших расспросов? Но даже если Ваша цель – только узнать исторические факты, пусть разговор течет свободно. Цель определяет, какие стоит задавать вопросы. Стимулируйте собеседника использовать в разговоре старые документы, семейные фотографии, даже какие-то бытовые предметы, если они сохранились – все это помогает вспомнить.

Когда разговор будет подходить к концу, просмотрите свой список вопросов, может быть, в ходе разговора Вы какую-то тему не затронули. Если собеседник устал, не настаивайте на продолжении, договоритесь о следующей встрече. Опыт показывает, что нормальная продолжительность беседы – один-два часа.

Вернувшись домой, приведите в порядок записи, систематизируйте все, что узнали, особо отметьте то, что поможет Вам в дальнейшем поиске, но не подлежит разглашению. Обязательно запишите из чьего рассказа вы подчerpнули информацию, когда и при каких обстоятельствах. Не откладывайте это, позже вы обязательно забудете какие-то важные детали. Если вы записывали разговор на магнитофон, пометьте пленки.

Виды и типы родословных. Составление родословных предполагает накопление большого фактического материала по представителям отдельной фамилии.

Прежде чем составить родословную, проводят сбор информации о роде и отдельных его представителях. Эту информацию удобно накапливать с помощью специально разработанных генеалогических карточек, конечно если вы не пользуетесь какой либо генеалогической компьютерной программой.

По способу представления родословные делятся на ВОСХОДЯЩИЕ И НИСХОДЯЩИЕ.

ВОСХОДЯЩИЕ родословные строятся от известного в настоящее время человека по принципу СЫН, его ОТЕЦ, его ДЕД, его ПРАДЕД и т. п. То есть соблюдается принцип от известного к неизвестному. Подобные родословные создаются обычно на первом этапе работы по её составлению или при специальных генеалогических исследованиях.

НИСХОДЯЩИЕ родословные составляются тогда, когда накоплен достаточный генеалогический материал для составления, хотя бы рабочего варианта, родословной и известен основатель рода или самый старый представитель рода. Законченные родословные всегда составлены по нисходящей форме, хотя здесь надо сделать оговорку, так как строго говоря не одна родословная в мире не может быть закончена, для этого надо чтобы всё человечество перестало размножаться. При составлении нисходящих родословных используется принцип ПРАДЕД – ДЕД – ОТЕЦ – СЫН.

Одним из основных условий в составлении родословных является то, что они составляются по мужской линии, и только для специальных генеалогических исследований составляют СМЕШАННЫЕ родословные (мужская + женская линии). СМЕШАННЫЕ родословные составляются довольно редко, в основном для того чтобы выяснить родственные связи между представителями различных родов.

Родословные по женской линии не составляются, так как во-первых, они все равно фактически сводятся к составлению смешанной родословной, а во вторых, юридически принято, что женщина и родившиеся у неё в законном браке дети переходят в род мужа, это не относится к незаконнорожденным детям и женщинам, живущим в так называемом «гражданском браке».

Перед тем как мы начнем разговор о видах оформления родословных, надо отметить, что строгого стандарта на оформление родословных материалов нет, но принято всё же, придерживаться определенных правил, наработанных предыдущими поколениями генеалогов.

Имеются следующие виды представления генеалогических материалов:

- Родословная схема,
- Родственное древо,
- Родословная таблица,
- Родословная роспись.

Самый простой и наглядный вид, это родословная схема. Схема может составляться как по восходящей, так и по нисходящей. Она может составляться

как в начале исследования, в качестве рабочего варианта, так и на завершающей стадии исследования, когда генеалогический материал уже обработан и составляется окончательный вариант родословной.

Когда генеалогического материала мало для составления родословной росписи, родословная схема может являться конечным продуктом в генеалогическом исследовании. Это часто происходило особенно в XV – XVII вв. в странах Западной Европы.

Схемы составляются по поколениям, представители рода имеют единую нумерацию, начиная от № 1, первого известного предка, до самого последнего члена рода родившегося в настоящее время. При составлении родословной схемы желательно чтобы у каждого члена рода была следующая информация:

- Имя, отчество
- дата рождения (на схеме отображается символом «*»)
- дата регистрации брака (на схеме отображается символом «ОО»)
- имя, отчество, фамилия супруга(и) (если жена, то её девичья фамилия)
- дата смерти (на схеме отображается символом «+»).

Мужчины на схемах отображаются символом – ☐

Женщины на схемах отображаются символом – ☐

Родословное древо, по сути, есть та же родословная схема, только художественно оформленная и обычно в виде раскидистого дерева, в корнях которого записывается имя первого известного предка и если известно, то имя его жены. Ветви этого дерева символизируют поколения, а на листочках пишутся члены рода, причём самые верхние листочки – это ныне живущие члены рода. Родословные древа составляются (вернее сказать рисуются, тушью, карандашами, красками и т.п.) и могут использоваться в качестве своеобразных картин в интерьере любого жилища. Родословные древа самое широкое хождение имели в X – XIX вв. в странах Западной Европы и не всегда они создавались в виде деревьев. Имеет место быть и круговая восходящая схема прямого родства. В середине её ставится человек, от которого составляется схема прямого родства. В верхнем полукруге записываются все известные прямые предки по отцу. В нижнем полукруге – все прямые предки по материнской линии (отец – дед – прадед – прапрадед..., а так же мать – бабушка – прабабушка – прапрабабушка...).

Генеалогические компьютерные программы. В последнее время появились генеалогические компьютерные программы, которые позволяют быстро обработать информацию и составить родословные схемы.

Можно воспользоваться следующими генеалогическими программами:

- Древо жизни (drevo) <http://www.genery.com/ru>

- MyHeritage <http://www.myheritage.com/index.php?lang=RU>
- Genealogia <http://www.genealogie.com/>
- FamilyTree <http://www.familytree.ru/>
- GenoPro <http://www.genopro.com/ru/>

Виды родства, термины родства

Вступая, в брачные отношения друг с другом, мы одновременно вступаем в новый вид родственных отношений, который определяется соответствующими терминами.

В российской национальной традиции существуют три вида родства – кровное родство, свойское родство и духовное родство.

Кровное родство предполагает родство по крови, как с отцовской стороны, так и со стороны матери. К кровным родственникам относят пращура, предка, прапрадеда, прапрабабушку, прадеда, прабабушку, деда, бабушку, отца, мать, сына, дочь, сестру, брата, внука, внучку, племянника, племянницу, тетку, дядю. Кровное родство разделяется на: родное, двоюродное, троюродное и т. п. Двоюродное и троюродное родство ещё называют внучатым. В XVIII – XIX вв. из Франции к нам в Россию перешли термины кузен и кузина. Этими терминами определяют двоюродных и троюродных братьев и сестер.

Свойское родство предполагает родство между семьями, чьи дети вступили в законный брак. Хочу подчеркнуть ещё раз, что этот вид родства наступает только по заключению законного брака, так называемый гражданский брак являются незаконным, а дети, рожденные в таких браках фактически незаконно-рожденные. К свойским родственникам относят: тестя, тещу, свёкра, свекровь, свата, сватью, невестку (сноху), зятя, свояка, свояченицу, золовку, шурина, ятровь, деверя. Свойство может быть родным, двоюродным и троюродным.

Духовное родство предполагает родство через крещение ребенка или путем обмена нательными крестами. К духовному родству относятся термины: кум, кума, крестная мать, крестный отец, крестный сын (крестник), крестная дочь (крестница), крестный брат, крестная сестра, брат во кресте, сестра во кресте.

Муж и жена составляют одну живую плоть, поэтому между ними не полагается раздельной степени род, они рождаются путем вступления в законный брак. Термины родства имеют свои определенные значения. Рассмотрим их:

ЖЕНИХ – термин говорит сам за себя, то есть человек (мужчина) женится;

НЕВЕСТА – термин определяется учеными как «не ведомая, неизвестная», «та, которую не знают»;

ЖЕНИХОМ И НЕВЕСТОЙ становятся после того как будет объявлено о помолвке.

МУЖ и ЖЕНА первоначально означали просто мужчину и женщину и определялись как:

МУЖ – термин определяется от слова «мнить», «думать», то есть это зрелый мужчина умеющий думать;

ЖЕНА – термин определяется как «рождающая»;

СУПРУГИ – термин определяется как идущие «в одной упряжке». Приведем определения терминов кровного родства:

ПРАЩУР – родитель прапрадеда или прапрабабки;

ПРА – приставка, определяющая родство дальше деда и бабки по восходящей;

ПРЕДОК – прародитель, родоначальник, предшественник в роде, семье, племени в восходящем порядке;

ДЕД – отец отца или матери, (или их дядьки), вообще старый человек мужского полу. Ранее определялся как Великий Отец. Имеет ласкательные варианты: дедуля, деда, дедуся, дедушка. Различают родного деда, двоюродного, троюродного и т.п.;

БАБКА – мать отца или матери (или их тетки), вообще старая женщина. Ранее термин мог иметь значение Великой матери. Имеет ласкательные варианты: бабуля, бабуся, бабушка, баба;

ОТЕЦ – изначально происходит от корня «ат», означающего старый. От этого родственного термина образовалось много слов: отчина, вотчина, отчество, отечество, отчизна и другие. Термин имеет разговорные варианты: батя, тятя, тятенька, батяня и другие. Из французского языка пришел синоним ПАПА и его производные папенька, папуля, папочка. Различают: родного отца, приемного отца, отчима – второго мужа матери, крестного отца;

МАТЬ – однозначного определения этого термина пока учёными не дано, но чаще всего его определяют как «родительница». В просторечии ещё определяют как БАБА. От этого термина произошли слова: материнство, материк, матка, матереть (вступать в пору зрелости) и другие. Имеет уменьшительно-ласкательные формы: мамуля, мамочка, мамуся, мати, маманя и другие. Из французского языка пришло МАМА. Различают: родную мать, приёмную мать, мачеху – очередную жену отца, крестную мать.

СЫН – первоначально термин определялся, вероятно, как «рожденный», «связанный» с родителями. Различают: родного сына, пасынка (неродной или сводный сын) – сын одного из супругов от прежнего брака, приемного сына (воспитанника, названного сына) – мальчика взятого на воспитание, крестного сына;

ДОЧЬ – первоначально определялся как «сосущая». Различают: родную дочь, падчерицу – дочь одного из супругов от предыдущего брака, приемную дочь (воспитанницу или названную дочь), крестную дочь;

БРАТ – термин своего однозначного определения не имеет. Имеет следующие варианты: братка, братушка, брательник, братишка, братан, братец и другие. Различают братьев: родных, двоюродных, троюродных, внучатых, однокровных, одноутробных, молочные, крестных, названных, сродных, во кресте;

СЕСТРА – первоначально термин имел значение «своя женщина», то есть из своего рода, семьи, племени. Имеет варианты: сестрёнка, сеструха, сестричка, и другие. Различают сестер: родных, двоюродных, троюродных, сродных, одноутробных, однокровных, сводных, внучатых, молочных, крестных, во кресте;

ПЛЕМЯННИК (ПЛЕМЯННИЦА) – термин означает того же роду племени. Ранее племянника называли **НЕТИИ**, а племянницу – **НЕСТЕРА**. В других славянских языках эти значения остались. Племянники бывают: родные, двоюродные, троюродные, внучатые;

ДЯДЯ – брат отца или матери, первоначально термин разделялся на дядю по отцу и дядю по матери. В настоящее время такого разделения нет. Различают дядю: родного, двоюродного, троюродного. Имеют хождения уменьшительно-ласкательные варианты: дядюшка, дяденька, дядечка и др.;

ТЕТКА – сестра отца или матери. Различают: тётку малую – сестра отца или матери, тётку великую – сестру деда или бабушки, родную тётку, двоюродную, троюродную, внучатую тётку.

Термины свойского родства определяют родственные связи между породнившимися семьями и родами, и перечислены были выше. Попробуем определить значения этих терминов.

СВАТ И СВАТЬЯ – термины определяют родственную связь между родителями вступивших в законный брак супругов. Эта связь наступает после того, как пройдет бракосочетание (венчание) и будет сыграна свадьба, только после этого;

НЕВЕСТКА – термин от слова невеста, то есть неведомая, незнакомая, этим термином называют так же жену сына, брата;

СНОХА – второе название НЕВЕСТКИ, только по отношению к родителям мужа. Имеет значение – «связанная»;

СВЁКОР – отец мужа. Термин расшифровывается как «свой»;

СВЕКРОВЬ – мать мужа, расшифровывается по разному – «своя кровь», «своя госпожа», «своя власть», «имеющая очаг»;

ЗОЛОВКА – незамужняя сестра мужа. Золовку некоторые определяют как злой, другие как веселой, разбитной. В Болгарии её называют яблонькой, малинкой, калинкой;

ДЕВЕРЬ – брат мужа;

ЯТРОВЬ – жена брата мужа, жены братьев между собой, второе их название своячницы;

СВОЯКИ – мужья сестер между собой;

ШУРИН – термин очень старый, но до сих пор нет его однозначного толкования. Одно из определений «сшивающий», «связывающий»;

ТЕСТЬ – отец жены по отношению к мужу. Определяется как «родной», «родимый»;

ТЁЩА – мать жены по отношению к мужу. Определяется также как и **ТЕСТЬ**, то есть «родимая».

Последним видом родства является Духовное родство. Как мы говорили ранее, оно наступало после совершения обряда крещения ребенка или в результате обмена нательными крестами. Раньше, к выбору крестной матери и крестного отца подходили очень серьезно, так как они для крестника перед Богом были как родные родители. Поэтому крестные родители помогали духовно и материально родным родителям воспитывать своего крестника. И если случалась так, что родные родители умирали раньше времени, то крестные родители должны были брать заботу о воспитании ребенка на себя, эта была их духовная обязанность. Ниже приведены термины, используемые в духовном родстве и их определение.

КУМ И КУМА – крестные родители по отношению друг к другу, или родные родители ребенка по отношению к крестным родителям;

ВОСПРИЕМНИКИ – крестные родители;

КРЕСТНАЯ МАТЬ – восприемница ребенка во время крещения;

КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ – восприемник ребенка во время крещения;

КРЕСТНЫЙ СЫН (крестник) – воспринятый по отношению;

КРЕСТНАЯ ДОЧЬ (крестница) – воспринимаемая по отношению к восприемникам;

КРЕСТНЫЙ БРАТ – крестник по отношению к родным детям восприемников и наоборот;

КРЕСТНАЯ СЕСТРА – крестница по отношению к родным детям восприемников и наоборот;

БРАТ ИЛИ СЕСТРА ВО КРЕСТЕ – духовная родственная связь, наступающая после обмена нательными крестами. Ранее, брат во кресте не мог жениться на своей сестре во кресте.

УДК 908

Шагабутдинов Н. Х.

имам,

*председатель правления Местной общественной организации д. Юрт-Ора
Колыванского района Новосибирской области*

«Сохранение наследия чатских татар»

(д. Юрт-Ора Колыванского района

Новосибирской области, Россия)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЧАТСКИХ ТАТАР Д. ЮРТ-ОРА (УМАР АИЛ): ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ (ИСТОРИЧЕСКАЯ УСАДЬБА ЧАТСКИХ ТАТАР. МУЗЕЙ И ПАМЯТЬ НАРОДА)

Аннотация. Статья посвящена деятельности этнографического музея «Усадьба чатского татарина» в историческом поселении чатских татар д. Юрт-Ора Колыванского района Новосибирской области. Комплекс ориентирован на возрождение, популяризацию и развитие историко-культурного наследия коренных жителей Сибири – чатских татар.

Ключевые слова: этнографический музей, д. Юрт-Ора, чатские татары, этнотуризм.

Прошлое

Сибирские татары – коренное население Сибири. В Новосибирской области проживали и проживают две этнические группы сибирских татар: чатские и барабинские татары. История чатских татар связана с чатскими городищами в Томской области, в г. Новосибирске (расположение современного парка им. Кирова в Октябрьском районе), в д. Юрт-Ора и с. Юрт-Акбалык Колыванского района Новосибирской области.

Также к настоящему времени в Новосибирской области признаны объектами культурного наследия восемь археологических памятников, однозначно принадлежащих культуре чатских татар XV – XVII вв., включая Бердское городище (обнаружено в 1939 г.).

Сам я родился и вырос в историческом поселении чатских татар д. Юрт-Ора Колыванского района Новосибирской области, расположенном на месте

традиционного расселения и проживания сибирских татар с VIII в. Поселение представляет собой редкое и единственное в нашей области сочетание типологий культурного наследия (история, этнография, археология).

Отличительной особенностью поселения является его нахождение на территории древнего городища, стоящего на учете как вновь выявленный памятник археологии.

Примечательно, что через д. Юрт-Ора пролегал Московско-Сибирский тракт и существовал почтовый ям. Это наложило большой отпечаток на историю развития деревни. Декабристы, ссыльные каторжане, А. П. Чехов, отступление войск Колчака, Вьюнско-Колыванское восстание – все это неразрывно связано с древним поселением чатских татар Юрт-Ора.

Архивные материалы свидетельствуют, что на время прихода русских на эти земли (XVI в.) Юрт-Ора уже существовала на данном месте. К сожалению, точной даты образования Орских юрт пока установить не удалось.

Во второй половине XVI в. жители были подданными хана Кучума. По его инициативе именно в этот период ислам стал в Сибирском ханстве государственной религией.

После завоевания Сибирского ханства Русским государством (конец XVI в.) чатские татары приняли русское подданство и начали платить ясак в Тару, а затем в Томск.

На первом этапе становления государственности осуществлялось крещение инородцев, родовой знати татар. Чаты наших Юрт и Юрт-Акбалыкских сохранили свою веру.

Принятие русского подданства сопровождалось такой процедурой как шертование (шарт – *араб.* – условие, договор) – это была клятва на Коране на верность царю. Началась запись чатских татар в служилые люди, возглавляли служивых татар-мурзы. Служилые татары играли большую роль в охране земель Русского государства, совместно с русскими стрельцами несли караульную службу, ходили в походы. Наши предки по просьбе русских воевод оказывали большую помощь при строительстве Уртамского (1684), Умревинского (1703) и Чаусского (1713) острогов. В 1812 г. чаты участвовали в Северной войне (1700 – 1721), Отечественной войне 1812 г. против войск Наполеона в составе 39-го Томского полка, в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. приняли участие из д. Юрт-Ора 67 чел., из которых 25 погибло, более 20-ти ранено.

Население

В 1805 г. в Юртах Орских проживало 137 татар (74м., 63ж.), в их составе было 76 % чатских татар, 15% поволжских переселенцев и 9% русских.

В августе 1815 г. Чаусским волостным управлением направлен рапорт в Томское земское управление, содержащий сведения о жителях деревни, их вере и занятиях. Из документа видно, что Орские юрты – отдельное поселение чатских татар, все они являются мусульманами (всегда была мечеть-8-я), существуют особо от крестьянских селений и живут хорошо, занимаясь кроме извоза на лошадях, рыбной ловлей, собиранием дикоросов, охотой, скотоводством и хлебопашеством.

По данным переписи 1894 г. Юрт-Ора относилась к Мало-Корюковской инородной управе Томского уезда. Проживало 180 чатских татар (43 хозяйства), 9 переселенцев и 17 разночинцев, 3 грамотных татар.

О сохранении языка (Чатский-Орский говор)

В настоящее время носителей языка более 250 человек. Наша деревня является единственной, где сохранился до наших дней чатский диалект. Главной причиной сохранения явилось следующее: на протяжении последних 4-5 веков в Сибирь по разным причинам устремлялось большое количество переселенцев, среди которых было немалое количество татар с Поволжья. Естественно татарские семьи хотели поселяться в деревнях (аилах) чатских татар. Разрешение на поселение тогда давали старейшины (аксакалы). Если в семьях переселенцев было больше мальчиков, то любезно отказывали, предлагая поискать другое место. Семьи же с большим количеством девочек запускали в деревню, помогали построиться и начать жить на новом месте. Дело в том, что наше поселение ограничено в землях, пригодных для покоса и земледелия. Каждому мужчине необходимо было выделять надел земли, чтобы он мог содержать свою семью. Девушки же выходили замуж за чатских татар и, таким образом, сохранялось их количество, а значит и сохранялся чатский язык. Можно сказать, что строгое соблюдение нашими мудрыми предками законов шариата позволило до настоящего времени сохранить язык. В других же чатских поселениях преобладает язык поволжских татар.

В нашей деревне работало много экспедиций, проводились раскопки, написано несколько книг (Во славу Рассеи, Осетровые ямы). О сибирских татарах-чатах писали П. С. Паллас, Г. Ф. Миллер (племя ДЖАТ).

Настоящее

Создание культурно-исторического, музейно-туристического комплекса в достопримечательном месте д. Юрт-Ора Новосибирской области.

В исторической деревне коренных жителей Сибири – чатских татар Юрт-Ора Колыванского района Новосибирской области с 2012 г. идет реализация гражданского проекта по созданию культурно-исторического, музейно-

туристического комплекса. Данное поселение представляет собой редкое и единственное в нашей области сочетание типологий культурного наследия (история, этнография, археология). 29.11.1994г. администрацией Новосибирской области было подписано постановление «О постановке на госохрану памятного места с. Юрт-Ора Колыванского района».

Местная общественная организация д. Юрт-Ора «Сохранение наследия чатских татар» с 2012 г. ведет активную работу по сохранению и развитию национальных, культурно-исторических и духовных традиций коренного населения Сибири – чатских татар. В соответствии с Концепцией создания вышеуказанного Комплекса, по состоянию на сегодняшний день:

1) в 2013 г. на средства, выделенные по письму Президентом Татарстана (400 тыс. руб.), выкуплен участок для создания этнографического музея и усадьбы чатского татарина;

2) в 2014 г. воссоздана и введена в эксплуатацию историческая Мечеть (8-я по летописи);

3) проведено благоустройство центральной площади деревни (на сумму более 3 млн. руб.);

4) по инициативе МОО д. Юрт-Ора «Сохранение наследия чатских татар» при поддержке Управления по государственной охране объектов культурного наследия Новосибирской области, а также на средства гранта Министерства региональной политики области, в деревне сооружен обелиск в память воинов-фронтовиков, открытие обелиска состоялось 9 июля 2016 г.;

5) в июле 2016 г. вдоль Московско-Сибирского тракта, походившего по деревне, высажена Аллея поколений достопримечательного места Юрт-Ора;

6) в январе-мае 2017 г. подведено «под крышу» здание этнографического музея на средства двух грантов и субсидии Министерства региональной политики области (513 тыс. руб.).

7) в августе 2017 г. по указанию Губернатора Новосибирской области проведено благоустройство Центральной улицы деревни (на сумму 5 млн. руб.).

8) в настоящее время на выделенные государственные средства (7,1 млн. руб.) закончилась реконструкция – строительство усадьбы чатского татарина и этнографического музея. 30 июня 2018 г. состоялось торжественное открытие данных объектов комплекса.

9) в 2020 г. на территории обелиска на средства гранта Министерства региональной политики создан уникальный стенд «Юрт-Орская фронтовая панорама», на котором отражен подвиг 67 фронтовиков нашей деревни.

Будущее

Подводя итог сказанному о прошлой истории и о настоящем нашего исторического поселения, хочется определить перспективы развития деревни на будущее (хотя от наших деревенских аксакалов нам досталась довольно интересная пословица – Эртэнгэзенэ ежек кайгырзын – О завтрашнем пусть беспокоится ишак).

Планируем:

- открыть новую улицу вдоль берега р. Оби на 40 дворов, выделив земли преимущественно уроженцам деревни;
- провести благоустройство дороги Скала – Юрт-Ора;
- создать инфраструктуру для туристов с использованием частно-государственного капитала (гостевые домики, рыбацкую деревню и т. д.);
- провести благоустройство побережья р. Оби вдоль деревни с оборудованием смотровой площадки;

- создать на Центральной площади панно «История деревни в период XVI–XXI вв.»;
- провести благоустройство второй исторической улицы – Горской;
- вернуть в социальное русло территорию бывшего пионерского лагеря, который находится на берегу Оби в бору и примыкает к деревне.

Основная цель МОО д. Ютр-Ора «Сохранение наследия чатских татар» – создание уникального национального, культурно-исторического музейного комплекса, осуществляющего функции культурного, научно-познавательного, общественного, делового характера, ориентированного на возрождение, рациональное использование, популяризацию и развитие историко-культурного наследия коренных жителей Сибири (чатских татар), а также развитие и активизация культурно-познавательного сельского этнотуризма в Колыванском районе Новосибирской области.

Апчелеева Г. И.

педагог – библиотекарь

Аул-Бергульская средняя общеобразовательная школа

Куйбышевского района Новосибирской области

(аул Бергуль Куйбышевского района

Новосибирской области, Россия)

ТРАДИЦИИ, КУЛЬТУРА И БЫТ СИБИРСКИХ ТАТАР НА ПРИМЕРЕ АУЛА БЕРГУЛЬ КУЙБЫШЕВСКОГО РАЙОНА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье на основе краеведческого материала исследуется традиционная культура барабинских татар на примере аула Бергуль Куйбышевского района Новосибирской области, раскрываются особенности бытового уклада, специфика хозяйственных и промысловых занятий, религиозные представления и верования.

Ключевые слова: Бараба, барабинские татары, аул Бергуль, Куйбышевский район, музей татарской культуры, этнотуризм.

Сибирские татары – это тюркское население Сибири, живущее, в основном, в сельских районах Новосибирской, Томской областей, а также в Тюмени, Тобольске, Омске, Новосибирске, Томске, Таре, Барабинске и других городах Западной Сибири.

Бараба ... Из глубины веков пришло это слово, ставшее именем нашего края. Кто первым произнёс это слово? Что означало оно? Вот такую легенду рассказывают старожилы нашего села:

«... жил в давние времена кочевник по имени Барам. Однажды явился к нему во сне один из богов и сказал: «Иди, Байрам, в полуночную сторону, найдёшь землю, богатую пушным зверем, птицей, рыбой поселись там». Барам не посмел ослушаться бога и повёл весь свой род в указанном направлении. Между Иртышом и Обью, Васюганьем и Абышкань-озером на широком степном раздолье разбил он свои юрты и жил долго и счастливо. И вот пришёл его смертный час. Сыновья в честь Барама называли местность Барабой (по свойствам татарского языка М и Б часто сменяют друг друга) ...».

Традиционные занятия татар – земледелие (у некоторых групп оно существовало до прихода в Сибирь русских) и скотоводство. У барабинских татар большую роль играло озёрное рыболовство, речное рыболовство и охота. Раз-

водили крупный рогатый скот и лошадей, выращивали пшеницу, рожь, овёс, просо.

Ремёсла – кожевенное дело, изготовление верёвок из липового лыка, вязание сетей, плетение коробов из ивовых прутьев, изготовление берестяной и деревянной посуды, телег, лодок, саней, лыж. Занимались торговлей, отхожими промыслами (работы по найму в сельском хозяйстве, на казённых лесных дачах, лесопильных и других заводах).

До начала XIX в. сибирские татары жили в основном в землянках, посередине стояли нары, на них обедали, в углу стоял сундук, где хранились вещи. На нары стелили «ЭЧЕРГЕ» (циновка, которая плелась из камыша или самотканые дорожки. Посуда в основном была из бересты: «ТОЯС» (в нем хранили воду, молоко), «КОНЭК» (для хранения круп, соли, муки), «ЧАГНАУ» (черпак для воды).

Но шло время, и татары строили деревянные дома, приобретали мебель. Одежду шили женщины своими руками: сверху платья одевался «КАМЗОЛ», его украшали бисером, блестящей тесьмой или монетами. В волосы вплетали монеты из серебра, по три на каждую косу, на голове постоянно носили платок (посторонние мужчины не должны были видеть женщину с непокрытой головой). Обувь носили из натуральной кожи – ичиги. Мужчины носили тюбетейки, рубахи на выпуск, поверх жилеты.

Культура татарского народа очень богата, разнообразна. Многие традиции и обычаи в татарских семьях нашего аула существуют до сих пор. У татар есть два слова означающие праздник. Религиозные мусульманские праздники называются словом «гает (ает)», а все народные, не религиозные праздники по-татарски называются «бэйрэм», что означает «весенняя красота», «весеннее торжество». Праздники насыщены разнообразными действиями – они составляют душу торжества. Самыми яркими и почитаемыми для татар является Ураза – гает (ает) и Курбан – гает (ает).

Ураза – гает (ает). Пост в месяц Рамазан – один из необходимых и важных видов поклонения. В Рамазан следует читать как можно больше молитв (намазов), совершать как можно больше хороших дел. Пост в месяц Рамазан завершается праздником Ураза-байрам. В течение трех дней люди к себе в дом приглашают стариков для прочтения молитвы, после чего приходят родственники, соседи на угощение.

Курбан – гает (ает). Это праздник «жертвоприношения». В жертву приносят какого-нибудь животного. Перед тем как заколоть животного, мулла читает молитву, обязательно с упоминанием имени, кому приносится жертва. Мясо

отваривается, и приглашаются в первую очередь мулла и старики аула. После них приглашаются соседи, родственники. На столе обязательно кроме мяса присутствуют национальная выпечка, сладости, фрукты. Самым приятным моментом является то, что, уходя, гости желают здоровья, благополучия, счастья вашему дому. Праздник длится 4 дня.

Одним из почитаемых праздников считается «Эмел». Он отмечается 23 марта. С вечера взрослые готовят сладости, деньги для детей, которые рано утром (примерно в 4 утра) стучатся в каждый дом со словами «Садака, садака. Садака...». Хозяева открывают дверь, угощают детей сладостями, раздают деньги (даже городские дети специально приезжают в аулы для участия в празднике).

При рождении ребёнка обязательным обрядом является имянаречение. В этот день приглашаются мулла и близкие родственники. Мулла читает специальную молитву «аят», после чего три раза шепчет имя ребёнка, выбранное родителями, в ухо ребёнку. Ребёнок должен лежать на специальной подушке. После этого ритуала также приглашаются соседи, родственники на угощение.

В нашем селе до сих пор сохранились обычаи, традиции и праздники татар, большую помощь в этом оказывает Центр татарской национальной культуры, который был создан в 2001 г. Руководителем центра является замечательный человек Файзулина Дина Сельхэтуловна. Татарский центр объединил всё татарское население Куйбышевского района, численность которого более 3000 человек. Целью работы татарского центра является создание условий для сохранения и развития национальной татарской культуры. Дина Сельхэтуловна постоянно проводит по татарским селам Куйбышевского района выездные мероприятия, которые способствуют возрождению и сохранению фольклора татар – песен, обрядов, традиций и обычаев татар, проживающих на территории Куйбышевского района. Тесное сотрудничество центра со школой нашего села позволяет ещё ближе знакомить молодёжь с культурой своего народа. Татарский центр является организатором конкурсов и фестивалей районного уровня, таких как «Татар егете» (Татарский парень) (в конкурсе юноши проходят испытания, в которых должны показать смекалку, силу, ловкость, артистизм и творчество. Победитель награждается титулом «Татар егете»), «Татар кызы» («Татарская девушка») (в этом конкурсе девушки проходят испытания, в которых должны показать свою красоту, грацию, умение представить себя, умение держать себя на сцене, кулинарные способности к творчеству). Победительница награждается титулом «Татар кызы». Все выступления проходят на татарском языке.

«Мама, папа, я – татарская семья!» Татарские семьи, представляют себя, показывают свои семейные традиции, творчество и знание национальных обрядов.

Фестиваль-конкурс «Себер йолдызлары» («Сибирские звёзды»), на котором из года в год «зажигаются новые звёзды». Все эти мероприятия проводятся поочерёдно в разных аулах, я сама и моя семья с интересом принимаем в них участие. Очень мне нравится такой праздник, как «Сабантуй». Это праздник окончание посевных работ. Я, как и все жители аула, ждём всегда с нетерпением этот праздник. Он проходит один раз в два года, поочерёдно в разных аулах. Сколько съезжается гостей, едут из ближайших городов, деревень на празднование. Повсюду идёт торговля национальными сладостями, а сколько блюд татарской кухни можно попробовать. Выставки татарской одежды, домашней утвари, сделанной своими руками. Людям этот праздник нравится своей лихостью, весельем, жизнеутверждающим народным юмором, массовостью, где каждый пришедший на праздник одновременно является и участником и зрителем. Тут и народные игры, и конкурсы: бег в мешках, лазание на столб, бег с ведрами с водой, переноска тяжестей и т.д. Раньше колорит празднику придавали такие виды, как скачки на лошадях, национальная борьба на поясах «Корэш», а сейчас эти виды вновь возрождаются. Местные аульские ребята для участия в борьбе «Корэш» отрабатывают приёмы со своим тренером. Здесь мне хочется написать, несколько строчек о замечательном человеке, который к счастью многих ребят живёт у нас в Аул-Бергуле – это учитель ОБЖ Апчелеев Файзулла Габитулович. Он помимо основной работы, занимается с местными ребятами рукопашным боем. Файзулла Габитулович возглавляет военно-патриотическое объединение «Патриот».

В целях туристической привлекательности Куйбышевского района, Татарским центром был открыт дом – музей татарской культуры в ауле Бергуль – это дом, в котором все желающие могут принять участие в демонстрации семейно-бытового уклада жизни сибирских татар (и жернова покрутить, и масло взбить, и за прямой посадкой и т.д.), не менее интересно проходят конкурсы среди аулов «Моё татарское село».

Люблю татар я, всех татар на всей Земле.
Я люблю нашу культуру, память предков я храню,
Ни на что не променяю я язык свой и родню.
Буду я в стране далёкой, буду пусть в краю чужих,
но язык родной, ТАТАРСКИЙ, отличу от всех других!

Козлова И. В.

*руководитель музея «Моя малая Родина»
Школа-интернат основного общего образования
Куйбышевского района Новосибирской области
(г. Куйбышев Новосибирской области, Россия)*

«ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА ЗЕМЛЯ» КАИНСКАЯ ... МОШНИНСКИЙ СЛЕД

Аннотация. Статья посвящена истории русского притрактового селения Машнина как одного из многих на пути заселения и освоения Барабы и всей Сибири русскими в XVII – нач. XVIII вв. Внимание автора обращено на «русскость» происхождения и бытования населения Машнина, с которого и началась история самого города Каинска – Куйбышева НСО.

Ключевые слова: истоки, Сибирский тракт, Мошнино, русское селение, ямщицкая станция.

Мошнино – это то «святое» для нашего города место, откуда началась история Каинска – Куйбышева. Если по материалам всей имеющейся источниковой базы известно, что дата основания Каинска – 1722 год, то о деревне Мошнино (его современное название) первое упоминание – уже в 1700 г. [1, с. 8, 16]. Это для охраны её жителей «был разобран Барабинский острожек у озера Кайлы и перенесён на реку Омь, в удобное к обзору и обороне место при впадении речки Каинки в Омь. Острожек возвысился над всем окружным местом и был наречён «Каинским пасом» (берёзовые колки) [2, с.17].

Около крепости возникла слобода «Каен», которая «разрослась» и постепенно «расселилась» на другой стороне речки Каинки, куда в 1755 г. Томской Воеводской Канцелярией на основании Указа Императорского Величества было предписано перевести Каинский форпост. В 1782 году слобода получила статус Уездного города Каинск [3, с. 9 – 10].

В 2020 г. деревня Мошнино отметила своё 320-летие. Согласно преданиям, существуют две версии происхождения её названия «Мошнино». По одной легенде, описанной известным краеведом В.Д. Бурмистровым, деревня названа так потому, что основал её переселенец, извозчик-казак Мошнин. И это было прозвище: «мошна» – куль с деньгами [4, с. 8]. По другой легенде, это фамилия крестьянина Машнина, который, якобы, первым поселился на этом месте [5].

«Село с самого начала было ямщицким» [4, с. 8]. И по тем временам (в 1700-х гг.) уже считалось большим населённым пунктом на великом Сибирском пути.

Население его было русским, так как именно русские поселения возникали «на важнейших сибирских реках, чаще всего на местах слияния с притоками». Учёт особенностей «топографии местности соответствовал русским традициям освоения новых земель» [3, с. 6].

Это подтверждает и тот факт, описанный краеведом А.И. Бобиным в его документально-историческом очерке «Сибирь – моя Родина», что в отличие от русских поселенцев, «татары селились вдалеке от оживлённых проездных дорог». Например, «Аул-Бергуль (образовано в 1676 г.) – татарское село Куйбышевского района, расположено в 8 км на восток от трассы Каинск – Северное. Или Аул-Шагир, расположен в 15 км западнее трассы Каинск – Кама» и т.д. [6, с. 13]. Да и «наши» татары проживали на противоположном от Сибирского тракта берегу Оми вплоть до 1920-х годов (т.к. в 1930 г. на этом месте был построен Куйбышевский мясокомбинат) [5].

О «русскости» свидетельствуют и данные «О русском населении 9 крестьянских волостей Каинского округа на начало 40-х годов XIX века (*эти данные представлены и в работах Н.А. Миненко [7, с. 84 – 86]), собранные специальной комиссией Министерства государственных имуществ, «ревизовавшей» Томскую губернию») [6, с.28]. Названия деревень – преимущественно русские фамилии.

В начале XX в. деревня Ма(О)шнино занимала небольшую территорию у переправы через реку, около Московского тракта [8]. По утверждению старожилов и их дедов, первые дома Мошнино располагались у современной МБОУ СОШ № 2 (ул. Войкова, 2). Место около угла улиц Мошнинской и Советской долгое время называли «горелым местом», так как ещё в середине XIX в. часть деревни выгорела.

В начале XX в. деревня имела примерно следующие границы: дома по Московскому тракту были до современной автобусной остановки «Буденного». Улица называлась Большой. Дальше, к Школе-интернат Куйбышевского района (ул. Интернатская, 2А) был лес, как и на месте ул. Кутузова, на которой до сих пор сохранилось Мошнинское кладбище того периода. Улица Советская была застроена до современного магазина № 13 (ул. Каинская, 2), а названия она не имела, только иногда ее называли «культурной», так как жители ее не занимались сельским хозяйством, а работали по найму служащими. Позднее, когда появились дома на этой улице, ее стали называть «тот край», а современную ул.

Советскую – Береговой. На улице Береговой, над рекой, было 5 домов (от переправы через р. Омь).

Современная улица Мошнинская была длиной в 15 домов и не имела названия. Улицы Достоевского не было, она начала застраиваться перед Первой мировой войной. Школьная улица называлась Рытвинкой, Кузнечная – Кузнечным переулком, там жили кузнецы Танцеревы [8, с.159 – 160]. Потомки этой династии до сих пор проживают на своей родовой земле: ул. Кузнечная, дом 12. По воспоминаниям внука Танцеревых, Месяцева А.В. (1931г.р.), в семье его деда, Танцерева Александра Михайловича, детей было шестеро: 4 сына и 2 дочери. Дед Александр был вторым по счёту ребёнком, а младший из сыновей Танцеревых Михаил Михайлович был 1909г.р.

По матери Танцеревы – кузнецы. 1916 г.

Таким образом, только известные уже нам «деды» проживали в кон. XIX – нач. XX вв., а были ведь ещё и прадеды... Дома на улицах стояли далеко друг от друга, так как у жителей были большие огороды. Размещение домов соответствовало пословице: «Колос от колоса – не слышать голоса» [8, с.160].

Деревня Мошнино являлась частью Московско (от Москвы до Екатеринбурга) – Сибирского (от Екатеринбурга до Иркутска и Кяхты – и русского торгового пункта на границе с Китаем) тракта. Это была ямщицкая станция. Основным занятием большинства населения её было обслуживание и техническое обеспечение нормальной работы тракта – это занятия ямщиной (контрактовой и вольной); товарным извозом и «дворничеством» (промысел столовничеством, фуражом, ямщицкой снастью: лошадьми, снаряжением для лошадей, возками).

Возки – единственные в XVII – XVIII веках средства передвижения – были прочными, удобными, ёмкими, вмещавшими около 80 пудов (1пуд=16кг) груза. Также пользовались спросом постоянные дворы, хозяевами которых в основном были вольные ямщики. На эти дворы принимали уставших пассажиров. В первой четверти XVIII в. на всем Сибирском тракте числилось около 7 тысяч ямщиков [9, с.10].

По воспоминаниям бывшего директора Школы-интерната Н.В. Щербаковой (2014 г.): «... предки содержали постоянный двор и «гоняли ямщину»... родовому их дому насчитывается около ста лет, находился он на современной ул. Советской № 7, на месте нынешнего огорода. Дом был большим, деревянным, на два входа. При строительстве моста через р. Омь в советское время в 1960 г. дом пришлось снести и построить новый на месте, где он и находится в настоящее время. При несложном математическом расчете постоянный двор находился в этом, очень выгодном месте, с 1860-70-х гг. [10].

К началу XX в. основным населением Мошнино было крестьянство. Наемного труда у крестьян не было. Всем крестьянам были нарезаны огороды, у иных они были по гектару. Почти все они имели сенокосные и пахотные наделы за деревней. Этим вопросом ведала сельская управа (главный орган управления в Мошнино), она определяла время сенокоса, переделывала каждый год земли.

Их делили по количеству душ, то есть мужчин в семье. Женщин «душами» не считали. И когда количество в семье менялось, соответственно землю переделывали. Были и безземельные крестьяне, которые жили случайными заработками. Например, по воспоминаниям мошнинских старожилов конца XX в., жил у них на улице Большой такой старичок – Михаил Тарасов, который не имел ни земли, ни скота. Летом он нанимался пасти коров, а зимой чистил проруби. За прорубями хорошо ухаживали: их обставляли камышом и постоянно чистили, т.к. с реки брали много воды для скота, для бытовых нужд, да и белье там полоскали, колодцев почти не было.

Скота было много, почти у каждого двора было 6 – 10 коров, от 2 до 15 лошадей. Деревню тогда окружали сочные луга, хорошие водопой. Жители нанимали специальных пастухов для пастьбы скота и хорошо им платили. Хотя основным платежом были продукты питания, но платили и деньгами.

На улице Кооперативной был овчарник – загон для овец и избушка для пастуха, в которой он жил все лето. Скот на пастьбу выгоняли в 5 часов утра и пригоняли в 10 часов вечера [8, с.160].

Кроме земледелия, скотоводства и ямщины мошнинцы занимались охотой, рыболовством и сопутствующими ремёслами.

«Культурная жизнь» в деревне организована была плохо. Специальных помещений для проведения мероприятий не было. Местной газеты не было. Жители более или менее образованные выписывали и читали центральные издания: газеты «Русское слово» и «Петербургская речь»; журналы «Родина», «Всемирное обозрение», «Нива» и детские журналы.

Женщины и мужчины одевались «по моде». В теплое время года многие семьи выезжали на пикники, захватывая с собой различную снедь и большой самовар. Молодежь собиралась на берегу речки с гитарами и балалайками и устраивала гулянья. Играли в разные игры, катались на лодках, в Пасху качались на качелях, разыгрывали лотереи. В праздники устраивали общие вечера, иногда на Большой улице проводились скачки лошадей. На Закраевской улице был в тюрьме клуб, где выступали горожане и заключенные, имеющие маленький срок. Жители Мошнино посещали этот клуб [11, с. 48 – 49].

Примерно в 1898 г. было организовано 3-классное училище – Мошнинская начальная школа, на базе которой и возникла существующая ныне средняя школа № 2. Школьного здания тогда не было – занимались в жилых домах, арендованных волостью. Размещалась школа по улице Большой в доме Н.А. Макарова, а позднее – в доме Вдовенко (с 1912 по 1920 г.). В 1920 г это уже 4-классное училище по ул. Войкова № 2, в бывшем доме купца Иванова (в 2018 г. снесен). В 1925 г. школу перевели в здание бывшего волостного управления по ул. Школьной № 3 (был многоквартирный дом, который снесли в 2014 г.).

Пересечение ул. Войкова и ул. Советская. 1964 г.

С ростом количества учеников школе дали второе здание по ул. Войкова, бывший дом Беспрозванных, угловой (на пересечении улиц Войкова и Советской). В этих зданиях школа просуществовала где-то до середины 50-х годов,

пока в 1959 году не было сдано новое трехэтажное здание современной школы № 2 [12, с. 101 – 102].

Воспоминания старожилов, записанные в конце XX в., сохранили имена шести «богатых» людей, проживавших в д. Мошнино до Великой Октябрьской социалистической революции. Это: В.И. Беспрозванных – «Василий Иванович Беспрозванных жил на углу улиц Войкова и Советской (Большой и Береговой). Он владел кожевенным заводом, пимокатней и маслозаводом. Лавки отдельной у него не было, и пимы он продавал на дому, но муку и известь он продавал в торговом ряду в Каинске. В семье у него было две дочери и четыре сына. Сам хозяин знал свое дело хорошо, был умным, но с батраками был груб и жесток. А жена у него была добрая и пользовалась уважением соседей. В 1933 г. их выселили, дом национализировали и отдали под школу № 2...»; Т.С. Кайманаков – «Кайманаков Тимофей Степанович тоже жил на улице Большой. Он имел кирпичный завод, который был расположен около его дома. Кирпич его называли пяточным, так как формы кирпича набивали пятками. Каждый кирпич весил около 1,5 кг. Кирпичи были качественные, на них был большой спрос. В 1926 г. семью Кайманакова сослали за Васюганские болота, но потом реабилитировали. По возвращению Тимофей Степанович работал в военторге сторожем ...»; М.П. Сук(х)инин – «Михаил Петрович Сукинин жил на Рытвинке (в доме № 3 по ул. Школьной, который снесли в 2014 г.) и владел единственной в Мошнино пекарней. Здесь пекли булочки, кренделя, пряники, сушки. Хлеб жители пекли сами. Лавка Сукинина стояла на бойком высоком месте по правую сторону современного моста...»; купец (?) Лебедев – «...Много загадок связано с именем купца Лебедева. Он жил на Рытвинке (ныне ул. Школьная № 2) в доме, где сейчас находится «Энергопредприятие» ... купцу принадлежал ресторан и бильярд в Барабинске ... В Мошнино у него были конюшня и магазин. Неоднократно он брал в аренду паром. У него была жена Агапия Степановна. Она была доброй и милой женщиной. У них было одиннадцать детей. Все они умерли в детстве...».

Самым богатым был купец Иван Петрович Иванов, который проживал по ул. Большой (ул. Войкова № 2 на 2018 г.) в деревянном доме с балконом ...

г. Каинскъ. Большая улица.

Дом купца И.П. Иванова. 1903 г.

По воспоминаниям его работницы Чурышевой Марии Сергеевны: «это был угрюмый и молчаливый человек. Семья его состояла из шести человек: сам хозяин, его жена Феокиста Дмитриевна, две дочери (одна умерла в малолетстве) и два сына. Многокомнатный дом его был роскошно, по тем временам, обставлен: красивая мебель, большое зеркало и граммофон. Территория современной школы № 2 была занята хозяйственными постройками. Около дома располагались: лавка, пимокатная мастерская и маслодельный завод (у Казачьего мостика к с. Отрадное была мельница). В соседнем доме, дом № 4 по ул. Большой, жили его родители Анна Алексеевна и Петр Николаевич, а также брат – большевик Федор Петрович с женой Анной Григорьевной. Брат Федор занимался революционной деятельностью в г. Каинске и должен был постоянно скрываться. (По доносу Ивана Федор был брошен в тюрьму, располагавшуюся за загородной больницей. С приходом колчаковцев он был расстрелян на Савкиной Гриве). В 1914 г. во время Первой Мировой войны на фронт забрали почти всех мужиков из деревни – купец И.П. Иванов среди прочих купцов, не желавших идти в армию, тайно откупился. Во время революции 1917 г. его семья уезжает в Новосибирск. В годы гражданской войны у Иванова погибает сын Григорий в железнодорожной катастрофе, расстреливают брата, умирает отец, а в доме (в Мошнино) белогвардейцы размещают госпиталь. Колчаковцы разграбили хозяйство Ивановых, опустошили кладовые, растащили валенки. В 1922 г. купец Иванов с семьей вернулся в Мошнино и жил в доме погибшего брата – большевика, рядом со своим домом. В 1930 г. семью выслали в Тогуцин. Позже они жили в Новосибирске, где Иванов умер [8, с.161].

После гражданской войны дом купца Иванова заняли под школу, потом под Красный уголок и сельский совет, позднее под детские ясли и общежитие

для студентов, затем под жилой дом. Всё это время дом хранил свою тайну... Выпускница, впоследствии, воспитатель Школы-интерната, Садыкова/Сергеева Олеся Сергеевна, проживавшая в этом 4-х квартирном доме с 1991 по 2001г., рассказывала нам: подпол в их доме представлял из себя подвал высотой 2 м, был полностью облицован красным кирпичом и имел, ведущий к реке, подземный ход. На некотором расстоянии от дома ход был засыпан землей. [13] К сожалению, в 2019 г. от дома купца Иванова не осталось и следа. Только фотографии...

Ямщицкое население Мошнино получало большую выгоду от соседства с г. Каинском, так как им было прибыльно сотрудничать с каинским купечеством, работая на одном из самых крупных трактов России. Каинские же обыватели, торговые люди и городское правление были весьма недовольны. Они постоянно жаловались губернским властям на серьезные помехи в экономическом развитии на «заречную деревню» Мошнино, приписанную к «горожанам». Законные обиды на деревню за рекой были весомы, так как «... проходящие обозы, а равно проезжие торговые люди, всегда останавливаются в той деревне, но никогда в городе, что и дает только средства к застроению деревни Мошниной». Деревня Мошнина застраивалась постоянными дворами, мастерскими по ремонту транспортных средств и сбруи для нужд и развития главной дороги в Сибирь – Московского тракта. В «попутной деревне» Мошнина в 1870 г. проживало более 900 душ жителей обоего пола и разместилось до 200 дворов с удобствами для проезжающих по тракту с товарами на Нижегородскую и Ирбитскую ярмарки. Деревня Мошнина играла роль технического обеспечения нормальной работы тракта, город Каинск развивал торговлю и выполнял более управленческие окружные обязанности [2, с.20 – 21].

«Сибирский тракт оказал большое влияние на заселение и освоение Барабы и всей Сибири русскими. Он имел большую значимость как путь, по которому распространялись на восток русское влияние и русская культура...» [6, с.22]. А история русского притрактового селения Машнино – это всего лишь след на бесконечном историческом Пути...

Библиографический список

1. Бурматов А. А. Демографическая история Каинска-Куйбышева и его округа. Новосибирск: НГПУ, 1997. С. 8, 16. Бурматов А.А. ссылается на: Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Омск, 1973. С. 92.
2. Зайцев К. П. Дорога в Каинск // Куйбышев (Каинск): Исторический опыт социально-экономического и культурного развития. Куйбышев : Администрация, 1997. С. 15–21.

3. Гусаченко В. Л., Матвеева Л. Л., Тимяшевская Л. В. Каинск исторический. Новосибирск: Наука, 1995. С. 9–10.
4. Крышталёв С. Каинские закоулки. Вести (Куйбышев). 2012. 22 мая. № 21 (848). С. 8.
5. По материалам Куйбышевского краеведческого музея.
6. Бобин А. И. Сибирь – моя Родина. Исторические очерки. Новосибирск, 2011. С. 13.
7. Миненко Н. А. По старому Московскому тракту. Новосибирск, 1990. С. 84–86.
8. Гайер В. Ф. Из истории деревни Мошнино // Куйбышев (Каинск): Исторический опыт социально-экономического и культурного развития. С. 159–162. Примечание: За основу работы взят поисково-исследовательский материал краеведов школы № 2 г. Куйбышева (Мошнино) под руководством педагога Валентины Фёдоровны Гайер, которые несколько лет собирали материалы об истории д. Мошнино, организовывая встречи со старожилами деревни. Гайер В. Ф. резюмирует: «Ни в каких источниках, даже в городском и областном архивах таких сведений нет». С. 159.
9. Шевкопляс Н. Из истории Сибирского тракта // Роль московского тракта в развитии города Каинска и Каинского уезда XVIII–XIX-вв. Куйбышев: Краеведческий музей, 2000. С. 8–12.
10. Архив музея школы Интерната (г. Куйбышев). Сбор материалов в 2014 г.
11. Лукина В. Мошнино – часть московского тракта // Роль московского тракта в развитии города Каинска и Каинского уезда XVIII–XIX-вв. Куйбышев: Краеведческий музей, 2000. С. 47–50.
12. Стребкова К. И. Из истории средней школы № 2 // Куйбышев (Каинск): Исторический опыт социально-экономического и культурного развития. С. 101–102;
13. Архив музея школы Интерната (г. Куйбышев). Сбор материалов в 2015 г.

УДК 930.25

Максимова Н. В.

методист музея

*МКУК «Венгеровский краеведческий музей им. П. М. Пономаренко»
(с. Венгерово Новосибирской области, Россия)*

ТРОПА К ДУХОВНЫМ РОДНИКАМ

Аннотация. В статье рассматривается история возникновения и деятельность духовных, религиозных центров, района конца XIX – начала XX вв., действующих на территории современного Венгеровского района Новосибирской области.

Ключевые слова: село Спасское, Венгеровский район, духовность, церковь, обряды, католики, костел, обряды.

Самое массовое переселение на территорию современного Венгеровского района началось в конце второй половине XIX в. Отправляясь в далекую Сибирь, осваивая ее южные окраины, бросая вызов суровой природе, люди икали

землю и волю. Переселенцы и в Сибири поддерживали традиционные занятия, уклад жизни, семейно-родственные отношения и сохраняли свои духовные традиции и веру.

Подвижник краеведения Венгеровского района П.М. Пономаренко писал про характерные особенности нового переселения: «Если в прошлые времена крестьяне-переселенцы были преимущественно русские, то в эти дни переселенцами были люди разных национальностей, так украинцами основаны 7 деревень, белорусами – 2, латгальцами и латышами – 3, остальные 12 – русскими» [1].

Освоение сибирских земель и возникновение новых населенных пунктов способствовало строительству культовых сооружений различных конфессий. Помимо церквей на территории района были: 2 римско-католических костела (в селе Спасском и поселке Тимофеевском); 2 часовни (в деревне Козловка и «Половинка»); 3 старообрядческих молитвенных дома (во 2-Сибирцево, деревнях Кузьмина и Тычкино); 1 магометанская мечеть (в поселке Улуцкий). На территории района находилось единственное в Барабе святое место – Святой источник Святой Праскевы.

Большинство переселенцев было православными, поэтому наблюдался и рост количества церквей. Своя церковь имелась почти в каждом относительно крупном селе. Она выполняла роль духовного центра для русского народа во все века. Наряду с православным духовенством духовно нравственным воспитанием занималось и сельское учительство.

Верующие посещали церковь в основном в воскресные дни, чаще зимой, чем летом. Отмечалось, что в летнюю пору крестьяне в церковь почти не ходили, особенно из отдаленных деревень. Для посещения церкви сибиряки надевали лучшие одежды, в храме вели себя «чинно, благопристойно, степенно». Как и во всей России, церковь в сибирском селе сочетала законным браком молодых, крестила младенцев, поддерживала духовно слабых и немощных, помогала поддерживать мир и согласие в общине, семье, отпевала усопших. Приход помогал единению крестьян многих деревень [2].

В «Справочной книжке по Томской Епархии за 1909 – 1911 гг.» опубликованы данные о церквях Томской Епархии, к которой принадлежали церкви территории современного Венгеровского района [3].

На начало XX века к благочинию 33 округа относились:

– Урезская церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая под номером прихода 488;

– Спасская церковь во имя Нерукотворенного Образа Христа под номером прихода 490;

– Вознесенская церковь во имя Вознесения Господня под номером прихода 491;

– Усть – Изесская церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая под номером прихода 492;

– Турумовская церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая под номером прихода 494;

– Сибирцевская церковь во имя Святых Апостолов Петра и Павла под номером прихода 503.

К благочинию 34 округа относились:

– Меньшиковская церковь во имя Рождества Христова под номером прихода 507;

– Шипицинская церковь во имя Святого Архистратига Божия Михаила под номером прихода 515;

– Мало-Архангельская церковь во имя Святого великомученика Георгия под номером прихода 520.

Из этого источника мы получили подробные данные о 9 церквях района, куда входят сведения о составе прихода, о наличии при церкви школы, часовен, библиотеки, попечительства и т.д. Данные о священно-церковных служителях, учителях церковно-приходских школ.

Церковь в с. Спасском (современное Венгерово) была построена в 1810 году и называлась в честь нерукотворного Образа Господина Иисуса Христа Спасителя [4].

Первый храм в нашем селе был деревянным и сгорел в 1847 году. Вторая церковь, тоже деревянная, была построена тщанием прихожан в 1849 году. Она была трехпрестольной. В 1896 году церковь была обнесена новой деревянной оградой. После освящения храма Нерукотворного Образа Господа Иисуса Христа он стал называться Спасским. Эта церковь была упразднена по ветхости и в 1901 году началось строительство третьей каменной церкви, в последствии освящённой 29 января 1904 года. С тех пор и существует в нашем селе каменная однопрестольная во имя Нерукотворного Образа Господа Иисуса Христа церковь (по – народному – Спасский храм) [5].

В «Справочной книжке по Томской Епархии за 1909 – 1011годы» содержатся интересные и подробные сведения по Спасскому приходу: «В состав прихода входили: с. Спасское Каинского уезда, деревни Ново-Тартасская в 1 версте, Ключевая в 6 верстах, Орлово в 15 в верстах, Александровка в 13 верстах, Дмитриевка в 12 верстах и Андреевка в 16 верстах. Прихожан обоего пола

насчитывалось 5148 душ. Причта по штату: один священник, диакон и один псаломщик (орфография по источнику).

В приходе было три училища: 1) двухклассное в с. Спасском, открытое в 1909 году, учащихся в нем – 169 человек, 2) одноклассное в деревне Ключевой с 25 учащимися и 3) одноклассное в деревне Ново-Тартасской с 10 учащимися.

При церкви была церковная библиотека, она состояла из 364 названий книг».

Благодаря этому источнику удалось узнать имена священно-церковных служителей: Священник Вениамин Иванович Григорьев. В 1911 году ему было 36 лет. Окончил курсы в Томской духовной семинарии, занимал должность надзирателя за учениками Красноярского духовного училища, «рукоположенъ во священника 21 ноября 1896года», состоял духовным следователем благочиний, противораскольническим миссионером и членом Мариинского отдела. Имеет награды: набедренник и скуфью, последнюю получил в 1906 году; на настоящем месте (т.е. в с. Спасском) с 1909 года.

Священник на месте штатного диакона Тимофей Венедиктович Свинцов, 49 лет, окончил классы в начальной школе; на настоящем месте с 1906 года. Псаломщик Иван Филиппович Згурский, 40 лет, окончил классы в начальной школе; состоит в настоящей должности с 26 октября 1904 года и при сей церкви с 1906 года.

В дореволюционные годы храм был своеобразной визитной карточкой села Спасское. Но в 1936 году местную церковь постигла участь тысяч других российских храмов – сломали кресты, сняли купола и закрыли церковь. Последние богослужения прошли в нём на праздник Троицы в 1936 году [6].

Во время Великой Отечественной войны здание церкви использовали как зернохранилище. В разные годы на её территории были склады, магазины, кинозал. До 1992 года здесь размещалась спортивная школа. А летом 1992 года здание было передано церкви. Церковное начальство решило не только восстановить храм, но и организовать здесь монастырь. Спасский храм вновь стал достопримечательностью старинного сибирского села.

Настоятелем прихода является иеромонах Дмитрий (Ткаченко). С октября 2002 года храмовый комплекс в селе Венгерово является подворьем мужского монастыря святых Новомучеников Российских города Новосибирска – одной из крупных монашеских обителей Новосибирской епархии.

Второй по значимости в районе была Вознесенская церковь. Построена она была в центре большого красивого села Вознесенское.

В «Справочной книжке по Томской Епархии за 1909 – 1911 годы» содержатся следующие данные по Вознесенской церкви: «Церковь деревянная трёхпрестольная: главный престол во имя Вознесения Господня, придельные – во имя Св. Мученицы Праскевы и во имя Св. Великомученика Димитрия. Построена в 1906 году, земель при ней пахотных и сенокосных 199 десятин.

Состав прихода: с. Вознесенское, деревни: Малинина, Игнатьевка, Силуклы, Ахтырка, Михайловка, Кузнецова, Красноярская, Сибирцева, Чаны – Сакан, Камбор, Мельникова, Круглинская. В приходе три церковных школы в деревнях: Кузнецово, Мельниково, Камбор. Церковная библиотека состояла из 603 названий книг. По штату: два священника и два псаломщика».

Вознесенская церковь была закрыта в 30-е годы XX в., долгое время её здание использовалось для нужд колхоза. В середине 60-х годов сгорела. Сохранилась часть фундамента, на которой в настоящее время иногда проходит служба.

Сведения по следующим церквям очень скудны. Лишь данные из «Справочной книжки по Томской Епархии за 1909 – 1911 гг.»:

Усть-Изесская церковь: «Церковь деревянная, однопрестольная во имя Святителя Чудотворца Николая. Построена в 1904 году. Земли при ней нет.

Состав прихода: с. Усть-Изесское, деревни: Бурсянина, Митрофановка, Ночка, Бровничи, Чаймак. По штату: один священник и один псаломщик.

В селе Усть-Изесском церковно-приходская школа, открыта в 1887 году, учительница Е.С. Кузургашева из четырёхклассной Томской женской гимназии. Церковная школа грамоты в деревне Бурсяниной. Церковная библиотека состоит из 203 названий книг». Здание церкви в советское время долго использовали под ремонтные мастерские. В настоящее время здание разрушено.

В с. Сибирцево «Церковь деревянная однопрестольная, во имя Святых Апостолов Петра и Павла, построена в 1902 г., земли при ней 120 десятин.

Состав прихода: с. Сибирцево, деревни: Тихоновка, Георгиевка, Ольгино. По штату: один священник и один псаломщик. В селе церковная школа грамоты.

Меньшиковская церковь была «деревянная, однопрестольная, во имя Рождества Христова. Земли при ней пахотной и сенокосной 99 десятин. Состав прихода: село Меньшиковское, деревня Старо-Бородихино, Петропавловка, Кузьминка, Меловая, Яркуль, Лисино, Тюсьмень, Климино, Назарово, Осоевка, Петрово, Старо-Шухово, Павлово, Воробьёво, Старо-Ложниково, Ильинка. Итого в приход входило 16 деревень.

Священно-церковно-служителей было 3: священник, дьякон и псаломщик. В селе Меньшиковском церковно-приходская школа была открыта в 1887 году,

расположена в собственном доме местного учителя дьякона В.А.Сердобова. Школу посещали учащиеся обоего пола. Была и школьная библиотека».

В селе Шипицино «Церковь деревянная однопрестольная, во имя Св. Архистратига Божия Михаила, построена в 1901 году. Состав прихода: с. Шипицино, деревни: Минино, Соксульская, Верхнее-Урезская, Ново-Куликово, Кузьмина, Улугульская, Морозово, Арцынасская, засёлок Селивёстровский. По штату: один священник, дьякон и один псаломщик.

В селе Шипицино было училище, при церкви – библиотека».

На Московском тракте стояло богатое село Туруновка (в разных источниках Турумовское). Гордостью села была Турумовская церковь. «Церковь однопрестольная, во имя Святителя и Чудотворца Николая, построена в 1898 году. Состав прихода: с. Турумовское, деревни: Козлово, Красноярская, Усть-Лешнина, Рямова. По штату: один священник, дьякон и один псаломщик. Часовни две: в деревне Козловой и в деревне Красноярской. В селе Турумовском церковно-приходская школа, открыта в 1886 году. Учитель, местный псаломщик Н.Г.Безбородов, учащихся в школе обоего пола; школьная библиотека состоит из 100 названий книг».

В деревне Козловой церковная школа грамоты. В церковной библиотеке до 20 названий книг.

Была церковь и в селе Урезском (в настоящее время село Урез). До начала 90-х годов XX века в здании бывшей Урезской церкви располагалась школа. Многие выпускники этой школы вспоминают о ней с любовью и считают, что в школе была особая атмосфера, атмосфера добра.

«Церковь была однопрестольная, во имя Святителя и Чудотворца Николая, построена в 1861 году. Состав прихода: с.Урезское, деревни: Марьина, Кузнецова, Патюканова, Булатова, Григорьевка, Петропавловка, Друцкая.

По штату: один священник и один псаломщик. При церкви в селе Урезском открыта в 1888 году церковно-приходская школа, учительница А.П. Конусова, окончила курсы в Томском епархиальном женском училище при школе училищная библиотека».

В Томской губернии Барабинского округа Каинского уезда проживали католики латгальцы. В 1904 год в деревне Тимофеевка их насчитывалось около 80 дворов и 400 человек жителей. Все были верующими. В том же году здесь открылись: торговая лавка, маслозавод, просушка, водяная мельница, римско-католический костёл.

«Тимофеевский римско-католический костёл считался на то время единственным в Барабинском округе. Загруженность костела была очень большая со

дня его открытия. Здесь проводились все католические обряды: венчание, крещение, отпевание покойника, молитвенные церемонии, принимались исповеди и добровольные пожертвования. Также здесь проходили регулярные собрания, на которых рассматривались вопросы жизни прихожан: производился полный отчёт о доходах и расходах по добровольным пожертвованиям, принимались решения о включении и выбытии из общины. Всем этим руководил ксендз, который постоянно менялся и был приезжий» [7].

Судьба латгальцев в Сибири была трагичной. Сегодня деревня Тимофеевка вымирает. Старожилы вспоминают, что во время коллективизации был закрыт местный костёл, ксендзы, в испуге за свою жизнь, бежали. Всё церковное достояние сбрасывалось в реку Тартас.

В селе Спасском (в настоящее время село Венгерово) в начале XX в. был построен ещё один католический костёл. Старожилы вспоминают, что католиков в нашем районе было много, были целые деревни, где жили поляки, литовцы, латыши и др. все они съезжались в Венгерово на богослужения в Спасский католический костёл.

Из воспоминаний старожила села Кирьянова Георгия Васильевича: «Достопримечательностью костела был орган. Грандиозное сооружение из нескольких сот трубок, настроенных на разные ноты. После прекращения службы в 30-е годы здание оказалось бесхозным, орган разобрали, растащили трубки по всему Венгерово» [8].

В настоящее время здание бывшего костела используется как административное здание. В доме ксендза располагается детская поликлиника.

Подводя итог можно отметить, что на территории Венгеровского района в конце XIX – начале XX вв. было достаточно большое количество различных религиозных организаций, которые являясь духовными центрами, играли заметную роль в жизни сибиряков. Большее количество населения было верующими. Духовная культура формировалась посредством православного духовенства, сельских учителей и духовников других вероисповеданий. Духовная культура регулировала отношения между людьми, помогала выстраивать нравственные, моральные ценности общества, укрепляла народный дух и помогала сибирякам преодолевать тяжелые испытания.

Библиографический список

1. Пономаренко П. М. Отчий край: очерки по истории Венгеровского района Новосибир. Области. Отдел архив службы Венгер. р-на Новосиб. обл.– Новосибирск, 2005. 139 с.
2. Андюсев Б. Е. Культура старожилов Сибири: быт, культура, традиции: Учебное пособие для учащихся и студентов. Сибирское краеведение Хозяйство, быт, традиции, культура старожилов Енисейской губернии XIX – начала XX вв. Красноярск: РИО КГПУ, 2003. 337 с.

3. Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 год: с дополнениями и изменениями в личном составе священно-церковно-служителей: по 1-е марта 1911 г. Томск, 1911.
4. Шикарева С. А. История заселения и хозяйственного освоения территории Венгеровского района и ее изучение в рамках факультативного курса региональной истории (середина XVIIIв.– начало XX в.: дипломная работа. Новосибирск, 2004. 159 с.
5. О нашем храме // Ленинец. 2003. 26 декабря 2003. 3 с.
6. Шатова Е. История церквей и религиозных центров на территории Венгеровского района в н.ХХ века: Исследовательская работа. 2006 г.
7. Судьба латгальцев Сибири: сб. исследовательских работ школьников по краеведению / Материалы научно-практической конференции «Моя малая родина». Венгерово, 2006. С. 14.
8. ВКМ № 2638 ОФ. Воспоминания Кириянова Георгия Васильевича. Венгерово, 2006.

УДК 908

Терентьев Е. В.

экскурсовод,

Болотнинский районный историко-краеведческий музей

Новосибирской области

(г. Болотное Новосибирской области, Россия)

НАСЕЛЕНИЕ КУМЫШСКОЙ ИНОРОДЧЕСКОЙ УПРАВЫ НА ТЕРРИТОРИИ БОЛОТНИНСКОГО РАЙОНА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В СТАТИСТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ РУБЕЖА XIX-XX ВВ.

Аннотация. Статья посвящена населению 1-й половины Кумышской инородческой управы, проживавшему на современной территории Болотнинского района Новосибирской области в с. Ача и с. Корнилово Болотнинского района Новосибирской области. Рамки исследования автора ограничены 1899 – 1900 гг. и основаны на статистических материалах Главного управления Алтайского округа.

Ключевые слова: Кумышская инородческая управа, кумыши, с. Ача, с. Корнилово.

К 1734 г. относится первое упоминание о Кумышской ясачной волости. В результате реформ М.М. Сперанского 1822 – 1823 гг., в 1824 г. Кумышская ясачная волость была преобразована в Кумышскую инородческую управу. Позднее вследствие выселений образовалось три Кумышских инородческих управы: по одной в Томском, Кузнецком и Барнаульском уездах Томской губернии.

На рубеже XIX – XX вв. население Кумышской инородческой управы на современной территории Болотнинского района Новосибирской области проживало смешанно с русскими крестьянами в с. Ача и в с. Корнилово и относи-

лось к 1-й половине Кумышской инородческой управы Томского уезда с центром в с. Гутово.

В с. Ача на 1899 г. числилось 82 хозяйства с общим населением 372 человека, из которых к крестьянам-старожилам относились 51 хозяйство с 220 человеками, переселенцев 3 хозяйства с 17 человеками, посторонних (разночинцев) 4 хозяйства с 10 человеками. К кумышам относились 24 хозяйства со 125 человеками. Кумышей мужчин в селе проживало 60 человек, из них до 7 лет – 9, 7-14 лет – 9, 14-18 лет – 6, 18-60 лет – 26, от 60 лет и старше – 10. Кумышей женщин – 65 человек, из них до 7 лет 19, 7-14 лет – 8, 14-18 лет – 2, 18-60 лет – 27, от 60 лет и старше – 9 [1, с. 34–35].

Средний состав хозяйства ачинских кумышей был 5,7 человек, работоспособных мужчин в хозяйстве 2 человека. На 24 кумышских хозяйства было 3 мужчин с использованием наемной рабочей силы (1 – с 1 работником, 1 – с 2-мя работниками, 1 – с 3-мя работниками) [1, с. 36–37].

Ачинские кумыши владели 24 жилыми помещениями, 101 нежилым помещением [1, с. 38–39], имели 83 рабочих лошади, 56 коров, 158 овец, 39 свиней, 3 козы [1, с. 40–41], распоряжались 209, 2 десятинами пашенной земли, 35,5 десятинами сенокосов [1, с. 42–43], выращивали рожь, пшеницу, ячмень, овес, картофель, горох, лен, коноплю [1, с. 46–47], 7 хозяйств занималось пчеловодством и имело 113 колод [1, с. 48–49]. 16 хозяйств ачинских кумышей занималось извозом и ямщиной, 2 – кустарными промыслами [1, с. 48–49].

В с. Корнилово на 1899 г. к крестьянам-старожилам относились 70 хозяйств с 305 человеками, переселенцев 1 хозяйство с 2 человеками, посторонних (разночинцев) 2 хозяйства с 17 человеками, ссыльных 1 хозяйство с 1 человеком. К корниловским кумышам относились 3 хозяйства с 15 человеками. Кумышей мужчин в селе проживало 7 человек, из них до 7 лет – 1, 7-14 лет – 1, 18-60 лет – 4, от 60 лет и старше – 1. Кумышей женщин – 8 человек, из них до 7 лет 2, 18-60 лет – 5, от 60 лет и старше – 1 [1, с. 34–35].

Средний состав хозяйства корниловских кумышей был 5,2 человека, работоспособных мужчин в хозяйстве 1,1 человека. Из 3 кумышских хозяйств все 3 были с использованием наемной рабочей силы (2 – с 1 работником, 1 – с 2-мя работниками) [1, с. 36–37].

Корниловские кумыши владели 5 жилыми помещениями, 17 нежилыми помещениями [1, с. 38–39], имели 17 рабочих лошадей, 11 коров, 38 овец [1, с. 40–41], распоряжались 59,3 десятинами пашенной земли, 48 десятинами сенокосов [1, с. 42–43], выращивали рожь, пшеницу, ячмень, овес, картофель, горох, лен, коноплю [1, с. 46–47], 3 хозяйства занималось пчеловодством и имело 80 колод [1, с. 48–49].

Кумышское население инородческой управы, имея отдельный статус, представляло отдельные по отношению к русским крестьянам, живущим совместно с инородцами, формы окладной общины. Однако кумыши с. Ача и с. Корнилово участвовали в крестьянских сходах своих сел, где, совместно с крестьянами, производили разверстку сельских сборов [2, с. 51]. Также совместно с крестьянами кумышами в с. Ача и с. Корнилово проводился приходской сбор на содержание православного причта [2, с. 52], существовали совместные натуральная ямская повинность и междудворная гоньба [2, с. 61–62], проводились совместные весенняя опалка сосновых боров и тушение пожаров [2, с. 63].

По отношению к дорожным общинам – исправление трактов кумышами ч. Ача и с. Корнилово велось независимо от односельчан-русских. Так, согласно Расписанию об отбывании крестьянами Томского округа дорожной повинности на трехлетие 1890 – 1893 гг., кумыши с. Ача совместно с другим населением 1-й половины Кумышской инородческой управы обязаны были ремонтировать участок № 8 Московского почтового тракта от с. Проскоково до с. Болотное протяженностью 7 верст, 250 саженей [2, с. 115], тогда как русские крестьяне с. Ача обязаны были ремонтировать участок № 3 Томско-Барнаульского тракта от с. Ача до с. Долгово [2, с. 109].

Часть кумышей, как и русских крестьян, были грамотными. В с. Ача из 125 человек кумышей грамотных было 2 человека [1, с. 36–37], в с. Корнилово из 15 человек кумышей грамотных было 6 человек [1, с. 36–37].

Можно предположить, что кумыши на территории Болотнинского района Новосибирской области в описываемый период культурно ничем не отличались от русских крестьян, рядом с которыми проживали в одних селах. Кумыши переняли крестьянский уклад жизни, исповедовали православие, говорили по-русски, овладевали русской грамотностью, имели устойчивые хозяйственные и общественные связи с соседями, вместе с тем принадлежали к инородцам отдельной инородческой управы.

Библиографический список

1. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе. Т. 1. / Стат. Отдел при Гл. упр. Алт. округа. Волости: Кайлинская, Кривошековская, Чаусская и Ояшинская. – Барнаул: Типо-Литография Главного Управления Алтайского Округа, 1899. 439 с.
2. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе. Т. 1. / Стат. Отдел при Гл. упр. Алт. округа. Подати и повинности. Барнаул: Типо-Литография Главного Управления Алтайского Округа, 1900. 179 с.

Терентьев Е. В.

экскурсовод,

Болотнинский районный историко-краеведческий музей

Новосибирской области

(г. Болотное Новосибирской области, Россия)

СЕМЕЙНЫЕ ПРЕДАНИЯ РОДА ТУРАЛИНЫХ В КРАЕВЕДЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЯХ 2003–2019 ГГ.

Аннотация. Статья посвящена основным сюжетным линиям семейных преданий потомков кумышей с. Ача Болотнинского района Новосибирской области Туралиных в их развитии и в хронологической последовательности в краеведческих публикациях Болотнинского района Новосибирской области в 2003–2019 гг.

Ключевые слова: Кумышская инородная управа, кумыши, с. Ача, Туралины, Турала, турала, ачи.

У части потомков кумышей, населявших 1-ю половину Кумышской инородческой управы в Томском уезде на современной территории Болотнинского района Новосибирской области, сохранились отрывочные и часто противоречивые сведения о своих предках. Наиболее известными являются семейные предания рода Туралиных, представители которого проживают в с. Ача и в г. Болотное Болотнинского района Новосибирской области и в г. Юрга Юргинского района Кемеровской области. Основным информатором является житель с. Ача Анатолий Иванович Туралин, 1929 г. р, слышавший эти предания в детстве от своей бабушки Феклы Николаевны Туралиной, родившейся в 1852 г. Его сведения лежат в основе всех опубликованных вариантов семейных преданий Туралиных.

С 2000-х гг. семейные предания Туралиных публикуются в печатных и электронных изданиях, посвященных истории Болотнинского района Новосибирской области. Для краеведов, помимо сведений, опубликованных в 2003 г. (первое местожительство, племенная принадлежность, обстоятельства взаимодействия с казаками Ермака, переселения и основания с. Ача Болотнинского района, принадлежность к ясачным), представляют большой интерес новое развитие старых сюжетов этих преданий, а также появление неизвестных ранее сюжетов (могила Ермака) в последующих публикациях.

– *Первое местожительство и племенная принадлежность предков Туралиных:*

При неизменном указании на одну племенную принадлежность предков Туралиных (ача, ачи), в сюжете фигурируют разные варианты первого их местожительства – Урал и р. Иртыш.

«...легенда говорит, что когда-то давно на Урале жило племя ача ...» [1, с. 66–67].

«...когда Ермак ... со своею дружиною пришли в Сибирь, они встретили там татарское племя ачей...» [2, с. 233].

« ...До этого они жили на Иртыше...» [4] « ...Когда Ермак Тимофеевич со товарищи пришёл в верховья Иртыша, то встречали они татарское племя – ачи (или ачей)...» [5].

«...Племя наше проживало на берегах Иртыша...» [6].

– *Обстоятельства взаимодействия предков Туралиных с казаками Ермака:*

Сюжет акцентирует внимание на бедственном положении предков Туралиных на момент их знакомства с казаками Ермака, от которых племя получает помощь продовольствием и скотом. Впервые говорится о выдаче предкам Туралиных некоей грамоты, освобождающей их от повинностей.

«...на Урале жило племя ача, которое очень бедствовало. Ермак помог им, накормил, дал продовольствие. Выдал охранную грамоту, по которой они могли не уплачивать ясак и не идти на военную службу...» [1, с. 66 – 67].

«...они встретили там татарское племя ачей, которое было на грани вымирания. На них обрушился мор, засуха уничтожила урожай, большую часть скота, и казаки, пожалев татар этого племени ачей, оказали им посильную помощь: приобрели для них продукты, дали лошадей, освободили от ясака...» [2, с. 233].

«...Во время освобождения Сибири Ермаком оказывали ему всяческую помощь, за что была выдана бумага, по которой весь род Туралиных освобожден от взимания главного в то время налога – ясака и от военной службы...» [3, с. 242].

«...когда Ермак завоевал Сибирь, то он этому племени (они плохо жили, нищета была) дал грамоту: освободил от налогов и воинской подати, в общем, они не служили в армии, и налоги не платили...» [4].

«...В тот год был страшный мор, и племя не только не могло уплатить ясак, но и само было на грани вымирания. Ермак Тимофеевич дал племени несколько коров и лошадей и на пять лет освободил их от ясака...» [5].

«...Когда началось освоение Ермаком Сибири, туралинцы не пострадали, а напротив, были освобождены от налогов и воинской подати...» [6].

– *Переселение на новое место и основание с. Ача:*

В данном сюжете показаны обстоятельства выхода племени ача на новое место жительства и продолжительная его миграция до с. Ача Болотнинского района Новосибирской области и далее на восток, что объясняется происхождением фамилии Туралиных от родоначальника Туралы, а затем и от названия племени турала, а также утверждается первенство основания с. Ача Болотнинского района предками Туралиных.

«...Часть племени осталась на Урале, а род Туралы откочевал в Приобье и осел в районе села Ачи. От него и пошли Туралины, которые стали составлять большую часть населения села... Еще одна часть откочевала дальше – отсюда Ачинск...» [1, с. 66 – 67].

«...И племя начало кочевать в более плодородные земли. И таким образом дошло до наших мест. Раскинув юрты вблизи будущей деревни Ача, татары, пробыв там некоторое время, решили кочевать дальше, но тут глава одного рода Турала сильно заболел и не смог идти за племенем. Род Туралы остался в наших местах, и по названию племени поселение стали называть Ача, а остальное племя дало название еще одному населенному пункту в нашей Сибири – городу Ачинску. А глава рода Турала положил начало новой фамилии, которая очень распространена в селе Ача и в Болотнинском районе, Туралины...» [2, с. 233].

«...Ермак освободил... ну а там степи были, вот они сюда на восток и приехали. Староста одной семьи заболел, и они остановились здесь. Выкопали землянки, пять штук, их даже сейчас заметно.

– Здесь вообще ничего не было?

– Ничего не было. Вот эта речушка. И вот они остановились здесь. Их пять семей было, одна осталась. А остальное племя поехало дальше на восток, они основали город Ачинск Красноярского края... Вот они, туралинцы, и основали деревню. Дом первый построили за речкой. Лес везде был...» [4].

«...Чуть позднее племя, в поисках лучших мест, откочевало к Оби, а затем и далее. Туда, где сейчас расположен город Ачинск. Причём, во время кочевья один из родов племени (глава рода Турала) осел именно в наших местах, основав поселение, предшествующее заселению этих мест выходцами из России...» [5].

«...Первыми поселенцами были ясачные татары, т.е. татары, которые платили ясак – дань русскому царю. Эти поселенцы из татарского племени ту-

рала. Отсюда и Туралины – наиболее распространённая фамилия здешних жителей...» [6].

– *«Ясашинские»:*

В этом сюжете вновь говорится о некоей грамоте, освобождающей предков Туралиных от повинностей, дается описание повинностей, которые они не несли, делается акцент на былую их принадлежность к ясачным.

«...Туралины помнили предание об охранной грамоте...» [1, с.66 – 67].

«...И до Советской власти эти освобождения действовали. Так, дед моего прадеда в армии не служил... Туралины жили единолично, занимались охотой, имели хороших лошадей...» [3, с. 242].

«...Вот считай три века прошло, и наше племя жило, и налогов не платило. Ни один царь не отменял приказа Ермака, те, кто налог не платили, назывались «ясашинские» – в армию их не брали. В 1812 г. была Отечественная война – всех берут, а их не брали, это, говорят, ясашинцы...» [4].

– *Могила Ермака:*

Новый, ранее отсутствовавший, интересный сюжет, вновь отсылающий предков Туралиных к эпохе Ермака и повествующий об участии их в переносе и перезахоронении останков казачьего атамана в окрестностях с. Ача, на берегу р. Могильная.

«...Бабка говорила, что когда «ихнее» племя с Иртыша уезжало, а Ермак погиб на Иртыше, на острове, его схоронили на берегу, а они ночью выкопали останки и увезли сюда. Могилу заделали так, как там было. И вот, где Могилина, тут где-то схоронили и наказали никому не говорить. Не знаю, правда или нет, мне было восемь лет, когда она это говорила, а ей 85, она уже перед смертью говорит: «Только никому не говори, молчи»...» [4].

«...Решили остановиться у реки, которая ими была названа Могильной, т.к по легенде там были захоронены останки Ермака...» [6].

Библиографический список

1. Новиков А. В., Майничева А. Ю., Кравцов В. М., Грес М. В. Прошлое Болотнинской земли. Новосибирск: Изд-во АртИнфоДата, 2003. 136 с. ISBN 5-94685-003-2.
2. Болотнинская быль. Болотнинский район Новосибирской области: история и современность. Исторический очерк. Новосибирск: Издательский Дом «Историческое наследие Сибири», 2014. 640 с. ISBN 5-8402-0317-3.
3. Туралина Е. Судьбы моих прадедов // Народная летопись Болотнинского района. Краеведческая художественно-публицистическая хроника. Исторические статьи. Новосибирск: Издательский Дом «Историческое наследие Сибири», 2019. 576 с. ISBN 5-8402-0323-8.
4. Сажина Л. Ача. Легенды села // Народная летопись Новосибирской области [Электронный ресурс] http://letopisi54.ru/letopis/detail.php?ID=10065&spphrase_id=21111.

5. Ачинский СДК. Воспоминания жителя села Ача Лаврентия Тумаренко // Народная летопись Новосибирской области [Электронный ресурс] http://letopisi54.ru/letopis/detail.php?ID=9125&sphrase_id=21111.

6. Ачинский СДК. Туралиных в Аче много // Народная летопись Новосибирской области [Электронный ресурс] http://letopisi54.ru/letopis/detail.php?ID=9127&sphrase_id=21112.

УДК 908

Подъява Т. В.

экскурсовод

Бергульский дом-музей им. П. П. Бажова

(с. Бергуль Северного района Новосибирской области, Россия)

ПАСХАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ БЕРГУЛЬЦЕВ

Аннотация. Статья посвящена традициям празднования календарного церковного праздника Пасха в селе Бергуль Северного района Новосибирской области. Автор рассказывает о том, как праздновали церковный праздник старообрядцы села, об особенностях питания, народных гуляниях и играх.

Ключевые слова: Пасха, село Бергуль, старообрядцы, пост, славление Христа.

Празднование церковных праздников для староверов нашего села Бергуль было неотъемлемой частью их жизни. Каждый праздник имел отличительные особенности. И к каждому из них готовились тщательно, потому что верили в правильность своих действий. Старообрядцы, в отличие, от «никониан» («никонианами» они называют принявших реформу Патриарха Никона в XVII в.), четко поняли одну важную вещь.

Бергульцы сохраняли свои традиции, передавая из поколения в поколение. «Следы» традиций празднования некоторых церковных праздников сохранились до наших дней. И сегодня мы, как и раньше, отмечаем Рождество, Крещение, Масленицу, Пасху, Троицу и другие излюбленные нами праздники. Но уже мало осталось глубоко верующих людей, тех, кто соблюдает Великий пост, как неотъемлемую часть многих из праздников. И утеряна ещё одна главная особенность, это единение людей.

Раньше люди верили – нужно держаться друг за друга, нужно помогать друг другу всем миром и тогда всем миром и проблемы решатся. И также всем селом отмечали праздники. И не только своим селом, но и ходили в соседние кержатские деревни Платоновку, Макаровку и другие. Конечно, давно эти тра-

диции утеряны, да и деревень многих нет уже. Но мы помним, что-то чтим, сохраняем и передаем подрастающему поколению.

Об одном из любимых праздников бергульцев мне хотелось рассказать подробнее. Это Пасха.

Пасха – подвижный праздник, он совершается каждый год в разное время. От времени Пасхи зависят и прочие подвижные праздники: Вербное Воскресенье, Вознесение, Пятидесятница и другие. Празднование Пасхи – самое продолжительное: 40 дней верующие приветствуют друг друга словами «Христос воскрес!» – «Воистину воскрес!».

Готовились к ней заранее. В дореволюционный период семинедельный Великий пост соблюдался строго: семь недель не ели ни мясо, ни молоко, ни яиц, ни рыбы. Старожилы нашего села вспоминают детские годы:

«...начинался Великий пост, все мясное, молочное и яйца убирали в сарай. И мама говорила– большой грех кушать это. Но мы раз не послушались, залезли с сестрой в сарай и наелись мяса» (Записано со слов жительницы села Бергуль Северного района Новосибирской области Беловой Ксении Винальевны, 1926 г.р.).

На Благовещение 7 апреля разрешалось есть рыбу вареную или жаренную на постном масле. У староверов было правило поститься. И для всех оно едино. Только детям до трех лет разрешалось давать в пищу молочные продукты. Употребляли в пищу постные блюда «солодуху» с картошкой, «толокно», кулагу, «полевку» и другие. А также варили овсяной кисель. В пост не пели песни, читали духовные стихи такие как «Ах, вы голуби...», «Во огороде стрекаменька жегливая...» и др.

За неделю до Пасхи в Вербное Воскресенье собирали вербные веточки и ставили их на полку над «Божничкой». В моей семье есть обычай украшать вербные веточки бантиками, цветочками. Меня учила моя бабушка Ксения Никифоровна. Это было обязательным условием. В некоторых семьях украшали бантиками из гофрированной бумаги. Украшения мы крутили из разноцветных фантиков от конфет и ниткой привязывали к веточке. Получался нарядный букет. Эти вербные веточки хранились у иконки. «Хранили вербу до сих пор, пока скотина в поле не пойдет. Как только выпускали, то обязательно этой веточкой провожали её, чтоб не болела скотина» (Записано со слов жительницы села Бергуль Северного района Новосибирской области Бойко Лукерьи Иннокентьевны, 1947г.р.). Данные обычаи соблюдают в нашем селе и по сей день.

Перед наступлением святого праздника в «чистый четверг» тщательно мыли все в избе. Намывали полы, натирали до блеска домашнюю утварь. Все

должно было быть готовым к празднику. В субботу у хозяйки было много работы, сначала месили тесто для праздничного хлеба и пекли его. Затем красили яйца в березовой листве или луковой шелухе. В одном и другом случае получался коричневый цвет. Еще один обычай, подмеченный исследователями от жительницы нашего села Бергуль Хритиньи Савельевны Голубцовой, неизвестный в других этнографических группах: к празднику разбрасывали, или, по-местному, «расстилали», в жилом помещении «ковелую» (ржаную) солому. А ещё нужно было вымыть в бане всех членов семьи к полудню. Старики говорили так: «Если будешь поздно мыться, к закату, то будешь не водой мыться, а кровью Иисуса Христа» (Записано со слов жительницы села Северное Северного района Новосибирской области Бобровой Ирины Савельевны, 1936 г.р.).

А так же в субботу голодали, разрешалось только после захода солнца постное съесть. Лукерье Иннокентьевне, жительнице нашего села, мама рассказывала: «Так есть хотелось, что я съела кусочек рыбы. И подавилась косточкой».

Затем готовились к походу в молельный дом. Всей семьей шли на службу, где обязательным условием было отстоять всю ночь. Моя мама рассказывала: «Когда попа в нашем селе не стало, умер батюшка Фокей, а молельный дом в тридцатых годах стали разрушать, церковную службу на дому вела моя бабушка Анна Савельевна Столетова. В селе её все называли бабка «цокуниха». Часто в нашем доме собирались верующие, в Пасху всю ночь молились, а мы дети на печи лежали и слушали».

Некоторые старожилы села отмечают, что выстаивали всю службу и дети. «Ходила с мамой к бабке Цокунихе. Мне лет 8 было. Мама стоит и я. После уже бабки говорят: «Лягте детки, отдохните. А как станем Христа петь, вас разбудим. Но мы не спали, лежали, слушали. Начнут петь, и мы поем, и молимся, и плачем. А по окончании песнопения, перекрестившись, целовали Христа троекратно» (Записано со слов жительницы села Северное Северного района Новосибирской области Бобровой Ирины Савельевны, 1936 г.р.). Целовать Христа разрешалось только целомудренным: детям, молодым девушкам и незамужним женщинам.

После службы часов в пять утра шли домой. Взрослые справлялись по хозяйству, а дети ложились ненадолго спать. Потому что как только всходило солнце, все шли смотреть, как оно «играет».

Затем ходили по селу славильщики, женщины и мужчины. Ходили компанией под гармонь «славить Христа». Ходили и дети от дома к дому. Уже третий год мы возрождаем этот обычай, ходим «славить Христа» с детьми, к сожалению, без музыкального сопровождения. Исполняем единственную пасхаль-

ную песню, которую знали наши бабушки и прабабушки, привезенную из Белоруссии «Идем, брядем вдоль улицы...». 26 куплетов исполняется на улице, хозяйка если выходит и радушно встречает, приглашая в дом, то остальные 8 куплетов допевают в доме. После исполнения песни приветствовали друг друга словами «Христос воскресе!», а ответ «Воистину воскресе!». Хозяева угощали славильщиков яйцом и сладкой выпечкой. Волочebники, так еще называли славильщиков, обходили всё село, но заход считался обязательным в дома зажиточных крестьян и в те избы, в которых были девушки «на выданье».

Обязательный ритуал совершали верующие утром. «Клали к Богу» одно или несколько крашеных яиц, т.е. в Красный угол. Хранили яйцо в течение года. Люди верили и сейчас верят, что если случится пожар, необходимо с этим яйцом оббежать вокруг дома три раза и огонь отступит. А также если болела скотина, то это яйцо тоже помогало.

На утреннюю трапезу собирается вся семья вместе, это мои воспоминания из детства. Главная за столом была бабушка Ксения. Она произносила главные слова «Христос воскресе» и после ответного слова «Воистину воскресе» (данную фразу произносили трижды), мы приступали к трапезе. Бабушка всегда говорила: «Во первой скушайте яичко, а затем уже за сладости принимайтесь». Яйцо съедали, разрезав пополам и положив на него кусочек сливочного масла. Также с маслом ели пасху, сладкий хлеб. Готовились также, холодец, омлет и многое другое. У кого, что было в доме, то и выставлялось на стол.

Были и такие угощения, далеко ушедшие из рациона нашего пасхального питания, это молоко «обливанное». Готовилось оно так. Во время Великого Поста, отказываясь от молока, бережливые хозяйки твoрожила его, а за неделю до Пасхи кипятили молоко и заливали им творог. Хранили данный продукт в деревянных кадках в подполе. А во время пасхальной недели ели это блюдо со сладким хлебом.

И, конечно же, как и во все другие праздники, на Пасху играли. Если Пасха была ранняя и ещё лежал снег, то молодежь устраивала массовые катания на лошадях. А если появились проталинки, то молодежь, детвора, да взрослые собирались на полянках. Надевали самые лучшие наряды. Одни пели песни, водили хороводы. Такие как «Заплетися плетень...», «Утка шла по бережку». Другие катали яйца. Для этого приготавливали деревянный лоток. Раскалывали пополам чурку и делали в ней ровочек. Данное приспособление ставят под наклоном и поочередно пускают яйца. Называли это действие – «вкатывание в поле». Смысл игры заключается в том, чтобы следующий игрок смог «чикнут», т.е. задеть своим скатившимся яйцом яйцо, находящееся в поле. Если это случилось, то игрок забирает яйцо. Были и такие игры с шаром, как «лап-

та», «в царя», «в лунки». Но это только часть игр, а сколько ушло из нашей жизни вместе с нашими предками. О многом не успели сказать нам они, а может, и рассказывали, но мы не придавали этому значения тогда. А сейчас мы цепляемся за каждое слово, стараемся как можно больше уделять времени для общения со старшим поколением.

Многое сохранил в своей светлой памяти воспоминаний о буднях и праздниках наших предков житель нашего села Алексей Логинович Старков. Вырос он в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. В свои 76 он многое помнит, помнит, как наяву. Часто рассказывает о родителях, вот и в этой работе нельзя не упомянуть о них. Его родители Евдокия Семеновна и Логин Сергеевич сыграли свою свадьбу на Пасху. Это как один из примеров, что на праздники часто назначали данные торжества.

А еще молодые девушки гадали на судьбу. В ночь на Пасху загадывали сны, «суженный мой ряженный, приди ко мне наряженный». Считалось, что в пасхальные дни сны сбываются. А также гадали на различных предметах, валенках, крупах, дровах и при помощи петуха и курицы.

В первый и второй день праздника не работали, а только лишь веселились. Вторник после пасхальной недели был днем памяти умерших родных, так называемый «родительский день». Раньше было принято в этот день поминать дома усопших родных и раздавать яички и выпечку старухам, тем, что голоса на поминках, да детям. «Носили деньги, пасхи, яйца, крашенные попадье бабке Цокунихе. Писали фамилии усопших, и она всех в молитве поминала» (Записано со слов жительницы села Северное Северного района Новосибирской области Бобровой Ирины Савельевны, 1936 г.р.). После шли на кладбище, на могилки и подавали милостыню.

Экспозиция дома-музея им. П.П. Бажова

Далеко уходят от нас эти традиции, меняется уклад жизни, меняется отношение к праздникам. Они все больше становятся похожими на будни. А почему это происходит, точного ответа я пока не нахожу. Только лишь уверена я в одном, данные традиции необходимо возродить!

УДК 908

Емельянова Т. Б.

научный сотрудник

МКУК Сузунского района краеведческий музей

«Центр исторической информации»

(р. п. Сузун Новосибирской области, Россия)

ИКОНОПИСНЫЙ ПРОМЫСЕЛ В СУЗУНЕ

Аннотация. В статье приведены черты народной иконы как уникального феномена в русском художественном искусстве. Выделены основные критерии сузунской манеры народного иконописного письма. Представлен материал о сузунских иконописцах.

Ключевые слова: народная икона, сузунская икона, И. В. Крестьянников, иконописный промысел.

Понятие «народная икона» сегодня все чаще входит в оборот искусствоведов и научных сотрудников музеев. Данный предмет исследования привлекает к себе все больше внимания. Но, несмотря на увеличение интереса, пока точного определения, что можно назвать «народной иконой», нет.

Для некоторых – это наивное, примитивное исполнение канонического библейского сюжета. Другие, расширяя понятие, относят к данному типу все иконы, сделанные для народа представителями этой же социальной прослойки [1].

Тем не менее, есть ряд критериев, по которым выделяют народную икону в отдельное направление православной иконографии. Во-первых, стилистический консерватизм: однажды освоенные мастерами незатейливые приемы затем использовались ими на протяжении едва ли не всей жизни, без всякого желания или потребности что-либо менять. Стилистические сдвиги в народной иконе происходили только со сменой поколений, поэтому она сильно запаздывала с усвоением новаций, возникавших в профессиональной иконе. Во-вторых, неразрывная связь народной иконы с традиционной народной культурой. Выразилось это в стремлении к упрощению, элементарности художественных прие-

мов. Мастера стремились к лаконизму художественных средств и отбирали только те, что обеспечивали произведению подчеркнутую выразительность. В-третьих, красочная палитра строится на сочетании ограниченного набора цветов. Не имея возможности использовать привозные пигменты и красочные материалы, которые применяли профессионалы, народные мастера успешно имитировали их с помощью более дешевых и доступных. Еще одно качество, без которого нельзя представить народную икону, это ее подчеркнутая декоративность. Очень часто автор дополнительным орнаментом заполнял пустые пространства, маскируя свой непрофессионализм [2].

География распространения народной иконы очень большая. Наши предки не мыслили себе дня прожить без молитв. Поэтому, осваивая территорию Сибири, в острогах первым делом воздвигали деревянный храм, где выставляли привезенные с собой иконы. Но население Сибири в XVIII-XIX вв. все возрастало, и спрос на иконы увеличивался. Поэтому стали возникать в Сибири иконные промыслы. Художниками становились те, кто имел хоть небольшой дар к написанию образа, лика. Сначала писали по заказу знакомых, соседей, родных. С увеличением спроса появилась возможность вести торговлю данным товаром. Цены были, видимо, не значительные. По некоторым данным икону можно было выменять за три луковицы. Именно выменять, так как считалось, что икону можно было только обменять на продукты питания, товары ремесленного производства, а не продать. Это была недорогая продукция, которая делалась массово.

Поселок Сузун стал благоприятным местом для зарождения такого иконописного промысла. Само возникновение поселка в 70-е гг. XVIII в. было связано со строительством единственного на территории Сибири монетного двора и завода, где выплавляли медь для его нужд. Рабочие получали небольшое жалование, и чтобы как-то прокормить семью, многие занимались дополнительными промыслами. Мастерские люди – кузнецы, бондари, кожевенники – изготавливали свои изделия и продавали их местным крестьянам, которые, в свою очередь, поставляли в Сузун различные продукты сельского хозяйства. Вскоре здесь появились торговцы из других волостей, губерний и регионов со своими товарами. Удобные пути сообщения (близость р. Обь, Московского тракта), транспортные связи со всеми алтайскими Колывано-Воскресенскими заводами, удачное время проведения (декабрь) привели к тому, что к середине XIX в. Сузунская ярмарка стала крупнейшей в Западной Сибири. Сюда прибывали купцы из Казанской, Нижегородской, Томской, Иркутской и других губерний, а также «иностранцы гости» – татары и бухарцы, которые привозили продук-

цию своих регионов. Развозили торговцы по всему краю не только сельскохозяйственные, ремесленные, железоделательные товары, но в том числе и иконописную продукцию сузунских мастеров. Поэтому эти иконы сегодня можно встретить в городах, поселках и деревнях, в коллекциях музеев, частных собраний и в антикварных салонах Новосибирской, Омской, Томской, Кемеровской областей, а также Алтайского края и Северо-Восточного Казахстана [3, с. 14].

Конечно, как утверждают специалисты, говорить о «сузунской иконописной школе письма», как о самостоятельном, целостном понятии, нельзя. Ведь в научном понимании школа – это стиль, сложившийся на протяжении нескольких поколений, благодаря мастеру, создавшему новые традиции и передавший их своим ученикам. В данном случае можно говорить об узнаваемой манере сузунского письма, обладавшей рядом признаков.

Исследуя сузунскую икону, в первую очередь следует обратить внимание на ее основу. Это ровная и хорошо обработанная сосновая доска с толстыми, около одного сантиметра, торцевыми шпонками в виде трапеции. Причиной идеальной обработки досок, которые сохранили свою форму несмотря на возраст, мог быть заводской, промышленный характер ее обработки. И действительно, в поселке имелись мебельные мастерские, в которых могли произвести заготовку высококлассной древесины. Таким образом, по доске и шпонкам сузунскую икону можно достаточно просто отличить от других памятников народной иконописи близких по стилистике и колориту.

Второй отличительной чертой сузунской иконы является ее цветовая гамма. Традиционными колорами, которые использовали местные художники, были: терракотово-красный, оливковый, черный, желтый, синий, белый и коричневый, «причем заметно преобладание оливкового и красного, которые часто использовались так же и в цвете опуши [3, с. 12].

Сюжетная линия, которую чаще всего выбирали иконописцы, также была ограничена. Самый распространенный образ – это «Архангел Михаил грозных сил воевода». Для первых покорителей Сибири Архангел был покровителем, который несет мирный свет Православия. В народе образ почитался как защитник, поэтому икона встречалась практически в каждом сибирском доме. В Сузуне иконы этого сюжета выполнялись в скорописной манере, отличающейся яркой красочной палитрой и упрощенной иконографией. Не менее важны были образы Спасителя (Господь Вседержитель и Спас Нерукотворный): простонародны, отличаются мягкостью и душевностью трактовки. Облачения Спасителя часто украшены орнаментом. Изображение же Христа на иконах «Чудо святого Георгия о змие», «Святой Архангел Михаил», «Святые Кирик

и Улита» было как бы отрезанным по верхнюю часть туловища, без благословляющей десницы, и смотрящий вполоборота, облачка при этом условны и не закрывают весь угол. Распространенным образом Богоматери чаще были Одигитрия, Знамение, но особенно почитали на сузунской земле икону Божией Матери «Неопалимая Купина» как сильный и глубокий образ иконы от пожара. Ведь в огне в 1847 г. погибло главное производство – монетный двор. Отдельную группу составляли почитаемые избранные Святые. Очень часто изображали сузунские мастера Николая Чудотворца, который является покровителем странствующих. Святую Екатерину, покровительницу женщин, молили о скором и удачном замужестве, здоровых и крепких детях. Георгий, Кирик и Улита также часто изображаемые святые в Сузуне.

Важной и отличительной особенностью сузунских икон среди других местных центров является их каноничность, строгое следование традициям древней живописи, а также наличие признаков «древлеправославной веры» – титулы Спасителя, двоеперстия, восьмиконечно креста и ряда других, что, безусловно, связывает их со старообрядческой средой [4, с. 14]. Объяснение данному явлению состоит в том, что староверы, действительно, составляли немалую долю жителей поселка. Именно староверы были лучшими работниками на таких тяжелых заводских работах, как горный промысел. В окрестностях Завода Сузуна существовали села с преобладанием старообрядческого населения. А с. Мало-Бобровка, основанное в 1925 г., состояло только из староверов.

Таким образом, высококачественная доска для иконы, скудность красок, своеобразие сюжетной линии и черты старообрядческой веры – это основные характеристики сузунской манеры письма.

Старший научный сотрудник НКГ Надежда Глебовна Велижанина, первая кто провела большое изучение и типологию икон сузунского письма, выделяла не менее десяти мастеров. Но только о трех на сегодняшний день история сохранила имена или некоторые данные. Первый – это безымянный «мастер Богородиц». Второй – Батанов. Сведения о нем были получены из письма его внучки, Кротовой Клавдии Алексеевны, которое она отправила из Москвы 3 мая 1981 г. директору музея М. Е. Земляничину. Но в нем всего несколько строк о художнике: «Мы являемся родственниками через нашу бабушку Речкину Татьяну Ильиничну – жену деда Батанова. Это был уникум, художник, умелец народный. Пожалуй, в окрестностях г. Камня и с. Сузун все церкви были расписаны им». Но только имя Ивана Васильевича Крестьянникова (1858–1941 гг.), третьего иконописца, сохранилось в архивных документах. Кстати, в посемейном именном списке на 1 января 1910 года (село Сузунское, Сузун-

ской волости, Барнаульского уезда, Томской губернии), который хранится в отделе архива администрации Сузунского района, он значится под фамилией Крестьянинов [4, л. 105]. «Дед был родом не из Сузуна, грамотный человек, – вспоминала внучка иконописца Мария Александровна Медведева, – Нас ребятишки на улице «богомазками» дразнили, мы плакали с сестрой. Не догадывались, почему нас так называли. Во времена моего детства дед икон уже не рисовал». В последние годы жизни Иван Васильевич работал пожарником, весовщиком на базаре. Семья была большая: дочь и четверо сыновей [5, с. 30]. Икон в семье не сохранилось, в военные годы были выменяны на продукты питания. Бытовало даже мнение, что Иван Васильевич образы для ликов на свои иконы брал с местных жителей.

Народная икона – это яркая страница русского искусства. И пусть она написана непрофессиональными мастерами, но это народное представление о прекрасном. Яркий стиль, выраженные черты в этой большой коллекции иконографии имеет Сузунская икона. Поэтому дальнейшее изучение иконописного промысла на сузунской земле поможет пролить свет на многие вопросы о народной иконе.

Библиографический список

1. Народная икона: автопортрет русской души [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nsad.ru/articles/narodnaya-ikona-avtoportret-russkoj-dushi>. Загл. с экрана (дата обращения 17.03.2020).
2. Комашко Н. И. Русская икона XVIII века. Народная икона [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.icon-art.info/book_contents.php?lng=ru&book_id=139&chap=4. Загл. с экрана (дата обращения 18.03.2020).
3. Чернов М. Сузунская икона // Антиквариат. 2011. № 10. С. 4–26.
4. Выписка из посемейного именного списка объявителей. Сузунского завода на 1 января 1910 года членов мужского пола семьи Крестьянинова И. В. // Фонд «Районный земельных отделов Сузунского района Новосибирской области». Ф.7. Оп.1. Д.17. Л. 105. Отдел архива администрации Сузунского района.
5. Тарасюк С. О сузунском иконописце Иване Крестьянникове // Антиквариат. 2011. № 10. С. 28–30.

Емельянова Т. Б.

научный сотрудник

МКУК Сузунского района краеведческий музей

«Центр исторической информации»

(р. п. Сузун Новосибирской области, Россия)

НИКОЛЬСКОЙ ЯРМАРКИ РАЗМАХ

Аннотация. Опираясь главным образом, на фонды Сузунского краеведческого музея «Центр исторической информации», автор показывает масштабность и размах Никольской ярмарки в сибирском поселке Завод-Сузун. В статье представлена значимость этого торгового события для местных жителей, ассортимент продаваемой продукции, общий товарооборот ярмарки. Представлены имена торговцев, привозивших свой товар для реализации.

Ключевые слова: Никольская ярмарка, Ирбитская ярмарка, товарооборот, купцы, с. Завод-Сузун.

Поселок Сузун возник как горнозаводское поселение, где функционировали монетный двор и медеплавильный завод. Но его история примечательна и еще одним крупным событием – это Никольской ярмаркой.

Юлий Андреевич фон Гагемейстер – русский финансист и экономист XIX в. – ставил Сузунскую ярмарку в 1854 г. в один ряд с крупнейшими ярмарками Западной и Восточной Сибири: «Замечательнейшие в Сибири ярмарки – Тюменская, Ишимская, несколько ярмарок Ялуторовского округа, Сузунская в Алтайском горном округе, Иркутская, Верхнеудинская, Якутская и на дальнем севере – Островская и Обдорская» [1, с. 128]. На протяжении всего столетия современники называли нашу ярмарку «главной», «примечательной», «значительной», «ключевой».

Возникшая в 1836 г. как торговая выставка, через 14 лет по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири ярмарка обрела официальный статус, получив название Никольской.

В последующие годы Сузунская ярмарка станет началом и концом годовичного товарооборота в округе, тесным образом связанным со всероссийским торжищем – Ирбитской ярмаркой. Для этого были выбраны оптимальные сроки с 6 по 20 декабря. После комплектования партий товаров на Сузунской ярмарке для алтайских купцов оставался месяц времени для доставки товаров в Ирбит, т.к. Ирбитская ярмарка проходила в феврале. Огромное количество товаров отправлялось в Томск, Енисейскую губернию и другие районы Восточной Сиби-

ри. Товары перевозились по установившимся дорогам: ложился глубокий снег, мороз сковывал реки, прокладывался наезженный санный путь. Установившиеся холода позволяли перевозить на большие расстояния в замороженном виде скоропортящиеся продукты: сало, рыбу, масло, кожи и другое.

Проведение Никольской ярмарки в декабре закрепляло ее авторитет еще и тем, что по ряду положений о торговле декабрь объявлялся единственным месяцем для объявления купеческих капиталов. Объявление капитала позволяло причислить торговца к той или иной купеческой гильдии, следовательно, иметь возможность пользоваться определенными преимуществами и льготами. Поэтому ежегодно на Сузунском торжище купцы не раз получали новый торговый статус.

О крупном размахе Никольской ярмарки говорят и суммы товарооборота. Так, в 1853 г. привоз на Сузунскую ярмарку составил 223 379,00 рублей, сбыт – 75 792,00 рубля, а в Барнауле – 56 031,00 и 37 528,00 рублей соответственно. И эти показатели в ближайшее десятилетие только росли: 1861 г. – 333 574,00 и 141 773,00 – в Завод-Сузуне, 48 697,00 и 23 252,00 – в Барнауле [2, с. 133].

Не менее интересен был и ассортимент продаваемого товара. В первую очередь это товар, изготовленный мастерскими медеплавильного завода. Приказчики выставляли топоры и косы, молотки и гвозди, лопатки и сошники, железо разных профилей и его обрезки, ковши и кружки, бронзовые иконы и чугунное литье. В этот период времени, Никольская ярмарка была почти единственным местом для приобретения домашней утвари из металлов. Поэтому торговля на ярмарке изделиями из железа, равно как и самим железом, разрешалась только после приобретения особого свидетельства от конторы на право изготовления подобных вещей.

В газете «Томские Губернские Ведомости» за 1865 г. представлен список продаваемых на ярмарке «туземных» товаров с ценами на них. Самым дорогим товаром была лошадь, которая стоила 10 р. Из продуктов, дорогостоящим считалось масло – 5 р. 25 к. за пуд. Немного по цене уступала кожа и пуд сала – 5 р. Осетрина за пуд веса стоила 3 р. 75 к. А вот язык, заячья шкура, белка считались дешевым товаром и стоили от 7 до 10 к., в то время как за пуд овса отдавали 20 к. [3].

А вот такие воспоминания оставил Иван Зырянов, житель с. Малышево, побывавший на ярмарке в 1891 г.: «Всякому товару было отведено свое место, куда он и направлялся распорядителями ярмарки. Были конский, скотский и птичий ряды. Ряды по продаже мяса и рыбы. Для муки высшего сорта и круп. Мед, воск, деготь, смола. Охотничьи и рыболовные снасти. Ряды для всяких ку-

старных изделий из дерева и глины, для сырья из кож, овчин, шерсти, конского волоса, рогов и т.д. по другую сторону в магазинах и ларьках шла бойкая торговля товарами промышленного и кустарного производства... Сукно, сатин и парча. Сарафаны, армяки, тулупы, полушубки и шубы. Летняя и зимняя обувь, головные уборы и шали каширские. Ковры бухарские и шелка китайские. Горы мешков со всякой сладостью, пряностями, сушенными фруктами и орехами» [4]. В общем, чего только не было здесь! Продукция поступала со всех уголков Российской империи. Об этом свидетельствуют и музейные предметы, сохранившиеся со времен Никольского торгового.

В фондах Сузунского краеведческого музея «Центр исторической информации» находятся несколько бутылок пиво-медоваренного завода Р.И. Крюгера. Все они выполнены из темного стекла, конусообразной формы с нанесенными инициалами владельца завода. Роберт Иванович был прусским подданным. Обучался пивоварению в Германии, в г. Губене. С начала 1880-х гг. жил в России, в Перми, затем в Томске. В 1890 г. арендовал, а несколько лет спустя приобрёл пивоваренный завод К.И. Крюгера вместе с участком земли. Компания росла, появлялись новые заводы не только в Томске, но и на территории всей обширной губернии, которая размерами своими во много раз превосходила Германию того времени.

Интересно то, что Крюгеры заботились не только о производстве, но и налаживали собственные каналы сбыта продукции. Так, со временем, в городе появилось 5 трактиров и 26 фирменных пивных, пиво для которых доставлялось с 12-ти огромных складов, расположенных за пределами Томска. Точки сбыта располагались и в других городах. Например, в г. Новониколаевске находилось не менее шести лавок. Бутылки с пивом отправляли по железной дороге, упаковывая по двадцать штук в плетеную корзину. Их изготавливали на заводе из тонких тальниковых прутьев [5, с.5]. Данный товар крупного томского производителя продавался, конечно, и на Никольской ярмарке.

Но не только из близких сибирских городов поступала продукция в Завод-Сузун. Еще один предмет доказывает нам обширную географию привозимых товаров – это бутылочка из-под уксусной эссенции московской фирмы «Леопольд Столкин». Обнаружена она была во время строительного ремонта в здании музея «Дом и контора управляющего Сузунским медеплавильным заводом». Парфюмер Леопольд Столкин был владельцем химико-фармацевтической фабрики, а также вел торговлю «...аптекарскими, парфюмерными, галеновыми, химическими, хозяйственными, органотерапевтическими и другими тому подобными товарами, равно аптечными и госпитальными

принадлежностями...» [6]. Таким образом, европейская продукция так же была представлена в лавках сибирского монетного поселка. И таких «свидетелей» пышного ярмарочного действия в Завод-Сузуне, доставленных из разных регионов огромной Российской Империи, в фондах музея ЦИИ немало. Это и предметы быта, одежды, упаковки от различных кондитерских изделий и прочее.

Но не только ассортимент привозимого из разных мест товара показывает нам масштабы Никольской ярмарки. Как и любому другому подобному мероприятию, значимость ей придавали купцы, которые приезжали для реализации своей продукции. В цифровой коллекции ЦИИ есть «Ярмарочный лист купца 1-ой гильдии Василия Васильевича Колмакова, прибывшего в Завод-Сузун на Никольскую ярмарку». Что же это был за торговец?

Купеческая династия Колмаковых стала одной из самых успешных, влиятельных и узнаваемых в истории Тюмени. Основал ее в середине XIX столетия ялutorовский крестьянин, ставший впоследствии купцом 1-й гильдии, Василий Васильевич Колмаков. Выкупив землю на речке Ук, он организовал здесь мукомольное дело. Впоследствии были организованы кожевенное, мыловаренное, сало– и маслотопенное производства, изготавливались пользовавшиеся успехом патока и пряники с кренделями.

После смерти Василия Васильевича дело в свои руки взяли помогавшие ему с детства сыновья, которые и основали компанию «Братья Колмаковы», перебравшись в Тюмень. Справочник «Вся Тюмень» (1910) обозначает Торговый дом «Братьев Колмаковых» как фирму, занимающуюся бакалейной и винно-колонической торговлей. Также Колмаковы были судовладельцами, перевозя собственные грузы по бассейну Туры. Активно занимались общественной деятельностью.

На ярмарку в Завод-Сузун Василий Васильевич привез из далекого Ялutorовского округа товар собственного производства: масло коровье, сало, кожу, семя льняное, муку, крупчатку, сальные свечи, куделя, мыло. А также был товар, который особенно быстро расхodziлся среди сибиряков – чай, сахар, пряники [7]. Ассортимент товара, расстояние, которое приходилось преодолевать купцам такого уровня, говорят о том, что Никольская ярмарка для них была крупным событием, где можно было выгодно продать свой товар и получить за него очень хорошую прибыль. Поэтому рост численности торговых гостей быстро увеличивался. За пять лет, с 1855 по 1860 г., он возрос втрое – с 47 до 104 купцов.

Но были на таких крупных торгах и негативные явления, как мошенничество. Одну из таких историй описывал некий Иголкин в газете «Томские Гу-

бернские Ведомости». Он представил диалог двух приезжих купцов, Осдора Ивановича и Ивана Сидорыча, которые поделились друг с другом впечатлениями о прошедшем ярмарочном дне. Иван Сидорыч поведал любопытную историю о мужике – обманщике, который продал несколько пудов меда пополам с глиной [8]. Уже в те времена существовали обманщики и любители легкой наживы. Поэтому и на Сузунской ярмарке нужно было держать ухо востро, проверять покупаемый товар. Наказание за продажу некачественного товара, за хитрый обман, следовало жесткое и незамедлительное.

В дни Никольской ярмарки население Завод-Сузуна жило совершенно особенной жизнью. На ярмарке можно было выгодно купить и продать, заработать на постояльцах. Жители поселка погружались в приятные хлопоты: варили, стряпали, пекли – заботились о гостях. Постояльцы перед ужином заводили речи о том, кто сколько продал и купил. Это был большой праздник для наших земляков, на котором можно было отдохнуть от повседневных забот, «других посмотреть и себя показать», пообщаться с новыми людьми, узнать о других территориях и народах, что нечасто случалось в старые времена.

Как воспоминание о Никольской ярмарке остались крытые дворы сузунских домов. Дело в том, что приезжие купцы останавливались на постоя у местных жителей, внося за аренду плату. Чтобы разбойники и воры не видели повозок с товаром, дворы стали закрывать от людских глаз. Это вошло в привычку, которая укоренилась и дожила до наших дней.

Действительно, Никольская ярмарка – это масштабное, грандиозное событие, проходившее на Сузунской земле. И мы, потомки, должны осознавать его значимость и важность в истории нашего поселка.

Библиографический список

1. Щеглова Т. К. Возникновение первых регулярных ярмарочных торгов на территории Томской губернии // Краеведческие записки. Выпуск 3. Барнаул, 1999. С. 125–134.3.
2. Щеглова Т. К. Возникновение первых регулярных ярмарочных торгов на территории Томской губернии // Краеведческие записки. Выпуск 3. Барнаул, 1999. С. 125–134.
3. Материалы из фондов МКУК ЦИИ -1.
4. Материалы из фондов МКУК ЦИИ -2.
5. «Томское предприятие ОАО «Томское пиво». Краеведческий дайджест / Сост. И. Б. Шаркова. Томск, 2005. С. 5–8.
6. Столкиндь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://southklad.ru/forum/viewtopic.php?t=18869/>. Загл. с экрана (дата обращения 16.03.2020).
7. Василий Колмаков и братья Колмаковы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.radiopobeda.ru/2013-03-01-10-57-17/34/140-2011-04-25-07-17-30>. Загл. с экрана (дата обращения 16.03.2020).
8. Материалы из фондов МКУК ЦИИ -3.

Ивкина О. В.

учитель физики,

МБОУ Куйбышевского района

«Средняя общеобразовательная школа № 3»

(г. Куйбышев Новосибирской области, Россия)

ТРАДИЦИОННЫЕ ЗАНЯТИЯ, РЕМЕСЛА НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: СЕЛО ЧУМАКОВО КУЙБЫШЕВСКОГО РАЙОНА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Статья посвящена этносам Западной Сибири. Внимание автор акцентировал на быте и обиходе населения Западной Сибири в целом, а также конкретной местности – селе Чумаково Куйбышевского района НСО. В статье описаны этносы, сохранившие свои духовные ценности со времен заселения этой местности русскими переселенцами.

Ключевые слова: село Чумаково, тюрки, остяки, обиход, ремесла, утварь.

Традиционные занятия и ремесла народов Западной Сибири

На территории Западной Сибири испокон веков проживали разные народности и племена. Эти племена были разрознены и в большинстве своем малочисленны. Единственным народом, который смог создать свою государственность – это тюркские кочевники. С приходом в Сибирь русских все эти этносы были объединены вместе, но не порабощены и уничтожены, а сохранены. В отличие от колонизаторской политики западной цивилизации, приведшей к исчезновению ряда этносов и их культур, в России сохранились все народы, жившие здесь с древнейших времен. Известный русский религиозный философ И.А.Ильин говорил: «Сколько малых племен Россия получила в истории, столько и соблюла... Ни принудительным крещением, ни искоренением, ни всеуравнивающим обрусением она никогда не занималась». В результате длительного исторического взаимодействия русского и других народов Россия сформировалась как сложная полиэтническая система цивилизации с самобытной многонациональной культурой [1].

Таким образом, были сохранены уклад жизни, традиции малых народностей. Наиболее яркое выражение самобытности этносов получила в ремеслах и занятиях. Среди них были: изготовление одежды и обуви из бересты, меха, кожи; посуды из дерева, глины, камня; резьба по дереву; изготовление украшений и игрушек из костей, меха и кожи и многое другое [2].

На территории Западной Сибири люди предпочитали вести оседлый образ жизни по берегам рек и озер. В основном это было натуральное хозяйство. Среди промыслов были распространены такие как ловля рыбы, добыча мяса и пушнины, заготовка трав, ягод и грибов, древесины. Земледелие развито было слабо из-за неблагоприятных климатических условий, но, выращивались зерновые и лен для нужд поселений. Также занимались скотоводством.

Занятия делились на мужские и женские. Мужчины занимались изготовлением предметов быта и обихода из дерева, камня, кости и металла, занимались охотой и добычей меха, мяса, рыбы. А женщины – изготовлением предметов из меха, растений, заготовкой продуктов к зиме. Земледелием занимались все, чтобы успеть за короткое лето собрать урожай.

Обработка древесных и травянистых материалов

Дерево являлось универсальным материалом для народов Сибири. Наибольшей популярностью пользовалась береза. Дерево использовали полностью: из ствола изготавливали долбленную, а позднее – точеную утварь; из корня и тонких ветвей рябины, тальника, черемухи – плетеные сосуды; из наростов – посуду и курительные трубки; из стружки – полотенца и подстилки в колыбели. Для изготовления деревянной посуды пользовались самодельными стругами, ручным сверлом, ножом. Изделия декорировали различного вида резьбой.

Популярным материалом для изготовления утвари у обских угров, селькупов служила легкая непромокаемая гибкая береста. Ее обычно заготавливали в конце весны – начале лета, когда дерево давало сок, или осенью, когда опадали листья. Из нее с помощью простого набора инструментов (шила, ножа, игл) изготавливали предметы для хранения, транспортировки и употребления продуктов питания, а также хранения и транспортировки предметов домашнего обихода. Соединительным материалом служили сухожильные, крапивные, конопляные нити, черемуховый или ивовый прут, корень кедра и ели, конский волос. Обычную или окрашенную бересту декорировали резьбой, аппликацией, тиснением, штамповкой, росписью, выскабливанием. Берестяные коробки для женского рукоделия, подойники, ведерки для ягод и дикого меда. Распространено было плетение из стеблей травянистых растений.

Изготовление и декорирование изделий из кожи и меха

Кожа являлась распространенным материалом для разного рода сумок, чехлов, футляров, а также сосудов для хранения жидких продуктов. Сырьем для производства сосудов служили также внутренние органы животных. Выделка шкур – многоэтапный процесс, осуществляемый женщинами с помощью

различных типов скребков. Наиболее распространенными способами украшения таких изделий являлись тиснение, раскраска, вышивка, аппликация.

Обработка кости и рога

Для изготовления различных бытовых предметов у народов Западной Сибири традиционно использовался рог оленя, и другого рогатого скота.

Изделия из камня и глины

В каждом доме имелась печь, изготовленная из обработанного камня, ею не только отапливали жилище, но и готовили в печи. Гончарное дело было распространено повсеместно. Учились изготавливать предметы быта из глины с детства. С приходом русских в быту народов Сибири появилась фарфоровая и фаянсовая чайная посуда.

Изготовление металлической утвари

Металлические изделия народы Сибири не только покупали у русских купцов, но и изготавливали их самостоятельно путем перековки из готового металла. Добыча, выплавка и художественная обработка металла, в которой тюрко-монгольские народы достигли высокого мастерства, имела глубокие корни. Из металлической утвари следует назвать ножи, таганы, щипцы для очага, котлы для варки мяса, сосуды для чая [3].

Сегодня население Западной Сибири – это русские, ханты, ненцы, тюрки. По вероисповеданию здесь есть и православные, и мусульмане, и буддисты.

Село Чумаково Куйбышевского района Новосибирской области [4]

По официальным данным упоминание о селе Чумаково есть с 1859 г. В то время село насчитывало 50 дворов с населением 244 человека. По документу «Сведения о населенных местах» № 48 от 20.05.1896г. из Центрального Статистического Комитета МВД в деревне Чумаково Каинского уезда Томской губернии население составило уже 454 человека. Жителями села изначально были остяки. Но с приходом русских переселенцев, остяки уходили в верховье реки Омь. И теперь в селе преобладают русские или потомки смешанных браков, которые, впрочем, тоже считают себя русскими.

Когда переселенцы приезжали в село, им выдавалось какое-то пособие на обустройство, а дальше, кто чем умел заниматься, тот тем и жил. У мужчин такими занятиями были добыча зверя и рыбы, заготовка кормов скоту (лошадям, коровам, козам, домашней птице, свиньям), изготовление кухонной утвари и орудий труда из дерева и готовых металлов.

В связи с ростом населения в селе стала необходима заготовка леса. Каждую весну, лето и осень сплавляли мужчины лес из дальних урманов (урман – (тюрк.) – темнохвойный лес (пихта, сосна кедровая, ель) на приречных участ-

ках таежной зоны Западной и Средней Сибири) к селу. А зимой в тех местах шла заготовка кедровых шишек. Готовили мужчины с лета деревянные колотушки, а зимой уходили в лес. Колотушками стучали по деревьям, чтобы шишки упали вниз, затем собирали их, складывали и увозили домой. А уже дома дети из них доставали кедровые орешки.

Среди женских занятий преобладали: изготовление предметов быта и обихода для дома из травянистых растений, кожи, меха, ведение домашнего хозяйства, земледелие.

Особое место в жизни русских женщин в селе занимало изготовление ниток из травянистых растений, шерсти, пуха и ткачество, пошив из этих тканей одежды, рушников (полотенце из домотканого холста), постельного белья, вышивка, вязание спицами и крючком. Несмотря на то, что большую часть времени женщины были заняты семьей, домашним хозяйством и огородом, они находили время для творчества и самовыражения.

Среди травянистых растений, из которых делались нити, распространенными в селе Чумаково были крапива, конопля и лен. Но, если крапива и конопля были распространены повсеместно и являлись дикорастущими растениями, то лен выращивался на полях. Льняные нити были как толстыми, грубыми, так и достаточно тонкими, в зависимости от того для каких целей они были необходимы. На ткацких станках, изготовленных из дерева мужчинами, ткали половики, полотна для одежды, рушников и постели. В дальнейшем эти полотна украшались вышивками.

Вышивка была орнаментная и выполнялась тремя цветами: черным, красным и белым, так как в то время не было других красителей. Но и впоследствии с появлением мануфактур и развитием торговли, люди в большинстве своем не могли позволить себе дорогостоящие красители и пользовались тем, что было доступно. При этом цвета несли в себе еще и определенную смысловую нагрузку. Черный – цвет земли, на которой мы живем, которая нас кормит. Красный – цвет солнца, огня, жизни, красоты, олицетворял мужское начало. Белый – цвет чистоты, света, блага, олицетворял собой женское начало. Помимо цвета орнамент тоже нес в себе определенный смысл. Например, ромб – славянский символ богини Земли, солнца, охранный знак, приносит счастье; колосья – хлебосольность; птица – обитатель мира небесного, олицетворяла собой тепло, свет, любовь и счастье. И таких орнаментов было великое множество на все случаи жизни. Зная символику орнаментов, можно изучать мир образов и представлений наших предков.

В XX в. в связи с развитием промышленности, необходимость в изготовлении домашних тканей отпала, но появилось больше возможностей в развитии творчества. Вышивка стала цветной, на разного цвета фонах. Широкое распространение получило вязание крючком. Но, тем не менее, изготовлением половиков на ткацких станках в селе занимались вплоть до конца 80-х гг. XX в.

В селе издревле занимались еще и валяльным промыслом. Вообще, валяние пошло еще от тюркских кочевников. Они из шерсти животных делали валяные одеяла, подстилки, коврики, потники для лошадей. Потом и русские переселенцы научились ремеслу валяния. Самым распространенным валяным предметом являются валенки. У этносов, проживающих на Севере и Востоке Сибири, больше распространена меховая обувь. А у западно-сибирских жителей – это валенки. Валянием обуви занимались как взрослые мужчины и женщины, так и старики и дети. Обувь была универсальной и теплой. Изначально изготовлением этого вида обуви занималась каждая семья. Впоследствии, после революции этим промыслом стали заниматься на промышленной основе. В частности, в селе имелся свой валяльный цех, где по разного рода колодкам делали так необходимую людям обувь. Закрылся этот цех в конце 90-х гг. XX в.

В школьном комплексно-краеведческом музее с. Чумаково собраны коллекции глиняных горшков, деревянных ступок, рогачей (ухват или рогач – приспособление, представляющее собой длинную деревянную палку с металлической рогаткой на конце, для извлечения горшков из печи), льняных рушников и скатертей, домотканых половиков, вышивок. Все они собраны у жителей села. Есть деревянный ткацкий станок, к сожалению, уже в не рабочем состоянии.

Дети и взрослые, приходящие в музей, могут изучить некоторые виды традиционных ремесел и занятий русских переселенцев с конца XIX до конца XX в. Двери музея открыты для всех!

Библиографический список

1. Гаврилов И. С. Народные промыслы как часть национальной российской культуры // ТюмГНГУ филиал в г.Тобольске, 2017. 2 с.
2. Открываем Сибирь! // <https://open-siberia.livejournal.com/>.
3. Российский этнографический музей. // <http://old.ethnomuseum.ru/remesla-u-narodov-sibiri/>.
4. Материалы комплексно-краеведческого музея МКОУ Куйбышевского района «Чумаковская средняя общеобразовательная школа».

Якубова Е. В.

хранитель музейных предметов

МКУК города Барабинска Барабинского района

Новосибирской области «Барабинский краеведческий музей»

(г. Барабинск Новосибирской области, Россия)

РЕМЕСЛА НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО XX В.

Аннотация. Статья посвящена традиционным ремеслам Западной Сибири в XX в.: резьбе по дереву, гончарному ремеслу, ткачеству, плетению, берестяному промыслу, кузнечному делу, выжиганию, вязанию на спицах. Внимание автора обращено на возможность возрождения ремесел народов Западной Сибири. Цель работы – показать преемственность поколений в передаче определенных трудовых умений и навыков, превращение их в искусство.

Ключевые слова: ремесла, традиции, возрождение, преемственность.

Издавна у народов Сибири сложились традиционные художественные промыслы. Декоративное искусство коренных народов носит на себе отпечаток исторической и экономической их судьбы и уходит корнями в далекие времена. Сибирь с древнейших времен была заселена трудолюбивым, упорным и мудрым народом. В Западной Сибири проживает сегодня более 125 национальностей, из них 26 коренных малочисленных народов. Крупнейшими по численности населения среди этих малых народов являются ханты, ненцы, манси, сибирские татары, шорцы, алтайцы.

Сибирь издревле славилась своими мастерами. Народные ремесла, наряду с другими видами народного творчества, являются основой национальной культуры и частью духовного наследия народов Сибири.

В народном изобразительном искусстве в прошлом не было самостоятельных художественных произведений – оно служило декоративным целям. Почти у всех коренных народов Сибири была распространена резьба по дереву. Резьбой украшалась посуда, деревянные предметы домашнего обихода. Кочевой и охотничий в прошлом образ жизни определил стремление к художественному оформлению охотничьей одежды и предметов охотничьего снаряжения. Женщины-крестьянки изготавливали домашним способом одежду. И мужские и женские костюмы украшались вышивкой, аппликацией на одежде и обуви. Аппликацией украшались и войлочные ковры. Сейчас эти народные промыслы

не имеют промышленного значения, а сохранились в основном при изготовлении сувениров. Женщины из хозяйств-старожилов сами делали для своей семьи глиняную посуду. Все это использовалось в своем хозяйстве и лишь частично шло на продажу.

Многообразно проявление народного творчества в крестьянском ткачестве. Холсты разных сортов и добротности выделявали повсеместно. Современники отмечают высокое качество холста рубашечного. Переселенцами были занесены в Сибирь из Черниговской губернии рушники с красными орлами и рушники квитками, вышитые яркими цветами. Основной орнамент дополнялся изображением четырехугольников, полос, звезд. В узорах полотенец типичные украинские мотивы, способ зашивания узором значительной части предмета прослеживаются по всей Сибири, вплоть до Амура.

Гончарное производство в значительной мере обуславливалось самим ведением сельского хозяйства, в котором большую роль играло скотоводство. Для переработки молока требовалось много посуды. Не случайно у семей в избе целые полки отводились для хранения глиняной посуды, которая была очень разнообразна: горшки для варки щей, каши, множество кринок для отстаивания сметаны, мокутры (макотры) для розлива и кипячения молока, просто молочники, подойники, муравленные чашки и миски, даже имелись керамические тарелки и рюмки.

Накануне XX в. плетеные бытовые предметы были в Сибири изделиями чуть ли не первой необходимости. В этот период огромной популярностью пользовались плетеные корзины, плетеная мебель, плетеные коляски для кукол и детей и многое-многое другое. Постепенно плетение переходит на промышленные рельсы. У каждого народа, населяющего Россию, сложились давние самобытные традиции изготовления предметов быта из местных природных материалов. Одним из исконно сибирских ремесел всегда оставался берестяной промысел. Предметы из бересты легко вошли и в современный интерьер; и ныне благодаря своей красоте, целесообразности и высоким художественным качествам берестяные изделия являются не только элементами быта, но и произведениями традиционного народного искусства. Благодаря своим свойствам – прочности, гибкости, устойчивости к гниению – этот материал издавна применялся для изготовления посуды. Береста не пропускает воду, в ведерках и туюсах из бересты молоко не киснет и сохраняется холодным в жаркое время года. Обские угры плели из бересты короба и посуду, украшая изделия резьбой, аппликациями, тиснением, бисером. Дерево являлось универсальным материалом для народов Сибири. Использовали практически все виды древесины с учетом

специфических свойств разных пород дерева. Наибольшей популярностью пользовалась береза. Дерево использовали полностью: из ствола изготавливали долбленную, а позднее – точеную утварь; из корня и тонких ветвей рябины, тальника, черемухи – плетеные сосуды; из наростов – посуду и курительные трубки; из стружки – полотенца и подстилки в колыбели.

Профессионального ремесла у большинства сибирских народов не существовало. Потребности хозяйства в бытовых предметах и утвари удовлетворялись за счет домашнего производства. Существовало четкое разделение мужских и женских занятий. Мужчины изготавливали предметы из дерева, кости, рога, а женщины – из бересты, стеблей растений, кожи, меха. Исключение составляла профессиональная обработка металла. С приходом русских в быту народов Сибири появилась фарфоровая и фаянсовая посуда. Изделия же из металлов сибирских мастеров успешно конкурировали с изделиями дамасских, монгольских, китайских мастеров.

Основной вопрос, который возникает при обсуждении темы «Ремесла Западной Сибири»: «Живут ли в наше время ремёсла или они уже давно забыты?». В Барабинском районе Новосибирской области есть люди, которые владеют секретами традиционных ремёсел Сибири, значит возможно возрождение и сохранение этого мастерства в современном мире.

В Новосибирской области проживают русские, татары, немцы, украинцы, казахи, киргизы, таджики, узбеки, армяне, азербайджанцы, белорусы. Сегодня культурная сфера деревень и малых городов Новосибирской области переживает кризисную ситуацию. Стремление к насильственному изменению, отрицанию вековых устоев на протяжении многих лет разрушало «старую культуру», нарушало ее естественные закономерности саморазвития. К сожалению, в настоящее время многие из народных промыслов утрачены, некоторые находятся на грани исчезновения. Однако в Барабинском районе работает небольшое количество мастеров, часть из которых использует традиционные материалы и технологии. Есть немало мастеров, которые стараются сохранить и возродить почти утраченные в районе ремесла. Хотелось бы рассказать о некоторых из них.

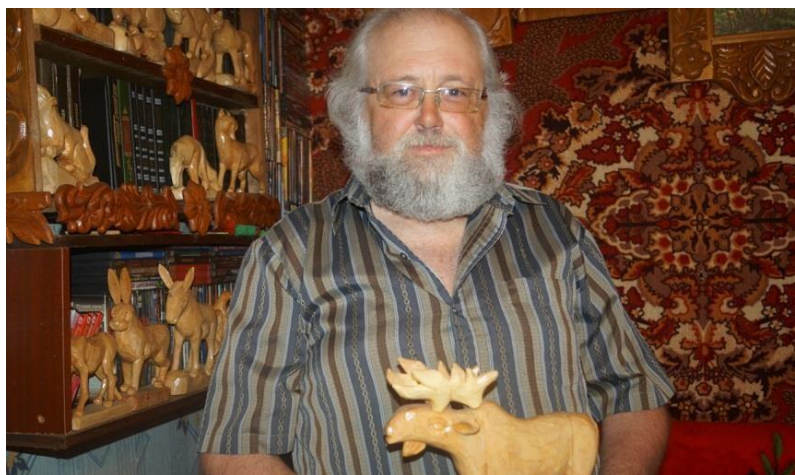
Орлов Владимир Петрович, родился в 1931 г. Владимир Петрович – художник, прекрасный резчик по дереву. Свою первую тарелку подарил жене. В газете «Аспект» за 2009 г. было напечатано интервью с мастером, в котором он сказал: «Сидеть на лавочке – не для меня». Произведения Орлова находятся в домах многих барабинцев, в больнице, профилактории, музее. Его квартира – словно терем. Все в ней резное: шкафы, буфеты, кровати, торшеры, рамки для

зеркал и картин. «Я не представляю себя без творчества», – говорил художник. В 2011 г. мастер отметил свой 80-летний юбилей, в 2017 г. ушел из жизни.

Картины Орлова В.П. в экспозиции музея

Кибальник Владимир Александрович посвятил резьбе по дереву всю жизнь. В 2019 г. он подарил Барабинскому краеведческому музею богатейшую коллекцию фигурок животных, вырезанных из кедра, а также панно на библейские мотивы.

Кибальник В.А., резчик по дереву

Резьбой по дереву занимаются студенты из Барабинского филиала НОККиИ.

Среди многих художественных ремесел, связанных с обработкой дерева, особое место занимает декоративное выжигание. Одно из популярных ремесел, глубоко связанное с традициями русского народного творчества, выжигание развивалось параллельно с резьбой, точением, мозаикой и живописными работами по дереву. Чтобы хорошо владеть всеми приемами выжигания, надо быть хорошим рисовальщиком, иметь широкий кругозор и фантазию. Все вместе взятое объединяет в себе Ажбаков Самат Сабитович – уроженец деревни Новоко-рупкаевка Барабинского района, двенадцать лет работает учителем технологии.

Ажбаков С.С.

Аникеев А.Н.

Среди компонентов традиционной культуры, бытующих в Барабинском районе, отметим кузнечное дело. Истоки кузнечного ремесла восходят к глубокой древности. Но в наше время появляются, существуют и развиваются кузни,

хранящие за своими дверями Традицию и Историю, воплощенную в металле. Хранителем таких традиций является Аникеев Алексей Николаевич.

Все свое детство провел с отцом в кузнице. Окончил училище по специальности художник-оформитель и вот уже 20 лет работает кузнецом на железной дороге. Все свои фантазии воплощает в жизнь в виде прекрасных произведений, которые радуют глаз. Его произведения можно встретить на улицах Барабинска в виде украшения фасадов домов, во многих организациях не только города, но и района.

Вязание на спицах – одна из областей традиционного народного искусства, которая исторически приобрела промысловое значение и развивается в наши дни. Это несложный и очень увлекательный вид рукоделия. До нас дошли экземпляры вещей, связанных в IV-V веках нашей эры.

В настоящее время, когда трикотаж во всех его видах, в том числе ручное вязание, получил самое широкое бытование и в городе, и в деревне, традиции народного узорного вязания приобретают особенно актуальное и перспективное значение. В наше время вяжут разнообразные современные предметы модной женской, мужской и спортивной одежды и дополнений к костюму: головные уборы, женские сумки, шарфы и др. Вязанные панно, подушки, скатерти, салфетки, прихватки служат прекрасными деталями, придающими своеобразие интерьеру квартиры. Руководитель программ и ведущая художественного совета мастеров «Ритмы и узоры Барабы» – Салимзянова Нурия Анасовна.

Богатый материал для изучения народных промыслов в Барабе дает коллекция предметов народного прикладного искусства, собранная в Барабинском краеведческом музее, который открылся весной 1984 г. Среди них старинные вещи: изделия крестьянского ткачества, вышивки, набойки, гончарство, плетение, резьба и роспись по дереву и т. д. Значение этих коллекций в деле возрождения традиций народного искусства, несомненно.

Сегодня наша Бараба – это современный край, устремлённый в будущее: существуют все предпосылки для возрождения ремёсел.

Библиографический список

1. Наследие народных мастеров Сибири. ru-travel, Livejournal, com>26616951.html.
2. Коренные народы Западной Сибири. posibri.ru.
3. Народные промыслы Сибири. Открываем Сибирь! Open – Siberia. Livejournal.com>1020. Html.

УДК 908

Файзрахманов Н. Т.

краевед

(с. Черный Мыс Убинского района Новосибирской области, Россия)

ТЮРКОЯЗЫЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВНИНЫ

Аннотация. Объектом данного исследования стала этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины с вхождения Сибири в состав Русского государства и до начала Первой мировой войны XX в. Это в общем виде история возникновения этнического как социального системообразующего явления, формирования, развития и трансформации историко-культурных общностей, история взаимодействия и взаимосвязанности этнических явлений с социально-экономическими и политическими.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Новосибирская область, сибирские татары, тюркское население.

Сибирь... Дальняя, холодная, таинственная, надежно укрытая снегами за каменным поясом Уральских непроходимых гор. В древности ее называли по-разному: и «страна полунощная», и «страна мраков» – даже в названиях слышится суровость и неизвестность. А неизвестное всегда хочется разгадать. Кто жил в Сибири в глубокой древности? Когда здесь появились люди? Никому в голову не приходило, что Южная Сибирь могла быть заселена человеком 800 тысяч лет назад и даже ранее. Сегодня в этом уже никто не сомневается. Кто знает, может, люди в Сибири появились и миллион лет назад? Как знать...

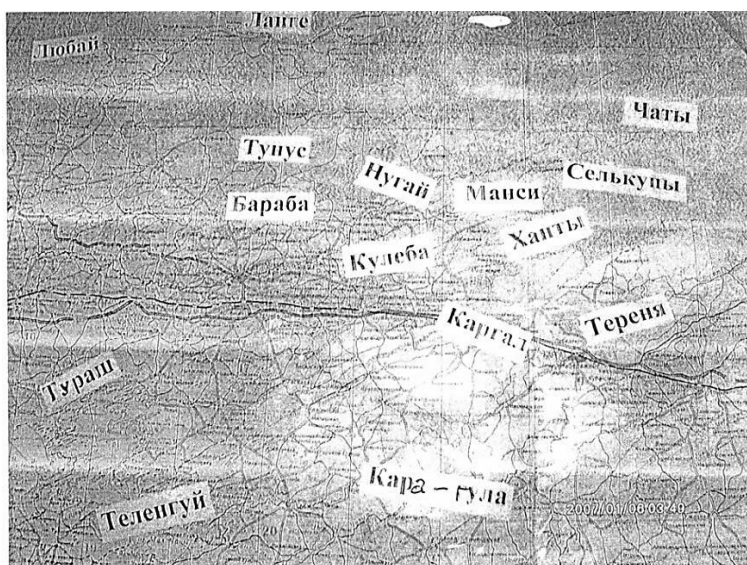
Объектом данного исследования стала этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины с началом вхождения Сибири в состав Русского государства вплоть до начала Первой мировой войны XX в.

История этнических процессов – это в общем виде история возникновения этнического как социального системообразующего явления, формирования, развития и трансформации историко-культурных общностей, история взаимодействия и взаимосвязанности этнических явлений с социально-экономическими и политическими.

Значительная часть тюркоязычных групп Западно-Сибирской равнины объединяется для изучаемого периода термином «сибирские татары». К ним относятся тюменско-туринские, тобольские, яскольбинские (заболотные), курдакско-саргатские, тарские татары, барабинцы, ряд групп, образовавших позднее томских татар, обские татары. Кроме того, к коренному населению относятся здесь чулымские тюрки (чулымцы).

Из тюркских групп, продвигавшихся в разные годы на Западно-Сибирскую равнину из соседних регионов, следует назвать многочисленных выходцев из Средней Азии (узбеков, киргизов, уйгуров, каракалпаков, телеутов, нагайцев). Исследователь В.В. Радлов писал, что сибирские татары – это главным образом потомки прибывших в XV и XVII вв. на Тобол и Иртыш нагайцев и казахов, а также торговых сартов и таджиков и переселившихся в Сибирь казанских татар, а также в отдельных группах барабинских татар встречаются следы монголов. По данным историков И. Юшкова и Н. Катанова, в конце XVI в. на юг Западной Сибири прибыли среднеазиатские шейхи с казахскими воинами. О заболотных татарах писали, что это потомки остяков, принявшие мусульманскую религию.

Заселение Новосибирской области тюркоязычным населением

Историки Г.Ф. Миллер и И.Е. Фишер в группу сибирских татар объединили тюменских, тобольских, ишимских, барабинских, чатских, но в XVII и начале XIX вв. термин «татары» часто употребляли в России и к алтайским, шорским, хакасским, чулымским тюркам. В этот период происходит процесс смешения местных групп сибирских татар с пришлыми татарами из Поволжья и Приуралья. Особенно ассимилировались пришлые татары с местными в сельской местности. Но что касается ассимиляции с бухарцами, то все исследователи XVIII – XIX вв. единодушно отмечали, что бухарцы потеряли свой язык и многие культурно-бытовые особенности. Кроме того, историки подчёркивали характерную культуру и быт сибирских татар, их сходство в этом отношении с казанскими татарами.

В наиболее общем виде этногенез сибирских татар представляется сейчас как процесс смешения угорских, самодийских, тюркских, вогул (манси) и отчасти монгольских племён и народностей. По данным археологов, на территории Убинского района, особенно на северном побережье Убинского озера, в 1-2 тысячелетии жили угорские племена (ханты, манси, отчасти селькупы). Это в целом свидетельствует о сходстве расового типа тобольских и барабинских татар. Можно считать установленным фактом, что в состав барабинских татар в значительной степени вошёл местный мансийский компонент, что культура барабинцев близка к культуре хантов, что в эту группу частично вошли угры.

Одним из тюркских компонентов в составе сибирских татар были поволжско-приуральские татары, которые переселялись сюда, начиная со времён Кучума, и растворились среди иртышских и тарских групп. Наиболее мощные

переселения татар Среднего Поволжья и Приуралья в Сибирь приходится на вторую половину XIX в. и первую четверть XX в. До сих пор в литературе существует мнение, что и до массовых переселений казанских татар они были близки к коренному сибирско-татарскому населению.

Важные материалы для изучения этногенеза сибирских татар уже сейчас представляет этнографическая наука. В этом плане интересны выводы Н.Ф. Крытковой по отдельным видам одежды. Халаты томских и «новосибирских» татар она включила в один тип распашной одежды для всех народов Северного Алтая, хантов, манси, ненцев, обнаружила общность покроя одежды татар Западной Сибири со среднеазиатскими народами, выявила аналогии в шапках барабинских татар, шорцев, северных и южных алтайцев. В облике долбленых лодок из цельного дерева сходство у заболотных татар и хантыйских, отмечены аналогии орнаментов узоров узбеков и казанских татар с сибирскими татарами. Выявлены также многие этнокультурные связи и компоненты в составе кыпчаков, угров, монголов, алтайцев, казахов, башкиров и поволжских татар.

По современной языковой классификации язык сибирских татар входит в кыпчакско-булгарскую подгруппу кыпчакской группы западно-хунской ветви тюркских языков, а язык чулымских татар в уйгурскую группу восточно-хунской группы (Языки народов СССР, Т.2. , 1966 г., с.15).

Процесс тюркизации начался, по мнению новосибирских, томских археологов и историков, в разных районах неодновременно, в период господства Тюркского каганата наблюдались передвижки тюрков в лесостепную зону Западной Сибири, уже в VI в. тюрки начинают заселять Верхнее и Среднее Приобье, а в VII-VIII вв. проникают далеко на север. Проникновение тюрков в Барабу шло с юга – Алтая и Средней Азии.

В Барабинской степи проникновение тюрков прослеживается с VII–VIII вв., усиливается особенно в XIII в.

В последние годы выдвинуто предположение, что сибирские татары по происхождению более древние, чем кыпчаки. Г.Х. Ахатов отметил интересные формы в области грамматики, не встречающиеся ни у одного из племён, и свидетельствующие, что они относятся к числу древнейших тюркских языков.

Процессы переселения поволжских и приуральских татар в Сибирь, смешение их с сибирскими татарами, усилившееся влияние языка и культуры казанских татар на тюркоязычное население средней части Западной Сибири рассматривается как процесс консолидации сибирских татар с татарской нацией. В этнографической литературе в общих чертах отмечалась близость культуры

сибирских татар с культурой казанских татар как следствие их давних связей и усиления смешения на территории Сибири.

С середины XX в. происходит сближение сибирских татар с русскими и влияние этого процесса на язык, культуру и быт, появляется термин «обрусение». Это сближение указывается в этнографической литературе.

В XX в. был сделан значительный шаг вперед в историческом, лингвистическом и этнографическом изучении западно-сибирских татар. Достигнуты определенные результаты в области классификации групп по языковым и этническим признакам, хотя единого мнения у исследователей на этот счет нет. В то же время обнаружилась неразработанность некоторых проблем, связанных с этническими процессами среди сибирских татар, и почти совсем не исследовали вопросы о развитии этнокультурных процессов у пришлых поволжских и приуральских татар.

Основной целью данной работы является исследование проблемы этнической истории тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины, а точнее, территории Новосибирской области в период с конца XVI и до 40 г. XX в. Почему взят этот период? Дело в том, что развитие данного населения привело к ряду ошибочных утверждений о значительных прослойках поволжских татар в составе коренных сибирских татар и о сильном влиянии их в Сибири в XVIII–XX вв. Начальной хронологической точкой исследования был взят XVI в., так как в этот период здесь сложилось Сибирское ханство, в рамках которого значительно усилилось взаимодействие между мелкими, разобщенными в прошлом тюркскими этническими образованиями.

Для выполнения поставленной цели определен следующий круг конкретных задач, которые предстоит решить:

1. Этнически разделить данное население, выделив этнические и этнографические круги.

2. Исследовать по возможности вопросы происхождения коренного тюркоязычного населения и формирования его отдельных групп:

- выявить этнические компоненты, вошедшие в состав этих групп до изучаемой нами эпохи;

- выяснить, какие группы населения влились в состав этнических объединений данного региона в конце XVI — начале XX вв.

3. Проследить изменения в расселении демографической структуры тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины:

- выявить его расселение к приходу русских в Сибирь, миграции в эту эпоху, плотность размещения поселений;

– определить численность разных групп к моменту присоединения Сибири к Русскому государству;

– обобщить данные о численности тюркоязычных групп в XVII–XX вв.

4. Выявить роль межэтнических контактов в развитии этических процессов в изучаемом регионе:

– проследить хозяйственные, социальные (брачные) культурно – бытовые связи и отношения разно-этничных тюркских групп, как между собой, так и с коренными народами Сибири, а также с русскими.

В прошлом тюркские группы заселяли степную, лесостепную и частично лесную зону Западной Сибири. Эта территория издавна была местом стыков 2-х хозяйственно-культурных типов – кочевого скотоводческого и охотничье-рыболовецкого. Здесь же, а точнее между Иртышом и Обью, до прихода русских в Сибирь сложился один из немногочисленных очагов земледельческой культуры. Особенностью этической ситуации во II тысячелетии н.э. было то, что здесь активно взаимодействовали угорские, самодийские, тюркские и отчасти монгольские группы населения. Самые северные тюркоязычные образования данного региона Сибири располагались именно на территории Западно-Сибирской равнины, т. е. в бассейне Оби и Иртыша, население южных районов этой равнины до прихода русских имело разный уровень социально-экономического развития – классовые отношения феодального типа сочетались здесь с пережитками родоплеменных отношений.

Этнический состав населения изучаемого края был сложным в XVI–XVIII вв. Большой массив представляли разные группы сибирских татар. Здесь в разное время проживали башкиры, киргизы, нагайцы, телеуты, калмыки, манси, ханты, селькупы, чаты и другие народы.

Яскоблинские (заболотные) татары. Яскоблинские (заболотные) татары заселяли нынешние территории Омской и северо-западную часть Новосибирской областей – большого болотистого края, отсюда произошло их название заболотные татары. В XVII – XIX вв. по отношению к данной группе сибирских татар нередко употребляли этноним – ясколба, возможно, в прошлом это название племени или какой-то родоплеменной группы, обосновавшиеся в Заболотье. Близкое название есть у башкир, это род Эске-Елан или Эске-Илан, а казанские татары в Заболотье впервые появились в 1914 г. (перепись населения). В Заболотье локально проживали кошукские табаринские татары (волости Кошуки и Табаринская).

Курдакско-саргатские татары. Сибирские татары, проживающие в настоящее время в низовьях Оми и Тары, выделяются в самостоятельную этниче-

скую группу курданжо-саргатские татары по говору, по некоторым обычаям эти татары близки с карагайскими татарами, которые проживают в Тюменской области. От хантов Васюганья курданско-саргатские татары были отделены болотами. Этноним Курдан был известен в группе узбеков, проживающих в южных районах Таджикистана. Б.Х. Кармышова (1976 г., стр. 233) считала, что это осколок рода Курдак сибирских татар, который пристал в свое время к одному из казахских родов, переселение такого рода связано с торговлей.

Тарские татары. В XVI в. тарские татары находились в составе Сибирского ханства. Территория их расселения охватывала часть Среднего Прииртышья примерно от устья р. Оши и до устья р. Оми. Часть тарских татар проживала тогда и в бассейне рек Тары, Уя и Оши, постепенно осваивая все более широкую территорию. Одним из направлений было северо-восточное и восточное – в сторону барабинцев и васюганских хантов. На востоке тарские татары уже в тот период жили на землях, прилегающих к территории барабинских татар. В составе тарских татар исследователями обычно выделяются две местные племенные группы: аялы и туралы (Валеев 1975 г., стр. 217). Как пишет Кузеев (1974 г., стр. 225) значительная часть аялинцев осела в степной и лесостепной зоне Западной Сибири. Аялинцы – от башкирского слова ай – полумесяц. Башкиры называли Тобольских татар туралами, что означает «оседлые». На это обращает внимание Миллер (1937 г. стр.193), Ч.Т. Георги еще в 1799 г. писал, что туралы – это городские (от слова тура – город) или «остепенившиеся на одном месте люди». Среди туралинцев был высокий процент браков с аялинцами: 84,2% (432 из 513 муж. и жен.).

Барабинцы. Тюркское население Барабинской степи, раскинувшейся между Иртышем и Обью, Васюганьем и Кулундинской степью (Миддендорф, 1871г., стр. 2-3), издавна называли барабинцами или барабинскими татарами и выделяли как самостоятельное этническое образование (Филимонов, 1892 г., стр. 35). В настоящее время барабинцы считаются этнической группой сибирских татар и говорят на барабинском диалекте.

Барабинские татары считаются цельной группой в составе сибирских татар, а их язык – самым компактным и однородным диалектом, не имеющим деления на говоры. Различные направления хозяйственной деятельности отдельных групп барабинских татар, разнообразие типов жилищ, средств передвижения, одежда, сложный состав пищи, разнообразие орнаментов и проч., позволили высказать мнение о более сложных этноисторических судьбах данного этнического образования. Существование в прошлом родоплеменных подразделений у барабинских татар, небольшие различия в языке.

Для племён теренге и племени бараба даёт возможность считать, что язык барабинских татар имел свои диалекты и говоры.

В XVI – нач. XVII вв. были известны следующие подразделения барабинских тюрков: 1) Бараба (параба), 2) Любай (луба, любей), 3) Угуй (лугуй), 4) Кулеба, 5) Ланга (лонга), 6) Тунус (тунух), 7) Турас (тураж), 8) Узук, 9) Кирчак, 10) Каргал (карган, каргалы), 11) Тереня (терене, терена).

Б.О. Долгих считал, что «Бараба с прилегающими к нему группами – тунус, тураш, любай, тереня и другие составляли одно племя и возможно волость Тереня (село Теренино в Каргатском районе) была относительно самостоятельной группировкой татарского населения. Выделенные барабинско-турашские татары включили в свой состав следующие аймаки (волости) конца XVI – нач. XVII вв.: Бараба, Тураш, Кулеба, Каргалы, Кирчик. Территория их простиралась от оз. Чаны, оз. Сартлан, оз. Убинское на север, охватывала бассейны среднего и верхнего течения рек Оми и Тартас и доходила до правых притоков Парабели и Васюгана. Этнонимические названия теленгутов калмыков указывают на вхождение в состав барабинских татар алтайцев и калмыков. Название «башкурт» может быть связано с башкирами, а этноним «тугай» от слова «ногай».

Недавние исследования В.И. Васильева говорят и о самодийском компоненте. Он же объясняет название в Барабе Карагалинской волости происхождением от селькупского языка, от карагула – «журавлиные люди», с которыми их связывает значительный самодийский массив на юге Сибири. Сами татары-карагалинцы жили в XVII в. по соседству с селькупам. В целом, в хозяйственно-культурном облике северных барабинцев явно вырисовываются черты, сближающие их не только с хантами и манси, но и селькупам.

В состав второй группы барабинцев – любейско-тунгусской, вошли родоплеменные подразделения любай, угуй, ланга, тунус и, видимо, узук. Территориально любейско-тунгусские татары проживали в бассейне среднего течения рек Оми и Тары и их притоков. В Венгеровском районе Новосибирской области в одной из деревень (Улуцк) согласно легенде, местные жители говорили, что они произошли от кочевого племени сибиров (сикыров). Таким образом, особенностями этнического состава любейско-тунгусских барабинцев является наличие в нём угорского, тарско-татарского компонента и выходцев из Средней Азии (Сухарева, 1966г., стр.130).

Некоторые исследователи, а именно С.А. Токарев, И.С. Гурвич, Н.М. Козьмин утверждают, что в Барабе проживали племена сахтар. Сахтар – это форма множественного числа от термина сах, саха, который, как известно, выступает у якутов в качестве этнического самосознания. Интересно, что в ауле

Кошкуле Барабинского района был записан близкий термин «сукар». Согласно преданию «сохы» жили Иртыш сугде, куда впадает р. Омь. В некоторых якутских олонхо говорится, что предки якутов пришли из Западной Сибири, а именно из Барабы. В культуре хакасов, якутов и сибирских татар обнаруживается сложный комплекс сходности или полностью совпадающих явлений: орнаменты, одинаковой формы щиты у воинов. При раскопках курганов в д. Заречно-Убинское Убинского района вблизи оз. Убинского были зафиксированы орнаментированные столбы – коновязи, имеющие очень большое сходство с якутскими и хакасскими. Всё это позволяет наметить поиски этноисторических связей сибирских и, в первую очередь, барабинских татар с этими народами, а также пути определения этнического «лица», рамки тюркоязычных поселенцев в Барабе.

Теренинско-чайская группа была в XVII в. малочисленна. В 1625 г. волость Тереня (деревня Теренино в Кургатском районе) включала одну деревню Теренинскую, а в волость Чой входило всего две деревни. Чойский айман помимо местных татар известен и у тубуларов Алтая (Потапов, 1956 год, стр. 330).

Чаты. В настоящее время потомки чатов проживают в двух местностях Томской области и в Колыванском районе Новосибирской области по Оби и её притоку Уени. До появления Ермаковского отряда в Сибири чаты занимали территорию по соседству с барабинцами в бассейне верхней Оми, а также верховье рек Кургата и Чулыма и бассейн р. Чаус. Северными их соседями были селькупы, на востоке жили томские татары, а на юге белые калмыки (телеуты и теленгиты). По всей видимости, чаты кочевали по всей Барабе, доходили до Кулундинской степи, а на западе до Иртыша и Ишимской степи. Топоним «чать» в названии озера у г. Ялуторовска. В Колыванском районе в деревнях Красноярской и Черномысенской раньше жили татары, которых вместе с термерчинцами жителями с. Юрт-Акбалык (белая рыба) называли кыштымами. Кыштым – город в Челябинской области.

Сходство языка чатов с барабинским диалектом, соседство их носителей, проживающих в Барабинской степи, приводят к убеждению, что в составе чатов оказались, видимо, и барабинские татары, в основном теренинско-чойские, поскольку именно на их территории во второй половине XVI в. жили чаты. Обращает на себя внимание и тот факт, что чаты по многим признакам (одежда, пища, некоторые обычаи) чрезвычайно сходны с селькупами (Томилов Н.А., 1981). Он может свидетельствовать о вхождении в состав чатов каких-то самодийских (возможно, именно селькупских) элементов.

Поволжские татары. Казанские татары мигрировали на территорию Западной Сибири задолго до появления здесь русских. Как известно, связи между населением Поволжья и Сибири являются очень древними и прослеживаются по археологическим материалам, начиная с неолита. Они не прерывались и в последующие эпохи. В XIV – XV вв. контакты тюркоязычных народов Поволжья, Приуралья и Западной Сибири наиболее ярко проявились, прежде всего, в этнической истории башкир и сибирских татар. В первой половине XIV в. сибирские земли входили вместе с землями башкир в состав Золотой Орды. Это, возможно, способствовало увеличению в тот период контактов населения Сибири и поволжско-приуральского региона.

Во второй половине XVI в. переселения казанских татар в Западную Сибирь имели место после присоединения Казанского ханства к России. Выходцы из Казани были в то время представлены преимущественно татарской знатью и их было, видимо, немного. Часть татар из европейской части России прибыла в Сибирь, возможно, с вожаками Ермака. Летопись сообщает о том, что вместе с атаманами и казаками Ермака в Сибирь были посланы «с ними литвы и немец и татар вкупе всех восемьсот сорок человек» (Сибирские летописи). Татары могли служить в отрядах Ермака в качестве военных людей и переводчиками (толмачами). С присоединением Сибири к Русскому государству процессы переселения поволжских и приуральских татар в Сибирь продолжали иметь место и даже приняли относительно постоянный характер, мигрировали татары по-прежнему в районы расселения тобольских и тюменских татар.

Среди тобольских татар поселились пришлые из европейской части России татары, которые позднее получили общее название оброчных чувальщиков. Считается, что в Tobольском округе они появились с конца XVIII в. Основную их часть составили татары, переселившиеся действительно в XVIII в. из Казанской, Самарской и других губерний в Tobольск.

Сибирские татары. Сибирские татары проживают к западу от реки Оби, в степной и лесостепной зонах, в основном в сельских районах: Тюменской, Омской, Новосибирской, Томской областях, а также в Тюмени, Tobольске, Омске, Новосибирске, Томске, Таре, Барабинске и других городах Западной Сибири. Разговаривают на сибирско-татарском языке, который относится к кыпчакской группе тюркских языков (имеет ряд диалектов, близок к башкирскому, казахскому, узбекскому, каракалпакскому). Основное ядро сибирских татар вышло из среды средневековых кыпчаков, принимавших участие в формировании многих тюркских народов. В процессе своего длительного и сложного этнического развития сибирские татары контактировали с группами угорского проис-

хождения, самодийцами, народами Саяно-Алтая, Средней Азии и Казахстана, монголами, татарами Поволжья и Приуралья, башкирами и некоторыми другими народами. Степень влияния указанных народов на этническое развитие сибирских татар зависела от конкретных исторических условий, от продолжительности этих контактов и т. д. В связи с тем, что Татарстан стал центром и средоточием национальной культуры, влияние поволжских татар на все остальные группы этого населения привело к тому, что усилился процесс культурной консолидации всех подгрупп татар, включая сибирских. Книги, фильмы, газеты, выпускаемые в Татарстане и доступные по всей России, концерты творческих коллективов из Татарстана в татарской диаспоре, неизбежно ведут к нивелировке местных различий.

Сибирские татары состоят из трёх этнографических групп – тоболо-иртышских, барабинских и томских татар, отличающихся друг от друга незначительными особенностями в говоре, хозяйственной деятельности. Каждая из основных этнических подгрупп сибирских татар в прошлом делилась на более мелкие подгруппы. Например, существовали абинцы – татарское племя, обитавшее в Кузнецком округе Томской губернии. Сильное влияние на этническое развитие сибирских татар оказали среднеазиатские переселенцы в Сибирь – узбеки и таджики, известные в сибирских городах под обобщающим названием бухарцев (сибирские бухарцы) или сартов, а также татары Поволжья и Приуралья, переселившиеся в Сибирь в XV – XVII вв. Эти ранние переселенцы в Сибирь были ассимилированы сибирскими татарами и к середине XIX в. стали основными компонентами сибирских татар. В литературе они именуются в зависимости от места обитания тюменскими, тобольскими, тарскими, барабинскими, томскими и т.д. татарами. Ныне – этнотерриториальные идентификации исчезли, сибирские татары считают себя частью татарской нации.

Свои селения сибирские татары называли аулами и юртами, среди томских татар до революции сохранились термины улус и аймак. Татарские деревни обычно располагались около рек или озёр. С сооружением дорог появились притрактовые селения. В конце XIX – начале XX в. для большинства поселений была характерна правильная прямолинейная планировка улиц. Дома ставили по обе стороны улицы, лишь в прибрежных селах изредка встречалась односторонняя застройка. Из зданий общественного назначения выделялись мечети. Как правило, они были деревянные, но в отдельных сёлах были построены из кирпича. В селениях – волостных центрах находились здания волостных правлений (отдельная изба или пятистенный дом). Из других зданий выделялись

почтовые станции в притрактовых деревнях, помещения училищ, частные магазины, лавки, кузницы.

В XVII в. в качестве жилищ у сибирских татар бытовали землянки и полуземлянки. Так же были известны наземные срубные постройки, глинобитные, дерновые и кирпичные жилища.

В XVII – XVIII вв. срубные юрты были низкими, имели небольшие двери, в которые пролезали на корточках. Окон не делали, а дневной свет проникал через отверстие в плоской земляной крыше. Позднее стали строить дома по русским образцам. Некоторые имели двухэтажные срубные дома, а в городах зажиточные купцы и промышленники – каменные дома. Немногие дома с внешней стороны украшались узорами, расположенными на наличниках окон, карнизах, воротах усадеб. В основном это был геометрический орнамент, лишь иногда в узорах прослеживались изображения животных, птиц и людей, так как это запрещалось исламом. В интерьере домов сибирских татар в каждой группе были свои особенности, но в обстановке большинства жилищ центральное место занимали нары, покрытые коврами, войлоком, уставленные по краям сундуками и постельными принадлежностями. Нары заменяли всю необходимую мебель. Так же в домах были столики на очень низких ножках, полки для посуды. Лишь у богатых татар встречалась и другая мебель, например шкафы и стулья. Дома отапливались печами – чувалами с открытым очагом, но некоторые татары пользовались и русскими печами.

Традиционным занятием сибирских татар являлось земледелие. У некоторых групп оно существовало и до прихода русских. В южной части региона выращивали пшеницу, рожь, овёс, просо. У барабинских татар в хозяйстве большую роль играло озёрное рыболовство, а у северных групп тоболо-иртышских и барабинских татар – речное рыболовство и охота. Скотоводство было возможно на лесостепных участках, а также на богатых разнотравьем солонцах в степи. Разводили крупный рогатый скот и лошадей. Из ремёсел были распространены кожевенное дело, изготовление верёвок из липового лыка, вязание сетей, плетение коробов из ивовых прутьев, изготовление берестяной и деревянной посуды, телег, лодок, саней, лыж. Сибирские татары занимались торговлей, отхожими промыслами (работы по найму в сельском хозяйстве, на казённых лесных дачах, лесопильных и других заводах), извозом – перевозкой купеческих грузов на своих лошадях.

В пище сибирских татар преобладали мясомолочные продукты. Молочные продукты: сливки (каймак), масло (мой), творог разных видов (эремчек, эцэгей), сыр (курт), особый вид простокваши (катык), напиток айран. Ели мясо

всех домашних животных и птиц, кроме свинины, из диких животных – зайчатину и лосятину. Из конского мяса делали колбасы (казы), в том числе и копчёные. Кроме того, вялили мясо. Варили супы: мясной – шурпа, пшённый – арык урэ, перловый – куцэ урэ, рисовый – корец урэ, рыбный суп, мучные супы из лапши, жидкого теста и поджаренной на масле муки.

Употребляли каши, талкан – блюдо из молотых зёрен ячменя и овса, разведённых в воде или молоке. Из мучных блюд татары готовили лепёшки – пэтер, пшеничный и ржаной хлеб, баурсаки – крупные, жаренные в масле кусочки из сдобного теста и другой вид баурсаков – сансу – жаренные в масле длинные ленты теста, пироги с различными начинками, блюда наподобие блинов – коймак, халву – алюва. Наиболее распространёнными напитками были чай, айран, частично кумыс, некоторые виды шербета.

Таким образом, в работе представлена этнографическая классификация тюркского населения Западно-Сибирской равнины. Среди так называемых сибирских татар выделены следующие этнические группы: 1) Туринские татары и их группы. 2) Курдакско-саргатские татары. 3) Тарские татары. 4) Барабинская группа – любейско-тунусская, теренино-чойская, ланга-уйгуйская. 5) Томские татары. 6) Чаты. 7) Обские татары.

В Западной Сибири формировалась также следующая группа поволжско-приуральских татар, расселившихся отдельно от сибирских татар. Казанские татары в XVII – середине XIX в. встречались здесь единицами и не оказывали тогда влияния на изменение этнического состава местных татар. В числе барабинцев было много потомков ранних тюркоязычных племен алтайского происхождения. Общим для всех барабинцев был и тюрко-татарский компонент. Западные монголы (калмыки) зафиксированы и в составе теренинско-чойской группы. В любейско-тунусской группе выявились угорский и среднеазиатский компоненты. Черномысенских татар (Колыванский район) образовали чулымские тюрки, смешавшиеся с чатами и телеутами. Подавляющую массу сибирских бухарцев составляли узбеки и таджики, кроме того, в их составе встречались уйгуры, казахи, видимо и каракалпаки, а в Сибири в них вливались сибирские и казанские татары. Также были изучены изменения в расселении и численности на протяжении XVI – XX вв. В целом была довольно высокая степень взаимосвязанности между иртышскими, барабинскими и томскими татарами, а также между ханты, манси, селькупам. В XIX – XX вв. происходит ассимиляция местного населения Барабы с русскими. С конца XVI в. все интенсивнее стали развиваться процессы сближения тюркского населения с русскими. Русский быт оказал прогрессивное влияние на хозяйственно-культурную деятель-

ность местного тюркского населения. Таковы были основные тенденции и итоги этнических процессов у тюркского населения Западно-Сибирской равнины в XVI – начале XX вв.

При работе с краеведческим материалом мы сталкиваемся с очень многими татарскими названиями, находящимися в обиходе русских людей.

Топонимика:

Акчабалык – озеро, акча – деньги, балык – рыба (Малый Акчабалык, Большой Акчабалык);

Сарабалык – озеро – желтая рыба;

Карабалык – озеро – черная рыба (линь);

Каен кюле – каен – береза, кюле – озеро;

Бызкюле – быз – лед, ледяное озеро;

Карабыз – кара – черный, быз – лед, черный лед;

Селеккюле – селек – пиявка, пиявочное озеро;

Сазкюле – саз – болото, болотистое озеро;

Ачекан – аче – горькая, кан – кровь, горькая кровь (деревня в Убинском районе);

Табанкюле – табан – подошва, озеро похожее на подошву;

Сарыкюль – жёлтое озеро;

Река Агурманка – аг – белый, урман – тайга, белая тайга;

Алкюль – ал – малиновый, кюль – озеро;

Аткюль – ат – лошадь, кюль – озеро;

Сасыкюль – сасы – вонючее, тухлое озеро;

Иптэш аулы – деревня друзей (Заречно-Убинское);

Убаагыныше – уба – топкая трясина, агыныше – пристань;

Муйнак – белая шея;

Убырлыкыр – лес лешего;

Узункюль – длинное озеро;

Тырмакюле – тырма – грабли, кюле – озеро;

Талкюле – тал – ива.

Кучукова Р. Х.

директор

*Булатовский культурно-досуговый центр Куйбышевского района
(с. Булатово Куйбышевского района Новосибирской области, Россия)*

Тимганова Т.

краевед,

*Центр татарской национальной культуры Куйбышевского района НСО
(г. Куйбышев Новосибирской области, Россия)*

ЛЕТОПИСЬ АУЛА ОМЬ КУЙБЫШЕВСКОГО РАЙОНА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Трудно отыскать на бескрайних просторах Западной Сибири места, где бы не было татарских сел. У каждого поселения своя неповторимая судьба. На основании изучения краеведческого материала авторы статьи кратко освещают основные вехи истории аула Омь Куйбышевского района с конца XIX в. и по настоящее время в форме летописи – погодных записей событий, происходивших в этой местности.

Ключевые слова: аул Омь, Куйбышевский район, барабинские татары.

На правом берегу живописной реки Омь, отсюда и название поселения, расположилось поселение аул Омь. На левом берегу, на расстоянии 10 км проходит Западно-Сибирская железная дорога. Это сообщение для жителей недоступно, так как через реку нет моста. До райцентра, города Куйбышев, что в 50 км., добираются на рейсовом автобусе, доезжая сначала до с. Булатово, а затем по Московскому тракту. Аул входит в состав Булатовского сельского совета и является фермой № 3 ООО «Булатовское».

Аул старше многих сибирских сел. Со слов местной жительницы Музиной Муниры Хасановны, её дедушка, Абдрахманов Мухарям Маннанович, родился в 1888 г. в ауле, его родители жили здесь же. Старожилы говорят, что это месторасположение аула третье. Сначала он был на берегу речки Узакла и назывался Ашхар. Люди занимались охотой, рыбалкой. Когда охоты не стало, переселились на озеро Чистое, назывался аул Корлэ. Это было красивое место на возвышенности, с двух сторон два озера. Но легенда гласит о том, что однажды девушки собрались на посиделки, внезапно ударила молния и все девушки погибли. Почитав, что это место проклято, жители перебрались ближе к реке.

Основали аул два брата-переселенца Рапиковы – Рапик и Аккун. Может быть, отсюда и название озера – Рапиковое. Затем приехали Файзулины. Позд-

нее из Казани приехал Абдрахманов Валиула с четырьмя сыновьями: Вахап, Ханнан, Абдельманнан и Ризаитдин. Братья искали невест на чужбине, а своих им не отдавали.

Если местное население состояло из охотников и рыбаков, то переселенцы завезли в Сибирь семена, таким образом, начали возделывать землю, сажать огороды. Население увеличивалось, люди жили за счет натурального хозяйства – разводили скот, в основном коней.

Вокруг аула в то время было мало леса, а так как сибирский климат суров, то многие не смогли запастись дровами на зиму, поэтому некоторые семьи разъехались в близлежащие татарские деревни.

В 1907 г. построили мечеть, куда служить приехал из Казани по Указу Императора, данным из соответствующего губернского правления мулла Магзумов. В ауле его называли «указным муллой». Это был очень грамотный человек, при въезде в аул он прочитал длинную молитву, благословляя деревню на богатство и процветание (поэтому даже нынешние жители не верят, что когда-то аула не станет). В мечети обучали грамоте только мальчиков, девочек не пускали родители.

Далее служил муллой Абдрашитов Махмуд. В 20-е гг. и до 1932 г. служил Ибрагимов Хамза, который в начале коллективизации из-за боязни ареста вместе с семьей и личным подсобным хозяйством (скот) выехал из аула. Впоследствии его дело продолжил сын Саид.

В июне 1939 г. мечеть сломали. Все село наблюдало за крушением – плакали и взрослые, и дети. По словам старожил, тогда поднялся сильный ветер, и все священные книги взлетели к небу, а те книги, которые остались внутри мечети, люди потом собрали в мешки и утопили в реке. Тем не менее, люди хоть и тайно, соблюдали национальные обычаи и традиции – соблюдали пост, мальчикам делали обрезание, при рождении и смерти проводили ритуалы по мусульманским обычаям.

На частных подворьях к началу 20-х гг. XX в. содержалось крупного рогатого скота – 320, овец – 139, лошадей – 60, население насчитывало 254 человека, частных хозяйств – 62.

В 1929 – 1930 гг. коллективизация развернулась повсеместно и проходила трудно. «Зажиточные» не хотели быть на равных с «бедняками» и делить свое имущество, поэтому не желали вступать в колхозы. 5 января 1930 г. ЦК партии принял постановление «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», а 30 января принято постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективиза-

ции». Крестьян принуждали вступать в колхозы, запугивая их лишением избирательных прав, высылкой, раскулачиванием, при этом раскулачивали не только богатых крестьян, их было немного, а владельцев лишней лошади, хорошего дома, всех непокорных или чем-то неугодных властям.

Семья Назаровой Софии Алтышевной считалась в то время «зажиточной», хотя батраков не держали, работали сами, не покладая рук. Во время раскулачивания их семья оказалась в списках кулаков. Со многими другими семьями их семья была депортирована на Колыму. Семья Назаровых работала на лесоповале. От голода и болезней умерли отец и младший брат Софии. Через несколько лет маму Софии отправили домой по состоянию здоровья, а ее в Новосибирск учиться. По окончании училища, которое она закончила с отличием, вернулась в родной аул и всю жизнь до пенсии проработала учителем.

В 1939 г. образовался колхоз «Алга», аул соединили с Осинцево, и название сменилось на аул Осинцево. Первым председателем колхоза был назначен Абдрахманов Ибрай Ризаитдинович, 1901 г. р. Он проработал до 1939 г. и сменил место жительства. После Ибрая Ризаитдиновича председателем работал Рафиков Шагбан. Его сменил Музин Абдельбари Ташмухомедович, который работал с 1936 по 1937 г.

На первый год становления колхоза пришелся небывалый урожай зерна. Те, кто там работали, получили премии, их щедро одарили зерном. Это послужило стимулом для тех, кто сомневался вступить в колхоз или нет.

До открытия в ауле школы, детей обучала грамоте, чтению намаза, молитв Абдрахманова Ачар Ханнановна. Уроки она давала дома. В 1937 г. была открыта начальная школа. Преподавали на татарском языке. Также давали уроки латинского языка. Первым учителем была Шакирова Фатима Халимовна, которая к тому же была в ауле парторгом.

В 1937 г. в частном доме был открыт магазин. Торговал Абдрахманов Абубакир Ханнанович.

В 1938 г. стала работать почтовая связь. Работала тогда Файззулина Вафия Ширвановна. В деревню пошли газеты, журналы, люди начали приобщаться к книгам, все больше стало грамотных.

В конце 1930-х в ауле появились первые трактора. На них работали Абдрахманов Бари Мухарямович, Абдрахманов Дауд Абакирович, Фаткулин Хаким.

Мирный труд жителей аула прервала Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Все мужское население, а это 56 человек, было призвано на фронт. В архиве нашего района сохранилась похозяйственная книга аул Осинцево за

1942–45 гг., которая свидетельствует о том, что в годы войны на личных подворьях почти не было скота. Если и была, то одна корова, 2 – 3 овечки. Со слов Кучуковой Салифы Исуталовны, давали план – с коровы сдать за год 300 литров молока, если корова телилась – теленка забирали на нужды фронта. Также давался план на картофель, овощи, махорку, яйца. В войну в колхозе работали старики, дети и женщины. Вывозили сено зимой на ферму, пасли колхозный скот, работали трактористами, прицепщиками. Вместо тяговой силы была лошадиная и бычья сила.

Рахматуллину Сарифу вместе с пятью девушками из аула отправили во время войны в Абрамовскую МТС на курсы трактористов. По окончании курсов все работали трактористками в колхозе. Абдрахманова Рахия работала и на тракторе, и на комбайне. Сеяли около 600 га земли. Пшеницу молотили зимой, осенью не успевали. Прямо на поля складывали под навесы, закрывали соломой. Так возле каждого поля организовывали зерноток. Использовали молотилку МК-1100. Снопки пшеницы наверх кидали вручную. Только женщины, дети, старики – вот на ком держалось колхозное хозяйство.

После Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. домой вернулась 26 фронтовиков, 30 фронтовиков погибли или пропали без вести.

После войны аул начал обустраиваться. Значительно расширились посевы зерновых культур. Из-за нехватки кадров началось укрупнение колхозов. Так в 1950 г. аул соединили с Трехречкой. Председателем колхоза до 1956 г. работал Потеев Александр Савельевич. Магазин, медпункт, почта находились в Трехречке.

В начале 50-х гг. колхоз получил новый самоходный комбайн с бензиновым четырехцилиндровым двигателем, в конце 50-х стали поступать дизельные самоходные комбайны СК-3, СК-4, был в ауле гусеничный трактор ХТЗ на керосиновом двигателе с кабиной без окон и дверей. В зимнее время трактора угоняли в Абрамовскую МТС.

В начале 60-х годов открыли клуб. Со слов жительницы аула Абдрахмановой Нурии Хуснуловны, ее отец, Хуснула Зинурович начал строительство собственного дома, но из-за нехватки денег новостройку продал колхозу, там и открыли клуб, в котором была установлена киноустановка, а рядом построили новый деревянный магазин. В те годы аул был огорожен, с двух сторон были пропускные ворота.

Муллой в ауле служил Абдрахманов Мухарям Маннанович.

По данным справочника по административно-территориальному устройству Новосибирской области 1937 – 2006 гг. 13 марта 1963 г. Булатовский сель-

ский совет включен в состав Куйбышевского района, аул Осинцево из Абрамовского сельского совета включен в состав Булатовского сельсовета.

В 1961 г. образовался совхоз «Булатовский». Директором совхоза назначен Белов Михаил Васильевич. В первые годы образования совхоза построили коровник из камыша на 200 голов. К концу 60-х годов работало 24 доярки, было около 400 коров, доили вручную.

В 1970 году совхоз возглавляет Каплин Николай Григорьевич. Строятся фермы с теплым переходом и подсобными помещениями с последующей электрификацией и механической докой.

По данным справочника по административно-территориальному устройству Новосибирской области 1937 – 2006 гг. аул Осинцево переименован в аул Омь. Решение Новосибирского облисполкома от 04.11.1966 г. № 765. Указ Президиума Совета РСФСР от 16.12.1966г.

В 1970 г. был открыт новый магазин, 8 марта 1971 г. – новый дом культуры, здесь же размещают контору, в этом же году проведена водопроводная сеть с водонапорной башней. В 1977 г. открылся медпункт. В 1978 г. начальная школа переходит в новое здание двухквартирного дома. На этот период насчитывалось 500 дойных коров, 940 КРС, 70 лошадей.

В 1996 г. начальная школа переехала в новое здание, в котором также разместились клуб и медпункт.

В 2011 г. поставили модульную установку для очистки воды от солей. Впервые за всю историю существования аула жители теперь пьют очищенную воду, до этого воду для питья летом брали из речки, на зиму заготавливали лед. Также была обновлена вся водопроводная сеть.

В 2013 году поставлен модуль для приема молока от населения. В этот период в ауле насчитывается 300 дойных коров, 18 нетелей, 85 телят текущего года, 10 лошадей, отведены под однолетние травы на сенаж 349 га, 211 га занимает подсолнечник, 108 га засеяны многолетней люцерной.

Продолжает действовать начальная школа, медпункт, клуб, магазин Рай-ПО, два частных магазина.

Молодое поколение аула

Культура аула самобытна – жители трепетно относятся к традициям, передавая их от поколения к поколению. И если в других татарских деревнях наблюдается отеснение татарского языка – молодежь все больше говорит на русском языке – в ауле все разговаривают на языке барабинских татар. Соблюдаются все национальные праздники, обычаи. Проводятся выезды на районные и областные конкурсы «Татарская семья», «Татарская девушка», на фестивали татарской песни. Силами культработников проводятся концерты, в которых исполняются песни, сценки, стихи на родном языке. Жители аула уверены – пока жива культура, будет жить и деревня!!!

УДК 908

Орда Л. К.

*руководитель Центра немецкой культуры
Куйбышевского района Новосибирского областного
Российско – Немецкого Дома
(г. Куйбышев Новосибирской области, Россия)*

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ КУЙБЫШЕВСКОГО РАЙОНА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье показан эволюционный путь немцев России с конца XVI в. до 90-х гг. XX в., при этом даны сведения их первых усилий по обустройству, адаптации в России и вхождению в российский социум. В многонациональном Куй-

бышевском районе Новосибирской области российские немцы занимают третье место по численности. На основе краеведческих материалов раскрыта история российских немцев, проживающих на территории Куйбышевского района НСО с 1941 г.

Ключевые слова: российские немцы, Екатерина, Указ, переселение, депортация.

Российские немцы... Мало кто сегодня в нашей стране не знает о существовании этого народа, о его трагической судьбе.

Немцы жили в России еще задолго до массового переселения немецких крестьян. Уже в средние века купцы немецкой Ганзы селились на севере России в Новгороде. Во времена правления Ивана Грозного (1533– 1584) усиленно приглашались различные специалисты – ремесленники, строители, архитекторы, врачи, офицеры, служащие и другие. В Москве возникло целое предместье – Немецкая слобода, в котором Петр 1 (1682— 1725) охотно бывал в свои юные годы.

Петр Великий, при котором начался процесс европеизации России, привлек много немцев в свое окружение. Его последователи также поручали немцам ответственные посты в дипломатии, правлении и в армии. Достаточно лишь поближе ознакомиться с именами выдающихся лиц того времени, чтобы убедиться, что немцы участвовали решительно во всех сферах общественной жизни России.

Императрица Екатерина II, урожденная София Августа Фредерика, заботясь о пустующих территориях России и в тоже время, зная европейскую земельную тесноту, решила пригласить для заселения новых земель иностранцев разных наций, кроме евреев. 4 декабря 1762 г. был издан Манифест *«О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах»*. Манифест был отпечатан на русском, немецком, французском и английском языках и был разослан российским дипломатическим представителям в Европе. Императрица также разъясняла своим подданным, что такая колонизация новых земель пойдет на пользу российскому государству. Однако вскоре стало очевидно, что для практического результата нужны правовые и экономические гарантии и привилегии, которые должны были побудить европейцев столь резко изменить привычные условия жизни.

Год спустя первоначальный Манифест был дополнен двумя новыми документами, которые назывались: *«Манифест о даруемых иностранным переселенцам аванжах и привилегиях»* (22 июля 1763 г.) и *«Указ об учреждении Канцелярии опекунов иностранных переселенцев»*. Эти документы гарантировали им поселение на выбор в пригодной местности России, освобождение от

любых налогов: в сельской местности до 30 лет, в городской – до пяти. Расходы на переселение возмещались государством, предоставлялась беспроцентная ссуда на десять лет для устройства жилья и хозяйства. Иностранным предпринимателям разрешалось ввозить и вывозить свои товары беспошлинно. Предоставлялось право на собственные органы местного самоуправления, право на сооружение своих церквей, освобождение от воинской повинности, возможность беспрепятственного выезда из России.

Европа подобных возможностей своим подданным не давала, кроме того, постоянные конфликты между европейскими государствами, тяжелое налогообложение, недавние религиозные войны побуждали многих предприимчивых европейцев искать счастья в Новом Свете – Америке, отвоеывая ее у местных племен. Российские просторы были ближе, безопаснее и экономически выгоднее. Это стало толчком к массовому переселению из Европы на юг России в основном небогатого трудового социального слоя, причем в основном ехать в подданство Императрицы-немки решились, естественно, немцы.

В перечень свободных и удобных к заселению российских земель были включены части Новороссии, Поволжье, Северный Кавказ, Южный Урал, Сибирь (Тобольск) и многие другие на выбор. За первые три года число переселенцев составило 23 тысячи. После чего было принято решение временно приостановить поток, пока приехавшие не будут обеспечены домами, хозяйством и не смогут своим трудом обеспечивать себя. Немецкие поселения на Волге росли особенно быстро: в 1765 г. их было 12, а в 1767 г. стало 67. Два года спустя перепись населения установила, что в 105 немецких поселениях на Волге живут 6,5 тысяч семей переселенцев.

Так немцы жили колониями. В 1871 г. немцы получили статус поселян-собственников.

После установления советской власти в России уже в 1918 г. была образована «Трудовая Коммуна Немцев Поволжья», которая в 1924 г. была возведена в ранг «Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья» (АССР НП). В 1924 г. Съезд Советов принял Конституцию автономной республики.

Уже в первом десятилетии в Поволжской Республике с небывалым размахом началось развитие промышленности и механизации сельского хозяйства. По темпам внедрения современных методов производства Республика немцев Поволжья занимала ведущее место в СССР. Из года в год повышалась урожайность полей.

Вместе с экономическим ростом и изменениями в структуре народного хозяйства республики начался и культурный подъем. Республика немцев Поволжья, которую официальные публикации часто называли «сталинским цветущим садом», была первой советской республикой, ликвидировавшей неграмотность. В 1921 г. здесь существовало 317 школ первой ступени и 23 школы второй ступени, кроме того ряд других учебных заведений: 11 техникумов, 5 высших учебных заведений, 3 рабочих факультета, 20 домов культуры, существовали Немецкий Национальный и детский театры. В республике издавалось более двадцати местных и пять областных газет. Только за период между 1933 и 1935 гг. вышло 555 наименований немецких книг общим числом около 3-х млн. экземпляров.

Просуществовала республика до 28 августа 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР население Поволжской республики обвинялось в пособничестве врагу и поголовно было выслано в Новосибирскую, Омскую область, Алтайский, Красноярский край, Казахстан. Мужчины в возрасте от 15 до 60 лет и женщин, если у них не было детей до трех лет, призывались в трудовую армию.

И потянулись повозки из Бальцерского, Куккукского, Зельмановского, Марксштадского, Унтервальденского, Мариентальского и других кантонов к железнодорожным станциям. Что помнят об этом немцы, которые проживают в нашем городе? Помнят многое, но стараются не говорить об этом, слишком тяжело ворошить прошлое. Те, кто эту трагедию пережили взрослыми, ушли в мир иной, а тем, кто были тогда детьми, уже далеко за 70, но память их хранит детские воспоминания и рассказы взрослых, которыми с большой осторожностью со слезами на глазах делятся. Что же они рассказывают?

Большие, добротные села на Волге – Граф, Герцог, Шульц, Бангард, Кемпфер, Деллер... Поля, желто-коричневые от спелых колосьев; амбары, готовые принять этот богатый урожай; бахчи с огромными полосатыми арбузами и неповторимый запах спелых дынь; обилие красных помидор на кустах; зеленые луга, на которых пасется породистый скот; школы, которые были готовы к новому учебному году. Они помнят растерянные лица родителей и безысходное горе в их глазах, быстрые сборы – немного продуктов, немного одежды (хорошо, кто предусмотрительно взял теплую), уполномоченные в черных шинелях, которые подгоняли людей, одиночные выстрелы в разных частях сел и повозки, повозки, направляющиеся к станциям. А там, в спешке грузили их в вагоны для скота по 15-30 человек. Душно, грязно, запах плесени, маленькие зарешеченные окна и двери, которые открывались только на больших останов-

ках и только ночью. Месяц в пути, пропускали эшелоны, идущие на фронт. Урал, Казахстан, болотистая местность Барабы.

Операция по выселению проводилась очень жестко и энергично. В особенно тяжелые условия были поставлены люди, отправляющиеся в первых эшелонах. Им пришлось в страшной спешке сдавать имущество и собираться в путь буквально за одни сутки. Жители более близких к железнодорожным станциям сел вывозились в первую очередь. Передвижение к станциям погрузки осуществлялось на автомобилях и гужевым транспортом. Завершилась операция по выселению немцев 20 сентября 1941г. Немцев Поволжья отправили в Сибирь и Казахстан. Общее количество погруженных в эшелоны точно не называется. Есть примерное число – 446480 человек.

*Распределение эшелонов и переселенцев из Поволжья
по краям и областям:*

Край, область	Количество прибывших		Количество станций разгрузки
	эшелонов	переселенцев, тыс.	
Красноярский	34	79,5	18
Алтайский	34	80,4	14
Омская	32	82,9	15
Новосибирская	37	88,7	28
Казахская ССР	51	117,7	32
Всего	188	449,2	107

Как видно из таблицы, в нашу область переселили 88,7 тыс. человек, хотя конечная цифра 133 684 человек немецкого населения.

В Куйбышевский район (ст. Каинск) немцы прибыли из Саратовской области Мариентальского кантона АССС НП с. Граф и с. Герцог. Эшелон № 756 в кол-ве 2485 чел.

Категория: Эшелон 756

Депортация

Информация об эшелоне.

- Станция погрузки: **ст. Нахой**
- С каких территорий происходила депортация: **Мариентальский (частично) кантон АССР НП**
- Дата отправления: **9 сентября 1941 г.**
- Количество людей при отправке: **2485**
- Дата прибытия: **29 сентября 1941 г.**
- Количество людей при прибытии: **2485**
- Станция разгрузки: **Каинск**

Район расселения:

- Область, край: **Новосибирская область**
- Район: **Куйбышевский**
- Источник данных: **Сайт БД Депортация немцев Поволжья в 1941 году**

Необходимо отметить, что в села Чумаковской зоны немцы прибыли со ст. Кожурла. Тогда это считался Михайловский район, центром которого было с. Чумаково, но 1 февраля 1963 г. Михайловский район был упразднён, а его территория разделена между Кургатским и Куйбышевским районами (с. Чумаково, Андреевка, Михайловка, Новониколаевка и т.д.).

Категория: Эшелон 754

Депортация

Информация об эшелоне.

- Станция погрузки: **ст. Покровск (г. Энгельс)**
- С каких территорий происходила депортация: **г. Энгельс, Красноярский, Маркштадтский, Унтервальденский, Куккусский (частично), Зельманский (частично), Иловатский кантоны АССР НП**
- Дата отправления: **9 сентября 1941 г.**
- Количество людей при отправке: **2348**
- Дата прибытия: **24 сентября 1941 г.**
- Количество людей при прибытии: **2348**
- Станция разгрузки: **Кажурла**

Район расселения:

- Область, край: **Новосибирская область**
- Район: **Михайловский**
- Источник данных: **Сайт БД Депортация немцев Поволжья в 1941 году**

Депортированных немцев привезли на подводах на территорию школы №3, ныне это магазин «Магнит» на городском рынке. И там люди находились достаточно долгое время, ожидая, когда их повезут дальше. Некоторых оставляли в городе, некоторых увозили в села, так много семей поселили в села Новоичинское, Медведкино, Назарово, Булатово, Абрамово, Осинцево, Верх-Ича, Патрушево.

Согласно постановлению Совета Народных Комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП (б) от 26 августа 1941 г. п.3 «Переселение производить целыми колхозами. Вселение на новых местах производить как путем доселения целых колхозов в существующие колхозы и совхозы, так и путем отдельного расселения переселяемого колхоза на новом месте, используя для этого подготовленный пере-

селенческий фонд и все пустующие дома в сельских местностях и за счет уплотнения живущих. При отсутствии жилого фонда и хоз. построек в местах расселения произвести строительство домов силами переселяемых».

Как же встретили депортированных? Настороженно. Это были подводы с женщинами, стариками, многочисленными детьми. Взрослые трудоспособные мужчины и подростки старше 16 лет разлучались с семьями, их отправляли в более отдаленные районы, в так называемую трудовую армию. В невыносимых суровых условиях, плохо одетые, полуголодные они ловили рыбу в сибирских реках, заготавливали лес, добывали руду, изготавливали снаряды на военных заводах и умирали от непосильного труда. Позже в трудармию были направлены и немецкие женщины старше шестнадцати лет. Они содержались в лагерях, обнесённых колючей проволокой, на сторожевых вышках дежурили автоматчики. На работу трудармейцев водили под конвоем, а ведь среди них были коммунисты, комсомольцы, ветераны гражданской войны, вчерашние красноармейцы и командиры, имевшие ранения и боевые награды за заслуги перед Родиной. Скудное питание и тяжёлая работа вели к быстрому истощению и высокой смертности, особенно на лесоповале в тайге. Не меньшим, чем голод и тяжёлая работа, был для трудармейцев моральный груз – их, советских людей, считали пособниками фашистов.

Женщин с детьми многие встретили с пониманием, некоторые руководители хозяйств старались разместить их в семьях старожилов, помогали построить на скорую руку жилье – пластанки, трудоустраивали. Некоторые встретили их с глубокой враждебностью, особенно те, кто уже получили извещения о гибели своих близких на фронте. Находясь в глубоком горе, они всех немцев считали фашистами и ненавидели их. Большинство приехавших не знали русского языка и это затрудняло общение. Кончились продукты питания, стали обменивать одежду, остались без теплых вещей. Собирали мороженный картофель на огородах, чем вызвали недовольство владельцев. Если тайком приносили продукты (зерно, овощи, молоко) с работы, их обвиняли в хищении государственной собственности и сажали в тюрьмы. Жизнь немцев постоянно контролировалась, не разрешали выезжать за пределы населенного пункта, поступать в средне-специальные и высшие учебные заведения, переписываться. Их не выдвигали на руководящие должности, не отмечали результаты их труда. И только 13 декабря 1955 г. вышел указ Верховного Совета СССР о снятии ограничений в правовом положении немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении. Но выехать с места депортации они не могли до 1964 г.

Из воспоминаний Константиновой (Гергаузер) Клементины Петровны: «Нас высадили на огражденный колючей проволокой территории, шел снег. Отца забрали сразу и направили в трудармию, в Воркуту на шахты, там он пробыл 7 лет. Нашу семью с мамой и бабушкой (еще были сестры Ирма, Анес и брат Петя) отправили в с. Патрушево. Мама вырыла землянку и в этой землянке мы жили до 1947 года, пока не вернулся отец. С голода умер дедушка, братик. На нашу землянку и волки нападали, и один раз дезертир напал с ружьем, требовал еды. А где ее взять-то было, так и ушел ни с чем».

Из воспоминаний Шамне Климентия Вентлиновича, 1930 г.р.: «Наша семья была отправлена в с. Абрамово. В 1943 г. меня вместе с мамой забрали в трудармию, сначала строили аэродром в Барабинске, а затем отправили в Новосибирск на строительство кирпичного завода № 1. В 1947 г. вернулись в с. Абрамово, Мария Адольфовна трудилась на комбайне, на ферме дояркой, я работал скотником. В 1956 г. женился на Розе Романовне Райм.».

Из воспоминаний Лебзак Эдуарда Федоровича, трудармейца, 1927 г.р.: «По прибытию в Куйбышев 14 дней жили на постоялом дворе. Затем отца, Федора Георгиевича направили в с. Верх-Ича работать в больнице. А марте 1942 г. отца забрали в трудармию, В ноябре 1942 г. повестка пришла Эдуарду и маме – Эмме Кондратьевне. Но Эмму Кондратьевну оставили дома, т.к. младшему сыну Константину (в будущем заслуженному врачу СССР, почетному гражданину г.Куйбышева) было всего 3 года. Эдуарда Федоровича отправили в Кизилковский угольный бассейн, там он проработал на шахте 9 лет. В 1947 году отец вернулся из трудармии и семья переехала в г.Куйбышев. Эдуард Федорович вернулся в ноябре 1951года, устроился работать на завод АЗЧ. В 1959 году женился на Берте Александровне Шадт.

Из воспоминаний семьи Драйлинг, уроженцев с. Герцог Мариетальского кантона: «Семью Адама Петровича Драйлинга направили в Сибирь, в Куйбышевский район. Десять приехавших семей (Кун, Лаубер, Ридель, Драйлинг и т.д.) определили на место жительства в деревню Чуклайду. В 20-х числах сентября 1941 года они ступили на землю их нового места проживания. Жили, где придется: в землянках, избушках, в хозяйственных бригадных помещениях, а также в бараках, где сейчас находится ферма. Расселением занималась местная власть – бригадир. Наступали холода, не хватало еды. Жили тем, что давали местные, хотя те сами жили в нужде. Весной и немцы, и русские ели траву. Есть сведения, что на территории Чуклайды весной 1942 года вся трава была съедена. Русского языка во время войны они не знали вообще. Только самая старшая дочь Катя знала немного, потому что в деревне Герцог до войны от-

крыли русскую школу, и она проучилась там 3 – 4 года, поэтому как могла – переводила. В 42-ом году, в январе, главу семьи забрали в трудовую армию. И старшая дочь Екатерина (ей было 13 лет) вместе с матерью должна была идти работать, чтобы прокормить еще пятерых детей. За работу выдавали по 500 граммов хлеба, что и спасло их от голода.

Дети немцев учились в Чуклайде (начальная школа) и в с. Горбуново Куйбышевского района Новосибирской области. Со времён войны по 70–80 гг. деревню Чуклайду называли маленьким Берлином. Такое второе название деревня получила не только потому, что здесь часть населения составляли немцы, а потому, какой порядок, неписанный закон был здесь: контора, школа, частные дома не закрывались на замки.

Народ жил открыто и честно. И надо сказать, очень дружно. По воспоминаниям старожилов, немцев уважали в колхозе как трудолюбивых, глубоко порядочных людей.

Говорили, в основном, на немецком, особенно в кругу семьи. Браки заключались между немцами. Только у третьего поколения наблюдались смешанные браки.

Так суровая сибирская земля приняла старшее поколение, которые уходили в мир иной с незажившей душевной раной, и стала малой родиной для младшего поколения, которые бережно хранят память о своем многострадальном народе, народе с израненной душой. Российские немцы выжили ценой невероятных усилий, надрываясь от тяжелой работы, страдая от страха и унижения. Пройдя через все это, они не потеряли чувства собственного достоинства, жили и живут, работали и работают, не жалуясь на судьбу в стране, которую несколько веков назад выбрали их предки. Низкий поклон и российским женщинам-немкам, которые, имея много детей и пройдя через весь этот ад, ни одного своего ребенка не выбросили, не умертвили, не отказались, не отдали в детский дом, в чужую семью».

Хочется отметить, что российские немцы, проживающие на территории Куйбышевского района, обрели здесь вторую Родину и внесли огромный вклад в развитие города и района. В 1999 г. в г. Куйбышеве был открыт филиал Новосибирского Областного Российско-Немецкого Дома – Центр немецкой культуры, цель которого – возрождение, сохранение и развитие национальной немецкой культуры и языка, традиций и обычаев российских немцев. За 20 лет своего существования Центр реализовал множество проектов. Так, в ходе реализации проекта «Моя малая Родина» все опрошенные отметили, что своей Родиной считают г. Куйбышев.

Об этом же писал А.И. Солженицын. Характеризуя в третьем томе «Архипелага» репрессированные народы, он посвящает российским немцам следующие строки: «Среди всех отменно трудолюбивы были немцы. Всех бесповоротнее они отрубили свою прошлую жизнь. Как когда-то в щедронские екатерининские наделы, так теперь вросли они в бесплодные суровые сталинские, отдались новой ссыльной земле как своей окончательной. Они стали устраиваться не до первой амнистии, не до царской милости, а – навсегда. Сосланные в 41-году наголе, но рачительные и неугомонные, они не упали духом, а принялись и здесь так же методично, разумно трудиться. Где на земле такая пустыня, которую немцы не могли бы превратить в цветущий край. Не зря говорили в прежней России: немец, что верба, куда ни ткни, тут и прижился. На шахтах ли, в МТС, в совхозах не могли начальники нахвалиться немцами – лучших работников у них не было. К 50-м годам у немцев были среди остальных ссыльных, а часто и местных – самые прочные, просторные и чистые дома; самые крупные свиньи; самые молочные коровы. А дочери их росли завидными невестами не только по достатку родителей, но – среди распушенности прилагерного мира – по чистоте и строгости нравов»

Von Gottes Gnaden
Wir Catharina die Zweyte,
Kaiserin und Selbstherrscherin aller Reußen,
 zu Moskau, Kiow, Wladimir, Nowgorod, Zaarin zu Kasan,
 Zaarin zu Astrachan, Zaarin zu Sibirien, Frau zu Pleßkau und Groß-
 fürstin zu Smolensk, Fürstin zu Esthland und Liefland, Carelen, Ewer,
 Jugorien, Permien, Wiatka, Wolgarien und mehr andern; Frau und
 Großfürstin zu Nowgorod des Niedrigen Landes, zu Tschernigow, Re-
 san, Kostow, Jaroslaw, Belosserien, Uldorien, Obdorien, Kondinien,
 und der ganzen Nord-Seite Gebieterin und Frau des Twerischen Lan-
 des, der Cartalinischen und Grünischen Zaaren und des Cabardinischen
 Landes, der Tscherkassischen und Gorischen Fürsten und mehr an-
 dern Erb-Frau und Beherrscherin.

Da uns der weite Umfang der Länder Unseres Reiches zur Gnüge bekannt; so nehmen Wir unter andern wahr, daß keine geringe Zahl solcher Gegenden noch unbebaut liege, die mit vortheilhafter Bequemlichkeit zur Bevölkerung und Bewohnung des menschlichen Geschlechtes nutzbarlichst könnte angewendet werden, von welchen die meisten Ländereyen in ihrem Schooße einen uner-
 schöplichen Reichthum an allerley kostbaren Erzen und Metallen verborgen hal-
 ten; und weil selbige mit Holzungen, Flüssen, Seen und zur Handlung gelegenen Meeren gnug-
 sam versehen, so sind sie auch ungemein bequem zur Beförderung und Vermehrung vielerley Ma-
 nufacturen, Fabriken und zu verschiednen andern Anlagen. Dieses gab Uns Anlaß zur Erthei-
 lung des Manifestes, so zum Nutzen aller Unserer getreuen Unterthanen den 4ten December des
 abgewichenen 1762ten Jahres publiciret wurde. Jedoch, da Wir in selbigem denen Auslän-
 dern, die Verlangen tragen würden sich in Unserm Reiche häuslich niederzulassen, Unser Belie-
 ben nur summarisch angekündigt; so befehlen Wir zur bessern Erörterung desselben folgende
 Verordnung, welche Wir hiemit aufs feierlichste zum Grunde legen, und in Erfüllung zu se-
 hen gebieten, jedermänniglich kund zu machen.

1.
 Verstaten Wir allen Ausländern in Unser Reich zu kommen, um sich in allen Sou-
 vernements, wo es einem jeden gefällig, häuslich niederzulassen.

2.
 Dergleichen Fremde können sich nach ihrer Ankunft nicht nur in Unserer Residenz bey
 der zu solchem Ende für die Ausländer besonders errichteten Zitel-Canzelley, sondern auch in den
 anderweitigen Gränz-Städten Unseres Reichs nach eines jeden Bequemlichkeit bey denen Gouver-
 neurs, oder, wo dergleichen nicht vorhanden, bey den vornehmsten Stadts-Befehlhabern melden.

3.
 Da unter denen sich in Rußland niederzulassen Verlangen tragenden Ausländern sich
 auch solche finden würden, die nicht Vermögen genug zu Bestreitung der erforderlichen Reise-
 Kosten besitzen: so können sich dergleichen bey Unsern Ministern und Residenten an auswärti-
 gen Höfen melden, welche sie nicht nur auf Unsere Kosten ohne Anstand nach Rußland schi-
 cken, sondern auch mit Reisegeld versehen sollen.

4.
 So bald dergleichen Ausländer in Unserer Residenz angelanget und sich bey der
 Zitel-Canzelley oder auch in einer Gränz-Stadt gemeldet haben werden; so sollen dieselben
 gehalten seyn, ihren wahren Entschluß zu eröffnen, worinn nemlich ihr eigentliches Verlangen
 bestehe, und ob sie sich unter die Kaufmanschaft oder unter Bänke einschreiben lassen und
 Bürger werden wollen, und zwar namentlich, in welcher Stadt; oder ob sie Verlangen tra-
 gen, auf freyem und nutzbarem Grunde und Boden in ganzen Colonien und Landstücken zum
 Ackerbau oder zu allerley nützlichen Gewerben sich niederzulassen.

X

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ, ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА

ВСЁРОССІЙСКАЯ,
и прочая, и прочая, и прочая.

ПО вступленіи НАШЕМЪ на Всероссійскій Императорскій Престолъ, главнымъ правиломъ МЫ Себѣ постановили, чтобъ навсегда имѣть НАШЕ Матернее попеченіе и трудъ о пиинѣ и благоденствіи всей НАМЪ вѣренной отъ Бога пространной Имперіи, и о умноженіи во оной обитателей. А какъ НАМЪ многіе иностранные, равнымъ образомъ и ослучившіяся изъ Россіи НАШИ подданные бѣгльчеломъ, чтобъ МЫ имъ позволили въ Имперіи НАШЕЙ поселиться: то МЫ всемилостивѣйше симъ объявляемъ; что не только иностранныхъ разныхъ націй, кромѣ жидовъ, благосклонно съ НАШЕЮ обыкновенною Императорскою милостію, на поселеніе, въ Россію прѣмлемъ; и наипоржественнѣйшимъ образомъ утверждаемъ, что всѣмъ приходящимъ къ поселенію въ Россію, НАША Монаршая милость и благоволеніе оказывана будешь: но и самимъ до сего бѣжавшимъ изъ своего отечества подданнымъ возвращаться позволяемъ, со обнадеживаніемъ, что имъ хотѣвъ по законамъ и слѣдовало учинить наказаніе, но однакожъ всѣ ихъ до сего преступленій прощаемъ, надѣясь, что они возчувствовавъ къ нимъ сии НАШИ оказываемыя Матернія щедроты, пощадятся; поселясь въ Россіи, проживъ спокойно и въ благоденствіи, въ пользу свою и всего общества. Гдѣ же и въ которыхъ мѣстахъ упомянутымъ выходящимъ въ НАШЕЙ пространной Имперіи селиться; и въ прочемъ все, что до распоряженія къ тому принадлежитъ; о томъ МЫ НАШЕМУ Сенату благоприсойное опредѣленіе учиня; публиковать повелѣли. Данъ въ Москвѣ, Декабря 4. дня, 1762. года.

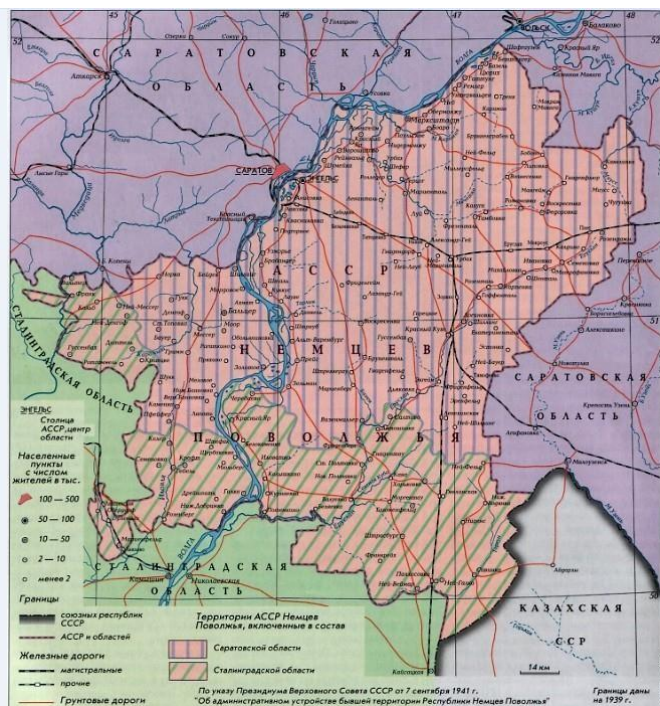
Подлинной подписанъ собственною ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою,

шакъ:

ЕКАТЕРИНА.

Печатанъ въ Москвѣ при Сенатѣ. Декабря 11. дня, 1762. года.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья.

✓ О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщил, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советской власти. В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в республике немцев Поволжья и прилегающих районах и случится кровопролитие, Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы, с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены изобилующие пахотной землей районы Новосибирской, Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному комитету обороны предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселяемых немцев Поволжья землей и угодьями в новых районах.

✓ Председатель президиума
Верховного Совета СССР М. Калинин
Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР А. Горкин
(Ведомости Верховного Совета СССР, 1941, № 38)

Распоряжение по проведению Указа от 28.08.1941 года (выдержка)

«После обыска в доме объявить лицам, подлежащим изгнанию, что они по решению правительства выселяются в другие области Союза. Вся семья транспортируется на одной повозке до ж.-д. станции отправления, где главы семей распоряжением ответственных работников должны быть погружены в специальные, для них заранее подготовленные ж.-д. вагоны. ...Их семьи отправляются в отдаленные области страны. Предстоящее разлучение с главой семьи не разглашать.»

(Рижская газета «Тевия» от 20 сентября 1941 года)

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

630099, г. Новосибирск, ул. Октябрьская 78
Телефон: 167-242, 167-576

Приложение 3
«Инструкция о порядке рассмотрения
организм внутренних дел, Российской
Федерации Закона Российской Феде-
рации «О реабилитации жертв поли-
тических репрессий»

Мещуевой Е. А.
632351, Ново-Куйбишевский р-н,
с. Кагорное,
ул. Новая, 24/2

СПРАВКА № 10/11-71-11
о реабилитации

Тошингер Ида Алексеевна, 1938 г.р.
(фамилия, имя, отчество)
Дата и место рождения Саратовская область

Место жительства до применения репрессии Саратовская область

Где, когда и каким органом репрессирован в 1941 году
Постановлением СНК СССР от 12.09.41г.

Основание применения и вид репрессии по политическим мотивам в административном порядке
как лицо немецкой национальности осуждена на
посейтском учете спецоселении с октября 1941
по август 1954 года в Куйбишевском районе
Новосибирской области.

На основании пункта «в» статьи 3 и (или) статьи 1.1 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий».

Тошингер Ида Алексеевна, 1938 г.р.
(фамилия, имя, отчество)

РЕАБИЛИТИРОВАН (А)

Основание: арх. дело и 61168

Начальник
генерал-лейтенант милиции

« 5 » 02 2001 г.

Исп. Москани

М. П.

А. Н. Соинов

Тип. ГУВД Зак. 1349-2000 г. Тир. 2000

Зайка С. Н.

Заслуженный учитель РФ, методист

Межшкольный методический центр Чулымского района

Новосибирской области

(г. Чулым Чулымского района Новосибирской области, Россия)

СУДЬБА КАЗАХОВ ЧУЛЫМСКОГО РАЙОНА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В СУДЬБЕ СТРАНЫ

Аннотация. Казахи – второй по численности народ в многонациональной семье жителей Чулымского района. Большой вклад внесли казахи в Великую Победу, сражаясь на фронтах и работая в тылу, поднимая экономику страны в послевоенное и настоящее время. Проникновение культур двух народов не вызывает ассимиляции, но способствует духовному обогащению.

Ключевые слова: Чулым, казахи, первая перепись Сибирского края 1925 г., Бес-смертный полк.

Наша семья жила на улице Рабочая, которая соединяла центр города со Старым Чулымом. Из Старого Чулыма, по улице Сибирская, можно было выехать на дорогу, ведущую в Каяк, аул Малиновский, Серебрянку, Воздвиженку и другие населенные пункты юга Чулымского района. У моего отца – фронтовика, инвалида Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг., председателя горсовета Рыбачка Николая Арсентьевича было немало друзей среди казахов Чулымского района... В то далекое время двери нашего дома были открыты для всех, кто задержался в городе по делам и, особенно, в распутицу или метель, не рисковал в ночь отправляться в дальний путь на лошади, запряженной в кошёвку.

Воспоминание из детства: поздний вечер, за окном раздаётся конское ржание, знаю, что через некоторое время скрипнет дверь, родители встретят гостя, накормят и долго еще будет слышен на кухне тихий разговор о войне, о погоде, о табунах лошадей и отарах овец. Рано утром гости уезжали, а я, проснувшись, выметала остатки сена и убирала конский навоз в своей ограде. Энбекши, Жана-Энбек, аул Малиновка, Раисов, Омеркулов, Исохонов – эти слова, эти фамилии на моем детском слуху...

После окончания Новосибирского государственного педагогического института я вернулась в родной Чулым, муж получил квартиру и судьба свела меня с соседями – молодой семьей Коломбитовых. Кудайберген работал в район-

ных электросетях, Алтынай была в декретном отпуске. Мои маленькие дети играли во дворе с сыновьями Геннадия и Анны (так мы называли Кудайбергена и Алтынай), мы, отправляясь на клубничные поляны, заезжали в аул Малиновский, где нас щедро угощали и поили казахским чаем... Казахский быт, культура, казахская свадьба с необыкновенными обрядами, кухня, обычаи и традиции, казахское гостеприимство входило в мой образ жизни, удивляло и восхищало.

Дорогого стоит встреча с сыном фронтовика, председателя колхоза «Энбекши», солдата Великой Отечественной войны Раисова Рахимжана Дюсембековича – Раисовым Галимжаном Рахимжановичем (Павлодар, Республика Казахстан), его внуком Абдрахмановым Жумажаном Мубараковичем (Новосибирск) и внучатой снохой Абдрахмановой Шарбану Егинбаевной (Чулым), которая произошла в июле 2015 г. 80-ти летний Галимжан Рахимжанович, ветеран полиции Республики Казахстан приехал ко мне с благодарностью за то, что в Бессмертном полку Чулыма «прошел» его отец – Солдат Великой войны...

Мои дорогие гости. Июль 2015г.

Я благодарна судьбе, что в моей жизни есть казахи... Мой милый мальчик Алмаз Калымов, мой ученик, воевавший в Республике Чечня, живет в Новосибирске. Коломбитовы, Тактагановы, Мимекеновы, Раисовы сегодня живут за границей, в Республике Казахстан, но Интернет связывает меня с Павлодаром, Экибастузом, Астаной и возникает чувство теплой благодарности к народу, давшему мне возможность соприкоснуться с его культурой, его широкой душой, непосредственностью и поразившей меня способностью сохранить свой язык, обычаи и традиции, живя среди русских...

Когда и почему появились казахи (киргизы, как их называли в районе) на территории Чулымского района – сказать трудно. Может быть, пришли вместе с татаро-монгольским войском, может быть, бежали от тирании джунгаров, может быть, просто расширяли свою территорию, но ясно одно, что пришли в наши лесостепные края на тучные пастбища, на берега быстрых рек Карасук, Сума, Малая Сума, Чулым, влюбились в наши просторы и основали аулы, которые спустя много лет получили русские названия. По данным первой переписи Сибирского края в 1925 г. на территории юга современного Чулымского района существовали аулы Киргиз-Малиновского сельского совета: аул № 3 «Малиновский (127 человек обоего пола), аул № 1 (92 человека), аул № 2 (130 человек), аул № 4 (86 человек), аул № 5 «Лебяжий» (53 человека), аул Баженовский (100 человек), аул Ряжский (101 человек обоего пола). В 19 километрах к югу от с. Романовское (Чулымский с/с), на реке Чулым, располагался аул Мезенцевский (26 человек). В 43 километрах к северу от с. Романовское располагалась заимка самопоселенцев Киргизская (12 человек). Киргизы (казахи) проживали в поселках Каяк, Ново-Георгиевка, Тупицыно, Красновка, Илюшино, ауле Казах-Рямской, селе Кокошино и др. В районе проживало более тысячи казахов. Казахи занимались скотоводством: разводили крупный рогатый скот, овец и баранов, коз, лошадей. Так же занимались охотой, выделкой шкур. Среди домашних ремесел можно назвать: изготовление кошм, армяков, войлоков, овечьей шерсти. А уже к 30-м годам прошлого века сфера деятельности казахов Чулымского района перемещается на скотоводство [5].

Точность исторических фактов зависит от человеческого фактора, человеческого трудолюбия и человеческой ответственности. Сомневаюсь, что делопроизводители сельских советов и исполкома Чулымского района донесли до потомков ВСЕ документы, но... будем надеяться. Совсем недавно в Государственном архиве Новосибирской области создан фонд № Р-1242 «Исполнительный комитет Чулымского районного Совета депутатов трудящихся, р.п. Чулым Новосибирской области, 1925 – ... гг.», опись 1 «Личные дела граждан, лишенных избирательных прав» дает возможность ужаснуться итогам раскулачивания на территории Чулымского района, в частности, из 1363 лишенных избирательных прав с 1928 по 1930 гг. 21 казах...[6.2].

1928 г. – арестован и лишен избирательных прав Темирбаев Садвакал;

1929 г. – Даксалыков Тюлинга, Жакьянов Губуна, Байтемиров С.;

1930 г. – Жаксалыков Жакьян, Жакьянов Исхан, Жуматов Мукам, Каламбетов Шухат (он же Кулунбаев Еджан), Коламбетов Тевила, Кошкинбаев Исуп, Мерканов Вакен, Муссалимов Ахмед, Темиров Амерхан, Темиров Содувак,

Увалеев Салак, Абетов Абукаир, Мерканов Какен, Алибаев Бужак, Аменгулов В, Амербаев Ахмади, Ангарай Даснай.

Вернулся ли кто в родной аул? Точно знаю, что один крестьянин из этого скорбного списка, брат моей бабушки, Бровченко Александр Сергеевич, был расстрелян в 1930 г. ...

Судьбы русских, украинцев, белорусов, казахов Чулымского района переплела Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг. Из Чулымского района за годы войны на фронт было призвано 9254 человека, из них – 121 казах [1, 2].

На фронтах Великой Отечественной войны погибли, пропали без вести, умерли от ран в госпиталях 4384 человека, из них 29 казахов [1].

В район вернулись живыми 2606 человек, из них 92 казах [2].

Наибольшее количество призывников 1890 – 1926 гг. рождения проживало в селе Каяк (Старый Каяк), пос. Ново-Георгиевск, аул Малиновский (Энбекши), наибольшее количество призванных на фронт казахов 1911 – 1920 гг. рождения [2].

Рядовые, ефрейторы, младшие и старшие сержанты, лейтенанты храбро сражались на фронтах Великой Отечественной войны, награждены орденами Красной Звезды, Отечественной войны I, II ст. и медалями «За Отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие «Кенигсберга», «За оборону Сталинграда», «За взятие Варшавы» и др. Могилы погибших казахов разбросала война от Ржева, Курска, Сталинграда до Украины, Латвии, Кенигсберга и Польши [1].

В годы войны в глубоком тылу чулымцам, как и всем советским людям, жилось невыносимо тяжело. Лозунг «Все для фронта, все для победы» означал, что во имя победы нужно временно поступиться личными благами. Каждый хорошо это понимал и терпеливо переносил тяжелый труд, холод и голод, отрывал от своего скудного дохода деньги на государственный заём, в общую копилку вносил продукты питания, одежду, обувь, кисеты с табаком для фронтовиков. Все лучшее: молодые, работоспособные чулымцы, техника, лошади – было на фронте [4]. Работа на полях, на фермах занимала весь световой день, а дома в холоде ждали стариков и женщин маленькие дети. В отделе архивной службы администрации Чулымского района хранится подшивка военных выпусков газеты «За коммунизм» с 26 июня 1941 г. по 31 декабря 1942 г. На тонких листах серой бумаги, на тонком картоне разного формата газета несет информацию о героическом труде казахов Чулымского района в тылу. Сводки с полей и ферм сродни военным сводкам. И в них есть строки о маленьком, трудолюбивом народе – чулымских казахах...

«Самоотверженный труд». 27 июля 1941г. (№ 72), газета «За коммунизм»: «Колхоз «Жана Энбек» Каякского с/с в дни Отечественной войны значительно повысил производительность труда. Никогда еще так самоотверженно не трудились члены артели на полях. Колхозники Сагандыков и Облканов на сенокосении дают по 120-130 процентов нормы. Вся бригада работает от темна до темна. Колхоз приступил к сдаче сена государству. Ежедневно отправляются 4 брички. Хорошо подготовлен и хлебоуборочный инвентарь. Лобогрейки отремонтированы и готовы к употреблению, изготовлены два привода к сенокосилкам, в отличном состоянии клейтон (ЧТО ЭТО?). В подготовке к хлебоуборочной кампании подлинный трудовой героизм проявляет кузнец М. Старков. Несмотря на то, что ему уже 57 лет, он ремонтирует машины один, без подручного. В кузнице его можно встретить с 5 часов утра до 9-10 часов вечера. Весь хлеб прополон вовремя. Усердный труд дал прекрасные результаты. В колхозе зреет на диво обильный урожай. Уже 30-31 июля колхозники выедут на уборку ржи выборочно. На призыв тов. Сталина члены артели «Жана Энбек» отвечают прекрасными делами» [6.1].

«Все для Родины». 30 августа 1941 г. (№ 90), газета «За коммунизм»: «Каждый центнер зерна, сданный государству сверх плана, пусть бомбами падает на головы фашистских захватчиков. Больше мяса, масла, хлеба для страны и для армии – с этим стремлением убирали хлеб члены артели «Жана Энбек» Каякского с/с. На 27 августа они сжали и обмолотили весь озимый хлеб. Наиболее самоотверженно трудились Ш. Аблшанов, Ш. Сагандыков, К. Башбаев. Во время молотбы они не отходили от веялок, работали как днем, так и ночью. Стремясь укрепить мощь нашей доблестной РККА, члены артели «Жана Энбек» сдают государству хлеб сверх плана. Увезли уже 7 центнеров первого сорта зерна под хлебозакуп. 2 сентября на элеватор отправятся еще 3 подводы с хлебом...» Р.Раисов.» [6.1].

«Комсомольцы укрепляют колхозное животноводство». 1 января 1942 г. (№1) газета «За коммунизм»: «Перед работниками социалистического сельского хозяйства, в особенности перед работниками животноводства, стоит ответственная и почетная задача – обеспечить наших героев – бойцов и страну мясом, маслом и другими продуктами. Застрельщиками в укреплении животноводства являются сельские комсомольцы. Они должны объединить вокруг себя актив из несоюзной молодежи, организовать комсомольско-молодежную бригаду, взять шефство над колхозным скотом, вникнуть во все детали работы животноводческих ферм. Необходимо добиться повышения удоя молока и увеличения поголовья, не допустить падежа. Поддержав инициативу комсомольцев

села Алексеевка, секретарь первичной организации ВЛКСМ тов. Кайреканов предложил улучшить работу молочно-товарных ферм. Наша организация, продолжал тов. Кайреканов, немало помогла колхозу. Комсомолец Сагандыков взял шефство над лечением 19 больных телят и вместе с ветфельдшером Жакиновым они достигли намеченной цели – все телята выздоровели... Каждому комсомольцу нашей организации нужно включиться в работу на фермах. Это предложение было поддержано единогласно – была создана комсомольско-молодежная бригада, куда вошли члены ВЛКСМ Берегенова, Киербаев и несоюзная молодежь. Бригадир по полеводству комсомолец Сагандыков сказал: «Наша святая обязанность – добиться увеличения продуктивности колхозного скота. У нас имеется почти месячный запас кормов. Я обязуюсь к 5 января создать двухмесячный запас. Комсомолец Телекенов обязался взять шефство над молодняком скота, добиться сохранения поголовья телят на 100 процентов. Р.Раисов, председатель сельисполкома» [6.1].

Были и критические статьи в газете «За коммунизм», вскрывающие такие незначительные по сегодняшним меркам, но преступные по законам военного времени, недоработки. Из статьи «Заготовка пушнины и кожсырья» от 15 апреля 1942 г.: «Отдельные сельхозартели (Перелом, Парижская коммуна, Рассвет 1, им. Ленина, На страже, Броненосец и Энбекши не выполнили план госпоставок шерсти. Сельхозартель Энбекши) задержала сдачу 32 овчин и 6 штук крупного кожсырья.)» [6.1]. А 11 июня 1942 г. появилась хлесткая заметка «Горе бригадир», в которой критикуют безответственную работу бригадира Курмангалиева.

Трудолюбивые и безотказные, дружные и ответственные чулымские казахи сегодня работают в разных отраслях экономики района – в сельском хозяйстве и строительстве, сфере услуг (образование, здравоохранение, ветеринария, торговля, банковское дело и полиция) и хлебопекарной промышленности. А еще мы рядом, в одном строю «Бессмертного полка» Чулымского района, «ведем своих Солдат» на парад Победы 9 мая. У каждого Солдата, так же как и у Его потомков – своя история, неотделимая от истории нашей многонациональной страны.

Банк данных казахов «Бессмертного полка» г. Чулым [3]:
<http://www.moypolk.ru/chulyum/soldiers?search=M&count=15&page=3>

Фамилия, имя, отчество	Звание	Страница на сайте «Бессмертный полк России (Чулым)»
Жиенбаев Конопья Алькенович	Гвардии сержант	http://www.moypolk.ru/chulyum/soldiers/zhienbaev-konopya-alkenovich
Усенов Жунуспек Кенжекеевич	Рядовой	http://www.moypolk.ru/chulyum/soldiers/usenov-zhunuspek-kenzhekeevich
Баймокишев Молдабак	Сержант	http://www.moypolk.ru/chulyum/soldiers/baymokishev-moldabak
Раисов Рахимжан Дюсембекович	Младший сержант	http://www.moypolk.ru/chulyum/soldiers/raisov-rahimzhan-dyusembekovich
Мусалимов Хадульбек Рахимович	Рядовой	https://www.moypolk.ru/soldier/musalimov-hadulbek-rahimovich-1
Якубов Аким Тюлюбаевич	Рядовой	http://www.moypolk.ru/chulyum/soldiers/yakubov-akim-tyulyubaevich
Жакьянов Искан (Илья)	Сержант	http://www.moypolk.ru/chulyum/soldiers/zhakyanov-iskan-ilya
Курмангалей Ахмед	Рядовой	http://www.moypolk.ru/chulyum/soldiers/kurmangaleiy-ahmed
Симбаев Гусман Абдурахманович	Гвардии сержант	http://www.moypolk.ru/chulyum/soldiers/simbaev-gusman-abdurahmanovich

Библиографический список

1. Архивные документы РВК Чулымского района. «Предназначенные в команды и партии (учетные карточки погибших, пропавших без вести, умерших от ран), 1941–1945 гг.».
2. Личная картотека вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны, собранная для Книги памяти Новосибирской области «Они вернулись живыми». Авторы (составители): Куруленко В. М., Титова В. А.
3. Личный архив «Бессмертный полк г. Чулыма». Автор (составитель) Заика С. Н.
4. Мельников С. П. Родина (Чулым глазами старожила). Н.: ООО «Новосибирский полиграфкомбинат», 2006.
5. Материалы переписи Сибирского края, 1926.
6. Отдел архивной службы администрации Чулымского района:
 - 6.1. Фонд 99, опись № 1, дело № 1. Газета «За коммунизм», 28.06.1941-31.12.1942 гг.
 - 6.2. Фонд № Р-1242, опись 1. Государственный архив Новосибирской области.

Молчанов В. В.*краевед, генеалог**(р. п. Ордынское Ордынского района Новосибирской области, Россия)***НАСЕЛЕНИЕ ЧУЛЫМСКОГО РАЙОНА В 1992–2008 гг.**

Аннотация. В статье анализируется население Чулымского района Новосибирской области в годы радикальных экономических реформ в 1992–2008 гг. Прослеживается динамика общих чисел родившихся, умерших, причины смертности населения, миграции. Выясняются причины негативных явлений в демографической сфере района.

Ключевые слова: Чулымский район, население, естественное движение населения, рождаемость, смертность, миграции.

Вопросу социально-демографического развития сибирского населения посвящено много работ известных ученых России. Рассматривались различные аспекты социально-демографической истории сибирского края: источники пополнения, численный состав, этнический состав, образовательный и профессиональный уровень населения; связь крестьянского населения с другими категориями населения, демографический фактор производительных сил Сибири. В работе Н.Я. Гущина «Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии» (Новосибирск, 1995 г.) [1] нашли отражение конкретные проблемы региональной исторической демографии 20-х – нач. 90-х гг. Современный этап исследования демографических проблем характеризуется интеграцией разных общественных наук: истории, демографии, социологии. Важный вклад в исследование современных демографических проблем внесли историки, географы, социологи и экономисты: Б.Д. Бреев, А.А. Гаджиев, М.М. Ефимкин, Л.И. Дремова, В.А. Исупов [2; 3; 4; 5; 6; 7].

Демографическую ситуацию рассматривать можно на основе разнообразных источников: статистических сведений, делопроизводственных материалов, законодательных актов, постановлений, периодической печати.

Ведущим источником служат статистические материалы: обследования, отчеты глав администраций и статистические приложения к ним.

Автор поставил цель: рассмотрение демографического, социального, культурного аспектов изучения населения в постсоветский период на примере населения Чулымского района Новосибирской области. Научные работы по истории и социологии этого региона отсутствуют.

Достижение цели предполагается путем решения следующих задач:

- 1) проанализировать численность и размещение населения района;
- 2) выявить особенности воспроизводства населения и его миграционные потоки;
- 3) дать анализ семейно-брачной структуре и проанализировать половозрастной состав населения;
- 4) определить национальный состав населения.

Обозначенные хронологические рамки (1992–2008 гг.) мною взяты не случайно. Данный период – это время перелома не только района, но и Сибири, и страны в целом. В это время четко проявились все катаклизмы, противоречия нашего бытия. Такие переломные моменты не могут не отразиться на населении; и постсоветское время – это время критического сокращения численности населения района и падения уровня жизни.

В 1989–1992 гг. численность населения в районе оставалась относительно стабильной: естественная убыль населения не наблюдалась, поэтому мною взяты для сравнения годы с 1993 по 1999, когда катастрофически происходит сокращение численности населения, и период с 2000 по 2008 год, когда должен был произойти рост населения, связанный с экономической стабилизацией. Необходимо проследить: произошло ли это?

Чулымский район занимает в Новосибирской области не последнее место как по территории, так и по численности населения. Рассматривать проблемы демографии Сибири можно на примере одного района, т.к. процесс снижения уровня численности населения и уровня качества жизни по Чулымскому району такой же, как и по всей Сибири в целом. Рассмотрение социально-демографических вопросов развития области на примере отдельного ее района позволит глубже понять происходящие в целом по Сибири процессы в народонаселении, выявить специфические особенности.

Большой плюс в решении этой проблемы состоит в том, что данных по этому периоду региона много, и они, как говорится, «свежие».

Актуальность этой темы объясняется тем, что необходимо рассмотреть, как распад Советского Союза повлиял на население небольшого сибирского региона, на его экономическое и культурное развитие. С распадом Союза, с началом проведения в России экономических и политических реформ нарушился и привычный для многих поколений людей уклад жизни. Все эти изменения необходимо изучать и учитывать при осуществлении социально– демографической политики как современной России в целом, так и на региональном уровне.

С точки зрения социальной практики эта тема также важна: в настоящее время во многих школах ведется краеведческая работа, изучается прошлое своего края, и я надеюсь, что данные исследования могут пригодиться в этой деятельности.

Работая над данной проблемой, мною были привлечены следующие источники: результаты переписи населения 1989 и 2004 гг., ежегодные статистические данные по демографии района, периодическая печать. Использовался также метод выборочного опроса жителей сел района, а также специалистов некоторых отделов районной администрации.

Рассматривая социально-демографическое развитие района, необходимо, прежде всего, дать его краткую общую характеристику.

Чулымский район расположен в восточной части Барабинской равнины. Площадь района равна 8,6 тыс. кв. км. Территория района включает один город (Чулым) и 54 сельских населенных пункта, объединенных в 13 сельских советов (поселковых администраций).

Население района за 1993 – 1997 гг. изменилось в сторону убывания. За восемь лет, прошедших после переписи населения (1989 г.), численность населения Чулымского района сократилась на 2,1 тыс. человек (или на 7%) (табл. 1). В основном происходит уменьшение сельского населения.

Таблица 1

Численность населения Чулымского района с 1993 по 1997 гг., тыс. чел.*

Год	Всего, тыс. чел.	Городское, тыс. чел.	Сельское, Тыс. чел
1989-92	31,8		
1993	31,6	13,5	18,1
1994	31,4	13,5	17,9
1995	31,1	13,5	17,6
1996	30,7	13,7	17
1997	30,1	13,5	16,6
2001	27,8	12,9	14,9
2002	27,3	12,8	14,5
2003	26,5	12,2	14,3
2004	26,3	12,1	14,2
2005	26,1	12,0	14,1
2006	26,1	12,2	13,9
2007	25,7	Данных нет	Данных нет

* Чулымская районная инспектура госстатистики. Текущий архив.

Это связано с тяжелым экономическим положением села, с плохим медицинским обслуживанием сельского населения. Следствие этого – сельчане чаще горожан мигрируют. Вторая причина быстрого уменьшения количества населения в селе по сравнению с городом – большая смертность среди сельчан. В период с 2000 по 2008 год численность населения района продолжает стабильно уменьшаться (на 2090 человек, или на 8%).

Плотность населения в городе намного выше, чем в селе из-за более компактного проживания, но и в самой сельской местности плотность также не одинакова. Наибольшая плотность населения в сельской местности наблюдается в радиусе 15 км от города и в селах, сообщающихся с городом автобусным сообщением. Это такие села, как Иткуль, расположенный в 3 километрах от Чулыма, центральная усадьба АО «Новоиткульское», расположенная в 10 км от Чулыма, комбинат «Техника» и поселок при нем на расстоянии 15 км от города,

с. Кабинетное, расположенное на железнодорожном пути Чулым – Новосибирск, и ряд других сел. Здесь плотность населения немного выше (3,4 чел. на кв. км), чем в селах, удаленных от райцентра. Самая низкая плотность населения – 0,8 чел. на кв. км – на севере района (Куликовский, Пеньковский сельские советы, территория которых расположена в основном в болотистой местности).

Миграционное движение – еще одна причина уменьшения численности населения района. В условиях продолжающейся естественной убыли населения, в формировании населения района значительно повысилась роль миграции (табл. 2).

Таблица 2

Итоги миграции по району (чел.)*

Год	Прибыло	Убыло	Прирост + Убыль –
1994	957	914	+ 43
1995	919	937	–18
1996	Данных нет	Данных нет	
1997	734	917	–183

* Чулымская газета. 1998. 22 января.

Если в 1994 г. население района увеличилось на 38 человек за счет миграции (из Казахстана и Средней Азии), то, начиная с 1995 г., население убывает не только в результате прогрессирующей смертности, но и в результате миграций. Это обусловлено уменьшением потока прибывших в район из стран ближнего зарубежья при одновременном росте выезжающих (в основном в Казахстан и Германию).

Проценты внутриобластной и внутрироссийской миграции относительно низки (соответственно 10% и 4%). Чаще всего мигрирует сельское население из-за плохих жизненных условий на селе. Меньше стали уезжать из села в город Новосибирск, который обладает низкой социальной емкостью, т.е. способностью принять дополнительное население, выделить дополнительные рабочие места, жилье.

В районе сложилось, характерное для всей страны преобладание женского населения (табл.3). В селе соотношение полов более благоприятное, чем в городе: удельный вес мужчин составляет 48%, женщин – 52%. В городе же удельный вес мужчин 44%, а женщин – 56%. Превышение численности женщин начинается с возраста 30 лет и старше.

Таблица 3

Половой состав населения района*

Год	Мужчин	Женщин	Мужчин, %	Женщин, %
1989	15093	16761	47,4	52,6
2003	12563	13954	47,4	52,6
2007	12002	13703	46,7	53,3

* Чулымская районная инспектура госстатистики. Текущий архив.

Естественная убыль населения, наблюдавшаяся в районе в 1993 г., составила 126 человек, или 38,5%, в 1997 г. – 204 человека, или 78%, в период с 1998 по 2007 гг. – в среднем 210 человек, или 54,8% (табл.4 и 5). Принятие закона о «материнском капитале» ситуацию с рождаемостью в районе не изменило. Наибольшая доля естественной убыли населения наблюдается в сельской местности: на селе на каждую 1000 человек умирает 47, а в городе – 32.

Таблица 4

Динамика родившихся в 1993 – 1997 гг., чел.*

Год	Число родившихся			Число умерших			Прирост + Убыль -		
	<i>всего</i>	<i>город</i>	<i>село</i>	<i>всего</i>	<i>город</i>	<i>село</i>	<i>всего</i>	<i>город</i>	<i>село</i>
1993	331	111	220	457	200	257	-126	-89	-37
1994	317	148	168	489	195	294	-172	-47	-125
1995	247	115	132	444	187	257	-197	-72	-125
1996	284	127	157	455	225	230	-171	-98	-73
1997	261	114	147	465	227	238	-204	-113	-91

* Численность, состав и движение населения в Новосибирской области в 1994 году. Новосибирск, 1995. С.7.; Численность, состав и движение населения в Новосибирской области в 1997 году. Новосибирск, 1998. С.7.

Уровень рождаемости на селе выше, чем в городе. Это объясняется тем, что в городе процесс регулирования деторождаемости происходит более активно, чем на селе. Не каждая сельская беременная женщина может сделать аборт по ряду причин: отсутствие хорошего медицинского обслуживания на селе, отсутствие денег, да и наличие у многих сельчан «физического стыда», не дающего им применять контрацептивы и делать аборты. Городские жители в этом плане менее закомплексованы и чаще обращаются к врачу по поводу аборта и контрацептивов.

Таблица 5

Динамика родившихся в 1998 – 2007 гг., чел.*

Год	Число родившихся	Число умерших	Прирост + Убыль -
1998	253	417	-164
1999	236	437	-201
2000	252	433	-181
2001	238	485	-247
2002	271	498	-227
2003	256	503	-247
2004	256	473	-217
2005	256	485	-229
2006	262	442	-180
2007	254	455	-201

*Чулымский районный ЗАГС. Текущий архив.

К 1997 г. в районе зарегистрировано 2447 аборт, это в 1,8 раза превышает количество родов. Аборт остается самым распространенным способом регулирования рождаемости. Из общего числа женщин, сделавших аборт, 50% составляют первобеременные. Основная масса (69%) аборт приходится на возраст от 20 до 35 лет. На 1000 женщин в возрасте 16 – 49 лет приходится в среднем 66 аборт.

С 1993 г. в динамике естественного воспроизводства населения района наблюдаются негативные изменения. Показатель рождаемости за все постсоветские годы является самым низким по области.

Наступающий спад рождаемости, с одной стороны, непосредственно связан со значительным сокращением во второй половине 60-х годов рождения девочек. В эти годы в детородный возраст вступили малочисленные контингенты женщин военных и первых послевоенных лет рождения. С другой стороны, длительное снижение уровня рождаемости следует рассматривать как проявление процесса перехода к массовому регулированию деторождения, стремление

к созданию семьи с одним ребенком, что во многом связано с изменением образа жизни.

Вместе с тем, на уменьшении рождаемости сказываются ухудшение социально-экономических условий в 90-е годы, обострение политической обстановки, снижение уровня и качества жизни.

Как правило, одного ребенка семьи позволяют себе иметь, а второго или третьего ребенка семьи в большинстве своем не планируют. Так, по материалам микропереписи населения 1994 г., 69% женщин района из возрастной группы 18–24 лет, не имеющие детей, собираются иметь одного ребенка. Женщины, имеющие одного ребенка, в основном думают этим и ограничиться. В районе уменьшилось количество детей, рожденных вне брака, на 20%.

Необходимо отметить и тот факт, что в последнее время участились случаи приема детей в приемные семьи (именно в *приемные* семьи, а не *усыновление*). Это дает приемным родителям дополнительные денежные средства, что не маловажно в современных условиях.

На демографическую ситуацию также влияет и ежегодное увеличение числа умерших за период с 1993 по 2007 гг. В сельской местности общий уровень смертности выше, чем у горожан (табл. 6). Болезни системы кровообращения продолжают оставаться наиболее «проблемной» причиной смерти взрослого населения. Они составляют по району 35,2% всех смертельных исходов. В конце 90-х годов идет рост смертности от инфекционных и паразитарных заболеваний (в основном за счет туберкулеза). Это связано с кризисом в санитарии, гигиене и питании. Одновременно с этим, в последние пять лет произошло увеличение коэффициента смертности от болезней органов пищеварения.

Таблица 6

Причины смертности в Чулымском районе (показатели за 1997 год)

Причины смертности	Всего	%	В городе	В селе
Общее число умерших	465	100	227	238
От туберкулеза	4	0,85	2	2
Рак (онкология)	64	13,1	32	32
От болезней органов кровообращения	164	35,2	69	95
От болезней органов дыхания	30	6,4	14	16
От несчастных случаев, травм	28	6,1	16	12
Убийства, самоубийства	11	2,1	7	4
По старости	124	27,2	47	77
Младенческая смертность	40	9,1	20	20

* Чулымская газета. 1998. 27 января.

Подъем смертности коснулся возрастной группы 20 – 59 лет, и особенно 20–39 летних. В возрастной группе 20 – 39 лет большая часть населения состоит в браке (73% мужчин и 77% женщин). Преобладающая часть умерших данного возраста были отцами и матерями. Существенное повышение смертности этих лиц вызывает рост числа вдов (вдовцов) и сирот, усугубляет детскую нищету, ведет к социальной неустроенности детей и других членов семьи.

Большая проблема в районе и младенческая смертность. На каждые 100 родов приходится 6 мертворожденных или умирающих в первые часы жизни.

Заключение и прекращение браков, наряду с рождением детей, являются процессами, формирующими семью и семейную структуру населения.

В 90-е годы наблюдается заметное снижение числа браков (с 1993 по 1998 гг. на 40 %), а число разводов относительно стабильно (табл. 7).

Таблица 7

Количество браков и разводов по району (1990-е гг.)*

Год	Заключено браков	Расторгнуто браков
1993	230	92
1994	225	104
1995	178	76
1996	175	66
1997	137	77
1998	137	49

*Чулымская газета. 1998. 22 января; 7 февраля.

Следует отметить, что в 1995 г. по сравнению с 1994 г. число разводов уменьшилось на 27%, но это не повлияло на прекращение снижения рождаемости в районе. В 2000-е годы численность заключенных браков и разводов в среднем стабильна (табл. 8). Исключение составляют лишь 2003 и 2007 гг., когда происходит резкий всплеск разводов, в среднем, на 53,4%.

Таблица 8

Количество браков и разводов по району (1999–2007 гг.)*

Год	Заключено браков	Расторгнуто браков
1999	186	44
2000	146	84
2001	154	74
2002	191	87
2003	168	109
2004	147	73
2005	181	91
2006	173	89
2007	193	118

*Чулымский районный ЗАГС. Текущий архив.

Сокращение числа браков, как и рождений, объясняется изменениями половозрастной структуры населения.

Малочисленное поколение женихов, родившихся во второй половине 60-х – начале 70-х гг., противостоит более многочисленному поколению невест, родившихся на несколько лет позже. По переписи населения 1989 г. в районе на 15093 мужчины приходилось 16761 женщина. Численность женщин от 15 до 30 лет сокращалась с 1989 по 1995 г. на 3,7 тыс., а на эти возраста приходится около 80% всех замужеств, поэтому и произошло снижение брачности в начале 90-х годов.

Одновременно не уменьшается число разводов. Такая ситуация усиливает конкуренцию за «дефицитных» женихов, при этом у них есть возможность повторно выбрать себе спутницу жизни. Разведенные мужчины вступают в повторный брак намного чаще, чем женщины.

Сокращение числа браков и числа родов, с одной стороны, а с другой стороны тот факт, что большая часть смертности населения приходится на детей и трудоспособное население (из всех смертельных случаев, 53% приходится на возраст младше трудоспособного и трудоспособного населения), все это ведет к процессу старения населения.

По данным переписи населения 1989 г. на территории района проживало 9 национальностей, из них 92% населения района – русские, 3% – казахи, 2% – немцы, 2% – украинцы и 1% – прочие национальности. В связи с миграцией населения в последние годы изменяется как численный состав населения, так и национальный. По представленным сведениям администрациями сельских и городских советов на 1 января 1998 г. картина выглядела так: русских – 95%, украинцев – 2%, немцев – 1%, казахов – 1% и 1% прочих национальностей (татар, латышей, цыган и т.д.). На начало 2008 г. картина существенно не изменилась.

Численность русского населения возросла на 3% благодаря переселенцам и беженцам из государств Средней Азии и Казахстана. Немцев и казахов стало в районе меньше (по 1%) в результате их выезда на свою историческую родину. Если миграция казахов немного снизилась к концу 1997 г., то миграция немцев наоборот усиливается. Более стабильно население украинцев, татар, поляков. Их количество сохраняется на протяжении уже нескольких десятков лет, хотя их доля в районе небольшая – 3%.

По проведенному мной опросу, украинцы и поляки, чьи предки приехали сюда еще во времена столыпинской аграрной реформы начала XX в., не помнят ни о каком переезде. Во многих селах района – Филимоновке, Серебрянке, Воздвиженке, Ужанихе и др. украинцы (особенно пожилая часть населе-

ния) сохранили свой язык, свои традиции и культуру. Они считают Сибирь своей родиной и покидать ее не собираются, так как здесь сложился уже определенный хозяйственный и бытовой уклад жизни.

Опубликованные статистические материалы:

1. Основные итоги социально-экономического развития Новосибирской области за 2000–2007 годы. Новосибирск, Администрация Новосибирской области, 2008. 132 с.
2. Основные итоги микропереписи населения 1994 года. Новосибирск: Облстат, 1995. 82 с.
3. Численность и половозрастной состав населения городов и районов области. Статистический сборник. Новосибирск: Облстат, 1997.
4. Численность, состав и движение населения Новосибирской области в 1993 году. Новосибирск: Облстат, 1994. 96 с.
5. Численность, состав и движение населения Новосибирской области в 1994 году. Новосибирск: Облстат, 1995. 86 с.
6. Численность, состав и движение населения Новосибирской области в 1995 году. Новосибирск: Облстат, 1996. 101 с.
7. Численность, состав и движение населения Новосибирской области в 1996 году. Новосибирск: Облстат, 1997. 105 с.

Библиографический список

1. Гущин Н. Я. Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск, СО РАН, 1995. 82 с.
2. Бреев Б. Д. К вопросам о старении населения и депопуляции // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 61–66.
3. Ефимкин М. М., Дремова Л. И. Население Новосибирской области в новых экономических условиях // Страницы истории Новосибирской области. Люди, события, культура. Москва: ИРИ, 1995. Часть II. С. 89.
4. Историческая демография Сибири. Сборник научных трудов. Новосибирск: СО РАН, 1992. 238с.
5. Гущина Н. Я., Исупов В. А. Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск: СО РАН, 1997. 171 с.
6. Районы и города Новосибирской области. Природно-экономический справочник / Отв. ред. А.А. Гаджиев. Новосибирск: Кн. изд-во, 1996. – 520 с.
7. Юдин А., Борисов Ю. Чулымский район. Новосибирск: ИД «АртБизнесЛайн», 2003.

Мироненко Т. В.

учитель начальных классов,

Джунусова М. С.

учитель истории

Кокошинская средняя общеобразовательная школа

Чулымского района Новосибирской области

(с. Кокошино Чулымского района Новосибирской области, Россия)

«БЕСИККЕ САЛУ» – ТРАДИЦИОННЫЙ КАЗАХСКИЙ ОБРЯД, СВЯЗАННЫЙ С РОЖДЕНИЕМ РЕБЁНКА

Аннотация. У каждого народа есть свои традиции, обычаи, которые известны и почитаемы. Авторы статьи рассказывают о людях казахской национальности, которые проживают в маленьком селе Кокошино Чулымского района Новосибирской области, и их национальных праздниках: «Наурыз», «Ураза-байрам», «Курбан-байрам» и других. Описан традиционный казахский обряд, «Бесикке салу», связанный с рождением ребёнка, «укладыванием в колыбель».

Ключевые слова: Чулым, казахи, обычаи, традиции, «Наурыз», «Бесикке салу».

У каждого народа есть свои традиции, обычаи, которые известны и почитаемы. Хотелось бы рассказать о людях казахской национальности, которые проживают в Чулымском районе Новосибирской области в маленьком селе Кокошино. В нашем селе большую часть населения составляют русские и незначительную – казахи. На 2019 г. у нас насчитывается 10 семей, каждая из которых богата детьми, внуками, правнуками. Несмотря на все трудности, которые приходится пережить людям, они смогли сохранить свои традиции, при этом оставаясь сплоченной семьёй.

Человечность, уважение, любовь и сострадание к старшим помогают растить детей на своем примере. В молодых семьях традиции знают и почитают. Национальные праздники отмечают ярко, красочно, весело. Например, «Наурыз» отмечается 22 марта и продолжается три дня. В это время готовятся национальные блюда, проводятся различные игры, поздравляют родных, близких, знакомых. Также у казахов отмечаются основные исламские праздники, так как в аулах распространён ислам. Праздник разговения, символизирующий окончание поста – «Ураза-байрам», праздник жертвоприношения, символизирующий конец основного паломничества – «Курбан-байрам». В это время принято дарить подарки, раздавать пожертвования бедным и просить друг у друга

прощения. В дни празднования совершаются ритуальные молитвы, а после накрывают праздничные столы, приглашают соседей, друзей, родственников, которые являются почетными гостями, им уделяется большее внимание, предлагается самое почетное место. После каждого праздника проводятся различные игры, в которых принимают участия и дети, и взрослые.

«Бесикке салу» – традиционный казахский обряд, связанный с рождением ребёнка (изучен на примере традиций семьи Якуповых, с. Кокошино). «Весть о родившемся ребёнке быстро распространялась по аулу, тот, кто первым сообщал эту новость, одаривался пышными подарками. Но праздник начинался на сороковой день после рождения. Всех гостей должна встречать сестра со стороны матери. Люди собирались со всех сторон в красивых, нарядных костюмах. Кипят казаны, среди гостей снуют жизнерадостные девчонки и мальчишки. Когда же гости рассаживались, в юрту заходил мулла или почётная, мудрая женщина, у которой большое количество детей. Потом заходит мама и заносит ребенка, кладёт его на подушку перед муллой, он в свою очередь начинает читать коран. На лицах у всех волнение и радость. Имена в прежние времена ребенку давали часто в зависимости от месяца, в котором родился малыш. Мы решили малыша назвать Куаныш – радость, для этого в ухо ребёнку кричали 3 раза его имя.

Перед обрядом старшая сестра изгоняет злых духов над кроваткой с помощью зажженной палочки. Когда ребёнка впервые укладывают в колыбель, проводится обряд «бесікке салу» («укладывание в колыбель»). Право осуществить такую ответственную миссию поручается, как правило, специально приглашенной мудрой и уважаемой бабушке, имеющей многочисленное потомство. По казахскому поверью, затем проводят интересный обряд – «Тыштыма». Это поверье означает, что родившийся ребенок принесет в дом благополучие и богатство. Для этого, через отверстие в днище колыбели, пропускают сладости. Почетная гостя спрашивала у гостей: «Тыштыма»? Гости отвечали: «Тышты!» Все стараются поймать сладости и раздают их детям. После этого ребёнку преподносят подарки – дары. Нож дарят мальчику для защиты от злых духов, деньги – для богатства, уздечку – чтобы был замечательным наездником. Девочке чаще всего дарят зеркальце, чтобы изящность и красота передалась ребёнку. Затем пеленают в «Бесик», завязывая ленточки под кроватью. А мама поёт колыбельную песню «Бесік жыры»:

Айым болып тудың ба?

Күнім болып тудың ба?

Ата жолын қудың ба?

Әке жолын қудың ба?

*Бұл дүниеге келген соң,
Сұрауы бар судың да.
Қуанышым, арай жүз
Сөйлесерміз талай біз
Бар ағайын жиналып,
Мәз боп саған қараймыз
Сендей бала ешкімде
Болмаған деп санаймыз.*

На этом обряд «бессіке салу» заканчивается, всех гостей одаривают подарками и приглашают за праздничный дастархан, являющийся ещё одной традицией казахского народа.».

Казахский народ, готовый приглашать в гости людей любой национальности, остается верным своим обычаям и традициям. В наше время это редкость и пример для уважения.

Иллюстрация взята из открытых Интернет-источников

Украинцева А. А.

преподаватель

ГБУК ДО Новосибирской области

«Куйбышевская детская школа искусств»

(г. Куйбышев Новосибирской области, Россия)

Руководитель – Турамуратова И. Г.

кандидат культурологии, доцент кафедры теории

и истории народной художественной культуры

Кемеровский государственный институт культуры и искусств

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА УДМУРТОВ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ НА РУБЕЖЕ XX– XXI ВВ. (НА ПРИМЕРЕ СЕМЬИ)

Аннотация. Удмурты – мудрый народ, в культуре которых тесно сплелись традиции язычества и православия. Традиционные праздники, культура, уклад жизни, верования – все это послужило фундаментом для формирования удмуртских объединений и национальных движений. В статье описано знакомство с песенной культурой, языком и национальной кухней удмуртов на примере своей семьи.

Ключевые слова: удмурты, удмуртский язык, традиции, праздники.

Удмурты относятся к финно-угорской группе народов России. На территории России насчитывается около 640 тысяч жителей. Большая часть из них проживает на исторической Родине – в Удмуртии. Часть удмуртов проживает в государствах бывшего Союза: в Узбекистане, Белоруссии, Казахстане, Украине, Татарстане. Прародители древних удмуртов – племена Волго-Камья. В основном предки удмуртов занимались земледелием, охотой, рыболовством и бортничеством. Традиционные мужские ремесла и промыслы – рубка леса, заготовка древесины, углежжение, деревообработка. Женские занятия – прядение, вязание, вышивка и ткачество.

Селились удмурты поближе к воде: вдоль рек и вблизи родников. Традиционное жилище удмуртов – корка – это бревенчатая изба с холодными сенями. Интересно, что удмуртские гурты (поселения) строились без улиц: родственники селились кучно вокруг родовой усадьбы.

Удмуртский язык принадлежит к пермской группе финно-угорской ветви уральской языковой семьи. Выделяются северное и южное наречия. В лексике

удмуртского встречается много заимствований из татарского и русского языков. 1990 г. явился отправной точкой для начала национального движения.

Был создан Удмуртский клуб, который состоял из Общества удмуртской культуры «Дэмен» (вместе), удмуртской молодежной организации «Шунды» (солнце) и Всеудмуртской ассоциации «Удмурт кенеш» (совет удмуртов).

Праздничный костюм удмуртов

Основная часть представителей этих организаций обращала особое внимание на язычество и принимала его как основу мировоззрения удмуртов.

В ходе работы Общество удмуртской культуры «Дэмен» в 1992 г. провело традиционный удмуртский весенний праздник – «Гербер» (Петров), основным действием которого стало языческое моление. С 2000г. символом праздника была избрана деревянная фигура – Кылдысина, который является одним из главных божеств пантеона удмуртов, этот добрый дух, образ которого несет в себе творческое начало и плодородие. Совместная работа с государством позволила возродить праздник и ежегодно проводить его на территории Удмуртии.

В последующем была организована религиозная община «Удмурт вась» (Удмуртская боль), основная деятельность которой была направлена на укрепление народной культуры и национальных ценностей через языческие моления. Так же целью организации было приобщить молодое поколение к традиции своего народа, путем участия в обрядовых действиях. Община «Удмурт вась»

проводила творческие семинары, а в 1994 г. организовала общественное моление у реки Камы. Руководители общины вели беседы с обществом, где убеждали и разъясняли, что христианство чуждо для них, сопоставляя с естественностью и органичностью для народа древнего язычества [3].

Организаторами языческого общества были народный художник С.Н. Виноградов, бизнесмен В.А. Якупов. Община была организована в условиях городской среды. Именно это привело к тому, что сакральные действия превратились в театрализованную постановку, которая пропагандировала, но при этом и уничтожала саму веру [2, с. 48].

Но в свою очередь живая языческая традиция функционирует в ряде сельских районов республики Удмуртия (Алнашский, Граховский и др.). Там население следует традиции и испытывает необходимость в том, чтобы поклоняться «своим богам». В то же время, в д. Кузебаево Алнашского района были замечены попытки коммерциализации этой живой традиции. Возникла идея обустройства туристических маршрутов, в программу которых включалась развлекательно-познавательная программа, участие в обрядовых действиях и т.д. Естественно, местные жители и хранители традиции, реагировали негативно, считая, что это приведет к выхолащиванию и уничтожению духовного наследия.

В удмуртских деревнях часто возникают ситуации, когда люди, отошедшие в годы советской власти от традиционных верований, сегодня вновь к ним возвращаются. Советская пропаганда пыталась практически полностью «вычистить головы» удмуртов от традиционных ценностей накопленных эмпирическим путем, заменив их светскими праздниками, воспитанием, нормами поведения. Но в сознании народа было четкое представление о культуре своих предков и в конце концов, никто не отменял историческую память народа. Быт, уклад жизни, мировоззрение народа были основаны на языческой культуре. В деревне Порвай Игринского района жители по собственной инициативе восстановили традиционный языческий храм – куалу и возобновили моления. При этом они считают, что их языческие верования не противоречат православию и не считаются грехом, даже наоборот, близки и вполне могут сосуществовать с ним бок о бок.

В нынешнее время сплошь и рядом встречается двоеверие. Широко бытуют среди двоеверцев различные заговоры, суеверия, наговоры, поверья, обереги, которые отражают глубину сознания и весь опыт предков, весь эмпирический путь народа. В статье «Религия и этническая культура удмуртов на рубеже XX – XXI вв.» Е.А. Чуракова указывает, что в ходе опроса в Глазовском районе Удмуртской Республики одна из респонденток сравнила язычество современное и бытовавшее у дедов и прадедов. Бабушки могли помолиться природе, исконно «удмуртским богам» и при этом всегда стояли перед иконами. Моление перед водой сопровождалось приглашением священника с иконами. При этом бабушки были крещеными и обязательно носили крестик, праздновали право-

славные праздники, ходили в храм. Жители знали, кто занимается недобрым делом, у кого дурной глаз, и от них старались держаться подальше, обходили стороной. А на сегодня все смешалось, нет грани между светлым и темным. Раньше знахарки деньги не брали, довольствовались тем, что принесут, а сейчас просят деньги, все становится коммерческим, продается ... [Чурекова, с. 58].

В газете «Герд» за июнь 2006 г. вышла статья Е. Александровой «Православная церковь в жизни удмуртов», обозначившая официальную позицию «Всеудмуртской ассоциации Удмурт кенеш». В статье говорится о высокой значимости роли православия в жизни удмуртов. Подчеркивается, что «ассоциация «Удмурт кенеш» одним из важных направлений своей деятельности признает сотрудничество с православной церковью с целью содействия развитию у удмуртов христианского духа, христианских основ нравственности», это будет способствовать развитию самосознания удмуртов и сохранению этноса в целом. В статье имеются данные анкетирования, анализируя которые, можно понять, что основная часть населения не знает о церковной жизни.

Е. Александрова в статье обозначает, что в современном обществе народа нет той самой единой силы, которая бы объединяла. По её мнению такой силой должны стать христианское мировоззрение и основы православной нравственности [1, с.4].

Необходимо подчеркнуть, что в среде удмуртского национального движения за период 1990–2008 гг. произошла постепенная смена взглядов на религию и ее роль в развитии культуры народа. На начальном этапе движение не включало в поле своей деятельности вопросы этноконфессионального характера (Уставы Общества удмуртской культуры «Дэмен», удмуртской молодежной организации «Шунды», Всеудмуртской ассоциации «Удмурт кенеш» не содержат пунктов, касающихся взаимодействия с религиозными организациями). В последующем проблема развития этнической традиции способствовала включению религии в сферу его работы. Был задействован культурологический аспект традиционных удмуртских языческих верований. Последним этапом представителей движения стало обращение к положительным моментам православной традиции, которые могут способствовать сохранению, развитию этноса и его самосознания.

Если верить переписи населения 2010 г., то на территории Новосибирской области проживает 645 удмуртов.

Из «Личных воспоминаний»:

«Я родом из деревни Осинцево Чановского района Новосибирской области. Моя бабушка Прокопьева Мария Васильевна (5.09.1927 г.р.) – удмуртка.

До 1961 г. она была жительницей Татарской Автономной Социалистической Республики Балтасинского района д. Сала-Кушкет. Жилось там нелегко, вспоминает бабушка, имея там свое подсобное хозяйство жители республики были обязаны часть своих продуктов отдавать государству. В 1960 г. к ним в республику приехал человек и предложил переехать в д. Осинцево, как тогда говорили на «освоение целинных земель». Человек, который предложил селянам переезд в другую область, обещал, что по приезду людям дадут дом, землю и со временем помогут завести свое хозяйство. Бабушка с двумя детьми: моей мамой – Прокопьевой Лидией Николаевной и дядей – Прокопьевым Николаем Николаевичем, еще 14 удмуртских семей решились на переезд (Щербаковы, Петровы, Степановы, Смирновы, Яковлевы, Константиновы, Даниловы, Ивановы, Прокопьевы, Григорьевы, Башеровы, Егоровы, Тимофеевы, Камаевы). В то время, в деревне существовал колхоз «Ленинский путь». Мужчины пошли работать в поле на тракторах и комбайнах, пасли скот, пахали и сеяли землю. Женщины доили коров, ухаживали за телятами, готовили обед для рабочих колхоза. В колхозе приезжим выдали кому корову, кому теленка и поросёнка, в общем, не обманули. Семьи вели собственное подсобное хозяйство и строили для себя новые дома. В 1995 г. родилась я, хоть я и была маленькой, но я до сих пор очень хорошо помню, что на праздники у нас дома собирались гости-удмурты. Очень уж дружно они жили, собирались все вместе по праздникам. Была еще традиция у них, бабуля называла это «по домам». На один праздник один дом встречал гостей удмуртов, на другой праздник другой удмуртский дом встречал гостей. Я всегда ждала того момента, когда к нам придут гости, почему-то мне очень запомнилась Пасха. Дед Коля Башеров разворачивал свою гармошку и начиналось гуляние. Мне всегда было любопытно послушать дикий для меня удмуртский язык. Когда приходили гости, в нашем доме пели удмуртские песни, бабушка вместе с гостями делала «пельнянь» – пельмени, «перепечи» – корзиночки из теста, с начинкой. После все садились за стол и кушали приготовленное, пели песни, рассказывали истории или вспоминали прошлую жизнь. В основном только в праздники в нашем доме звучал удмуртский язык. Иногда, когда маме с бабушкой нужно было о чем-то тайно пошептаться, они также говорили на удмуртском языке. Я, как любопытный ребенок, пыталась вызнать у бабушки элементарные слова, даже получилось выучить один музыкальный стих. В 2005 г. бабушка умерла. Мама очень хорошо понимала удмуртский язык, но говорить ей было сложно. Население деревни в большинстве своем было русское, в связи с этим, была четкая необходимость говорить на русском

языке в повседневной жизни. После смерти бабушки постепенно в нашей семье язык был утрачен».

Библиографический список

1. Александрова Е. Православная церковь в жизни удмуртов // Герд. 2006. Июнь. С. 4.
2. Ильинский С. И. Государственно-конфессиональные отношения в Удмуртской Республике: опыт вероисповедальной политики в регионе (1991–2002 гг.): дис. на соиск. к. и. н. М., 2003. С. 42.
3. Христоролюбова Л. С. О национальном движении удмуртов в конце XX века // Смирнова С. К., Губогло М. Н. и др. Феномен Удмуртии. Т. 3. Идеология и технология этнической мобилизации. Кн. 1. Удмуртское национальное движение. Надежды. Возможности. Реалии. М., Ижевск, 2002. С. 115.
4. Чуракова Е. А. Религия и этническая культура удмуртов на рубеже XX –XXI вв. Этногенез удмуртского народа. Этнос. Язык. Культура. Религия: Сборник статей и материалов Международной научной конференции, посвященной 65-летию доктора филологических наук, ученого-филолога, автора эпоса «Тангыра», переводчика Библии на удмуртский язык, члена Союза писателей России Атаманова Михаила Гавриловича / Науч. ред. Н. И. Леонов; сост.-ред. А. Е. Загребин, А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова; отв. ред. Д. И. Черашняя. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. 472 с.

УДК 908

Овчинников А. А.

учитель истории

МБОУ Средняя общеобразовательная школа № 148

Купинского района Новосибирской области

(г. Купино Новосибирской области, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ СИБИРСКИХ КРЕСТЬЯН (НА ПРИМЕРЕ КУПИНСКОЙ ВОЛОСТИ)

Аннотация. Статья посвящена формированию традиций материальной и духовной культуры сибирских крестьян, как результату взаимодействия переселенцев и коренного населения. Внимание автора обращено на формирование особого сибирского характера и образа жизни, повседневную жизнь крестьян.

Ключевые слова: традиции, менталитет, переселенцы, диалекты.

Особенно интенсивно переселенцами из Европейской части России Кулундинская степь заселялась в период столыпинской аграрной реформы. Тра-

диции материальной и духовной культуры этого региона возникли в результате культурного взаимодействия переселенцев и местных жителей.

По свидетельству современников, у переселенцев постепенно формируется настоящий сибирский характер и особенности в образе жизни. В. П. Воишин отмечал: «Для меня все здесь ново, и все интересно. И несообразное, с точки зрения европейского обывателя, ширина главных улиц, двухэтажные избы с «чистой половиной», убранной так, как у сельского батюшки с граммофоном, картинами и сами люди мощные умные, свободные. Здесь еще их деды осели и теперешнее поколение усвоило себе чисто сибирскую самостоятельность и широкие замашки» [1, с. 27]. Свободные земли Сибири стали местом формирования нового типа крестьянина, более свободного и предприимчивого.

Особый сибирский менталитет проявлялся даже в повседневной жизни крестьянской деревни. На особенности повседневной жизни сибирских крестьян влияли климат, хозяйственные занятия, традиции, обычаи, праздники, а также коренные жители. Важнейшей частью повседневной жизни была хозяйственная работа в поле и на дворе, крестьяне Западной Сибири выращивали различные злаковые культуры. Помимо земледелия они так же разводили крупнорогатый скот, из молока которого изготавливали знаменитое масло «Белый лебедь».

Переселенцы на новом месте были вынуждены приспосабливаться к новым природно-климатическим условиям. «Преуспевание переселенцев на новом месте зависит от чрезвычайной совокупности обстоятельств: прежде всего, участок должен соответствовать хозяйственным привычкам и вкусам переселенцев – и это не только в общих чертах, но и всех деталях» [2, с. 55]. Успешное освоение переселенцами земель в Сибири зависело от многих условий: от плодородия почвы, от обеспеченности деревни водоснабжением и даже от взаимоотношений между ее жителями. Во многом ситуация с обоснованием переселенцев на новом месте зависела от того, какие урожаи будут в первые 2–3 года. Хорошие урожаи давали им возможность обзавестись продовольствием и денежными средствами на покупку необходимого инвентаря и скота, а в случае неурожая они разорялись.

Большую роль играло приспособление к новому этническому окружению, и как следствие сибирский регион стал местом формирования новых элементов материальной и духовной культуры, становления нового диалекта. Культурное взаимодействие переселенцев и местных жителей отразилось в топонимах. Кулунда происходит от двух слов – «кулун» – жеребенок и «дала» – степь, т. е. буквально степь для выпаса жеребят. Одним из наиболее значимых мест юга Сибири является озеро Чаны, название которого в переводе означает «большой ко-

тел». К тюркским гидронимам на территории Купинского района относятся названия Яркуль – «озеро с высоким берегом» и Копкуль – «пересыхающее озеро».

Местный диалект включает в себя немало украинских слов. В деревнях Купинского района до сих пор можно услышать от стариков «хата» вместо «дом», «шматок» вместо «кусок». По мере увеличения числа новых жителей в селе, соседями могли оказаться выходцы из разных районов Европейской России, что приводило к обмену словами и понятиями. Важной частью культуры являются праздники и обряды. Переселенцам приходилось проводить их в зависимости от условий природы. Праздник «Проводы зимы», называемый Масленицей, отмечается позже, чем в Европейской части.

На территории района представлены русский и украинский стили строительства жилых помещений, сочетаются деревянные бревенчатые избы с хатами, сделанными из глины и камыша. При строительстве использовали местный лес, не слишком высокого качества, и замазывали щели тем же саманом.

В росписи глиняной посуды и вышивке сочетаются традиции разных регионов России, Украины и Белоруссии. Искусство вышивки представлено вышитыми полотенцами, скатертями, постельным бельем. Вышитое полотенце девушка дарила парню. Это был знак того, что он ей нравится. Расшитые полотенца дарили сватам перед свадьбой, вышитым постельным бельём застилают постель новобрачных. Умение вышивать, считалось одним из важнейших достоинств девушки, секреты вышивки передавались от матери к дочери. Девушка из села основанного украинскими переселенцами, выходя замуж в русскоязычное село, приносила с собой привычные сюжеты и манеру вышивки, так происходил обмен секретами мастерства.

Важнейшим проявлением народного прикладного искусства стало изготовление игрушек из глины, дерева, соломы, а также шили тряпичные куклы. Игрушка – дело очень сложное и творческое, потому что дети всегда отличают по-настоящему творчески сделанную вещь. Одной из главных функций игры является адаптация ребёнка к взрослой жизни, поэтому все игрушки должны были представлять бытовую тему. Изготовлением глиняных игрушек занимались исключительно женщины. Глиняные игрушки делали из глины с добавлением озерного песка, после сушки в печи игрушку покрывали смесью молока с мелом, а потом уже наносили роспись. В росписи игрушек использовали только яркие тона красок, чтобы привлечь внимание ребёнка. Одежду глиняных человечков расписывали в виде правильных геометрических фигур, например, круга, или волнистой линии. В создании игрушек также заметен синтез рус-

ских, украинских и белорусских традиций. В Кулунде возникла местная игрушка – Чанюшка – русалки, водяные с характерными выпученными глазами.

Материальная и духовная культура Кулундинской зоны стала результатом взаимообогащения культур.

Библиографический список

1. Вошинин В. П. На сибирском просторе. СПб., 1912.
2. Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905.

УДК 929

Рыбалкин А. Г.

краевед

(г. Куйбышев Новосибирской области, Россия)

МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ СПАССКОГО СОБОРА Г. КАИНСКА

Аннотация. В статье рассмотрены особенности метрических православных церковных книг периода XVII – нач. XX вв. В качестве примера взяты метрические книги по Томской Духовной Консistorии Спасского Собора г. Каинска, находящиеся на хранении в ГАНО.

Ключевые слова: Синод, метрические книги, Спасский Собор, г. Каинск.

Метрические книги – совокупность актов культовой регистрации, удостоверяющих события крещения (рождения), венчания (брака), погребения (смерти) конкретных лиц, в виде хронологических записей в книжной форме. Первое законодательное оформление практика ведения метрических книг в России получила в решениях Московского церковного собора 1666 – 1667 гг. Первым светским узаконением был Указ Петра I от 1702 г. «О подаче в Патриарший духовный приказ приходским священникам недельных ведомостей о родившихся и умерших». В мае 1722 г. установили обязательное повсеместное ведение метрических книг в Российской империи.

Указ Синода от 1724 г. впервые ввел графические формы метрических книг и уточнил особенности их ведения. А после Указа Синода от 1779 г. «Об исправном содержании метрических книг во всех приходских церквях» наличие книг в приходах и консисториях стало обязательным.

Указ Синода от 1802 г. «О содержании в предписанном порядке метрических книг» запретил хранение книг в домах священников и их раздельное ведение: отныне в приходах регистрация осуществлялась в одной общей книге.

В 1831г. по Указу Синода в формуляре метрических книг были уточнены названия отдельных граф, введена отдельная нумерация по полу в записях о рождении. Формуляр метрических книг, просуществовавший всю дальнейшую их историю, окончательно был утвержден в 1838 г.

Состояла каждая книга из трёх частей, содержащих сведения:

О рождении – дата рождения и крещения, имя и фамилия, место жительства и вероисповедание родителей и крёстных родителей, законность и незаконность рождения;

О браке – имя, фамилия, место жительства, национальность, вероисповедание жениха и невесты, в каком возрасте вступают в брак, дата венчания, фамилии и имена свидетелей;

О смерти – имя, фамилия, место жительства, возраст умершего, дата и причина смерти, место захоронения.

Метрические книги православных

Повсеместное ведение метрических книг было установлено для православного духовенства в 1722 г., но исправное ведение метрик привилось не скоро, как это видно из большого числа указов Синода, подтверждающих необходимость правильного ведения метрических книг и наблюдения за этим. Такие указы были изданы в 1779, 1802, 1812, 1824 и т.д. годах.

В 1838 г. Синодом было установлено, чтобы причт ежемесячно свидетельствовал и подписывал книги, обозначая, сколько в истекшем месяце умерло, родилось и сочеталось браком, и чтобы родители, воспитатели и свидетели подписью своей скрепляли верность записи. Новые указы Синода с обращением внимания на неисправность ведения метрических книг встречаются в 1838, 1886, 1889, 1890, 1903 годах. В 1903 г. обращается внимание на большое количество поступающих «на разрешение Консистории и Св. Синода дел об исправлениях в метрических книгах неправильных записей и о внесении в эти книги пропущенных актов о рождениях, браках и смерти».

Незаполненные бланки, собранные в метрические тетради, выдавались приходским священникам из консисторий или духовных правлений. Правильность заполнения метрик контролировалась благочинными, проверяющими текущую документацию подведомственных церквей каждые полгода. Во избежание подлогов, ошибок, упущений ответственность за каждую запись возлагалась на весь церковный причт.

Метрические книги велись в двух экземплярах: один направлялся на хранение в архив консистории (учреждение с церковно-административными и су-

дебными функциями, которое подчинялась епархиальному архиерею), второй – оставался в церкви.

Консисторский экземпляр, включавший метрические тетради рождения, брака, смерти за один год по всем приходам одного уезда или города, достигал 1000 – 1200 листов. Приходский экземпляр имел иную структуру. Он включал записи рождений, браков и смертей только одного прихода за несколько лет в зависимости от численности прихода. До 1840 – 50-х гг. приходская метрическая книга включала все виды регистрации, а позже каждый вид регистрации велся в отдельной книге. Объем приходской метрической книги чаще всего был около 200–250 листов. Полную юридическую силу имели документы, выданные на основе консисторского экземпляра. Записи в метрические книги производились сразу после совершения акта, а записи о браке сверялись с обыскными книгами.

Участники таинства (родители и восприемники при крещении, жених или поручители при венчании) могли ознакомиться с внесенной в метрику записью и подтвердить ее верность в соответствующей графе. Регистрация в метрических книгах велась священниками со слов, поэтому в записях находило отражение большое количество бытовых (просторечных) наименований населенных мест (а, возможно, и их частей).

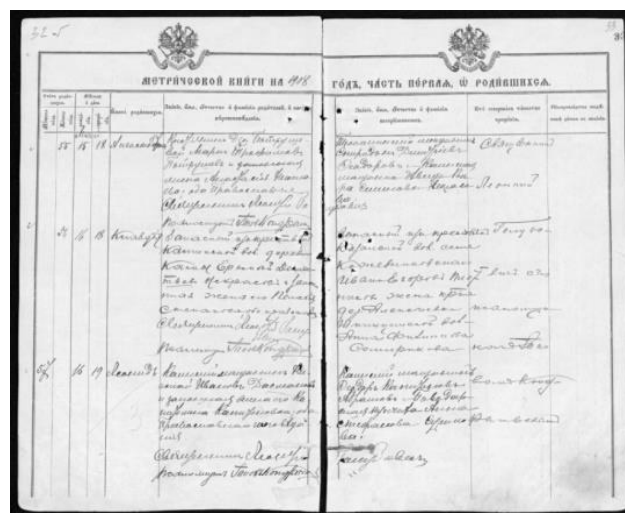
Метрические книги представляют регистрацию церковных обрядов, а не самого факта рождения, брака или смерти. Не получают крещения мертворожденные, а также умершие вскоре после рождения, они могут не попасть в метрики о родившихся. С другой стороны, в христианские метрики кроме родившихся заносят случаи крещения взрослых. В метрические книги об умерших у православных также могут не попадать младенцы, умершие до крещения, над которыми не совершен обряд погребения, а также самоубийцы. По военному ведомству прямо запрещалось вносить мертворожденных в метрики. В губерниях или епархиях, где население было очень разбросано и приходы чрезвычайно растянуты, как например, в Сибири, нередко умершие вынужденно хоронились без участия духовенства и, соответственно, не попадали в метрические книги.

Историческая справка подготовлена по материалам генеалогического портала «Всероссийское Генеалогическое Древо» <https://vgd.ru/>

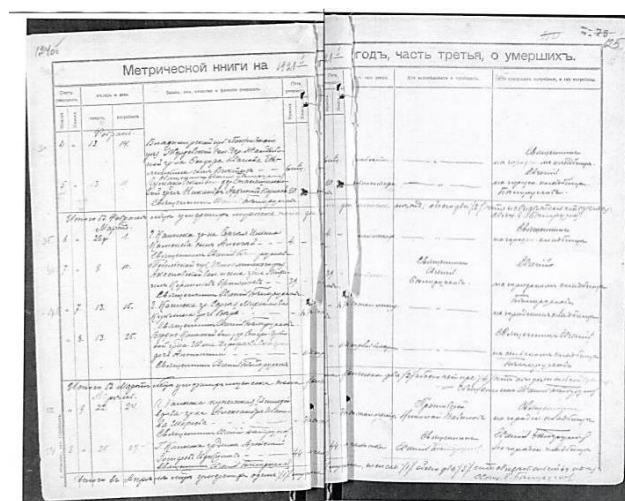
Где искать метрические книги?

Велись метрические книги в церковных приходах до 1918 г. (в некоторых районах до 1921), затем регистрация актов гражданского состояния была передана подотделам ЗАГС местных органов исполнительной власти. После октяб-

ря 1917 г. метрические книги первоначально были переданы в городские, уездные, волостные земские управы, а с созданием органов ЗАГС, – в их волостные, уездные и губернские отделы. Сейчас они большей частью находятся в местных областных и республиканских архивах, но кое-где и в органах ЗАГС. Например, метрические книги по Томской Духовной Консистории Спасского Собора хранятся в государственном архиве Новосибирской области (ГАНО).

Из «Метрической книги о рождении, браке, смерти» Спасского собора.
г. Каинск. 1908 г.

Из «Метрической книги о рождении, браке, смерти» Спасского собора.
г. Каинск. 1922 г.

Лысенко Д. А.

преподаватель специальности

«Сольное хоровое пение»

БФ ГАПОУ НСО «Новосибирский областной колледж культуры и искусств»

(г.Барабинск, Новосибирская область, Россия)

ИЗ ИСТОРИИ СОБИРАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ В СЕЛЕ БАЛМАН КУЙБЫШЕВСКОГО РАЙОНА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Данное исследование проведено опираясь на публикации музыковедов, этнографов и фольклористов 2-й пол. XX – нач. XXI вв. Цель – обобщение опыта собирательской работы. Задачи: охарактеризовать фольклорно-этнографические традиции раннего историко-культурного слоя – песенные традиции сибирских старожилов (чалдонцев), сформировать этапы собирательской работы.

Ключевые слова: старожилы, чалдоны, фольклор, песенное творчество, народное творчество, село Балман.

Собирательская работа – это один из основных источников получения фольклорно-этнографических материалов. История собирательства фольклора в селе Балман занимает период от середины XX века до настоящего времени. Балман является ровесником других старожитейских русских поселений Томской губернии Каинского уезда, которым насчитывается более 270 лет. Происхождение названия села окончательно не выяснено и, предположительно, пришло в Сибирь из татарского или тюркского языков. На татарском – это озеро, в сильные весенние разливы соединяющееся с рекой. В переводе с тюркского означает «медовое озеро».

В путевых заметках русского натуралиста, географа А. Ф. Миддендорфа сообщается, что в Барабинской степи, на берегу реки Омь, в 70-х годах XIX века им была обнаружена деревушка «Балманка». Проживающие там чалдонцы имели большое количество скота, занимались земледелием, продажей сушеной рыбы и шкур пушных зверей [1, с. 98].

Чалдоны трактуют своё название как происходящее от «люди, выходцы из местности между Чалой (Чалкой) и Доном. «Человеком с Дона» в Сибири принято называть любого представителя казачьего сословия, «вольных людей»; а «людьми с реки Чалый» иносказательно называли каторжан, ссыльных и разбойников, которых так же относили к «вольным людям».

Знакомство с уникальной глиняной куклой-чалдонкой, наряду с традиционными тряпичными куклами, ковриками и одеялами, дает представление о культурно-художественных традициях села Балман [2]. Первыми гончарами, обнаружившими в окрестностях села редкую «голубую глину», была семья Вяткиных, ставших родоначальниками игрушечного промысла. При более детальном рассмотрении обнаруживаются характерное сходство чалдонки с дымковской игрушкой. В сюжетно-бытовом плане выделяются 3 композиции: «чалдонская парочка», молодая семья на зимней прогулке и традиционная сибирская кукла-чалдонка [3, с. 62].

Песенный фольклор Западной Сибири стилистически очень многогранен, что обусловлено историческими особенностями заселения края. Народные песни, которые поют здесь в настоящее время, можно разделить на две основные группы:

1) песни старожительских сёл (первых поселенцев, приехавших в Сибирь до середины XIX века);

2) песни позднопоселенческих сёл (поселенцев, приехавших в Сибирь в конце XIX – в начале XX веков в период массового ее заселения) [4, с. 4].

В кругах специалистов-этнографов и фольклористов песенное творчество села Балман обрело своеобразный статус культурно-художественного эталона, свидетельствующего о наличии самобытных, стилистически всегда легко узнаваемых традиций в Новосибирской области. О первопоселенцах Сибири в селе Балман не просто помнят, а особым образом чтут их память, бережно сохраняя и передавая от старших к младшим, когда-то завезенные сюда культурно-бытовые и художественные традиции [2].

Особенность собирательской работы в селе Балман характеризуется тем, что записью музыкального фольклора занимались не только специалисты-фольклористы, но руководители коллективов, хормейстеры, композиторы, тем самым создавая репертуарную базу для народных хоров и других исполнительских коллективов [5, с. 86].

В 1964 году В. Г. Захарченко стал первым, кто организовал фольклорную экспедицию в село Балман. По итогам экспедиции были опубликованы два сборника «Девичьи песни» и «Песни села Балман» (Новосибирск, 1969) и подготовлены две пластинки с записями фольклорных коллективов села Балман и Бергуль [6, с. 35].

В 1970–1980-е годы в Сибири начинается новый этап собирательской работы. В начале 1970-х гг. под эгидой фольклорно-этнографической секции Новосибирского областного отделения ВООПиК (Всероссийское общество охра-

ны памятников истории и культуры) под руководством М. Н. Мельникова началась масштабная экспедиционная акция сибирской фольклористики «По Московскому (Сибирскому) тракту». Данная акция была комплексной, в группе исследователей работали фольклористы-филологи, этнографы, музыковеды, хормейстеры, композиторы, археологи, искусствоведы, фотографы. Только за 1970–1974 гг. в рамках проекта осуществлено более 30 экспедиций. Обследованы десятки населённых пунктов Западной Сибири, включая село Балман Куйбышевского района Новосибирской области.

С середины 1970-х годов начинается регулярная собирательская работа в Новосибирской консерватории. Под руководством А. М. Айзенштадта и В. Г. Захарченко записанные материалы составили первоначальную основу фольклорного фонда консерватории, который впоследствии получил название Архива традиционной музыки, а в 1994 году получившего статус самостоятельного научного подразделения вуза. АТМ Новосибирской консерватории в настоящее время является одним из самых крупных хранилищ записей традиционного фольклора в Сибири.

Благодаря энтузиазму удивительной женщины Нины Григорьевны Носовой, более 50 лет назад был создан женский фольклорно-этнографический ансамбль, музыкальный репертуар которого в 1977 году записан на грампластинку «Традиционный фольклор Западной Сибири».

В 1983 году В. Г. Захарченко и М. Н. Мельников публикуют один из самых авторитетных сборников – этнографическое описание свадебных обрядов с текстами и напевами песен «Свадьба Обско-Иртышского междуречья» под редакцией Е. В. Гиппиуса [7, с. 5]. Кроме того, необходимо отметить, что ряд поколений студентов-филологов Новосибирского педагогического института изучая устное народное творчество села Балман, прошел обстоятельную профессиональную выучку под руководством профессора-фольклориста М. Н. Мельникова.

Неоднократно бывали в селе Балман этнографы и фольклористы В. Асанов, В. Арефьев, Б. Ефименкова, С. Кондратьева, С. Пушкина, М. И. Костюрина, А. Руднева, А. Мехнецов. В 1985 году со съемочной группой село Балман посетили Александр и Геннадий Заволокины. Помимо выступления они попутно записывали частушки, побасенки, былички, пословицы, поговорки этих мест:

«Заволокины братушки
Привезли в Балман частушки.
Под гармошку, балалайку
Два часа спускали лайку.

В город Каинск прикатили
Братья Заволокины.
Саша в трубочку дудит,
Гена что-то там мычит» [8, с. 104].

В том же году группа фольклористов – В. В. Асанов, И. А. Овчинников, В. И. Бодрова, О. А. Пашина и Т. Ю. Мартынова, также провели собирательскую работу в селе Балман. Вячеслав Владимирович Асанов рассказывал, как нелегко порой бывает разговорить какую-нибудь бабушку, заставить её петь. Но в Балмане всегда знали ценность народной песни и осознавали необходимость ее сохранения. Понимают в Балмане и то, что песня вне живого исполнения мертва, ее песню нужно петь [9, с. 70].

Народные музыкально-хореографические традиции занимают в Балмане особое место. Собирались в домах на вечерках, на берегу реки, у мельницы после покоса, пели под сопровождение бубна, трещеток, гармонь «хромки» и «однорядки» [10]. Старожилы рассказали о существовании Балманской кадрили, основанной на традициях северорусских областей и движениях Еланской кадрили. Гармонисты играли очень много общерусских наигрышей: «Саратово», «Барыня», «Камаринская», «Русский перепляс», «Кострома», «Во саду, ли в огороде», «Коробочка», «Полька», «Полька бабочка», «Вальс», «Краковяк» [9, с. 71].

В 1994 году в Новосибирском областном колледже культуры и искусств (НОККиИ) было открыто фольклорно-этнографическое отделение. Перед студентами и педагогами встала проблема сохранения собранных образцов песенной культуры. Так, начинает формироваться структурное подразделение – фольклорный Архив. В настоящее время в Архиве хранится свыше 2000 музыкальных образцов, записанных в 29 районах и 75 населенных пунктах Новосибирской области. Среди собранного материала есть и песенные коллекции, записанные в Куйбышевском районе с. Балман их насчитывают более 80 образцов.

В 1999 г. представления о песенной традиции старожилов села пополнились записями, выполненными Горбуновой Н. и Шмаковой И. Наша собирательская работа в селе Балман началась в 2013 г., повторная экспедиция состоялась в 2016 г. Были записаны некоторые из бытующих жанров на территории Балманского сельсовета: плясовые, лирические, протяжные, солдатские, военные, хороводные, шуточные песни. Всего было записано 28 песен, несколько наигрышей и плясок. Данные материалы оформлены и сданы в архив кафедры народного хорового пения КемГИК.

С 2008 года и по настоящее время фольклорный ансамбль села Балман хранит фольклорно-этнографические традиции под руководством ученицы Нины Григорьевны Носовой – Ноздренко Татьяны Васильевны.

На сегодняшний день обращение к фольклору имеет глубокий социальный смысл, являясь средством эстетического, нравственного и патриотического воспитания. Далеко не каждое село может похвастаться таким богатством народных традиций. В декабре 1980 года на базе Балманской общеобразовательной школы Ниной Григорьевной Носовой был открыт музей, в экспозициях которого отражен весь период существования села, экспонаты знакомят с художественными промыслами, фотографиями, документами различных лет. В фондах МКУК «Музейного комплекса» города Куйбышева хранится множество старинных предметов труда и быта, представляющих художественную и историческую ценность села Балман.

В данной статье была предпринята попытка изучения истории собирательства фольклора. За последние годы в селе Балман записано более 150 песен, около 200 частушек, гармошечные наигрыши, сказки, загадки, пословицы, прибаутки, заклички, поговорки, а также научные описания свадеб, вечорок и детских игр, сопровождаемых песнями. Имеющиеся в нашем арсенале источники, а также собственные наблюдения, позволяют сделать вывод о том, что в данном направлении до сих пор можно найти что-то новое, неизученное. Считаем, что с целью сохранения традиционного материала, культуры и самобытности села данная тема требует своего дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Миддендорф А. Ф. Бараба. Описание Барабинского края. СПб.: тип. имп. акад. наук, 1871. 123 с.
2. Боровиков Л. И. Сибирская кукла-чалдонка [Электронный ресурс]: URL: <http://kainsksib.ru/123/index.php?showtopic=1632&st=50>. Загл. с экрана.
3. Нечаев К. А. Методическое пособие для учителей Новосибирской области: материалы из истории населенных пунктов Новосибирской области. Новосибирск: Институт усовершенствования учителей. 1964. 2 издание. 99 с.
4. Захарченко В. Г. Песни села Балман. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1969. 110 с.
5. Галицкая С. П., Леонова Н. В. Музыкальная культура Сибири: Традиционная музыкальная культура народов Сибири. Т. 1 // гл. ред. Б. А. Шиндин. Новосибирск: гос. консерватория им. М. И. Глинки, 1997. 157 с.
6. Леонова В. Н. Из истории собирательства музыкального фольклора сибирских переселенцев // Вестник КемГУКИ. Кемерово, 2011. № 17. 34–40 с.
7. Захарченко В., Мельников М. Свадьба Обско-Иртышского междуречья / ред. Е. Гиппиуса. М: Советский композитор, 1983. 224 с.

8. Горшенин А. В. Другая жизнь Александра Заволокина // Сибирские огни: российский журнал, гл. ред. М. Н. Щукин. Новосибирск, 2016. № 5. 102–110 с.
9. Игошина О. М. Сибирь – сокровище народных талантов // Народное творчество Новосибирской области: информационно-методический журнал, ред. Никольская Т. П. Новосибирск, 2008. № 2–3. 69–72 с.
10. Редькова Е. С. Музыкально-хореографические традиции русских старожилов Обско-Иртышского междуречья. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.culture.ru/objects/361/muzykalno-khoreograficheskie-tradicii-russkikh-starozhilov-obsko-irtyshskogo-mezhdurechya>. Загл. с экрана.

УДК 908

Бурдыко Т. С.

*преподаватель русского языка и литературы
БФ ГАПОУ НСО «Новосибирский областной колледж
культуры и искусств»
(г. Барабинск Новосибирской области, Россия)*

РУССКИЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ПРАЗДНИКИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (НА ПРИМЕРЕ СЕЛА БАЛМАН КУЙБЫШЕВСКОГО РАЙОНА)

Аннотация. В статье рассматривается понятие «народный календарь», его сущность и содержание, важнейшие задачи на современном этапе; конкретизируются такие понятия, как «народные праздники», «традиция», «обычай», «обрядность».

Ключевые слова: Западная Сибирь, село Балман, традиции, обычай, народные праздники.

Сибирь – это огромная территория в России. Она простирается от Уральских гор до хребтов Тихоокеанского побережья. В Сибири живут люди самых разных национальностей: русские, буряты, якуты, татары, хакасы, ханты, эвенки и многие другие народы.

У коренных народов Сибири не было письменности. Всё, что они хотели передать, – рассказывали устно. Сказки, легенды, песни, поучительные и весёлые истории слушали по вечерам, собравшись в одном доме. Даже в обычной жизни было принято говорить красиво, образно.

Коль рубить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!

Коли спорить, так уж смело,
Коли карать, так уж за дело.
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

А.К. Толстой.

Праздник играет большую роль в формировании мировоззрения человека, в воспитании, в восстановлении жизненных сил, необходимых ему для дальнейшего существования.

Но что такое праздник? Это день, особо отмечаемый в году, время отдыха и веселья. Праздник, возникший в глубокой древности, по определению великого русского философа М.М. Бахтина, является одной из «важнейших форм человеческой культуры».

Праздник и в настоящее время продолжает выполнять многообразные функции: коммуникативную, регулятивную, эмоционально-психологическую.

Праздник – сложная система со своими подсистемами, состоящими из структурных элементов. Такими своеобразными подсистемами, вплетенными в структуру праздника, являются обряды и обычаи.

Обряды можно условно разделить на календарные, связанные с хозяйственной деятельностью человека и приуроченные к определенным датам календаря, и семейные, связанные с жизненным циклом человека.

Календарные обряды на протяжении длительной человеческой истории были призваны магическими актами воздействовать на силы природы с целью получения богатого урожая, приплода скота, обеспечения здоровья человека, благополучия социума. Они могли не иметь четко фиксированной даты (начало пахоты, сева, уборки урожая, первый выгон скота в поле и т.д.).

Календарные обряды составляют основу традиционных календарных праздников, определявших состояние праздничной традиции на начало XX века. Общинный уклад способствовал консервации многих элементов традиционной культуры. Уже в конце XIX – начале XX веков происходили определенные перемены – шли процессы трансформации этнической культуры, что было связано с модернизацией и индустриализацией общества. В деревне, являющейся средоточием культуры этноса, эти процессы происходили медленнее, чем в городе. Однако, и там некоторые архаические обряды в начале XX века стали исчезать, некоторые ритуалы превращались в игру, забывался магический смысл обрядов и они выполнялись чаще всего по традиции – «потому что деды наши так делали».

Решающий удар по традиционной обрядности нанесли Октябрьская революция 1917 года и последовавшая за ней культурная революция, ставившая своей главной целью борьбу с неграмотностью населения, под которой понималось не только неумение читать и писать, но и приверженность старым обычаям, соблюдение православных канонов.

Исчезновение общинного уклада, антирелигиозная пропаганда, сопровождавшаяся закрытием церквей и преследованием верующих, привели к тому, что в 1930-е годы произошло значительное разрушение традиционной праздничной культуры, из которой одни обряды и обычаи исчезли совсем, другие – стали тайком отмечаться только в кругу семьи, третьи – трансформировались, сохранив лишь внешнюю атрибутику.

Каждый праздник отличался определенным своеобразием: определенными атрибутами, фольклорным сопровождением, набором блюд, особой одеждой. В то же время, календарные праздники имели немало общего: поминальные обряды, праздничное застолье, участие в общинных мероприятиях (молебнах, крестных ходах, уличных гуляниях, ярмарках).

Праздничную культуру русского населения Западной Сибири мы будем рассматривать на примере одного из сел Куйбышевского района, село Балман.

Село Балман интересно тем, что со временем прихода русских в район Барабы в XVIII веке началось заселение и нашего края. Тогда и было основано поселение у озера Балман и реки Омь, немного в стороне от тракта, в отдалении, но в месте удобном и красивом.

Это привлекательное место не могло быть не заселенным. Если еще в 1625 году на месте бывших Павловки и Иткуль были поселения по названию Сулбуево и аул Иткуль, расположенные дальше Балмана. Пока не удалось найти подлинные документы о начале заселения Балмана, но по данным архивного управления при Совете Министров СССР село Балман является ровесником села Чумаково и других русских поселений, которым насчитывается, примерно, 250 лет.

Русских поселенцев привлекало хорошее место для земледелия, животноводства, лес для строительства и отопления, озеро и река давали рыбу, по реке сплавляли лес.

Слово «Балман» пришло к нам в Сибирь из тюркского и татарского языков. По-тюркски это слово в переводе на русский язык означает медовое озеро. Это может означать, что вблизи Балмана или на берегах этого озера рос лес.

Отголоски прошлого сохранились до наших дней. Много мест в окрестностях села носят имена их бывших владельцев: Митрофанова пристань, Волосникова пашня, Стёпино болото.

К нашему сожалению, некоторые труды исследователей Сибири еще не изданы и хранятся в рукописном виде, а к ним доступа нет. В некоторых государственных библиотеках и каталогах значатся нужные книги по нашей местности, а обнаружить их не могут. По данным Новосибирского и Томского госархивов, Ленинградского исторического архива в 1859 году в д. Балман проживало 40 семей и в них 236 человек. В 1893 году в Балмане проживало 65 семей, в них 276 человек. В 1896 году проживало 438 человек, в 1900 году 442 человека.

В 1911 году в Балмане открылась церковь, построенная на средства прихожан, начальная церковно-приходская школа.

После Великой Октябрьской Социалистической революции стала меняться культура села. В деревне появились газеты, особенно «Крестьянская газета», увеличилось число учащихся в начальной школе. В 1935 году начальная школа реорганизована в семилетнюю, а в 1950-х годах – в восьмилетнюю. В 1978 году сдано в эксплуатацию новое, специально построенное за счет колхоза, здание восьмилетней школы, в помещении которой размещен краеведческий музей.

В селе Балман традиции бережно собирают и продолжают. Подтверждение этому можно найти в народных праздниках.

Зимние праздники: описание и семантика. День Святого Николая, Мирликийского Чудотворца (6/19 декабря) открывал зимний праздничный календарь, так как это был первый наиболее значимый праздник в декабре. С этого времени зима вступала в свои права. «Николай-угодник», «Никола Чудотворец», «Микола зимний» – так называли этот праздник в народе. Николай Чудотворец считался покровителем земледелия и скотоводства, путешественников, хозяином земных вод, заступником от всех бед и несчастий. Он был одним из самых почитаемых святых на Руси. Иконы святого Николая имелись в каждом доме: считалось, что это приносит хозяевам удачу в делах и обилие скота. После торжественного церковного богослужения устраивались народные гуляния и ярмарки.

Рождество Христово (25 декабря/7 января). Дни зимнего солнцестояния ознаменовывались праздничным циклом Святков. Святки продолжались с Рождества до Крещенского Сочельника, то есть 12 дней. Вечер накануне Рождества назывался «сочельником»: в этот день хозяйки готовили сочиво (или «кутью», кашу из зерен пшеницы с медовой сытой и ягодами) и сочни (раскатанное тонким слоем пресное тесто). Потреблять пищу до первой звезды категорически

запрещалось. Перед ужином под стол клали охапку сена, которую затем раздавали скотине, чтоб «никакой колдун не мог ее изурочить». Повсеместно была распространена традиция «славления». «Славить» ходили все возрастные группы, но чаще – подростки 10–12 лет и старики-нищие. Чаще всего ходили со звездой (деревянной или вырезанной из бумаги) с зажженной внутри свечой, иногда вместо звезды носили на палке колесо, украшенное красной бумагой. Зайдя в дом, пели рождественский тропарь.

В Балмане рождественский сочельник называли колядою и обряд славления называли «колядованием».

Новый год или Васильев день (1/14 января). Встреча Нового года происходила в Васильев вечер, или в день святой Маланьи (31 декабря). Еще этот вечер называли «щедрым», поскольку в доме, украшенном ветками пихты и ели, столы ломились от яств: пирогов с рыбой и мясом, ватрушек, шанег (сырных, картофельных, морковных), пирожков с сушеными груздями, морковью, свеклой, кашей. Зажаривали целиком молоденького поросенка, начиненного рисом, украшая его бумажными цветами. Жарили гуся и начиняли рисом, картошкой с добавлением репчатого лука, чеснока, перца.

Новогоднее посевание совмещалось с ряженьем, но чаще всего рядились в течение всех святок.

Богоявление Господне, Крещение (6 января/19 января). В Крещенский Сочельник с приговором «спаси и сохрани» или «крест-перекрест, чтобы колдун не влез» на окнах, дверях, на печи, матицах, столах, колодцах, в стайках (хлеву), воротах, около иконы, на посуде ставили огарком свечи (мелом, углем, глиной) кресты.

В день Крещения совершали крестный ход на реку или озеро к выдолбленной в виде креста проруби – «иордани». Святую воду набирали в сосуды и хранили дома, используя для лечения людей. Хозяин обходил свой двор, обрызгивая все хозяйственные постройки и скот. Хозяйка обрызгивала углы в избе и горницах. По поверьям, «свячена вода» могла стоять год и два, и «ничего ей не делалось, оставалась чистой, как слеза».

Масленица. Одним из самых любимых народных праздников, который отмечался перед Великим постом и в православных святцах носил название сыропустной недели. Он закрывал собой зимний праздничный цикл и открывал весенний. Накануне масленичной недели, в Родительскую субботу, в каждой семье обязательно поминали умерших родителей и подавали соседкам-старушкам милостыню: блины, шаньги, яйца.

Перелом в масленичном гулянии приходился на четверг («широкий четверток»), когда, по словам старожилов, «отвязывали Масленицу».

Был широко распространен обычай лошадиных скачек, мальчишки, которые ездили на стригунках «охлюпкой» (без седел), в четверг соревновались холостые парни, в пятницу – взрослые мужики. Выставлялось в забег от 5 до 10 лошадей. В качестве приза победитель (хозяин лошади) получал деньги, зерно или скот. Дистанция для скачек выбирались на 3, 5, 10, 15 км: как правило, от одного селения до другого. Финишем обычно служили снежные ворота, выстроенные на главной улице деревни.

Обильной и разнообразной была масленичная пища. Основным масленичным лакомством являлись блины, которые потребляли с маслом, творогом и в непомерном количестве. Последний день Масленицы, воскресенье, назывался «прощеным» днем, «целовником». Повсюду устраивали «проводы» Масленицы, из дома в дом ходили ряженые. Широко распространенной была игра «взятие снежного городка» который строился за селом, на перекрестках, иногда и в центре села. Из снега формировали своеобразные «кирпичи», из которых и выкладывали «город» – крепостную стену высотой в человеческий рост. Разбивались на 2 команды – защитников и нападающих. Если флаг нападающими был сорван или свален хотя бы один снежный камень, «город» считался взятым.

В воскресенье вечером заканчивались масленичные гуляния, и люди, «прощаясь» перед Великим постом, ходили к родителям, старшим родственникам, крестным.

В конце XIX – начале XX вв. Масленица являлась праздничным увеселением, магические корни многих обрядов практически забылись.

Культура народа не возникает сама по себе, она включает себя всё то, что переходит из прошлого в настоящее и будущее. Традиции народа, его самобытность позволяют нам воспитывать детей истинными патриотами, любящими и знающими свой край, его прошлое.

РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья. Вторая половина XIX – начало XX в. – Новосибирск, 1978. – 160 с.
2. Бузин В.С. Этнография русских : учеб. пособие. – СПб., 2009. – 421 с.
3. Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. – М., 1978. – 239 с. 38
4. Еремина В.И. Ритуал и фольклор. – Л., 1991. – 208 с.
5. Жигульский К. Праздник и культура. Праздники старые и новые. – М., 1985. – 336 с.
6. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. – М., 1880. – 607 с.

7. Золотова Т.Н. Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX – XX вв.). – Омск, 2002. – 234 с.; илл.
8. Золотова Т.Н. Сгинь, нечистая сила! Как защищались от «злых сил» сибирские старики // Родина. – 2003. – № 2. – С. 74–77.
9. Золотова Т.Н. Традиционный календарный праздник в культуре России XX – начала XXI века // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 1(23). – С. 493–504.
10. Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении : Восточная Сибирь. Енисейская губерния. – СПб., 1913. – 292 с.
11. Миненко Н.А. Живая старина: будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX в. – Новосибирск, 1989. – 160 с.
12. Русский народный праздник: Научно-методическое пособие для работников культуры и образования. – Омск, 2005. – 284 с.

УДК 908

Н. В. Анджан

преподаватель общественных наук

ГАПОУ НСО «Куйбышевский педагогический колледж»

(г. Куйбышев Новосибирской области, Россия)

ТРАДИЦИОННАЯ КУХНЯ РУССКИХ КРЕСТЬЯН В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX В.

Аннотация. Статья посвящена традиционной кухне русских крестьян в Западной Сибири в XIX в. как значимой части сибирской нематериальной культуры. Представлена зависимость традиционного питания от окружающей среды, объясняется специфика и разнообразие сибирской кухни, влияние питания на организацию жизни и характер сибиряка.

Ключевые слова: кухня сибиряков, питание, русские крестьяне-сибиряки, Западная Сибирь.

Русскому народу на протяжении многих сотен лет приходилось открывать новые земли, обживать их и преобразовать свои трудом. Во второй половине XVI в. русские начинают активно осваивать сибирскую территорию. Этнически многокомпонентное население Сибири состояло из местного и пришлого. Русские крестьяне, осваивая обширные территории Сибири, приспосабливались к новым условиям жизни, но сохраняли традиции материальной и духовной культуры родных мест.

Одной из сторон материальной культуры является пища. Каждая национальная кухня, даже небольшого народа, своеобразна сама по себе. Будучи же

«пересаженной» на другую почву, буквально в иные климатические и природные условия, к незнакомому пищевому сырью, самобытная кухня может замкнуться в себе, а может и перенять новые знания и умение у соседей. Разумеется, питание крестьян различных районов отличалось друг от друга, в основном, оно зависело от природно-климатических особенностей данной территории. И все же можно выделить общие черты традиционной кухни, присущие большинству русских крестьян Сибири XIX века. Исследователь Н. Гончаров, в частности, пишет: «... в целом, питание сибиряков XIX в. было обильнее, чем жителей европейской части страны, а блюда разнообразнее. Даже сибирский крестьянин питался «как дай Бог чиновнику средней руки в Петербурге». Сами сибиряки отмечали, что обилие пищи, способы сибирского питания наложили печать на организацию и характер сибиряка. В Сибири мы встречаем более, чем где-либо, людей приземистых, ширококостных, крупных размером, увесистых, которые подают все признаки упитанности» [Цит. по: 2, с. 63].

Употребление пищи было связано с необходимостью соблюдения постов. Соблюдались ежегодно 4 поста, длившихся 130 дней. Все среды и пятницы были постными днями, за исключением праздничных, когда было разрешено употреблять мясную и молочную пищу [Цит. по: 2, с. 48].

Несмотря на трудности, возникающие при ведении хозяйства, русские крестьяне в Сибири выращивали достаточно разнообразные сельскохозяйственные культуры. В сочетании с продуктами молочного и животного происхождения у крестьян формировался богатый рацион питания, отличающийся большим набором различных блюд.

С самого начала заселения Сибири русские люди стремились создавать хлебную, мучную основу питания. Для этого выращивали рожь, пшеницу, ячмень, овес, просо, гречу. Все эти культуры шли для приготовления муки и дальнейшего использования в пищу в разных кушаньях. Так, из ржи и ячменя, предварительно прорастив его, делали солод, а затем варили пиво. Из пшеницы пекли калачи, тертые и крупчатые (мука крупчатая – «только из самой доброй пшеницы», мука высшего сорта). Особенно много было хлеба: «Был бы только хлеб ржаной – крестьянин больше ни о чем не заботится». Его пекли из кислого теста, которое в специальной деревянной посуде («квашонка», «дежа») заквашивали чаще всего остатками теста от предыдущей выпечки. Заквашивали, конечно, и дрожжами, пивной или квасной гущей. В ржаной хлеб иногда добавляли ячменную (ячную) муку. В зависимости от сорта муки хлеб делился на ситный и решетный. Пекли хлеб на чисто выметенном поду русской печи в ви-

де круглых ковриг. В неурожайные годы в хлеб добавляли молотую сарану, дикую гречиху («кандык») [1, с.133].

Излюбленными сибирскими кушаньями считались пироги – их в Сибири пекли более пятидесяти видов. Пироги могли быть подовые, из кислого теста, на поду печи, и пряженные (жареные на толстом слое масла), из кислого или пресного теста. Пироги начинялись рыбой, ягодой, мясом, овощами, творогом, капустой, яйцами, черемухой (как и рыбные, так и пироги с черемухой были особо любимы сибиряками), с начинкой из другого теста и т. д. Разнообразие видов выпечек и пирогов позволяло разнообразить стол и в «скромные», и в постные дни. Основой пирога был «сочень»: если его начиняли сверху (творогом, овощами, черемухой), заливали сметаной, то получались «шаньги». «Сгибни» – пироги с начинкой, защипанные по краям. Распространены были и стружни («хворост») – жаренные в масле витые фигурки из пресного теста. Пироги подавали и как отдельное блюдо, и как «прикуски» к чаю и как обязательную добавку к горячим жидким блюдам, притом к каждому – особые. К щам из свежей капусты – пирог с гречневой кашей; к кислым щам – с соленой рыбой; к лапше – пирог с мясом; к ухе – пирог с морковью [5, с. 54].

Из муки готовили жидкие блюда (болтушки, затирки) и густые – каши, саломат, кулагу), запаривая их в русской печи. Особенно полюбился сибирякам саломат – мучная каша или густой мучной кисель из прожаренной муки, заваренной кипятком и распаренной в печи, иногда с добавлением сала или масла. Саломат был на каждом праздничном столе. Любимы были толокно, овсяной кисель, кисель из запаренного жидкого ржаного теста («бурдук»). Повсеместно выпекали блины, как из кислого, так и из пресного теста, оладьи, пшеничные и просяные, овсяные и гречневые, тонкие и с припеком [5, с. 31].

Необходимо также остановиться и на мясной пище: она для Сибири была неизмеримо важнее, чем для Европейской России. Там мясные блюда были скорее праздничной пищей, здесь же – повседневной. Это было связано не только с повсеместным развитием животноводства, но и с жизненной потребностью в мясной пище в условиях сурового климата [3, с. 58].

Академик И.Г. Гмелин, путешествуя по Сибири в 40-е гг. XVIII в., отмечал, что «съестные припасы очень дешевы, рыба превосходная, мясо и дичь – в изобилии». Мясо в пищу шло свежее – «свежина», соленое – «солонина» и вяленое – «провислое». Зимой мясо окунали в воду, давали ему обледенеть и складывали в кадки, засыпав снегом. «Мясо отваривали, тушили, жарили, запекали в тесте или, большими кусками, в русской печи. Мясные блюда были разнообразны: студень, холодное из языков, ушей и губ, свиные окорока, по-

хлебки с мясом, мясные щи, жаркое из мяса, из мяса и овощей, «курник» и др». [Цит по: 3, с. 55, 56].

Надо заметить, что свиному мясу перед говяжьим отдавалось предпочтение, свиное сало добавляли в различные каши, щи. Щи являлись основной горячей пищей и варились на основе различного мяса с добавлением овощей. Из голов и костей животных делали студень. К праздничному столу целиком жарили молодых поросят. Множество блюд приготавливали из баранины. Часто употреблять в пищу мясо могли себе позволить лишь хорошо обеспеченные сибиряки, для основной массы населения обильная мясная пища, как правило, являлась праздничной. Однако любимым традиционным блюдом сибиряков считались и считаются ныне пельмени. Н.М. Ядринцев писал об этом так: «Пельмени поглощаются в невероятном количестве. Мясо доступно крестьянину» [Цит по: 3, с. 56, 57]. Пельмени лепили всей семьей. Мужчины обычно рубили мясо в корытцах, женщины месили тесто, дети раскатывали его, а лепили – вместе. Затем их сушили в печи или замораживали и хранили в ларях. (Считается, что слово «пельмень» произошло от пермязского «пельнянь» и затем было принесено в Сибирь). Пельмени ели с маслом, со сметаной, уксусом. Многие блюда скоромного и постного стола ели и запивали квасом, пивом. Так, квасом заливали тертую редьку, пареные овощи, протертые ягоды, подсоленный лук, студень [2, с. 61].

Богатый стол сибиряка дополнялся природными яствами: грибами, ягодами, травами. Из молочных, мясных, рыбных продуктов готовили супы, щи, борщи, похлебки, рассольники, солянки. На второе подавали жаркое из поросят, гусей, уток. Сибиряки большей частью соблюдали религиозные посты, занимавшие около двухсот дней в году. Для постных дней заготавливали много овощей и фруктов, яблок, груш, слив, которые тоже называли овощами. Ели каши, паренки из репы и брюквы, редьку, толокно, пили квас.

Русские люди в Сибири не обходились без напитков: кроме привозных виноградных вин, сами варили пиво, брагу, ягодные наливки, меды, квас. Наряду с квасом в Сибири был широко распространен чай. Чай поставлялся из Средней Азии и из Китая. Особенно сибиряки любили пить чай с молоком. Н.М. Ядринцев отмечал, что «сибирский чай всегда сопровождается «прикусками», пирогами и прочим». Никто из хозяев не отпустит гостя без чая, которого выпивают до десяти и более чашек. На стол ставили большой самовар, сидящая рядом хозяйка разливала напиток по чашкам. К чаю подавали варенья, фрукты, печенья, вафли. По вечерам было принято часто ходить друг к другу в гости «побаловаться чайком», при этом не забывали и другие напитки. Все

встречи, беседы не обходились без обильной еды – это было непререкаемой нормой. Традиционны для Сибири были «ягодные водицы», настои на смородинном листе, травах, медовые напитки. Чисто сибирским, старинным напитком было «кедровое молочко», приготовленное из толченого кедрового ореха [3, с. 56].

Развивалось в Сибири и огородничество, что позволяло использовать в пищу традиционные русские овощи. На весь год крестьяне и горожане выращивали и запасали морковь, брюкву, свеклу, редьку, капусту, горох, огурцы, тыкву, лук, чеснок. Из пряностей сеяли мак, мяту, шалфей, анис. Особо значимым для сибиряков был картофель. Картофель варили, добавляли в овощные и крупяные супы, в щи или использовали в вареном виде как приправу к блюдам. Очень редко картофель жарили с маслом или салом. Репу крестьяне добавляли в кашу, парили в печи, начиняли ею пироги, пареную и печеную ели с суслом. Капусту на зиму солили или квасили, как шинкованную, так и кочанами, цельную.

Из молочных блюд более всего использовали творог, сметану, сыры. Сыры делали из творога с добавлением яиц и выдерживанием под гнетом. Но нужно отметить, что сибирские коровы были малопродуктивны и давали в среднем по 3 – 4 кринки молока. Зимой молоко замораживали в «круги», их удобно было хранить или брать в дорогу. Иногда перед замораживанием молоко смешивали с сырыми яйцами.

На столе сибиряка стояли и заготовленные впрок грибы, ягоды. У крестьян Западной Сибири грибы служили основой приготовления многих блюд: грибницы (грибной похлебки), селянки (похлебки из дробленой крупы, муки и яиц). В лесах собирали белые грибы, волнушки, подосиновики, подберезовики, грузди, маслята, лисички, рыжики, опята. Из сушеных опят делали опенницу (похлебку из опят). Грибы также являлись начинкой для пирогов – использовали опята, лисички, маслята, белые и др. [1, с. 134]. Грибы использовали при готовке «богатых» щей (с мясом и белыми грибами), их засаливали на зиму. «Грибы пошли, полегче стало: все-таки подспорье» [5, с. 362]. Белый гриб сушили и варили суп. Маслята, подосиновики, обабки жарили. Лисички, грузди, белянки, рыжики солили. Грибы отваривали, солили, жарили. Любопытно отметить, что во многих местах под понятия «грибы» попадали только грузди или белые грибы. Грибы использовали и как начинку для пирогов [5, с. 363].

Ягоды: смородину, малину, клубнику, землянику, жимолость, черемуху, чернику – ели свежими, сушили впрок, добавляли в мучные блюда. Повсеместно

сушеную черемуху мололи в муку и добавляли в выпечку или использовали для варки киселя. Особое место занимала в питании сибиряков брусника [4, с. 98].

Важнейшим условием ежедневного приема пищи по христианскому обычаю было соблюдение традиций застолья. В начале и по завершению завтрака, обеда, ужина была молитва. В будни было принято рано вставать, пить чай и завтракать; занятые делами, обедали около двух часов дня, затем следовало чаепитие в четыре часа и, наконец, в восемь— девять часов – ужин. Спокойный распорядок дня сопутствовал здоровому образу жизни, поэтому вошло в лексику понятие «сибирское здоровье». Семейной традицией русских сибиряков являлась заготовка продуктов на год. Впрок приобретали разные крупы, муку, ягоды и орехи, коровье масло, солонину. Существовали определенные правила поведения за столом. Молились и кланялись иконе перед едой и после еды. Выходя из-за стола, нужно было сказать «спасибо». На стол накрывала мать или бабушка. Хлеб и мясо большими ломтями резал старший в семье мужчина или хозяйка. Как сели за стол, первым из чашки брал дед, потом бабушка, родители, дети. Детям запрещалось бросать хлеб, смеяться, баловаться, много говорить за столом. Непослушных били деревянной ложкой по лбу. Распорядок в ежедневном приеме пищи не зависел от сезона. Но летом было больше молочного, а зимой мясного. Взрослые обычно ели три раза в день, а дети – четыре. Старожилы рассказывали, что как поел и хочешь выйти из-за стола, ложку должен перевернуть и положить на стол. Если зашел в гости и приглашают хозяева за стол, нужно несколько раз из вежливости отказаться, но потом все-таки попробовать угощенья [4, с. 58].

Таким образом, традиционная кухня русских крестьян в Сибири сочетала русские традиции с новыми видами пищи сибирских народностей. Многие сибирские блюда и способы их приготовления распространились впоследствии по всей России. Питание в разных семьях не было одинаковым, поскольку в Сибири проживали люди разных сословных и социальных групп, этнические слои населения. Однако в целом пищевая культура сибиряков была достаточно развитой. Традиционная кухня русского народа в Сибири отличалась богатством, разнообразием и мастерством приготовления блюд. Анализ литературы показал, что причин обилия разнообразной, сытной и полезной пищи русских сибиряков, было несколько: заселяли Сибирь люди чаще всего энергичные, деловые, предприимчивые, пассионарного типа, умеющие преодолевать трудности, а также богатая природа и относительная свобода людей от произвола властей в отдаленности от центра – все это позволяло сибирякам создавать лучшие материальные условия своей жизнедеятельности.

Библиографический список

1. Блошицына М. В. Пища русского сельского населения Болотнинского района Новосибирской области конца XIX – XX веков (По материалам полевой экспедиции 2005 г.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Новосибирск: НГУ, 2006. – Том 5, выпуск 3. – С. 131-135.
2. Блошицына М. В. Повседневная пища русских Маслянинского района Новосибирской области первой половины XX века (По материалам полевой экспедиции 2006 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2006. – Том 12, № 2. – С. 60-63.
3. Горьковская, З. П., Катионов О. Н. Пища русских крестьян в повседневной жизни (период капитализма) // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск. 2012. С. 55-67.
4. Медведева З. А., Васькина О. Э., Газиева А. Ф. Рацион питания в крестьянской среде в конце XIX – нач. XX вв. // Система ценностей современного общества. – Новосибирск: «Центр развития научного сотрудничества», 2016. – № 46. – С. 98-103.
5. Липинская В. А. Пища (XI–XX вв.) // Русские. – М.: Наука, 1997. – С. 354-397.

УДК 63.5

Т.В. Ноздренко

библиотекарь II категории

Балманская библиотека МБУК Куйбышевского района

«Центральная межпоселенческая библиотека»

ДУХОВНЫЕ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Аннотация. Статья посвящена традиционному песенному фольклору Западной Сибири. Внимание автора обращено на традицию коллективного исполнения фольклора, преемственность традиций, разнообразие песенного репертуара, особенности исполнения на примере традиционного песенного фольклора села Балман Куйбышевского района Новосибирской области.

Ключевые слова: традиция, обряд, фольклор, вечерка.

Фольклор Западной Сибири – один из самых значимых компонентов русской культуры. Он содержит базовые черты восточно-славянского культурного наследия, отражает региональные особенности культуры русского сибирского населения, которые формировались на протяжении XVI – XIX вв., имеет локальную специфику, сложившуюся в этносоциальных группах (татары, белорусы, украинцы, чалдоны, казаки) и обусловленную исторической судьбой

и своеобразием бытовой и трудовой жизни переселенцев. Изучение стилистически разнообразных переселенческих традиций ведется с конца 1950-х гг.

Особое внимание культурологи и фольклористы уделяют традиционной народной песне, стилю ее исполнения, обстановке, выявлению места. Известный фольклорист В.М. Щуров писал по этому поводу: «Стремление к красоте и определяет, очевидно, развитие народного творчества в целом, в том числе и формирование местных традиций. Изучая процесс складывания местных особенностей народного пения и музицирования необходимо постоянно помнить о творческой природе фольклора, об эстетических потребностях народных певцов и музыкантов».

Традиционный песенный фольклор Западной Сибири стилистически очень разнообразен, что обусловлено историческими особенностями заселения края. Народные песни, которые поют здесь в настоящее время, можно разделить на две основные группы:

- песни старожилов (чалдонских) сел (первых переселенцев, приехавших в Сибирь до середины XIX века);
- песни позднопоселенческих сел (поселенцев, приехавших в Сибирь в конце XIX – в начале XX веков в период массового ее заселения).

Песни той и другой группы разнообразны по стилям, богаты своим содержанием, они отражают и военное время, и семейные отношения, и быт. Здесь и солдатские песни и протяжные (вечорочные), хороводные, шуточно-игровые, свадебные (обрядовые).

Ярким примером традиционного песенного стиля являются песни села Балман, расположенного на северо-востоке Куйбышевского района Новосибирской области. Слово «Балман» пришло к нам в Сибирь из тюркского и татарского языков. В переводе с тюркского «Балман» – это «Медовое озеро», это могло означать, что вблизи поселения или на берегах озера рос лес. На татарском языке «Балман» – это озеро, соединенное какой-то протокой с рекой, и в нем водится белая рыба.

Трудно сказать, когда поселились сибирские татары на месте нынешнего села Балман. По данным архива Томской губернии у некоторых групп сибирских татар (кыпчаки барабинской степи), проживавших в зоне лесов, значимое место в хозяйственной деятельности занимала охота, у барабинских татар заметную роль играло озерное и речное рыболовство. Может быть поэтому данное место привлекло на поселение татар. Постепенно со временем коренных татар вытесняло русскоязычное население.

О начале заселения русскими села Балман найти подлинные документы пока не удалось. По данным архивного управления при Совете Министров СССР селу насчитывается около 305 лет, примерно с 1714 – 15 гг.

Знаменитый географ и этнограф Александр Федорович Меддендорф, исследуя барабинскую степь в 1870 году и проплывая вверх по реке Омь «до деревни Балманской», описывал в своей книге «Бараба» расположение поселения «... земли плодородные, богаты живностью, лесами, сосны здесь не менее трех аршин в высоту, некоторые и выше. Маленькие селения, (основном по одной семье) «остяки», занимались рыболовством и охотой. Нанимались на сезонные работы в поле к крестьянам балманской деревни. Хозяйства балманских крестьян большие, крепкие, имеют изрядное количество скота. Все работы выполнялись вручную. Детей с малых лет приучали работать в хозяйстве. Население русскоязычное. Своеобразная культура у крестьян, говор не тороплив и напевен. На вечорках у молодежи были самодеятельные балалайки, однорядные гармошки, необычное, красивое разноголосое пение».

Предки теперешнего населения появились в этих местах при переселении и освоении сибирских земель украинцами, белорусами, но в основном казаками. Поэтому в репертуаре балманцев преобладают казацкие песни. Также традиционные платья (парочки) имеют фасон, которые носили переселенки-казачки.

Народные песни села Балман имеют много общих стилистических черт с песнями других старожильческих сел верхнего течения Оми: Зоново, Безменово, Горбуново. Между ними находятся поздно поселенческие села: Еланка, Андреевка, Константиновка, но уже со своим резко отличающимся песенным фольклором.

Балман – очень музыкальное село, как сказал о нем знаменитый музыковед – фольклорист В.Г. Захарченко «Это своеобразный Сибирский песенный Палех». В селе были сильны певческие традиции, пели и женщины, и мужчины, и дети. Но и тогда из общей массы выделялись те, кого называли мастерами – певуньями. Они передавали тексты песен, манеру пения из поколения в поколение.

Многим жителям Куйбышевского района и фольклористам Новосибирской области известна балманская песенница Нина Григорьевна Носова. Коренная жительница села, ставшая основательницей фольклорного коллектива. Она с малых лет впитала в себя именно ту песенную культуру, которая была у наших прадедов.

В 1964 году фольклорный ансамбль на районном смотре художественной самодеятельности покориł членов жюри и слушателей самобытным исполнением песни. В кругах специалистов этнографов и фольклористов песенное творчество Балмана тут же обрело своеобразный статус специфического культурно-художественного эталона, свидетельствующего о наличии самобытных традиций.

Коллективом собран уникальный материал песен, которые пели только балманцы. Его певуны были такими мастерицами, что к ним приезжали учиться собиратели фольклористы со всей страны.

Неоднократно Балман посещал с этнографической экспедицией Виктор Гаврилович Захарченко. В 1970 году выпущена пластинка всесоюзной фирмой «Мелодия», «Традиционный песенный фольклор Западной Сибири. Хоровая группа села Балман». В нее вошли 18 песен различных жанров: хороводные, вечорочные, свадебные, протяжные, шуточные.

В 1975 году под его редакцией вышел сборник «Девичьи песни», куда вошли балманские вечорочные и хороводные песни.

Впоследствии песни села транслировались по Новосибирскому и Всесоюзному радио и телевидению в исполнении Сибирского народного хора.

Много лет Нина Григорьевна Носова работала с замечательным фольклористом Вячеславом Владимировичем Асановым, руководителем Новосибирского Дома народного творчества. Тесно и плодотворно велась работа с этим замечательным фольклористом. Ежегодно Вячеслав Владимирович совместно с семейным ансамблем «Радуница» под руководством Надежды Индан приезжали в Балман с экспедицией, изучали обряды, игры, танцы, учились петь балманские песни. Татьяна Юрьевна Мартынова, заведующая отделением «Фонд-архив» областного центра русского фольклора и этнографии писала «...Балман стал для нас вторым домом... фольклорной академией – мы были увлечены учебой, приезжали сюда учиться петь и жить. Святки, Масленица, Троица – мы не «игрались» в эти праздники, мы их «проживали» в Балмане».

Много раз с этнографическими экспедициями приезжали в Балман знаменитые гармонисты Александр и Геннадий Заволокины. Собрали множество пословиц, поговорок, наигрышей, частушек, которые вошли в сборник «Частушки Западной Сибири». Причудливые россыпи четырехстрочных «коротышек», собранные в единый колоритный букет, великолепно отражают, деревенский быт, неистощимую выдумку и щедрый талант сибирских умельцев.

Западно-Сибирским книжным издательством издан сборник «Песни села Балман». В нем представлено 52 песни различных жанров. За последние годы в

селе записано более ста песен и двухсот частушек, 8 гармошечных наигрышей, 5 детских песен, 6 сказок, загадки, пословицы, поговорки. А также научные описания свадеб, вечеров и детских игр, сопровождаемых песнями. Самое широкое распространение имеют вечерочные и хороводные песни, на что указывали в свое время многие дореволюционные и советские собиратели (В. Арёфьев, А.В. Руднева и др.) Особый интерес представляют свадебные песни, описанные М. Мельниковым и В. Захарченко в книге «Свадьба Обско-Иртышского междуречья». Свадебный обряд села хоть и типичен для русских старожилов сел западной Сибири, но в то же время в нем сохранилась своя обособленность и самобытность. Значительная часть прощальных песен и причетов со временем была утрачена (Песня певшаяся на вечерке-девичнике «Из-за гор гусей гнала», «Полно, полно нам, ребята»). Вечерочные песни и сопровождающие их игрища не только устойчиво сохранились в нашем селе в своей традиционной форме, но и приобрели новую функцию: они приурочены к вечеру в канун свадьбы и издавна составляли основное ядро местного свадебного обряда.

Песенно-танцевальный фольклор в селе Балман представлен хороводными и вечерочными песнями. В традиции русских старожилов Сибири, в том числе и в Балмане, хороводные и вечерочные песни восполняют отсутствием календарно-песенного цикла и образуют две группы сезонно-приуроченных жанров. Вечерочные песни исполнялись на молодежных посиделках зимой, а хороводы водились в весенне-летний период с центром на Троицу. По сведениям В.Г. Захарченко: «вечерочные песни называются зимними, а хороводные – весенними». В хороводах участвовали все жители села, кроме детей и стариков. Хороводы игрались за селом, на полянке, в лесу или у реки. Двигался хоровод колеблющимся шествием за руку или «под локоток» (где хождение в ногу принципиально), постоянно меняющие направление движения и распадающиеся на два круга, а то один большой, под песню «Сею-вею белый-то ленок». Балман, в отличие от большинства старожильческих сел, сохранил хороводы не только как песенный жанр, но и как танцевальный – все разнообразие хореографических рисунков. Хороводы чередовались с танцами, играми, плясками. Финальным же хороводом на летнем гулянии всегда была песня «Ты зоря моя, зоренька». Балманские хороводы отличаются своей напевностью, широким дыханием с большим диапазоном и глубокими «мужскими» басами (в отличие от российских вариантов с «женскими» малообъемными напевами). Тематика балманских песен типична для данного жанра:

- аграрные – (обработка льна) «Посеемте девки лен»;
- любовно-брачные (выбор пары) – «Подойду к Колывану – городу»;
- семейные отношения – «Вечор девку зговорили».

Для балманских хороводных песен характерна степенность поступи, в темпе спокойного шага. Медленная поступь чалдонок во многом зависела от традиционного наряда – «парочки». Очень широкая, длинная, «с хвостом», с двумя оборками юбка из пяти полотен ткани, такой же по краю подъюбник не располагает к быстрому передвижению. Для облика чалдонки, для манеры поведения, даже вне хоровода характерны были строгость, сдержанность, величавость поступи. *(Методический материал из опыта работы Областного центра русского фольклора и этнографии. 2016г. Стр.21-25)*

Отличительная особенность балманских песен – роль дыхания и паузы в конце куплета (резкий обрыв мелодии). Характерной чертой в балманской песне является отсутствие традиционных рефренов: лёли-лёли, люшеньки-люли, и т.д. Балманские песни настолько самобытны, столько в них истинно русского, что без волнения слушать их было невозможно. В них радость и печаль, горе и грусть. Ярким примером являются песни солдатские («Да не желал-то я быть солдатом», «Коммунары», «По синим волнам океана»), протяжные («Ходила, гуляла все по саду своему»), лирические («Что ты, Ваня, за купец»), шуточные («Комар шуточку шутил»). Иногда песню сопровождали музыкальные инструменты, балалайка, трещетка, бубен, гармонь.

Красота и напевность балманской песни неповторима и передается она из поколения в поколение. Созданные Ниной Григорьевной Носовой детские разновозрастные фольклорные группы «Незабудка» и «Колокольчик» яркий тому пример. Человек с неумной энергией, влюбленная в народную песню смогла научить детей не только своему мастерству, но и привила любовь и уважение к традициям предков. Детские группы принимали участие в различных фольклорных конкурсах, фестивалях Новосибирска, Барнаула, Екатеринбурга. Эти ансамбли объездили десятки населенных пунктов с концертами. За свои заслуги группа награждалась различными дипломами и поездками во Всероссийский детский лагерь «Артек» и «Океан».

30 лет посвятила Нина Григорьевна балманской песне. Под ее руководством много лет существовал фольклорный ансамбль «Калинушка». Ее наследниками и продолжателями традиционной балманской песни стала фольклорная группа «Нареченька». В 2013 году группе заслужено присвоено звание Народного (образцового) самодеятельного коллектива, который бережно хранит и чтит традиции культурного наследия родного села.

Традиционные песни села Балман, как и десятки тысяч других народных песен, – это живой голос наших предков, искусство отшлифованное столетия-

ми, которое своей искренностью и непосредственностью способно доставить глубокую радость и эстетическое наслаждение современному слушателю.

УДК 908

Двирская Л.И.

преподаватель специальности

«Народное художественное творчество»

БФ ГАПОУ НСО «Новосибирский областной колледж

культуры и искусств»

(г. Барабинск, Новосибирская область)

ВОСПИТАНИЕ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ – ОБСКИЕ УГРЫ (ХАНТЫ) НА ОСНОВЕ СЕМЕЙНЫХ ТРАДИЦИЙ

Аннотация. С малых лет ребенок является членом трудового общества, следовательно, его значение в этом обществе, ценность его как гражданина будут зависеть от того, насколько он в состоянии будет принимать участие в общественном труде, насколько он к этому труду будет подготовлен. Самая важная и особая роль в воспитании детей принадлежит только семье. Семейные традиции помогают вырабатывать общие нормы поведения, развивают коллективные переживания, украшают жизнь.

Ключевые слова: воспитание, семья, традиции, Обские Угры (ханты).

Традиции – социальное и культурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводящееся в социальных группах в течение длительного времени. Традиции включают в себя объекты социокультурного наследия (*материальные и духовные ценности*); процессы социокультурного наследования; способы этого наследования. В качестве традиции выступают определенные культурные образцы, институты, нормы, ценности, идеи, обычаи, обряды, стили и т.д.

Воспитание – процесс формирования личности, направленный на создание условий для развития человека, процесс передачи социального опыта от одного поколения к другому.

Воспитание детей у коренных народов Западной Сибири имело свои особенности. Девочек с 5-6 лет готовят к роли хозяйки: их помощь используется при наведении порядка в доме, при приготовлении пищи, при заготовке продуктов впрок. На девочек возлагается забота о младших детях. Большое значение придается обучению шитью и рукоделию. В шестилетнем возрасте мать из-

готовливает и дарит дочери специальную коробку для рукоделия (йиныйт) из бересты и пихтовой коры. В ней девочка сначала хранит своих кукол, а когда подрастет и начинает учиться шить, складывает все вещи необходимые для рукоделия: игольницу с иголками, наперсток, нитки, бисер, пуговицы, бусы, кусочки тканей, сухожилия для нитей, ножницы.

Первыми самостоятельными изделиями девочки бывают одежда для кукол, матерчатые игольницы, несложные украшения из бисера. В подростковом возрасте девочку учат выделывать оленьи шкуры, обрабатывать нити, шить одежду, изготавливать берестяную утварь. Работа с берестой начинается с изготовления не требующих сложной обработки сосудов для воды, кормушек для собак, затем – более сложных поделок [1].

Девочка в семье обских угров (Ó бские Ў гры, общее название угорских народов Западной Сибири – хантов и манси), с детства приучается разделять рыбу, готовить пищу, делать запасы и сохранять их. Даже совсем маленькие девочки умеют правильно обращаться с острым ножом. Девочки не только присматриваются к женским занятиям, но принимают непосредственное участие в заготовках бересты, древесной коры, трав, ягод, дров, в изготовлении хозяйственной утвари. Взрослые делают из бересты посуду – девочки копируют, повторяя ее в миниатюре [2].

Девочкам поясняют значение фрагментов орнамента, помогают отыскивать в них сходство с фигурами птиц и зверей, вспоминая при этом подходящую сказку, что облегчает работу и пробуждает фантазию ребенка. Угадывание животных, птиц и растений в орнаменте и украшение им собственных игрушек развивает у детей художественный вкус и побуждает к творчеству. Взрослые шьют орнаменты из замши, меха, сукна, ткани – девочки перенимают. Женщины украшают одежду бисерным плетением, вышивкой – девочки учатся и украшают этим одежду своих кукол. Мать или старшая сестра шьет мешочек для хранения рукодельных принадлежностей, используя орнамент – девочка копирует. Изготавливается коробка из бересты или пихтовой коры – девочки приобщаются и к этому, учатся методам нанесения орнамента процарапыванием или красками. В прошлом краски делали из природного сырья – лиственничной коры или краснотала [3].

Хантыйские дети хорошо информированы об основных нормах взаимоотношений между родственниками их взаимных правах и обязанностях, обусловленных принадлежностью к той или иной экзогамной или внутрисемейной группе. Десятилетняя девочка может ответить на вопросы о родовой принадлежности ее самой, ее матери, отца и других близких родственников, хорошо

знает родственную терминологию. К 15–16 годам девушка уже сама шьет одежду, некоторую обувь, меховые сумки для отца и братьев. К 16–18 годам человек обретает физическую и социальную зрелость, становится полноправным членом общества [4].

Сыновей с 5–6-летнего возраста отец всюду берет с собой, знакомит их с хозяйством, промысловыми угодьями. Сначала мальчики наблюдают за действиями отца, слушают его объяснения, затем сами начинают выполнять поручения: при ремонте и изготовлении лодок, подают инструменты, заготавливают необходимое сырье, во время летнего выпаса оленей разжигают и следят за дымокурами, ухаживают за оленями, на промысле разжигают костер, помогают ставить шалаши, учатся изготавливать и ставить ловушки. Уже к 8–9 годам мальчик самостоятельно рыбачит и проверяет силки, неплохо обращается с ножом и вырезает из дерева, самостоятельно запрягает оленя. С 10–12 лет ему разрешают пользоваться огнестрельным оружием и учат ухаживать за ружьем, стрелять в цель. Перед первой самостоятельной охотой обязательно устраивают проверку: подросток доказывает свою способность метко стрелять, ибо недопустимым считается оставлять раненого зверя на мучения. Одновременно с обучением промысловому искусству мальчика знакомят с правилами поведения в лесу, в том числе и нормами взаимоотношений между охотниками, отношениями с окружающей природой. Воспитывая мальчиков ханты стремятся выработать в них смелость, находчивость, упорство. Иногда, если в семье не было взрослых мужчин, мальчики в меру своих сил заменяли их в охоте на пушных зверей и птиц [5].

В детстве ребенка готовят к самостоятельной жизни в обществе, постепенно он постигает весь комплекс навыков хозяйственной деятельности, знаний об окружающем мире и обществе, устоявшихся норм поведения. Главные воспитатели ребенка – это мать, отец и ближайшие родственники. Именно в семье закладываются основы воспитания. До 4–5 лет дети находятся под опекой матери, хотя отцы охотно играют, разговаривают с маленьким ребенком, ласкают его. В дальнейшем все большую роль в жизни мальчика играет отец, а мать остается наставницей девочки. Большую заботу о детях проявляют бабушки, дедушки, тети, дяди со стороны отца и матери. Детский коллектив, в котором растет ребенок, также в основном состоит из родственников. На примерах из жизни своей семьи, рода, общины, дети усваивают основные знания, навыки, правила. С ранних лет начинается трудовое воспитание, которое осуществляется как через непосредственное наблюдение и участие детей в повседневной хозяй-

ственной жизни, так и через игры, в которых они имитируют занятия взрослых. Личный пример родителей, их навыки имеют здесь первостепенное значение.

Очень рано приучают детей почтительно относиться к старшим. Дети не должны обсуждать поступки взрослых, вмешиваться в их разговоры, обязаны беспрекословно выполнять их просьбы. Ребенку запрещается поднимать руку на взрослого даже в шутку, и дети верят, что в наказание за такой поступок у драчуна в будущем будут трястись руки, он не сможет стать хорошим охотником. В свою очередь и взрослые относятся к детям ласково. При обращении к ним используются ласковые прозвища, шуточные сравнения с медвежонком, росомахой. За усердие, хорошо выполненную работу дети всегда поощряются устной похвалой или одобрительным взглядом. В качестве поощрения детям дают пользоваться орудиями взрослых и всячески подчеркивают отношение к ним как к взрослым. С самых малых лет в ребенке воспитывают самостоятельность, контроль над ним ненавязчив и незаметен. Следует подчеркнуть, что в воспитательном процессе отсутствуют грубые принудительные методы, физические наказания не приняты, за исключением, конечно, каких-то очень серьезных проступков. Наказывая ребенка, особенно маленького, ограничиваются неодобрительным взглядом, коротким выговором или объяснением, как надо было бы поступить в том или ином случае.

Семейное воспитание – это система воспитания и образования, складывающаяся в условиях конкретной семьи силами родителей и родственников. Семья выступает как основа чувства безопасности. Традиции указывают на модель поведения, которую подрастающее поколение заберёт для себя во взрослой жизни. Желая хорошо воспитать собственных детей, сформируйте в семье хорошие традиции. И они станут важной частью воспитательного процесса.

Библиографический список

1. Ильина И. В., Мартынова Е. П. Ребенок в традиционной культуре юганских хантов. – М., 1997. с. 225-226.
2. Кулемзин В. М. и др. Игры детей обско-угорских народов. СПб., 1999. с. 22-23.
3. Тахтуева А. М. Игры и игрушки обских угров в традиционном воспитании детей. СПб., 1999. с.23.
4. Ильина И. В., Мартынова Е. П. Ребенок в традиционной культуре юганских хантов. – М., 1997. с. 228-229.
5. Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Сборник статей. Под ред. Кон И. С., Такеаши Ч. М. Л., 1988. с.89.
6. Соколова З. П., Кузьминых С. В., (этногенез) Большая Российская Энциклопедия.

Федорцева П., Аверьянова А., Семенова А.

студенты группы 3-КДД-37

Научный руководитель – Пигачев Ю.А.

преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

промышленных технологий и дизайна

(Колледж технологии, моделирования и управления)

(г. Санкт-Петербург, Россия)

КЛАССИЦИЗМ В АРХИТЕКТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ЗДАНИЯ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ ГОРОДА КАИНСК)

Аннотация. Статья посвящена архитектурному стилю здания бывшей женской гимназии г. Каинска. Авторы статьи определили, что фасады здания решены в стиле «эkleктика» с использованием элементов «классицизма». Цветовое решение фасадов построено на контрасте плоскости стен здания, окрашенных в розовый цвет и белых декоративных элементов.

Ключевые слова: «эkleктика», ворота-проезд, женская гимназия г. Каинска, улица Здвинского г. Куйбышева.

В истории искусства термин «классика» означает культуру древних греков 4-6 вв. до н.э. В более широком смысле он используется для обозначения искусства Древней Греции и Древнего Рима. Черты классицизма в архитектуре черпают свои мотивы в традициях античности, олицетворением которой стал фасад греческого храма или римского сооружения с портиком, колоннадами, треугольным фронтоном, расчленение стен пилястрами, карнизами – элементами ордерной системы. Украшением фасадов служат гирлянды, урны, розетки, пальметты и меандры, бусы и ионики. Планы и фасады симметричны относительно главного входа. В окраске фасадов преобладает светлая палитра, при том, что белый цвет служит для акцентирования внимания на архитектурных элементах: колоннах, портиках и т.д., которые подчеркивают тектонику строения.

Характерные черты классицизма в архитектуре: гармония, упорядоченность и простота форм, геометрически правильные объемы, ритм, уравновешенность планировки, четкие и спокойные пропорции, использование элементов ордера античной архитектуры: портики, колоннады, статуи и рельефы на глади стен. Особенностью классицизма в архитектуре разных стран стало соче-

тание античных и национальных традиций. Архитектура эпохи классицизма была основана на нормах, приведенных в строгую систему, что позволило строить по чертежам и описаниям известных зодчих не только в центре, но и в провинциях, где местные мастера приобретали отгравированные копии образцовых проектов, созданных большими мастерами, и возводили по ним дома.

Женская гимназия. г. Каинск. 1903 г.
(из фондов Музейного комплекса г.Куйбышева НСО)

Здание женской гимназии в городе Куйбышев (Каинск) Новосибирской области представляет интерес как хорошо сохранившийся пример общественного школьного здания конца XIX века, выполненного в стиле эклектика с использованием элементов классицизма. Одноэтажное кирпичное здание женской гимназии 2 разряда построено в 1860 г. В 1873 г. оно было преобразовано в прогимназию. С 1910 г. – гимназия (полная семиклассная школа). В декабре 1919 г. гимназия переименована в школу. При гимназии была домовая церковь, построенная на средства попечителей – купцами 1-й гильдии В.П. Ерофеевым и Р.С. Волковым в 1898 г. по случаю священного коронования их императорских Величеств – Государя Императора Николая Александровича и Императрицы Александры Федоровны. В настоящее время в здании располагается гимназия № 1 им. А. Л. Кузнецовой.

Здание расположено на углу исторического квартала на пересечении улиц Красной (бывшая Сенная площадь) и Здвинского (бывшая улица Александровская). Главным северо-западным фасадом здание выходит на линию застройки ул. Красная, северо-восточным фасадом на красную линию застройки ул. Здвинского. Г-образная в плане одноэтажная постройка образована двумя объемами, различающимися по высоте и архитектурному оформлению фасадов. Основной учебный корпус располагается вдоль улицы Красной, к нему примы-

кает объем бывшей домово́й церкви, вытянутый вдоль улицы Здвинского, больший по высоте. В советское время к юго-западному торцу учебного корпуса было пристроено двухэтажное здание современной школы. Наружные стены выполнены из кирпича и оштукатурены. Крыша стропильная, крыта оцинкованным железом, над объемом домово́й церкви двускатная с треугольными фронтонами со стороны северо-западного и юго-восточного фасадов, ранее была увенчана главкой с крестом, и вальмовая трехскатная над основным учебным объемом. Оконные переплеты деревянные.

Фасады здания решены в стиле эклектика с использованием элементов классицизма. Плоскость стен главного фасада разделена лопатками. Окна имеют лучковое завершение и обрамлены прямоугольными наличниками, завершенными классическим профилированным карнизиком. Все наличники здания были объединены штукатурной тягой в подоконной части (в настоящее время утрачена). Венчает фасад поясok, декорированный сухариками, и профилированный карниз небольшого выноса. Завершенность композиции фасада придают фигурные аттики, имеющие криволинейное очертание.

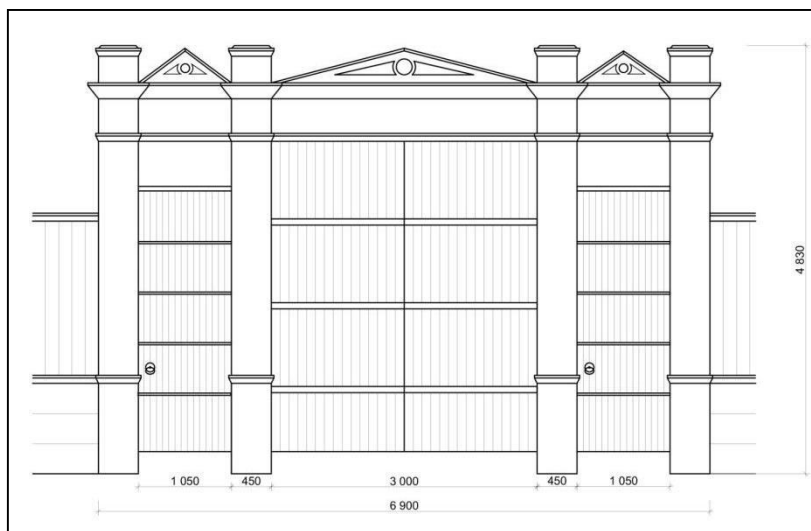
Боковой фасад по улицы Здвинского композиционно состоит из двух частей: правая часть решена аналогично главному фасаду, левая часть – бывшая домовая церковь. Плоскость стен раскреплена контрфорсами. С юго-западного торцевого фасада углы церкви имеют округлую форму. Высокие окна имеют арочное завершение. Несколько окон на фасадах заложены, но об их первоначальном расположении свидетельствуют белые наличники, контрастно выделяющиеся на фоне стен.

Цветовое решение фасадов построено на контрасте плоскости стен здания, окрашенных в розовый цвет и белых декоративных элементов. Цоколь окрашен в черный цвет.

Планировка здания коридорного типа. Первоначально вход был организован со стороны главного фасада (с улицы Красной), в настоящее время вход располагается со стороны дворового фасада.

Основные габариты в плане: 40,8 x 40,1 м.

(описание архитектурно-художественного оформления здания проведено специалистами НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области на основе научного паспорта, составленного в 1970-х гг. А.В. Обласовой, директором мемориального дома-музея В.В. Куйбышева)

Реконструкция ворот женской гимназии г. Каинска. 2019 г.

Прототипом современных ворот можно считать камень, которым древний человек загораживал вход в своё жилище, спасаясь от холода, диких зверей и набегов вражеских племен. Тогда человек начал строить ограждения, неотъемлемой частью которых и стали ворота. Они не отличались изысканным внешним видом, а носили чисто практический характер. Сначала ворота делали из наиболее доступного и недорогого материала – дерева. Позже ворота стали оббивать железом в декоративных целях. В то время такую роскошь могли позволить себе немногие – ведь железо было достаточно дорогим материалом. Потом железо стало дешевле, появились более лёгкие сплавы. И на смену простым деревянным воротам пришли надежные стальные ворота. Позже, уже в XI в. нашей эры, на территории Древней Руси обрели популярность арочные ворота, состоявшие из двух каменных вертикальных колонн и соединявшей их арки. Такие ворота назывались популярным словом «портал». В средневековье практически все замки были окружены рвом с водой, и ворота, опускаясь вниз, выполняли роль моста, ведущего в город. Такие ворота отличались уже относительной технической сложностью.

Городские ворота в России служили не только для того, чтобы впускать и выпускать в город и из города людей и грузы, но были ориентированы по сторонам Света и использовались для проведения религиозных обрядов.

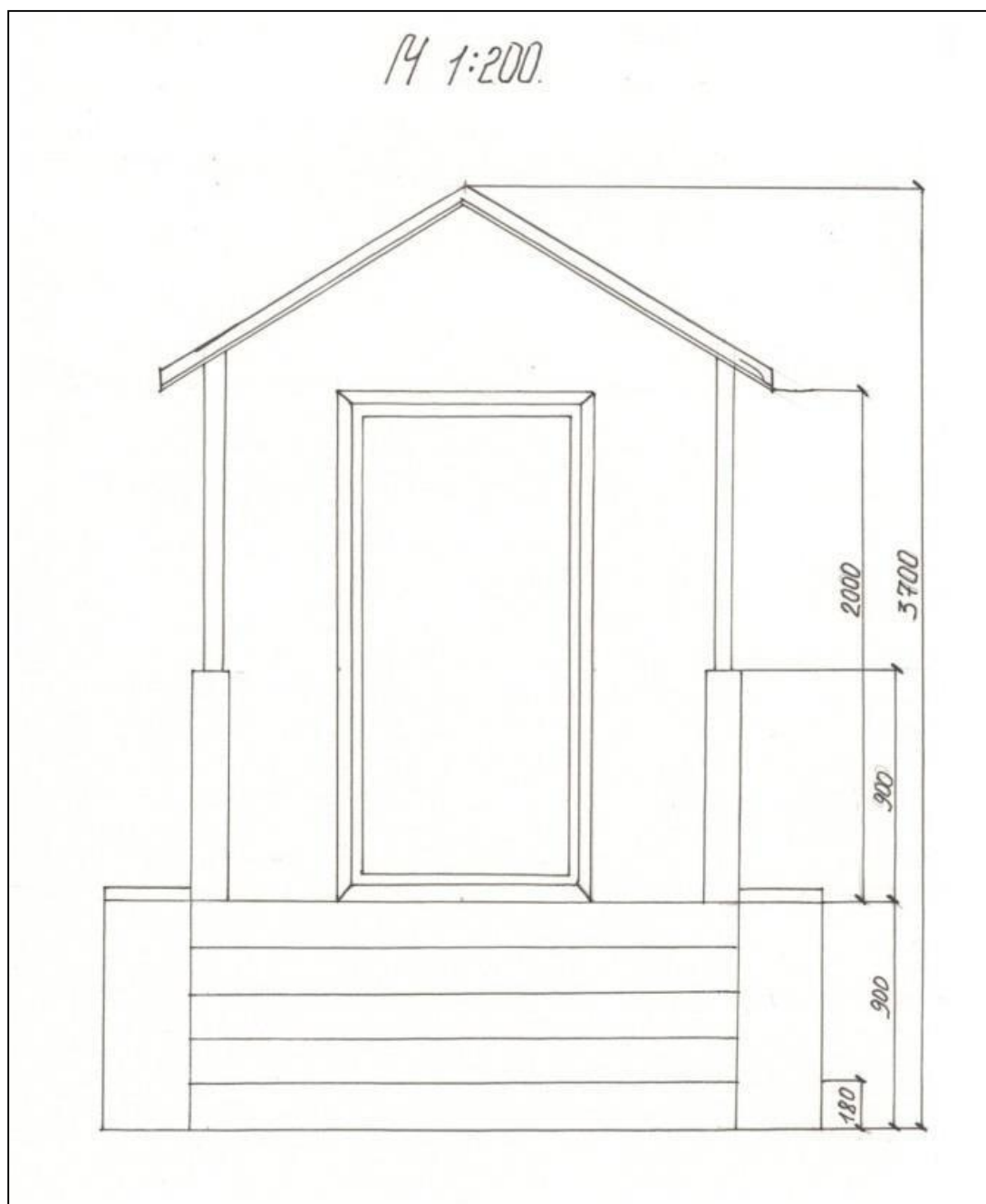
Ворота – проезд в стене или ограде, запираемый створами. Ворота могут использоваться для ограничения доступа на определённую территорию, а могут быть чисто декоративным элементом. Ворота заслонили человека от холодных ветров и воинственных соседей. Ворота можно было приветливо распахнуть

перед дорогими гостями, а можно — захлопнуть перед тяжеловооруженными недоброжелателями. Всегда и везде — в городе, крепости или доме — ворота служили надежной границей между общественным и личным, защитой от всего враждебного, что отныне навсегда осталось снаружи. Воротам в деревянном зодчестве придавалось особое значение. Ворота, как и весь облик здания, строго следуют определенному канону стройки, меняющемуся только в силу особых влияний эпохи. Они очень редко поддаются влиянию все изменяющей и всегда эфемерной моды. Можно прямо сказать, что ворота крепко хранят, как иконопись, свой канон зодчества.

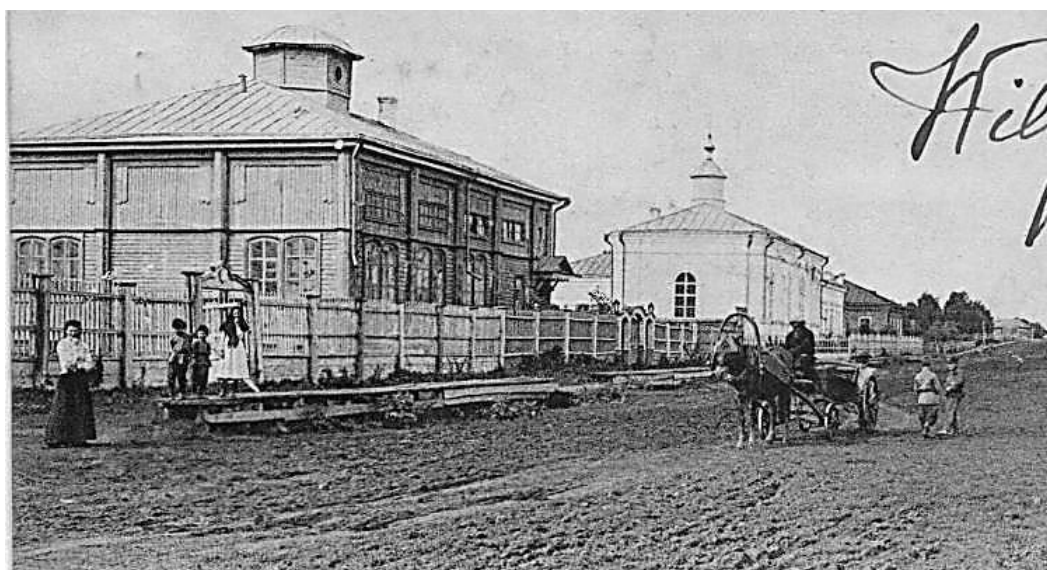
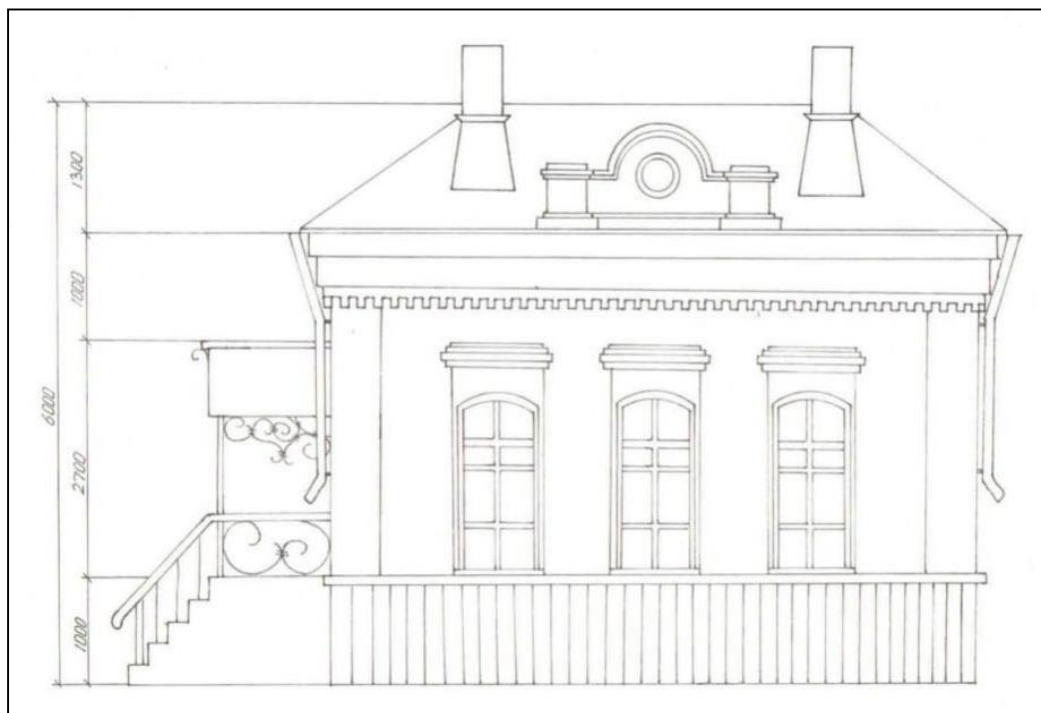
Сегодня сохранившаяся в Куйбышеве (Каинск) планировочная структура, каменные купеческие особняки и городская рядовая застройка являются уникальным свидетельством культурно-бытовых традиций сибирского города. Историко— культурное наследие этого города позволяет его считать своеобразным памятником градостроительного искусства России сер. XIX — нач. XX вв.

Реконструкция крыльца женской гимназии г. Каинска. 2019 г.

Реконструкция флигеля женской гимназии г. Каинска. 2019 г.

Еврейская синагога (слева), рядом Домовая церковь женской гимназии.
г. Каинск. 1903 г. (из фондов Музейного комплекса г.Куйбышева НСО)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XVIII – XX ВВ.

Шиловский М.В. Конфликты между старожилами и новоселами в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. и их последствия	5
Катионов О.Н. Население Московско-Сибирского тракта в XVIII – XIX вв....	11
Гончаров Ю.М. Семья поляков Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.	25
Зверев В.А. Санитарно-гигиенические обследования населенных мест Восточной Барабы во второй половине 1920-х гг.....	32
Рыженко В.Г., Рыженко Л.И. Сибирский тракт в современной Новосибирской области.....	42
Баяндин В.И. Метрические книги о Каинском городском сообществе в начале XX столетия (1907 – 1909 гг.).....	49
Бурматов А.А. Этнический состав населения Барабинского округа по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г.....	55
Кириллов А.К. Чиновник Томского губернского управления Н.Н. Петухов как модератор переселенческих конфликтов в 1880-е годы.....	64
Горохов С.В. Каинский пас (форпост): история, локализация и планиграфия.....	74
Сумин В.А. Краткая история археологических исследований Куйбышевского района Новосибирской области	84
Кондратьев С.В. Управления общеобразовательными школами ведомства православного исповедания России конца XIX – начала XX вв.	98
Юзеева О.А. К вопросу о крещении инородцев.....	107

ЭТНОГРАФИЯ. МИФОЛОГИЯ. ФОЛЬКЛОР

Умбрашко К.Б. Этнографические исторические источники и музейная педагогика	119
Фурсова Е.Ф. Каинск и Каинский уезд в этнографическом отношении (по полевым материалам 1986 г.).....	125
Гагаев А.А., Гагаев П. А. Философия мифологии и сказок о Палэсмурте удмуртов, хантов и манси, русских: компаративистский подход	131
Ярков А.П. Свобода вероисповедания по Конституции на фоне реальных процессов в умме Западной Сибири.....	136

Сальникова И.В. Метрические книги еврейского раввина города Каинска как источник по изучению еврейской общины (кон. XIX – нач. XX вв.).....	143
Завершинская Е.А. Шаманский миф в сюжете мифов Западной Сибири	150
Ольховская Ю.И. Жанровое своеобразие этнографических очерков о Сибири в творчестве М.М. Пришвина	155
Страхова С.И. О калмыках в Чулыме Новосибирской области	160
Чернобай Л.П. Демографические процессы и миграционное движение народов в Западной Сибири	170
Голодяев К.А. Народное творчество как основа формирования хоровых репертуаров	175
Турецкая (Лифшиц) Е.М. История в лицах. Четыре поколения моей семьи.....	184
Турецкий Г. Сибирские зарисовки или Лифшицы в Сибири.....	192
Добрынин М.Н. Составление родословных схем и родословных деревьев	198

МУЗЕЙНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Шагабутдинов Н.Х. Историческое поселение чатских татар д. Юрт-Ора (Умар Аил): прошлое, настоящее и будущее (историческая усадьба чатских татар, музей и память народа)	213
Апчелеева Г.И. Традиции, культура и быт сибирских татар на примере аула Бергуль Куйбышевского района Новосибирской области	219
Козлова И.В. «Откуда есть пошла земля» Каинская. Мошнинский след	223
Максимова Н.В. Тропа к духовным родникам.....	231
Терентьев Е.В. Население Кумышской инородческой управы на территории Болотнинского района Новосибирской области в статистических материалах рубежа XIX – XX вв.	238
Терентьев Е.В. Семейные предания рода Туралиных в краеведческих публикациях 2003–2019 гг.....	241
Подъява Т.В. Пасхальные традиции бергульцев	245
Емельянова Т.Б. Иконописный промысел в Сузуне.....	250
Емельянова Т.Б. Никольской ярмарки размах.....	255
Ивкина О.В. Традиционные занятия, ремесла народов Западной Сибири. Село Чумаково Куйбышевского района Новосибирской области	260
Якубова Е.В. Ремесла народов Западной Сибири с древнейших времен до XX в	265

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Файзрахманов Н.Т. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины	271
Кучукова Р.Х., Тимганова Т.М. Летопись аула Омь Куйбышевского района НСО	285
Орда Л.К. Из истории российских немцев Куйбышевского района Новосибирской области	290
Заика С.Н. Судьба казахов Чулымского района Новосибирской области в судьбе страны.....	304
Молчанов В.В. Население Чулымского района в 1992 – 2008 гг.....	311
Мироненко Т.В., Джунусова М.С. «Бесикке салу» – традиционный казахский обряд, связанный с рождением ребёнка.....	321
Украинцева А.А. Этническая культура удмуртов Новосибирской области на рубеже XX– XXI вв. (на примере моей семьи).....	324
Овчинников А.А. Формирование традиций материальной и духовной культуры сибирских крестьян (на примере Купинской волости)	329
Рыбалкин А.Г. Метрические книги Спасского собора г. Каинска	332
Лысенко Д.А. Из истории собирательской работы в селе Балман Куйбышевского района Новосибирской области	336
Бурдыко Т.С. Русские традиционные праздники в Западной Сибири (на примере села Балман Куйбышевского района).....	341
Анджан Н.В. Традиционная кухня русских крестьян в Западной Сибири в XIX в	347
Ноздренко Т.В. Духовные традиции народов Западной Сибири	353
Двирская Л.И. Воспитание народов Западной Сибири – обские угры (ханты) на основе семейных традиций.....	359
Федорцева П., Аверьянова А., Семенова А. Классицизм в архитектуре (на примере здания женской гимназии города Каинск)	363

Научное издание

**ЭТНОГРАФИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XVIII – XX ВВ.
И СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ**

**Материалы региональной научно-практической конференции
(г. Куйбышев Новосибирской области, 10 декабря 2019 г.)**

В авторской редакции
Верстка – *И. Т. Ильюк*

Подписано в печать 27.12.2021. Формат бумаги 60×84/16.
Печать цифровая. Уч.-изд. л. 20,3. Усл. п. л. 21,7. Тираж 300 экз.

Заказ №

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»
630126, Новосибирск, ул. Виллюйская, 28
Тел.: 8(383)244-06-62, www.rio.nspu.ru

9 785001 047414 >